

ISSN 2223-2982

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№6-3 2025 (июнь)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
В.Л. Степанов

Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 80015
В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Издатель:

Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10
Тел/факс: 8(495) 755-1913
E-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

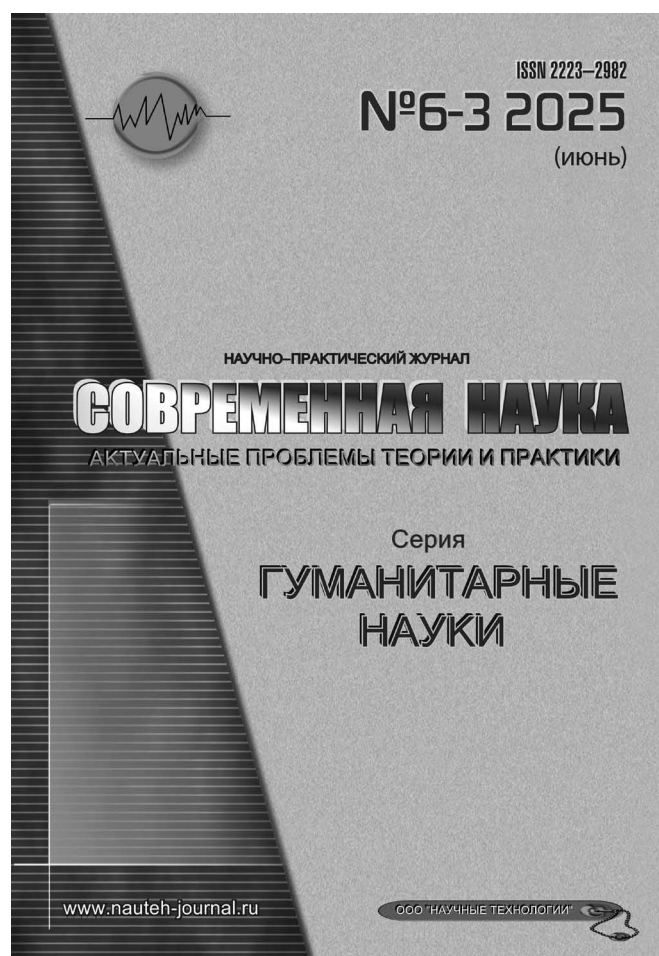
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44913 от 04.05.2011 г.

Серия: Гуманитарные науки №6-3 (июнь) 2025 г.

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(BAK – 5.6.x, 5.8.x, 5.9.x)

В НОМЕРЕ:

ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука:
Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии
ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296
Подписано в печать 16.06.2025 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Редакционный совет

Степанов Валерий Леонидович — д.и.н., профессор,
Институт экономики РАН, в.н.с.

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская
государственная академия ветеринарной медицины и
биотехнологии им. К.И. Скрябина

Акульшин Петр Владимирович — д.и.н., профессор,
Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина

Алиева Эльвира Низамиевна — д.филол.н., доцент,
независимый эксперт

Ватлин Александр Юрьевич — д.и.н., профессор, МГУ
им. М.В. Ломоносова

Воронина Галина Ивановна — д.п.н., профессор, Центр
Образования и Компетенций, Бремен (Германия)

Вяземский Евгений Евгеньевич — д.п.н., профессор,
Московский педагогический государственный университет

Герасименко Наталья Аркадьевна — д.филол.н.,
профессор, Московский государственный областной
университет

Евладова Елена Борисовна — д.п.н., Институт изучения
детства, семьи и воспитания Российской академии
образования (ИИДСВ РАО)

Какваева Сабрина Бастаминовна — д.филол.н., доцент,
Дагестанский государственный медицинский университет
Минздрава РФ

Котов Александр Эдуардович — д.и.н., доцент, Санкт-
Петербургский государственный университет

Лебедев Сергей Константинович — д.и.н., Санкт-
Петербургский институт истории РАН, в.н.с.

Лизунов Павел Владимирович — д.и.н., профессор,
Северный (Арктический) Федеральный университет им.
М.В. Ломоносова

Миньяр-Белоручева Алла Петровна — д.филол.н.,
профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Михайлова Мария Викторовна — д.филол.н.,
профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Осипова Нина Осиповна — д.филол.н., профессор,
Московский гуманитарный университет

Петрусинский Вячеслав Вячеславович — д.п.н.,
профессор, Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ

Печенёва Татьяна Анатольевна — д.п.н., Белорусский
государственный университет

Пушкарева Наталья Львовна — д.и.н., профессор,
Институт этнологии и антропологии РАН

Рыжов Алексей Николаевич — д.п.н., профессор,
Московский педагогический государственный университет

Савостьянов Александр Иванович — д.п.н., профессор,
Московский педагогический государственный университет

Сенявский Александр Спартакович — д.и.н., Институт
экономики РАН, г.н.с.

Сморчков Андрей Михайлович — д.и.н., профессор,
Российский государственный гуманитарный университет

Стрелова Ольга Юрьевна — д.п.н., профессор,
Хабаровский краевой институт развития образования

Тюпа Валерий Игоревич — д.филол.н., профессор,
Российский государственный гуманитарный университет

Ханбалаева Сабина Низамиевна — д.филол.н., МГИМО
МИД России, ст. преподаватель

Щедрина Нэлли Михайловна — д.филол.н., профессор,
Московский Государственный Областной Университет

Юдина Наталья Владимировна — д.филол.н., профессор,
Владимирский филиал Финансового университета при
Правительстве РФ

История

Бобринёв К.С. – Положение воронежского пролетариата между двумя революциями в 1917 году

Bobrinev K. – The situation of the Voronezh proletariat between the two revolutions in 1917 7

Дун Ян – Влияние буддизма на погребальные практики древних уйгуров

Dong Yang – The influence of Buddhism on the burial practices of the ancient Uighurs 12

Лебедев В.П. – Русский след в событиях Ихэтуаньского восстания в Китае

Lebedev V. – Russian involvement in the boxer rebellion in China 20

Лебедев В.П. – Японский период управления китайско-восточной железной дорогой с 1935 по 1945 год: предпосылки и влияние на дальневосточный регион

Lebedev V. – The Japanese period of management of the China eastern railway from 1935 to 1945: background and impact on the far eastern region 25

Лю Янь – Трансформация модернизации Китая: от советской модели к самостоятельному пути (1949–1978 гг.)

Liu Yan – Transformation of China's modernization: from the soviet model to an independent path (1949–1978) 30

Мусафиров М.К., Шебалин И.А., Вовк И.В. – Эвакуационный процесс в период Великой Отечественной войны и его значение для развития социальной сферы второй половины XX века (на материалах Чкаловской области)

Musafirov M., Shebalin I., Vovk I. – The evacuation process during the Great Patriotic War and its significance for the development of the social sphere in the second half of the 20th century (based on the materials of the Chkalov region) 34

Пташко Т.Г., Перебейнос А.Е., Трофимова Н.В.,

Павленко Е.Ф., Перебейнос З.А. – Экономическое образование рабочих на предприятиях Урала в середине XX века

Ptashko T., Perebeynos A., Trofimova N., Pavlenko E., Perebeynos Z. – Economic education of workers at Ural enterprises in the mid-20th century 37

Пхунтхасан Пхра Парон (Джаянандо Бхиккху) –

Высшие королевские постановления Кореи (IV–XIX вв.) как исторический источник государственной политики в отношении буддизма
Phunthasane Phra Paron (Jayānando Bhikkhu) – Korean High Royal Decrees (4th–19th Centuries) as a Historical Source on State Policy toward Buddhism 42

Пхунтхасан Пхра Парон (Джаянандо Бхиккху) –

Эволюция жанра «Высших королевских постановлений» как ключевого источника по истории буддизма Камбоджи
Phunthasane Phra Paron (Jayānando Bhikkhu) – The evolution of the genre of "High Royal Decrees" as a key source for the history of Buddhism in Cambodia 49

Педагогика

Воркина К.С., Кенешбекова Ш. – «Похвала» во фразеологии японского и русского языков как важный аспект изучения в рамках дисциплины «Проблемы лингвистической вежливости»

Vorkina K., Keneshbekova Sh. – "Praise" in phraseology of Japanese and Russian languages as an important aspect of study within the discipline "Problems of linguistic politeness" 57

Гелястанов Э.Х., Каурова Р.Б., Кумахова Д.Б.,

Ордокова Ф.М. – Профессиональная культура преподавателя высшей школы в современной образовательной парадигме

Gelyastanova E., Kairova R., Kumakhova D., Ordokova F. – Professional culture of a higher education teacher in a modern educational paradigm 61

Герасимова О.Ю., Расулов А.И., Савгачев В.В., Гончарова О.В., Шимараева Т.Н. – Цифровая геймификация в педагогическом вузе: поиск баланса между технологией и содержанием образования
Gerasimova O., Rasulov A., Savgachev V., Goncharova O., Shimaraeva T. – Digital gamification in teacher education: finding balance between technology and educational content 65

Иванова М.М. – Использование современных компьютерных технологий при формировании рецептивных навыков иностранного языка у учащихся высшей школы
Ivanova M. – Using modern computer technologies in developing receptive skills of a foreign language in students of higher education 70

Казаков Н.П. – Обеспечение адаптации сотрудников в государственных учреждениях в процессе организации системы наставничества
Kazakov N. – Ensuring adaptation of employees in public institutions in the process of organizing a mentoring system 77

Карелина И.Б., Соломатина Г.Н. – Современное состояние коррекционной педагогики: проблемы и перспективы
Karelina I., Solomatina G. – Current state of correctional pedagogy: problems and prospects 83

Каримова К.С. – Использование цифровых технологий для формирования иноязычной коммуникативной компетенции у студентов
Karimova K. – Using digital technologies to develop foreign language communicative competence in students 88

Копрева Л.Г., Данелян Г.В. – Специфика использования аутентичных материалов при подготовке обучающихся к всероссийской олимпиаде по иностранному языку

Kopreva L., Danelyan G. – Specifics of implementation of authentic materials in students' preparation for the army olympiad in foreign language 92

Лазарева А.С. – Современные подходы к корпоративному обучению иностранным языкам взрослых: обучение говорению на краткосрочных курсах
Lazareva A. – Modern approaches to corporate teaching of foreign languages to adults: learning to speak in short-term courses 100

Левицкая А.С., Харьковская О.А., Левицкий С.Н., Давыдова Н.Г., Жиборт Е.Л. – Динамика мотивации успеха и боязни неудач при обучении в медицинском вузе (на примере стоматологического факультета)
Levitskaya A., Kharkova O., Levitsky S., Davydova N., Zhibort E. – Dynamics of motivation for success and fear of failure when studying at a medical university (on the example of the dental faculty) 105

Мамедова Е.Ю. – Сравнение нарушений зрительно-пространственных представлений у слабослышащих младших школьников и школьников со слуховой депривацией и легкими интеллектуальными расстройствами
Mamedova E. – Comparison of visual-spatial disorders in hearing-impaired primary school children and schoolchildren with auditory deprivation and mild intellectual 112

Меркурьева Н.Ю., Магдеева А.Р. – Адаптация текста юридической тематики при работе с учащимися разных уровней высшего образования
Merkuryeva N., Magdeeva A. – Adaptation of a legal text when working with students at different levels of higher education 118

Михайлова О.П., Батурина Р.В., Плещёв И.Е., Бочкарева Т.С., Морозов Е.А. – Инновационные технологии в профориентации будущих педагогов
Mikhailova O., Baturina R., Pleshchev I., Bochkareva T., Morozov E. – Innovative technologies in career guidance of future teachers 123

Нерсисян К.А. – Разговорный клуб для изучающих русский язык как иностранный: цели, содержание и перспективы

Nersisian K. – Conversation club for learners of Russian as a foreign language: goals, content and perspectives128

Сабирзянова Г.Ш. – Факторы иноязычной подготовки студентов Китая

Sabirzyanova G. – Factors of foreign language training for Chinese students134

Сальникова О.Д., Борозинец Н.М., Кухлеева А.В. – Анализ понятия и статуса «инвалид боевых действий» в контексте реабилитации участников специальной военной операции

Salnikova O., Borozinets N., Kukhleeva A. – Analysis of the concept and status of "combat disabled" in the context of rehabilitation of participants in a special military operation137

Симонова Е.П., Юрченко Е.Д. – Научно-исследовательская деятельность обучающихся в вузе как один из компонентов обучения: проблемы и перспективы

Simonova E., Yurchenko E. – Student research activity in university as a component of education: challenges and perspectives141

Цао Илин – Модель формирования практических компетенций логистических кадров через университетско-предпринимательское сотрудничество и оценка ее эффективности

Cao Yilin – The model of formation of practical competencies of logistics personnel through university-entrepreneurial cooperation and evaluation of its effectiveness147

ФИЛОЛОГИЯ

Алиева С.А., Султанакмедова З.А. – Концепт «грех» в пословицах и поговорках русского и даргинского языков

Alieva S., Sultanakhmedova Z. – The concept of "sin" in proverbs and saying of the Russian and Darginian languages153

Бабошкина Л.В., Дыкусова Е.В. – Номинация торговых названий лекарственных средств

Baboshkina L., Dykusova E. – Nomination of trade names of medicinal products157

Винникова О.А. – Трудности перевода клишированных выражений с английского языка на русский в бизнес-тематике

Vinnikova O. – Difficulties in translating cliched expressions from English into Russian in business topics161

Го Тяньцзяо, Ван Сюэди – Лингводидактический аспект грамматики времени в русском и китайском языках

Guo Tianjiao, Wang Xuedi – The linguodidactic aspect of the grammar of time in Russian and Chinese ... 165

Гусева А.Е., Шимко Е.А., Вапник Н.А. –

Сопоставительный анализ этнокультурной репрезентации образа «жена сына» в паремиологии немецкого и русского языков
Guseva A., Shimko E., Vapnik N. – Comparative ethnocultural representation of the "wife of the son" image in paremiological units of German and Russian169

Игумнова Е.С., Агапова Г.Х. – Особенности работы с научным текстом на довузовском этапе подготовки иностранных слушателей в контексте современной образовательной среды

Igumnova E., Agarova G. – Features of working with scientific text at the pre-university stage of training foreign students in the context of the modern educational environment175

Качула А.А., Цатурян М.М. – Художественный текст как сфера функционирования концепта «love/любовь»

Kachula A., Tsaturyan M. – Literary text as a sphere of functioning of the concept "love/любовь"180

Ли Вэй – Категория китайского повседневного междометия как отдельного иероглифа на основе эмоциональной коммуникативной цели

Li Wei – The category of Chinese daily interjection as a separate hieroglyph based on emotional communicative purpose183

Сон Л.П., Шеховская Ю.А., Стрижкова О.В., Супрунов С.Е., Усов С.С. – Дискурсивные стратегии манипуляции в политических дебатах
Son L., Shekhovskaya Yu., Strizhkova O., Suprunov S., Usov S. – Discursive strategies of manipulation in political debates186

Тугушева Ф.А., Хамурзова А.Г., Лоова Э.С. – Семантические особенности темпоральной картины мира (на материале русского и французского языков)
Tugusheva F., Khamurzova A., Loova E. – Semantic features of the temporal picture of the world (based on the material of the russian and french languages).....191

Харлович К.М. – Динамика употребления мифологической лексики в текстах СМИ и «новых медиа» в период с 2020 по 2024 гг.
Kharlovich K. – Dynamics of the using of mythological vocabulary in media and new media texts in the period from 2020 to 2024195

Ширяева-Бакшевникова В.Н. – Нейросети и трансформация современного медиапространства
Shiryaeva-Bakshevnikova V. – Neural networks and the transformation of modern media space202

Информация

Наши авторы. Our Authors.208

Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале210

ПОЛОЖЕНИЕ ВОРОНЕЖСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА МЕЖДУ ДВУМЯ РЕВОЛЮЦИЯМИ В 1917 ГОДУ

Бобринёв Константин Станиславович

Соискатель, Воронежский государственный педагогический университет
konstantin.bobriniov@yandex.ru

THE SITUATION OF THE VORONEZH PROLETARIAT BETWEEN THE TWO REVOLUTIONS IN 1917

K. Bobrinev

Summary: The topic of the Voronezh proletariat in the period from February to October 1917 was touched upon both in Soviet and in modern historiography. Its relevance is indicated by understanding, against the background of the contradictory judgments in society, the causes of the crises of state power in 1917 and their consequences. The literature on this issue cannot be called exhaustive. The presented article aims to accumulate the results of previously published works and fill in the gaps of previous researchers. Based on archival sources, to reveal and clarify some points in the situation of the Voronezh proletariat in the period from February to October 1917. To complete the general idea of the processes that took place in Russia between the two revolutions. To draw our own conclusions, in particular, using the example of the situation of Voronezh workers, to point out the primary causes of the workers' protest movement, which became part of the totality of factors that led to the new revolution in October 1917. When studying the problem, both general and historical research methods were used. The previously unpublished archival documents of the Voronezh Region State Archive, as well as the memoirs of N.N. Rabichev, were used.

Keywords: Voronezh proletariat, February revolution, October Revolution, protest movement, strike, Otruzhenskiye workshops.

Аннотация: Тема воронежского пролетариата в период с февраля по октябрь 1917 г. затрагивалась как в советской, так и в современной историографии. Ее актуальность обозначена пониманием, на фоне противоречивости имеющихся место суждений в обществе, причин кризисов государственной власти в 1917 г. и их последствий. Литературу по данному вопросу нельзя назвать исчерпывающей. Представленная статья преследует цель аккумулировать результаты ранее опубликованных работ, заполнить пробелы предыдущих исследователей. На основе архивных источников раскрыть и уточнить некоторые моменты в положении воронежского пролетариата в период с февраля по октябрь 1917 года. Дополнить общее представление о происходивших процессах в России между двумя революциями. Сделать собственные выводы, в частности, на примере положения воронежских рабочих указать на первоочередные причины рабочего протестного движения, которые стали той частью совокупности факторов, приведших к новой революции в октябре 1917 года. При изучении поставленной проблемы использовались как общие, так и исторические методы исследования. Привлекались ранее неопубликованные архивные документы Государственного архива Воронежской области, а также воспоминания Н.Н. Рабичева.

Ключевые слова: воронежский пролетариат, Февральская революция, Октябрьская революция, протестное движение, забастовка, Остроуженские мастерские.

Введение

Февральская революция принесла в народные массы надежду на улучшение своего положения, на решение давно поставленных жизнью вопросов. Для крестьян это был вопрос о земле, разрешить который Временное правительство так и не взяло на себя ответственность. Солдаты надеялись на заключение мира, а так как армия состояла по большей части из крестьянства, первый вопрос также не мог не волновать их. Для пролетариев было важно расширить свои права, обеспечить себя социальными гарантиями, добиться повышения заработной платы, 8-ми часового рабочего дня и установить рабочий контроль на предприятиях, которые, по мере ухудшения экономической ситуации, стали закрываться по инициативе владельцев, увеличивая безработицу. Временное правительство оказалось неспособным адекватно ответить на потребности основной массы населения, если крестьяне постепенно пришли к «черному» переделу, солдаты отказывались

подчиняться приказам, в городах развернулось широкое протестное движение рабочих.

Материалы и методы исследований

В советский период первой работой, где изучению данной сферы уделяется достаточное внимание, стала небольшая книга И.П. Тарандина [1]. Ее ценность, прежде всего, в освещении протестных акций пролетариев в 1917 г. В определенной степени анализ носит политический окрас, однако приведено достаточное количество фактов, свидетельствующих о падении уровня жизни, роста политической активности и сопутствующем негативном отношении рабочих к Временному правительству.

Примерно в том же ключе, но более основательно, написан труд П.Н. Соболева [2], автором традиционно для советской историографии отмечена ведущая роль пролетариата в проведении Октябрьской революции в

губернии.

Большой интерес представляет доклад Е.Г. Шуляковского [3] в сборнике по материалам научной конференции «Великий Октябрь и социально-экономическое развитие Воронежской области», где автором рассматривается влияние большевиков на пролетариат губернии. В следующем докладе того же сборника А.В. Чубров в части диссертационного исследования дает представление о промышленных предприятиях г. Воронежа накануне Октябрьской революции [4].

Что касается современной историографии, то о политических настроениях и отчасти политической активности воронежского пролетариата пишет Е.Ю. Назаренко [5]. Историк отмечает, что большевики до Корниловского мятежа не обладали большим влиянием на рабочие массы, уступая в этом эсерам, в то же время сами рабочие не демонстрировали четкой политической позиции. В другой статье Назаренко пишет о формировании воронежских рабочих дружин в рамках подготовки Октябрьского восстания [6].

Воронежским рабочим дружинам в отдельности посвящено две статьи – Е.А. Зверкова [7] и Н.А. Зайца [8]. Также некоторое внимание рабочему движению уделяет Н.А. Заяц и в своем диссертационном исследовании [9].

Таким образом, анализ существующей историографии оставляет перспективу дальнейшего исследования.

В основу исследования положены микроисторический, статистический методы, а также метод синхронизации. Микроисторический подход обусловлен узкими географическими рамками, а именно территорией г. Воронежа. Статистический метод применим в плане отслеживания увеличения безработицы среди воронежского пролетариата. Метод синхронизации применяется ввиду невозможности объективного исследования вне контекста происходящих в стране процессов и событий, например, мятежа генерала Л.Г. Корнилова.

Результаты и их обсуждение

Вопреки ожиданиям рабочих свершение монархии не только не улучшило, но и ухудшило их материальное положение. С одной стороны права пролетариата были расширены, однако несоразмерно их требованиям. С другой – продовольственный кризис продолжался, заработная плата не поспевала за инфляцией, а некоторые предприятия, под видом нерентабельности, стали закрываться, вызывая рост безработицы.

К началу Февральской революции численность рабочего класса только в г. Воронеже, согласно разным оценкам, составляла 10–12 тыс. человек или около 10 %

от 123-тысячного населения города [5, с. 113]. В нём располагались основные крупные предприятия, в первую очередь – паровозо-вагоноремонтные железнодорожные мастерские, механический завод «Столля и Ко» (Н.Н. Рабичев в своих воспоминаниях характеризует его до определенного момента, как колеблющимся в деле революции, по причине влияния меньшевиков [10, с. 19]), производящий плуги, оборудование для маслосеяльной, мукомольной, сахарной и других отраслей промышленности, также на его мощностях осуществляли сборку американских и германских моделей сельскохозяйственной техники. Следом можно выделить чугунолитейный завод «Товарищества Бухонов и Гаусман», на котором, как видно из названия, выплавляли чугун, и кроме того, ремонтировали сельскохозяйственный инвентарь, изготавливали печную арматуру и т.д. Механический завод Веретенникова и Ко», выпускал оборудование для сельского хозяйства, выполнял заказы в рамках железнодорожного транспорта. Функционировал, эвакуированный из Прибалтики механический завод Рихард Поле (в нём большевики занимали тотально доминирующее положение [10, с. 19]). Работал недавно построенный кабельный завод. Еще более широко были представлены предприятия пищевой промышленности: две кондитерские и одна махорочная фабрики, три крупных пекарных предприятия, спиртоводочный, дрожжевой заводы и пр. [4, с. 39].

Революционные события вызвали всплеск политической активности пролетариата. На предприятиях города рабочие объединялись в различные комитеты, ранее беспартийные стали примыкать к ведущим партиям (прежде всего большевикам, меньшевикам и эсерам), в городе для поддержания правопорядка в поддержку недавно образованной милиции, формировались боевые рабочие дружины. Здесь сразу стоит отметить, что с марта 1917 г. существовала воронежская общегородская боевая рабочая дружина [6, с. 705], созданная социал-демократом И.В. Шауровым [7, с. 109] вместе с членами городского исполнительного комитета. Позже, при крупных заводах, были созданы подобные боевые рабочие дружины (в части историографии допускается термин «отряды»), по большей части для борьбы с Корниловским мятежом. К Октябрю 1917 г., по крайней мере, большинство из них выступают в качестве боевых подразделений большевиков и левых эсеров.

Учитывая неудовлетворенность требований, слабость и неорганизованность новой власти протестное движение воронежского пролетариата проявило себя уже в марте 1917 г., когда рабочие механических заводов «Рихард Поле» и «Столля и Ко» потребовали от руководства увеличения заработной платы и введения 8-ми часового рабочего дня. На что получили отказ. В апреле забастовали воронежские мастерские, требуя изменения порядка оплаты от количества изготовленной продукции к окладу, а также 8-ми часового рабочего дня. 1

мая в Воронеже проходит демонстрация под лозунгом «Да здравствует международный мир». 18 мая Отроженские мастерские выступили против «Заёма Свободы» (государственный заём, проведённый Временным правительством России 27 марта (9 апреля) 1917 года в целях финансирования расходов, связанных с Первой мировой войной), в ответ предложив принять прогрессивный налог на «капиталистов». Апогеем весенних протестных акций стала демонстрация 21 мая из 2 000 человек, которая вынесла вотум недоверия Временному правительству и потребовала предать власть в руки Советов [1, с. 18 – 19].

Что касается роста безработицы, – сославшись на отсутствие средств Правление товарищества «Столь и Ко» приняло решение закрыть трубочный завод, на котором трудилось по разным оценкам 2,5 – 3 тысячи рабочих. Власти Воронежа попытались воспрепятствовать этому решению, в т.ч. направив письмо в Министерство внутренних дел, но все попытки оказались тщетны [11]. Оказать давление на правление компании и заработать «политические очки» также попытались большевики. 25 июня под их предводительством прошла демонстрация протеста против закрытия Трубочного завода под лозунгами: «Долой контрреволюцию!», «Долой десять министров капиталистов!», «Вся власть Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов!», «Долой анархию в промышленности и локаутчиков-капиталистов!», «Да здравствует контроль и организация производства и распределения!», «Хлеба, мира и свободы!» и т.д. Похожие митинги прошли в эти дни в Новохоперске, Острогожске и других городах губернии [3, с. 23]. Мирная акция воронежского пролетариата и старания администрации г. Воронежа эффекта не возымели, «на улице» оказалось, по информации Н.А. Зайца, – 2,5 тыс. рабочих [9, с. 228]. Вдобавок к лишению средств существования, уволенные теряли «бронь» и могли быть мобилизованы в действующую армию, отсрочка от призыва предоставлялась от 2 до 4 недель, и то, пролетариям обладающим квалификацией [12]. Учитывая непопулярность войны, подобная перспектива мало привлекала вчерашних тружеников тыла. В итоге закрытие завода вызвало беспорядки [11]. Среди причин прекращения его работы Воронежский исполнительный комитет «Общественного спокойствия», – организации, явно противопоставляющей себя большевикам, указывает на «кризис между правлением компании «Столь и Ко» и дирекцией завода с одной стороны, и рабочими с другой» [13].

Выступление генерала Корнилова 25 августа 1917 г. стало еще одним тревожным звонком в адрес Временного правительства, хотя уместнее было сказать «пожарным сигналом». В отражении военного переворота не малая заслуга принадлежала оппозиционным большевикам. В это время во многих городах при действенном участии членов РСДРП (б) создаются Революционные

комитеты, боевые рабочие дружины и отряды Красной гвардии. В Воронежской губернии Распорядительный революционный комитет начинает действовать в самом Воронеже, а также Ревкомы создаются в Боброве, Острогожске и ряде других уездных центров [3, с. 25]. С подавлением восстания Ревкомы расформируются.

В начале сентября в Воронеже число безработных рабочих доходит до 4 000 человек [1, с. 23], т.е. примерно каждый третий лишился постоянного заработка, а к концу сентября по всей губернии разрастаются стачки пролетариев. 24 сентября в полночь забастовали рабочие по всей линии Юго-восточных железных дорог и труженики железнодорожных мастерских [2, с. 85].

К октябрю 1917 г. промышленная и продовольственная разруха, как и во всей стране, приобрела угрожающие размеры. Число безработных, вынужденных жить за счет кружечных сборов, т.е. на подаяние, с каждым днем увеличивалось. А продолжавшие трудовую деятельность получали мизерную зарплату, жить на которую было в крайней степени затруднительно. «Просим улучшить наш быт, – писала группа рабочих в Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, – т.к. мы получаем от 1 рубля до 1 рубля 25 копеек в день, а за эту плату прожить невозможно». Под угрозой закрытия оказался ряд других предприятий Воронежа: завод «Рихард Поле» и другие предприятия товарищества «Столь и Ко». Владельцы большинства паровых мельниц губернии приостановили работу, объясняя низкой платой за размол. Одним из выходов из создавшегося положения рабочие видели в установлении рабочего контроля над деятельностью предприятий. С этими просьбами они неоднократно обращались в губернский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, но получали отказ.

Сугубо негативную ситуацию усугублял тот факт, что, несмотря на статус хлебопроизводящей губернии, которая располагала излишками хлеба более 3 миллионов пудов, в городах стал ощущаться недостаток продовольствия. Наряды из месяца в месяц губернии не выполнялись. Крестьяне под различными предлогами отказывались сдавать хлеб государству. Если в мае хлебные наряды были выполнены на 60 %, то в июне – лишь на 40%, а в июле – на 10 %, в августе цифра немного выросла за счет сдачи хлеба помещиками – до 17%, что составило даже не пятую часть плана. Поэтому в городах губернии начались большие перебои с хлебом. Около хлебных ларьков образовывались огромные очереди. И местной власти приходилось прибегать к вооруженной силе для рассеивания скопления людей [2, с. 84 – 85].

Учитывая революционные события и падение уровня жизни, естественным их спутником, стал рост бандитизма в г. Воронеже, о чем свидетельствует обращение железнодорожников Горисполком Совета с просьбой

принятия мер [14]. Не добавляло спокойствия и наличие большого числа беженцев, в частности, латышей [15]. В условиях продовольственного кризиса и безработицы, они были особенно подвержены революционным и криминальным настроениям. В селе же, при существующем малоземелье, крестьянская община относилась к чужакам враждебно и не желала брать на попечение еще одни рты, тем более наделять их участками. В конце усугубляло положение определенная управленческая анархия. После победы Февральской революции по всей стране и в Воронежской губернии в частности, власть представляли разного рода комитеты и общества, земства, Советы, управы, собрания представителей той или иной структуры и пр.

2 октября к забастовке рабочих присоединились служащие Городского самоуправления [16]. 09 октября протесты поддерживали работники и работницы шляпных мастерских и магазинов Воронежа [17]. 21 октября остановили работу пролетарии заводов Военно-промышленного комитета; вслед за ними объявили забастовку рабочие типографий города. Стачка перерастала в общегородскую и расширялась на предприятия всей губернии [2, с. 85]. Ситуация накалялась, Исполком Воронежского Совета был вынужден пойти на создание специального органа по борьбе с «беспорядками и погромами», – Воронежского Революционного Комитета по охране города [18] (не тождественного большевистским

Ревкомам). До нового крутого витка российской истории оставалось немного времени.

Заключение

Февральская революция предоставила рабочим широкие возможности в плане самоорганизации и в выражении своих политических запросов, открыла эвентуальность вхождения в органы власти, прежде всего посредством Советов. И в то же время в экономическом плане в рамках общегосударственного кризиса положение пролетариата ухудшалось. Также нельзя забывать, что война и революция, в купе со слабостью властей, серьезно повысили градус насилия в обществе, при достаточной степени безнаказанности за свои действия. При этом политическая активность пролетариата возросла многократно, что также характерно во время проходящих в стране и обществе коренных перемен. На этом фоне утверждать, что большевики были главным катализатором рабочего движения, будет искажением фактов. На момент первых забастовок численность членов РСДРП (б) в г. Воронеже составляла всего 50 [19, с. 64] – 60 [3, с. 21] человек. Здесь более верно говорить, что лозунги большевиков легли на «благодатную почву», при постепенной дискредитации Временного правительства. Поэтому, многочисленные протестные выступления воронежского пролетариата, прежде всего, исходили из стремительно усугубляющейся экономической ситуации, которая вылилась в очередную революцию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тарандин И.П. Октябрьская революция и гражданская война в Воронежской губернии. – Воронеж: Истпарт, Отд. Воронеж. губкома ВКП(б) по изучению истории Окт. революции и ВКП(б), 1927. – 94 с.
2. Соболев П.Н. Подготовка социалистической революции и установление Советской власти в Воронежской губернии. – Воронеж: Воронежское Книжное Издательство, 1955. – 148 с.
3. Шуляковский Е.Г. Воронежские большевики в борьбе за победу Октября и упрочнение Советской власти // Великий Октябрь и социально – экономическое развитие Воронежской области (Материалы областной юбилейной конференции 7 – 8 декабря 1967 г.) – Воронеж: Издательство «Коммуна», 1968. – С. 16 – 38.
4. Чубров А.В. Развитие промышленности Воронежской области за 50 лет // Великий Октябрь и социально – экономическое развитие Воронежской области (Материалы областной юбилейной конференции 7 – 8 декабря 1967 г.) – Воронеж: Издательство «Коммуна», 1968. – С. 38 – 64.
5. Назаренко Е.Ю. Рабочий класс в политической жизни Воронежа весной – летом 1917 года // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2023. № 3 – С. 113 – 116.
6. Назаренко Е.Ю. Начало подготовки к большевистскому восстанию: деятельность солдат и рабочих города Воронежа в период после корниловского выступления // Via in tempore. История. Политология. 2024. №3. – С. 700 – 707.
7. Зверков Е.А. Рабочие дружины в Воронеже: к столетию образования // Известия ВГПУ, № 1(278), 2018. – С. 108 – 111.
8. Заяц Н.А. История Воронежской боевой рабочей дружины в 1917-1918 гг. / Н.А. Заяц // Русский сборник: Исследования по истории России XIX-XX вв. Т. XXVIII: Гражданская война и интервенция в России, 2020. – С. 7 – 44.
9. Заяц Н.А. Кризис государственного управления и организация новых властных структур Воронежской губернии в 1914-1918 гг. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2017. – 404 с.
10. Рабичев Н.Н. Октябрьские дни в Воронеже. – Воронеж: изд. и тип. кн-ва "Коммуна", 1934. – 76 с.
11. ГАРС. Ф. 2393, Оп. 1. Ед. хр. 1. Д. 1. Л. 89.
12. ГАРС. Ф. 2393, Оп. 1. Ед. хр. 10. Д. 10. Л. 290.
13. ГАРС. Ф. 2393, Оп. 1. Ед. хр. 1. Д. 1. Л. 90.

-
14. ГАРС. Ф. 2393, Оп. 1. Ед. хр. 1. Д. 1. Л. 17.
 15. ГАРС. Ф. 2393, Оп. 1. Ед. хр. 1. Д. 1. Л. 20.
 16. ГАРС. Ф. 2393, Оп. 1. Ед. хр. 3. Д. 3. Л. 125.
 17. ГАРС. Ф. 2393, Оп. 1. Ед. хр. 3. Д. 3. Л. 128 об.
 18. ГАРС. Ф. 2393, Оп. 1. Ед. хр. 3. Д. 3. Л. 131.
 19. Зверков Е.А. Октябрьская социалистическая революция в Воронеже и большевики // Вестник Воронежского Государственного Университета. серия: история. политология. Социология. — № 3. — 2016. — С. 60 — 66.
-

© Бобринёв Константин Станиславович (konstantin.bobriniov@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЛИЯНИЕ БУДДИЗМА НА ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ДРЕВНИХ УЙГУРОВ

Дун Ян

аспирант, Белорусский
государственный университет (Минск)
1553109398@qq.com

THE INFLUENCE OF BUDDHISM ON THE BURIAL PRACTICES OF THE ANCIENT UIGHURS

Dong Yang

Summary: The article examines the influence of Buddhism on the funeral practices of the ancient Uighurs. The article analyzes changes in rituals, types of burials and the use of funeral equipment under the influence of Buddhist ideas about death and the afterlife. Based on archaeological finds and written sources, the characteristic features of the syncretism of Buddhism and the traditional beliefs of the Uighurs have been identified. The study shows that Buddhist ideas of rebirth and karma contributed to the adaptation and change of local funeral customs.

Keywords: Uighurs, Buddhism, funeral practices, afterlife, cremation, archeology, religious syncretism, medieval rituals, ancestral cult.

Аннотация: В статье рассматривается влияние буддизма на погребальные практики древних уйгуров. Анализируются изменения в ритуалах, типах захоронений и использовании погребального инвентаря под воздействием буддийских представлений о смерти и загробной жизни. На основе археологических находок и письменных источников выявлены характерные черты синкретизма буддизма и традиционных верований уйгуров. Исследование показывает, что буддийские идеи перерождения и кармы способствовали адаптации и изменению местных погребальных обычаев.

Ключевые слова: уйгуры, буддизм, погребальные практики, загробная жизнь, кремация, археология, религиозный синкретизм, средневековые обряды, культ предков.

Изучение влияния буддизма на погребальные практики древних уйгуров представляет собой актуальную и перспективную тему в контексте культурной и исторической науки. Уйгурский каганат, существовавший в VIII—IX веках, был одним из наиболее значимых государств в Центральной Азии, где буддизм играл важную роль в формировании духовной и культурной жизни. Археологические находки в уйгурских городах, такие как Байбалык, свидетельствуют о наличии буддийских храмов и манихейских святынь, что указывает на сложную религиозную структуру и способность уйгуров интегрировать различные верования в единую систему.

Буддизм, распространившийся в регионе благодаря контактам с Китаем и Тибетом, оказал существенное влияние на погребальные обряды, включая кремацию и использование специальных ритуальных объектов, таких как глиняные пирамидки ца-ца, символизирующие объединение тела покойного с телом дхьяни будд. Анализ этих практик может дать ценную информацию о культурных процессах, которые сформировали современный облик Евразии.

Целью данной статьи является исследование влияния буддизма на погребальные практики древних уйгуров, с акцентом на культурных и религиозных аспектах, которые формировали эти обряды.

Уйгурский каганат, существовавший в VIII—IX веках, был одним из ключевых государств, где буддизм оказал

значительное влияние на различные аспекты жизни, включая погребальные обряды.

Уйгуры, как и другие тюркские народы, изначально придерживались тенгрианства, но под влиянием буддизма и других религий, таких как манихейство, их культура стала более разнообразной.

Буддийские традиции влияют на обряды, учитывая общее распространение буддизма в регионе. В Центральной Азии буддизм часто сочетался с местными традициями, что могло отражаться в погребальных обрядах. Например, в Золотой Орде буддизм также влиял на культурные практики, включая погребальные обряды [1].

Буддизм среди древних уйгуров сыграл значительную роль в культурном и духовном развитии этого народа, особенно после их миграции из Северной Монголии в Восточный Туркестан в IX веке.

В VIII—IX веках Уйгурский каганат был мощной державой в Центральной Азии. Хотя в 763 году манихейство было принято в качестве государственной религии, буддизм продолжал сохранять свое влияние среди уйгуров. После падения Уйгурского каганата уйгуры мигрировали в Восточный Туркестан, где они приняли буддизм, смешивая его с местными традициями. В регионе Турфана, где до этого преобладал буддизм, уйгуры переводили буддийские тексты с тохарского и китайского языков, что способствовало распространению буддизма среди

тюрко-монгольских народов.

Уйгуры приняли разные формы буддизма, которые были подвержены влиянию различных культурных традиций. В Турфане и Куче они приняли тохарийско-согдийско-ханьскую форму буддизма, в долине реки Чу — западно-тюркско-согдийскую, а в Кашгаре — кашгарскую. Буддизм стал неотъемлемой частью уйгурской культуры, особенно в царстве Кочо, которое включало большую часть современного Синьцзяна. Уйгуры переводили буддийские тексты на свой язык с санскритских, согдийских, тохарских, китайских и тибетских источников, что способствовало распространению буддизма среди других тюркских народов.

Уйгуры, как и другие тюркские народы, часто смешивали буддизм с местными традициями, включая шаманизм и манихейство. Хотя манихейство было официальной религией Уйгурского каганата, буддизм продолжал сохранять свое влияние, особенно среди простого народа и воинов. Уйгурские манихейские тексты содержали буддийские элементы, что свидетельствует о синкретизме религиозных традиций в этом регионе. Позднее, в XIII веке, уйгуры приняли тибетскую форму буддизма, которая стала доминирующей в регионе. Этот синкретизм позволил буддизму глубоко укорениться в уйгурской культуре, несмотря на последующее распространение ислама в регионе.

В своей работе Ло Эрлин исследует влияние буддизма на погребальные практики древних уйгуров. Автор отмечает, что с распространением буддийского учения среди уйгурского населения произошли значительные

изменения в традиционных обрядах, связанных с захоронением. В отличие от ранних кочевых погребальных практик, характерных для тюркских народов, под влиянием буддизма стали широко применяться кремация и ритуалы, соответствующие буддийским представлениям о загробной жизни [4].

Ло Эрлин указывает, что важным элементом буддизации погребальных обрядов стало появление буддийских символов в местах захоронений. В ходе археологических исследований были обнаружены погребальные предметы с буддийской символикой, статуэтки Будды, а также надписи на уйгурском языке, содержащие буддийские тексты. Это свидетельствует о тесной связи между религиозными верованиями и похоронными традициями.

Кроме того, автор подчеркивает, что буддийские монастыри и храмы иногда использовались в качестве мест захоронений. В связи с этим особую роль приобрели ступы – буддийские ритуальные памятники, предназначенные для хранения праха умерших. Их распространение среди уйгуров также подтверждает изменение погребальной культуры под влиянием буддийских представлений о перерождении и карме.

Ло Эрлин отмечает, что буддийское учение о перерождении оказало значительное влияние на представления уйгуров о смерти. В наскальных надписях и текстах, найденных в древних уйгурских буддийских памятниках, часто встречаются идеи о цикле рождения и смерти (сансаре), что свидетельствует о трансформации традиционных верований под воздействием новой ре-

Рис. 1. Образ поклоняющихся людей

Рис. 2. Фрагмент настенной росписи, иллюстрирующей буддийскую сутру «Золотого сияния»

Рис. 3. Кара-Ходжа

лигии.

Таким образом, как подчеркивает Ло Эрлин, буддизм существенно изменил погребальные обряды древних уйгуров, приведя их в соответствие с буддийской концепцией загробного существования, что отразилось в ритуалах, архитектуре захоронений и религиозных тек-

стах того периода.

Традиционные погребальные обряды уйгуров до принятия буддизма были подвержены влиянию различных культурных и религиозных традиций, включая шаманские и тенгрианские представления.

На рисунке 1 представлена буддийская настенная роспись из пещерного храма, найденного в регионе, где проживали древние уйгуры. Изображены фигуры людей, облаченных в традиционные монашеские одеяния, с жестом молитвы (анджали-мудра). Подобные сцены часто встречаются в буддийских храмовых комплексах и могут отражать важные элементы ритуальной жизни, включая почитание усопших.

Подобные изображения могли служить частью ритуалов поминовения умерших. В буддизме распространена традиция приносить дары в монастыри и молиться за души усопших, что стало важной частью погребальной культуры уйгуров.

Вера в перерождение и возможность освобождения души через благие дела (включая подношения и монашеские молитвы) могла влиять на уйгурские похоронные обряды.

Изображенные фигуры могут представлять буддийских монахов, выполнявших погребальные церемонии, молившихся за усопших и проповедовавших концепцию кармы и перерождения.

Рисунок 2 представляет собой фрагмент настенной росписи, иллюстрирующей буддийскую сутру «Золотого сияния». Несмотря на повреждения, можно различить отдельные сцены, включающие буддийских персонажей и символические изображения.

Сутра «Золотого сияния» рассматривает темы защиты души после смерти и духовного воздаяния. Она часто использовалась в поминальных ритуалах, так как считалось, что чтение этой сутры помогает умершему достичь лучшего перерождения.

В тексте сутры говорится о покровительстве божественных сил, защищающих верующих, в том числе после смерти. Уйгуры, исповедовавшие буддизм, могли применять данное учение в погребальных практиках, надеясь на защиту души умершего.

На фреске можно увидеть фрагменты сцен, которые могли изображать последствия хороших и плохих поступков, что напрямую связано с верой в кармическое воздаяние. Это могло влиять на представления уйгуров о жизни после смерти и способах облегчения участи усопших.

В тенгрианстве, древнейшей монотеистической вере кочевых скифов-тюрков, смерть не воспринималась как конец жизни, а как естественное продолжение в другом существовании. Булгары, кыпчаки и узы (огузы) верили, что благополучие в загробном мире определялось правильным исполнением обрядов захоронения, которые проводились под руководством священнослужителей.

Дух умершего, или «аруак», мог возвращаться к живым на определенные дни, и если все обряды были выполнены правильно, он покровительствовал роду.

Шаманы, хотя и не были служителями Тенгри, играли важную роль в обществе кочевников, обладая дарами врачевания и предсказания. Однако их роль в погребальных обрядах не была прямой.

Захоронения у кочевых тюркских народов часто проводились на возвышенностях, где устанавливались каменные памятники «абатас» и «балбалы», символизирующие покойника и его близких. Эти курганы служили не только местом захоронения, но и храмами для молитв Тенгри, когда племя находилось далеко от традиционных храмов.

Култ предков был глубоко почитаем у тюркских народов, включая булгар, кыпчаков и узы (огузов). Предки считались источником энергии для души, и их духи могли оказывать постоянную защиту и помощь своим сородичам. Это отношение к предкам было универсальным среди древних народов, где покойники одновременно почитались и боялись [3].

Буддийские новации в погребальных практиках уйгуров включали в себя несколько ключевых аспектов, которые существенно повлияли на их культуру и традиции.

Буддизм, который распространился среди уйгуров благодаря контактам с Китаем и Тибетом, принёс новые представления о смерти и загробном мире. В буддизме смерть рассматривается как переход к новому перерождению, и практики направлены на достижение освобождения от цикла перерождений. Уйгуры, интегрируя буддизм в свою культуру, начали использовать его как инструмент консолидации власти и международной политики. Это привело к изменениям в их погребальных ритуалах, где начали использоваться буддийские элементы, такие как чтение сутр и использование ритуальных надписей.

Хотя кремация является распространённой практикой в буддизме, уйгуры также использовали ингумацию. В кимакских некрополях, которые находились под влиянием уйгуров, кремация и ингумация сосуществовали, что указывает на сложный синтез традиций.

Уйгуры построили буддийские храмы и монастыри, которые стали важными центрами духовной жизни. В городах, таких как Байбалык, были найдены буддийские храмы, что подтверждает значительное влияние буддизма на уйгурскую культуру. Ступы и храмы использовались не только для религиозных целей, но и как места захоронений или памятные сооружения. Эти архитектурные комплексы отражали культурную и религиозную интеграцию уйгуров в евразийскую систему.

Рис. 4. Безекликские пещеры

Рис. 5. Гаочанские могилы

Среди наиболее известных буддийских памятников, связанных с уйгурами, можно выделить Безекликские пещеры, где сохранились фрески с изображением буддийских сцен, а также храмовый комплекс в Гаочане. Важными археологическими памятниками являются уйгурские могильники Кара-Ходжа и буддийские пещеры Кизил, отражающие влияние буддизма на погребальные традиции.

Кара-Ходжа (рисунок 3) представляет собой древнее

уйгурское кладбище, расположенное вблизи Турфана. Этот некрополь является важным археологическим объектом, отражающим синтез буддийских и традиционных погребальных практик уйгуров. Здесь обнаружены захоронения, выполненные как в традиционном стиле, так и с элементами буддийской символики. Наличие погребального инвентаря, включающего статуэтки Будды и надписи на уйгурском языке, свидетельствует о значительном влиянии буддизма на представления о загробной жизни [5].

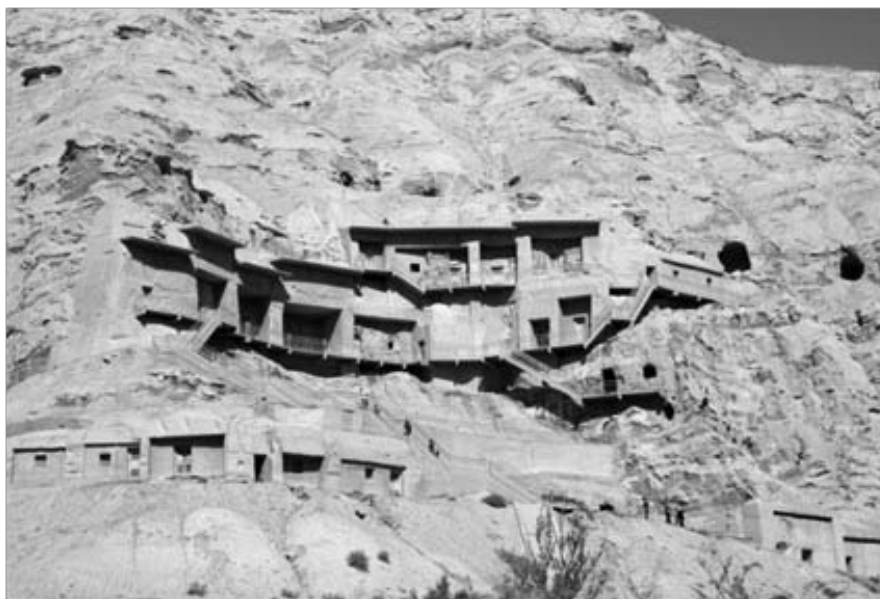

Рис. 6. Пещеры Кизил

Рис. 7. Руины храмов Субаши

Комплекс Бээклик (рисунок 4) включает как захоронения, так и пещерные храмы. Это место знаменито своими буддийскими росписями и архитектурными элементами, которые использовались как для религиозных ритуалов, так и для погребений. Пещеры служили не только местом поклонения, но и хранилищем праха умерших, что подчеркивает важность буддийских представлений о перерождении в культуре уйгуров.

Бээклик — это буддийский пещерный комплекс, известный своими фресками, изображающими сцены из жизни Будды и сюжеты из сутр. Храм служил не только местом поклонения, но и выполнял мемориальную

функцию. Здесь проводились ритуалы поминовения усопших, а изображения на стенах отражали буддийские представления о карме и перерождении [6].

Гаочанские могилы (рисунок 5) расположены в районе древнего города Гаочан. Этот некрополь демонстрирует разнообразие погребальных практик: от традиционных тенгрианских захоронений до кремации, характерной для буддизма. Археологические находки включают ступы и другие буддийские ритуальные сооружения, что подтверждает влияние буддизма на формирование погребальной культуры региона.

Таблица 1.

Сравнительный анализ традиционных и буддийских погребальных практик у древних уйгуров.

Практика	Традиционные (тенгрианство/шаманизм)	Буддийские
Тип захоронения	Захоронение с конями и животными	Кремация или захоронение в буддийских некрополях
Ритуалы	Связаны с природой и духовным миром	Церемонии, связанные с достижением просветления
Архитектура	Нет специальных буддийских сооружений	Буддийские храмы и монастыри

Пещеры Кизил (рисунок 6) — один из старейших буддийских монастырей уйгурского периода. Они знамениты своими ранними фресками и архитектурой, которые повлияли на развитие буддизма в Центральной Азии. В пещерах также находили захоронения и ритуальные предметы с буддийской символикой, что свидетельствует о тесной связи между религиозной жизнью и погребальными обрядами [7].

Руины храмов Субаши (рисунок 7) расположены недалеко от Турфана. Этот монастырский комплекс был важным центром буддийской культуры региона. Здесь обнаружены остатки ступ и других ритуальных сооружений, которые использовались для хранения праха умерших. Храмы Субаши иллюстрируют синкретизм буддизма с местными традициями, включая использование храмов в качестве мест захоронений [8].

Эти объекты демонстрируют уникальное сочетание религиозных и погребальных традиций древних уйгуров под влиянием буддизма.

В буддизме используются различные тексты, такие как сутры и молитвы, для ритуальных целей. Уйгуры, приняв буддизм, могли использовать эти тексты в своих погребальных обрядах. На каменных стелах и ритуальных сооружениях уйгуров сохранились надписи на древнеуйгурском, китайском и согдийском языках, что указывает на уровень культурной интеграции и использование письменных источников в ритуалах. Эти надписи могли включать буддийские молитвы и ритуальные тексты, используемые в погребальных церемониях.

Сравнительный анализ уйгурских погребений до и после распространения буддизма позволяет глубже понять культурные и религиозные трансформации, которые произошли в Уйгурском каганате и его последующем влиянии на Восточный Туркестан.

Археологические исследования в Монголии, Туве и Забайкалье показывают, что уйгуры создали разветвленную систему укрепленных поселений, которые включали не только военные опорные пункты, но и центры ремесла, торговли и религиозной жизни. Распространение буддизма среди уйгуров привело к появлению буддийских храмов и монастырей, что отражалось в архитектуре и погребальных ритуалах. В Восточном Туркестане, где уйгуры поселились после падения каганата, буддизм стал одной из доминирующих религий, и археологами

были обнаружены богатые буддийские литературные и художественные памятники, такие как фрески в пещерах Безеклика.

До распространения буддизма уйгуры, как и другие тюркские народы, практиковали тенгрианство и шаманизм, что отражалось в их погребальных ритуалах. Традиционные погребения часто включали захоронение с конями и другими животными, символизирующими связь с природой и духовным миром. С приходом буддизма погребальные практики начали меняться: стали более распространенными кремации и захоронения в специальных буддийских некрополях, что было характерно для буддийских традиций.

Несмотря на распространение буддизма, элементы шаманизма и тенгрианства продолжали существовать в уйгурской культуре. Уйгуры сумели интегрировать разные религии в единую государственную систему, используя их как средство укрепления власти. В Восточном Туркестане манихейство и буддизм сосуществовали с традиционными верованиями, хотя манихейство постепенно теряло позиции. Это свидетельствует о том, что уйгуры успешно адаптировали новые религиозные практики, сохраняя при этом элементы своих традиционных верований.

В целом, сравнительный анализ уйгурских погребений до и после распространения буддизма показывает значительные культурные и религиозные изменения, которые произошли под влиянием буддизма, но также демонстрирует сохранение и трансформацию традиционных элементов в новом контексте.

Таким образом, буддизм оказал значительное влияние на погребальные практики древних уйгуров, что проявилось в изменении обрядов, связанных с представлениями о загробной жизни, организации захоронений и символике погребального инвентаря. Влияние буддийской концепции перерождения способствовало трансформации традиционных обычаев, в том числе появлению кремации наряду с традиционными способами погребения. Археологические данные и письменные источники подтверждают синтез буддийских и местных религиозных традиций, что способствовало формированию уникального погребального обряда уйгуров периода Средневековья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Костюков В.П. Буддизм в культуре Золотой Орды //Тюркологический сборник. – 2009. – Т. 2007. – С. 189-236.
2. Могильников В.А. Сроггинская культура. Кн. 2: Верхнее Прииртышье приалтайские степи на рубеже I–II тысячелетий / В.А. Могильников; отв. ред. А.Г. Ситдинов, А.А. Адамов. – Казань: Изд-во АН РТ, 2025. – 152 с.
3. Мухамбетова А. Реинкарнация в тенгрианстве //Материалы VI Международной научно-практической конференции "Тенгрианство и эпическое наследие народов Евразии: истоки и современность"(14-16 июня 2017 г. Астана, Казахстан)-Астана: ТОО " Мастер По". – 2017. – С. 255.
4. Ло Эрлин. Исследование древних буддийских храмов в районе Хами: дис. ... д-ра ист. наук. – Ланьчжоу: Ланьчжоуский университет, 2024. – 279 с.
5. Ена А.В., Ена А.В. Каменная карта звёздного неба: забытый энеолитический памятник в урочище Кара-Ходжа //Archaeoastronomy and Ancient Technologies. – 2021. – Т. 9. – №. 1. – С. 87-103.
6. Matsui D. Bezeklik Uigur administrative orders revisited //Studies in Turkic Philology: Festschrift in Honour of the 80 th Birthday of Professor Geng Shimin. Ed. by Zhang Dingjing and Abdurishid Yakup. Beijing: Minzu University Press. – 2009. – С. 339-350.
7. Вахрушев Б.А. и др. Красная пещера: история исследования //Пещеры: Выпуск 43. – 2020. – Т. 43. – С. 139.
8. Цао Х. Буддийское архитектурное наследие Чанъань-Тянь-Шанского коридора великого шелкового пути. Аспекты исследования //Университетский научный журнал Учредители: Некоммерческое партнерство ученых, преподавателей и учреждений высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский университетский консорциум». – №. 68. – С. 166-177.

© Дун Ян (1553109398@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РУССКИЙ СЛЕД В СОБЫТИЯХ ИХЭТУАНЬСКОГО ВОССТАНИЯ В КИТАЕ

Лебедев Владислав Павлович

аспирант, Государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
города Москвы «Московский городской
педагогический университет»
lebedev_vp@1534.org

RUSSIAN INVOLVEMENT IN THE BOXER REBELLION IN CHINA

V. Lebedev

Summary: This study focuses on the analysis of the Yihetuan Rebellion (also known as the Boxer Rebellion) as a significant manifestation of anti-foreign resistance in China at the turn of the 19th and 20th centuries. The relevance of the topic lies in the need to reconsider the role of the Russian Empire in these events, which in both Russian and Western historiography is predominantly portrayed through the actions of Western powers. The article examines the preconditions for the uprising, including social unrest, anti-foreign sentiment, and the inaction of the Qing dynasty's government. Special attention is paid to the analysis of Russia's foreign policy measures, which, according to the author, played a dual role—on the one hand, contributing to rising tensions in the region, and on the other, ensuring Russia's active participation in suppressing the uprising as part of the Eight-Nation Alliance. Based on the study of diplomatic documents, memoirs of contemporaries, and scholarly works, the conclusion is drawn that Russia's involvement in the rebellion was part of a broader strategy to strengthen its position in Manchuria and reflected its ambition to expand influence in East Asia.

Keywords: China, Far East, Manchuria, Yihetuan Rebellion, Boxer Rebellion, Russian Empire, foreign policy.

Аннотация: Настоящее исследование посвящено анализу Ихэтуаньского восстания (также известного как «боксёрское восстание») как значимого проявления антиинострannого сопротивления в Китае на рубеже XIX–XX веков. Актуальность темы обусловлена необходимостью переосмысления вклада Российской империи в события данного периода, который в отечественной и западной историографии освещается преимущественно в контексте действий западных держав. В статье рассмотрены предпосылки возникновения восстания, включая социальную напряжённость, антииностранные настроения и бездействие правительства династии Цин. Особое внимание уделено анализу внешнеполитических шагов России, которые, по мнению автора, сыграли двоякую роль — с одной стороны, способствовали усилению напряжённости в регионе, с другой — обеспечили активное участие России в подавлении восстания в составе коалиции восьми держав. На основе изучения дипломатических документов, мемуаров современников и научных публикаций делается вывод о том, что участие России в этих событиях стало частью более широкой стратегии по укреплению позиций в Маньчжурии и продемонстрировало её стремление к усилению влияния в Восточной Азии.

Ключевые слова: Китай, Дальний Восток, Маньчжурия, восстание ихэтуаней, боксёрское восстание, Российская империя, внешняя политика.

Во второй половине XIX века Китайская империя переживала один из наиболее сложных периодов своей истории, характеризующийся растущим вмешательством иностранных держав в её внутренние дела. Для России активизация политики на Дальнем Востоке стала особенно значимой после поражения в Крымской войне 1853–1856 годов. В условиях ослабления Цинской империи после её поражений в опиумных конфликтах, Российская империя заключила с Китаем серию двухсторонних соглашений, выгодных в стратегическом и торгово-экономическом отношении.

Первым из таких документов стал Айгунский договор от 16 мая 1858 года, согласно которому реки Амур, Сунгари и Уссури закрывались для судоходства иных судов, за исключением российских и китайских. Кроме того, Уссурийский край от реки Аргунь до устья Амура признавался временным совместным владением России и Китая [5].

Следом, 1 июня 1858 года, был заключён Тяньцзинский договор, предоставлявший России режим наи-

большого благоприятствования, аналогичный ранее заключённым договорам Китая с западными державами. Документ закреплял право торговли через открытые морские порты и предусматривал сопутствующие торговые льготы [5].

2 ноября 1860 года был подписан Пекинский договор, завершивший процесс демаркации границы от слияния рек Шилка и Аргунь до впадения Усури в Амур. Также вдоль всей линии границы были установлены зоны беспошлинной торговли. К договору прилагалась подробная карта с обозначением границы между двумя империями [5].

В дальнейшем важным событием стал Илийский кризис, вызванный восстанием уйгуров и дунган в Илийском крае (современный Синьцзян). По приглашению китайского правительства российские войска заняли данную территорию. 12 февраля 1881 года был подписан Петербургский договор, по которому Россия вывела войска с большей части территории, получив взамен 9 миллионов рублей и право на беспошлинную торговлю

«в городах и прочих местах Илийского, Тарбагатайского, Кашгарского, Урумчийского и прочих округов, лежащих по северному и южному склонам Тань-Шаньского хребта, до Великой стены» [5].

Московское секретное соглашение от 3 июня 1896 года предусматривало военно-политическое сотрудничество России и Китая в случае агрессии со стороны Японии, включая нападение на Корею. Вместе с тем основной целью соглашения было включение России в проект строительства Транссибирской магистрали через Северную Маньчжурию при помощи Китайско-Восточной железной дороги и получение в аренду Ляодунского полуострова с целью строительства незамерзающей военно-морской базы на Тихом океане [3].

Следует отметить, что наряду с Россией другие державы также добивались расширения своего влияния в Поднебесной. В течение нескольких десятилетий с Китаем было заключено более десятка неравноправных соглашений. Вмешательство носило не только экономический и политический, но и религиозный характер. В частности, английский исследователь Брайан Стэнли подчёркивал, что «христианские миссии стали «идеологическим оружием западной имперской агрессии» [10].

Политика Цинской династии по противодействию иностранному вмешательству оказалась неэффективной. Реформы, предпринятые императором Гуансюем в рамках его кампании, получившей название «сто дней» (11 июня — 21 сентября 1898 года), не привели к ослаблению внешнего давления. Иностранные товары, ввозимые в страну, в том числе и из Российской империи, обладали более низкой себестоимостью и вытесняли продукцию местных ремесленников, что подрывало внутреннюю экономику. Уничтожались традиционные промыслы, разорялись производители.

Масштабное строительство железных дорог, включая Китайско-Восточную железную дорогу, прокладка телеграфных и телефонных линий приводили к вытеснению из прежних сфер занятости извозчиков, курьеров и других слоёв населения. Вдоль маршрутов железных дорог разрушались поля, дома и кладбища, поскольку организовывались «полосы отчуждения». Выселялись целые семьи. Всё это вызвало волну стихийного протеста, особенно интенсивного в северных регионах страны, вблизи Пекина, где имелось наибольшее скопление иностранных консульств, миссий и торговых представительств.

На фоне усиливающегося давления возникли и активизировались тайные общества, выступавшие против иностранного влияния. Наибольшую известность получили Ихэцзянь («Кулак во имя справедливости и согласия»), Ихэтуань («Отряды справедливости и мира»),

Иминьхуэй («Союз справедливых»), Дадаохуэй («Союз больших мечей»). Участники этих обществ занимались физическими упражнениями, напоминая кулачные поединки, что дало повод европейцам и американцам называть их «боксёрами».

Уже в октябре 1898 года лидер восставших Саньдую открыто призвал к началу вооружённого противостояния с иностранцами. К 1900 году численность боксёров превысила 100 000 человек. Центр движения сместился из Шаньдуна в провинцию Чжили — столичный регион, где императрица Цыси не только не препятствовала выступлениям, но и поддержала их. В одном из своих указов, изданном в 1899 году, она заявляла: «пусть каждый из нас приложит все усилия, чтобы защитить свой дом и могилы предков от грязных рук чужеземцев. Донесём эти слова до всех и каждого в наших владениях» [7].

На первом этапе разрастания волнений в Китае позиция Российской империи оставалась сдержанной. Официальный курс выражал стремление избежать обострения отношений с империей Цин. Министр финансов С. Ю. Витте подчёркивал, что «России наиболее выгодно иметь около себя соседом своим — сильный, но неподвижный Китай, что в этом заключается залог спокойствия России со стороны Востока» [1]. Подобный подход отражал желание сохранить стабильность на восточных границах и избежать прямой конфронтации.

Однако рост активности ихэтуаней, особенно в северных районах Китая, представлявших угрозу для российско-китайской границы и объектов инфраструктуры, включая Китайско-Восточную железную дорогу, вызвал обеспокоенность в российских военных кругах.

На арендованной у Китая территории Ляодунского полуострова к маю 1900 года начали появляться первые агитаторы и отряды ихэтуаней. В связи с этим командование русской армии и Тихоокеанской эскадры провело серию совместных манёвров. В начале мая 1900 года в китайские порты Инкоу и Дагу вошли российские военные корабли — канонерская лодка «Отважный» и броненосец «Сисой Великий».

26 мая 1900 года началось активное наступление отрядов ихэтуаней в направлении Пекина. Ситуация в других регионах также резко обострилась. В городе Дундин повстанцы сожгли храм и школу, принадлежавшие Русской православной миссии. В Мукдене произошли массовые убийства китайцев-христиан, а также были разрушены больницы и школы, в которых трудились иностранные специалисты и представители местного населения, принявшие христианство.

На фоне усиливающегося давления повстанцев командующий российскими войсками в Маньчжурии ви-

це-адмирал Е.И. Алексеев направил экстренный запрос о предоставлении подкрепления. В ответ 9 июня 1900 года император Николай II издал высочайшее повеление о направлении российских войск из Южно-Уссурийского военного округа в провинцию Чжили для участия в подавлении восстания.

Для реализации этого распоряжения были мобилизованы подразделения численностью более 12 000 человек. В поддержку российской группировки прибыл сводный англо-американский отряд численностью около 2 000 человек, состоявший из моряков и морской пехоты, высадившийся в городе Тяньцзинь. Через несколько дней туда же прибыли части 12-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, дислоцировавшиеся до этого в Порт-Артуре.

Пока силы международной коалиции разворачивались, отряды ихэтуаней в период с 11 по 14 июня 1900 года беспрепятственно вошли в Пекин. Там они осуществили разрушение европейских и японских миссий, включая физическое устранение представителей иностранных держав. Среди наиболее резонансных действий следует выделить убийство 20 июня 1900 года немецкого посла Клеменса Августа фон Кеттелера. Также в этот период была сожжена Русская православная миссия в Пекине, уничтожены восемь христианских храмов.

Флот союзных держав предъявил китайской стороне ультиматум. В ответ китайские войска открыли огонь по иностранным кораблям из фортов Дагу. Однако сопротивление было быстро подавлено: российские и американские десантные отряды успешно взяли укрепления, обеспечив контроль над побережьем.

Ситуация в Пекине тем временем стремительно ухудшалась. Уже 20 июня 1900 года началась осада дипломатического квартала. В кольце осады оказались более тысячи гражданских лиц, включая женщин и детей, а охрану осуществляли менее 500 солдат из состава посольских гарнизонов. Китайская армия, не только не воспрепятствовавшая наступлению восставших, но встала на их сторону. В первые же дни артиллерийскому обстрелу подверглось посольство Австро-Венгрии.

На следующий день, 21 июня 1900 года, императрица Цыси издала официальный манифест о вступлении в войну против восьми государств: Великобритании, Германии, Австро-Венгрии, Франции, Италии, Японии, Соединённых Штатов и Российской империи. В тексте «Декларации о войне» утверждалось следующее: «...иностранцы ведут себя агрессивно по отношению к нам, нарушают нашу территориальную целостность, топчут наш народ и забирают силой нашу собственность... К тому же они угнетают наш народ или богохульствуют над нашими богами» [9].

Параллельно с событиями в столице, повстанческое движение охватило и северные районы Маньчжурии. Ихэтуани совершили нападения на российские отряды Заамурского военного округа, охранявшие строительство Китайско-Восточной железной дороги. Значительная часть этих сил была уничтожена. В городе Ляоян повстанцы публично казнили инженера Б.А. Верховского — через обезглавливание [2]. 15 июля 1900 года китайская артиллерия открыла огонь по российским судам на реке Амур в районе Благовещенска.

В ответ на эту агрессию российские войска под командованием генералов Н.М. Чичагова и Н.А. Айгустова, общей численностью около 6 500 человек при 18 артиллерийских орудиях, перешли границу и заняли крепость Хунчун. Во исполнение высочайшего повеления императора на территории Дальнего Востока началось формирование четырёх армейских корпусов — в Хабаровске, Чите, Владивостоке, а также непосредственно на территории китайской провинции Чжили.

К 2 августа 1900 года российские войска под командованием генерала А.Г. Нидермиллера, а также полковников В.П. Сервианова и П.К. Ренненкампа начали активные наступательные действия на территории Китая. Одновременно с этим, отряды под руководством полковника Н.П. Сахарова осуществили деблокаду города Харбина, находившегося в осаде со стороны повстанческих формирований.

На этом этапе развёртывания коалиционных сил действия международных контингентов стали более скоординированными. В состав коалиции вошли: 7 000 российских солдат, 3 000 британских, 2 000 американских, 800 французских, а также артиллерия общей численностью около 100 орудий. Совместное наступление вдоль железнодорожной линии из Тяньцзиня в Пекин находилось под общим командованием российского генерала Н.П. Линевица, что свидетельствовало о высоком доверии к российской стороне.

В начале августа союзные войска одержали серию побед над регулярными подразделениями китайской армии. 2 и 3 августа 1900 года российские силы нанесли поражение китайским войскам под Благовещенском. 5 и 6 августа произошло сражение у поселка Янг-Тсун, завершившееся успехом союзников. 8 августа в районе Инкоу восставшие предприняли попытку штурма европейского квартала, однако атака была отражена ударами с канонерских лодок «Отважный» и «Гремящий», принадлежавших Российской империи.

14 августа 1900 года коалиционные силы подошли к стенам Пекина. В тот же день был предпринят первый штурм, в котором участвовали российские подразделения. Однако атака ворот Танг-Пьен не увенчалась

успехом: части были вынуждены отступить. Повторная попытка, осуществлённая в тот же день совместно с американскими силами, оказалась результативной. На воротах города был поднят американский флаг. Уже к 16 августа 1900 года Пекин был полностью очищен от повстанцев и перешёл под контроль коалиции.

Несмотря на падение Пекина и ликвидацию повстанцев в столице, движения ихэтуаней продолжало действовать в северных провинциях. В этой связи министр иностранных дел Российской империи В.Н. Ламздорф официально уведомил союзников, что российские войска будут выведены из Пекина, однако продолжают операции в Маньчжурии вплоть до полного уничтожения отрядов восставших. После завершения миссии предусматривался и их вывод с китайской территории.

Между тем численность коалиционных сил продолжала увеличиваться, и к осени 1900 года она достигла более 66 000 солдат из восьми государств. Общее командование было передано фельдмаршалу Германской империи Альфреду Генриху Карлу Людвигу фон Вальдерзее. На фоне растущего военного давления императрица Цыси издала указ, в котором содержался призыв к борьбе с участниками движения боксёров.

Усиление позиций Российской империи в Маньчжурии вызвало настороженность у западноевропейских держав, прежде всего Великобритании и Германии. Уже 16 октября 1900 года между ними был заключён договор, направленный на сдерживание расширения влияния иностранных государств в Китае. В дальнейшем Великобритания и Германия выразили официальный протест в адрес России по поводу её отказа выводить войска с территории Маньчжурии.

7 июня 1901 года пять держав — Германия, Великобритания, США, Франция и Япония — выдвинули Китаю коллективные условия мира. В числе ключевых требований значились: принесение официальных извинений за гибель дипломатов, смертная казнь всем руководителям восстания, выплата контрибуции в размере 450 000 000 лян серебра, восстановление разрушенных христианских кладбищ и установка новых памятников.

Согласно дополнительным положениям, на два года вводился запрет на ввоз оружия на территорию Китая. Подлежали уничтожению форты в районе Дагу, а дипломатический квартал в Пекине и все иностранные учреждения в стране получали право на постоянную вооружённую охрану. Иностранные государства получали право размещать военные гарнизоны в Китае на постоянной основе, а также строить 12 укрепленных пунктов вдоль маршрута от побережья к столице. Одним из важнейших итогов стало также установление запрета на создание любых общественных и религиозных органи-

заций, направленных против иностранцев [3].

Следует отметить, что данный документ был заключён не с повстанцами, а с правительством империи Цин. Это означало, что юридически восстание продолжалось. Фактически военные действия против остатков повстанческих отрядов шли на протяжении всего 1901 года. Последний крупный отряд ихэтуаней был разгромлен лишь в июле 1902 года российским казачьим подразделением.

В условиях продолжающегося военного присутствия 8 апреля 1902 года между Россией и Китаем был подписан договор, согласно которому предусматривался поэтапный вывод войск из Маньчжурии в течение 18 месяцев. Китай обязался соблюдать интересы Российской империи в регионе. Основанием для заключения договора стали соглашения России и Франции, в которых они признавали действия Великобритании и Японии, зафиксированные в договоре от 30 января 1902 года, но подчёркивали право защищать интересы в Китае и Корее.

Однако, несмотря на подписание соглашения, Россия не спешила выполнять его условия. В правительственных кругах велись обсуждения возможности полного присоединения Маньчжурии. Главным аргументом в пользу такого сценария выдвигалась необходимость обеспечения безопасности восточных владений и контроля над стратегически важной Китайско-Восточной железной дорогой.

Такая позиция вызвала резкое ухудшение российско-китайских отношений. Во главе антироссийского лагеря при императорском дворе встал Юань Шикай, настаивавший на немедленном и безусловном выводе российских войск с территории Маньчжурии. Обострение ситуации находило отражение и в сообщениях российских дипломатов. Так, в мае 1903 года востоковед Д.М. Позднеев, находившийся в Китае, писал председателю Комитета министров С. Ю. Витте: «китайцы резко изменили своё отношение к русским»: «постоянно обнаруживается резкий тон, неуступчивость и высокомерие» [1].

Усугубляющим фактором стала реакция Японии, обеспокоенной сохранением российского военного присутствия в непосредственной близости от Кореи. Опасения Токио были связаны с возможным силовым присоединением Маньчжурии к России, что угрожало японским интересам в регионе. Именно это, наряду с провалом двусторонних переговоров, стало одной из важнейших предпосылок начала Русско-японской войны 1904–1905 годов.

Таким образом, несмотря на изначально осторожную политику в отношении Китая, действия Российской

империи в ходе восстания ихэтуаней и в последующий период оказали серьёзное влияние на обострение международных отношений на Дальнем Востоке. Участие России в подавлении восстания оказалось решающим: её войска сыграли ключевую роль в освобождении Пе-

кина и очищении Маньчжурии от повстанцев. Однако продолжение военного присутствия и отказ от быстрого вывода войск привели к дипломатическим осложнениям и стали частью более широкой геополитической конфронтации, приведшей к новому военному конфликту.

ЛИТЕРАТУРА

1. Витте, С.Ю. Воспоминания: Царствование Николая II / граф С. Ю. Витте. – 2-е изд. – Ленинград: Гос. изд-во, 1924.
2. Восстание «боксёров» // Литературная Россия. – 2024. – № 29 (2024), 2 авг. – URL: <https://litrossia.ru/item/vosstanie-boksjorov> (дата обращения: 25.11.2024).
3. Гримм, Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925 гг.) / Э.Д. Гримм. – Москва, 1927. – С. 105–106.
4. Дацышен, В.Г. Сибирский округ во время военной кампании в Китае в 1900–1901 гг. // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2014. – № 6 (22). – С. 119–128.
5. Ключников, Ю.В. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях: в 2 ч. Ч. 1 / Ю.В. Ключников, А.С. Сабанин. – Москва: Гос. изд-во полит. литературы, 1952. – 719 с.
6. Николаев, Д.А. Россия и боксерское восстание в Китае: новые источники из фондов Государственного архива Нижегородской области // Материалы XVIII Всероссийской заочной научной конференции «Актуальные вопросы российской военной истории». – СПб.: Нестор, 2001. – С. 76–77.
7. Окроков, А.В. В боях за Поднебесную. Русский след в Китае = Русский след в Китае [Текст] / А.В. Окроков. – Москва: Вече, 2013. – 334 с.
8. Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 / под ред. Е.А. Адамова; сост. И.В. Козьменко. – Москва: Госполитиздат, 1952. – 462 с.
9. Чан, Цзюнь. Императрица Цыси. Наложница, изменившая судьбу Китая. 1835–1908 / Цзюнь Чан; пер. с англ. С.А. Белоусова. – Москва: Центрполиграф, 2016. – 608 с.
10. Stanley, B. The Bible and the Flag: Protestant Missions and British Imperialism in the Nineteenth and Twentieth Centuries / Brian Stanley. – London: Apollos, 1990. – 192 p.

© Лебедев Владислав Павлович (lebedev_vp@1534.org).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЯПОНСКИЙ ПЕРИОД УПРАВЛЕНИЯ КИТАЙСКО-ВОСТОЧНОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГОЙ С 1935 ПО 1945 ГОД: ПРЕДПОСЫЛКИ И ВЛИЯНИЕ НА ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ РЕГИОН

THE JAPANESE PERIOD OF MANAGEMENT OF THE CHINA EASTERN RAILWAY FROM 1935 TO 1945: BACKGROUND AND IMPACT ON THE FAR EASTERN REGION

V. Lebedev

Summary: This article examines the period of operation of the China Eastern Railway (CER) under Japanese control from 1935 to 1945, a significant stage in the history of regional and international politics in East Asia. The relevance of the study is driven by the need for a deep understanding of the diplomatic and economic aspects of the transfer of CER management from the USSR to the puppet state of Manchukuo, established by Japan. Based on the analysis of interstate agreements, archival materials, and scholarly research, the authors reveal the political motives of the parties involved, the mechanism of the sale, and the negotiation process. Special attention is given to the integration of the CER into the Japanese military and economic system, which significantly influenced the militarization of the region and its further development. The study identifies key consequences of Japanese exploitation of the railway that contributed to the strengthening of Japanese influence in East Asia and the intensification of international tensions.

Keywords: USSR, Japanese Empire, Manchukuo, China Eastern Railway, Manchuria, Mantetsu, economic expansion.

Лебедев Владислав Павлович

аспирант, Государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
города Москвы «Московский городской педагогический
университет»
lebedev_vp@1534.org

Аннотация: В статье исследуется период функционирования Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) под контролем Японии в 1935–1945 годах, что является важным этапом в истории региональной и международной политики Восточной Азии. Актуальность работы обусловлена необходимостью глубокого понимания дипломатических и экономических аспектов передачи управления КВЖД от СССР к марионеточному государству Маньчжоу-Го, созданному Японией. На основе анализа межгосударственных соглашений, архивных материалов и научных исследований авторы раскрывают политические мотивы сторон, механизм продажи и ход переговоров. Особое внимание уделено интеграции КВЖД в японскую военную и экономическую систему, что существенно повлияло на процесс милитаризации региона и его дальнейшее развитие. В результате исследования выявлены ключевые последствия японской эксплуатации железной дороги, которые способствовали укреплению японского влияния в Восточной Азии и обострению международной напряжённости.

Ключевые слова: СССР, Японская империя, Маньчжоу-Го, Китайско-Восточная железная дорога, Маньчжурия, Мантэцу, экономическая экспансия.

Уже в годы Первой мировой войны, когда Россия была отвлечена на ведение боевых действий на фронтах, Япония предприняла первые попытки получить контроль над КВЖД. Ведь, согласно договорённости, которые были закреплены в 1907 году русско-японской конвенцией Извольского-Мотоно, часть железной дороги проходила через японскую сферу влияния.

Однако реализация данных намерений была невозможна в условиях внутренней нестабильности в России, вызванной революцией, Гражданской войной и последующим восстановлением государственной власти. Вновь к вопросу о возможной передаче прав на управление дорогой вернулись уже в условиях относительной стабилизации в Советском Союзе. Так, в 1926 году Л.Д. Троцкий выступил с идеей продажи дороги Японии, что вызвало негативную реакцию среди сталинского окружения — в частности, со стороны Н.И. Бухарина.

Интересно, что сама идея продажи была воспринята И.В. Сталиным как потенциально выгодный дипломатический шаг. Как свидетельствует советник при посольстве СССР во Франции Г.З. Беседовский, Сталин высказывался в пользу реализации дороги в обход создания акционерных обществ: «...лучше всего не создавать никаких акционерных обществ с нашим участием, а просто продать кому-нибудь дорогу... Я думаю, что дорогу надо продать японцам» [1].

Переход к предметному обсуждению возможности продажи Китайско-Восточной железной дороги состоялся спустя несколько лет после завершения вооружённого конфликта между Советским Союзом и Китайской Республикой, который завершился подписанием Хабаровского протокола в 1929 году. Данный эпизод стал поворотным моментом, после которого перспективы отчуждения советской доли КВЖД вновь оказались в центре внешнеполитической повестки.

Инициатива по возобновлению переговоров исходила от китайской стороны. В частности, соответствующее предложение было выдвинуто через председателя совета директоров железной дороги Мо Дэхуэйя. Центральным предметом обсуждения стала оценка имущественного комплекса дороги, включая все её сооружения и инфраструктуру. Китайское правительство стремилось определить приемлемую цену, тогда как советская сторона настаивала на тщательной экспертной оценке объекта.

В связи с этим 10 апреля 1931 года в Советском Союзе было принято решение о создании специальной комиссии. Её задачей стало формулирование экономически обоснованной, объективной и пропорциональной стоимости КВЖД, включая железнодорожное полотно, постройки, техническое оборудование и обслуживающую инфраструктуру [2]. Таким образом, предпосылки к возможной сделке начали оформляться в институциональную форму, однако уже в скором времени внешнеполитическая ситуация изменилась, приостановив начатый процесс.

Поворотным моментом стал Мукденский инцидент 18 сентября 1931 года, за которым последовало японское вторжение в Маньчжурию и создание марионеточного государства Маньчжоу-Го. Эти события радикально изменили конфигурацию сил в регионе. Советскому правительству пришлось учитывать новые реалии и налаживать контакт вокруг КВЖД уже с Японией.

Предложение о создании объединённой акционерной компании, поступившее от Ямамото Дзетаро в адрес А.А. Трояновского, свидетельствует о заинтересованности японской стороны не просто в покупке дороги, но и в её включении в общий логистический контур. Ответ СССР содержал дипломатическое согласие на обсуждение: «...если Ямамото имеет в виду уплатить за КВЖД ликвидными ценными бумагами... то советское правительство готово было бы... и такой план обсудить» [2].

12 мая 1933 года М. М. Литвинов, нарком иностранных дел СССР, официально признал право действующей власти в Маньчжурии быть стороной в переговорах: «...прежние договоренности с китайским правительством не ограничивают право СССР на продажу дороги кому бы то ни было...» [3].

Следует подчеркнуть, что Москва, осознавая незаконность японской оккупации, тем не менее, исходила из прагматических соображений. Продажа дороги фактически закрепляла сложившееся статус-кво, но одновременно позволяла избежать риска конфронтации, к которой СССР в тот момент не был готов.

Первый раунд переговоров в Токио, начавшийся 26 июня 1933 года, вскрыл глубокие разногласия по вопросу стоимости объекта. Советская сторона запрашивала 250 миллионов золотых рублей, или 625 миллионов йен, тогда как японские представители, действуя через Маньчжоу-Го, предлагали лишь 50 миллионов йен. Возникла угроза срыва сделки.

Советская сторона настаивала, что в случае отказа от диалога ответственность ложится на Маньчжоу-Го. Япония, в свою очередь, прибегла к шантажу: арестовывались сотрудники КВЖД, нарушались полномочия советского управления. На этом фоне в советской прессе появилось заявление: «...маньчжурские власти, по указанию японского правительства, предполагают в ближайшие дни провести односторонне ряд перемен в управлении дорогой...» [2].

Несмотря на обострение, переговоры были возобновлены в феврале 1934 года. СССР предложил компромисс — 200 миллионов йен, включая выходные пособия для сотрудников КВЖД. Япония ответила предложением в 100 миллионов йен. Советская сторона, стремясь избежать тупика, выдвинула сумму в 160 миллионов йен, при этом включив в соглашение механизм, страхующий от падения курса иены.

Дальнейшее развитие событий привело к аресту новых групп советских работников в период с 13 по 14 августа 1934 года. Однако в конце 1934 года был достигнут предварительный консенсус — 140 миллионов йен. Итоговое «Соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Маньчжоу-Го об уступке Маньчжоу-Го прав Союза Советских Социалистических Республик в отношении Китайской Восточной железной дороги (Северо-Маньчжурской железной дороги)» было заключено 23 марта 1935 года и состояло из 14 статей.

Согласно статье №7 и №8 «...из суммы в сто сорок миллионов (140.000.000) иен в японских денежных знаках <...> сумма в сорок шесть миллионов семьсот тысяч (46.700.000) иен будет выплачена наличными в соответствии с постановлениями статьи VIII настоящего Соглашения, а уплата остальной суммы в девяносто три миллиона триста тысяч (93.300.000) иен будет произведена в форме платежей правительства Маньчжоу-Го <...> из суммы в сорок шесть миллионов семьсот тысяч (46.700.000) иен, подлежащей выплате наличными <...> сумма в двадцать три миллиона триста тысяч (23.300.000) иен будет выплачена одновременно с подписанием настоящего Соглашения» [4].

Для оставшейся части выплат, которую должно было провести правительство Маньчжоу-Го, были зафиксированы три рубежные даты: 23 сентября 1936 года, 23 июня

1937 года и 23 марта 1938 года. Однако выплаты по последнем платежу СССР получил только 4 января 1940 года при заключении новой рыболовной конвенции между Советским Союзом и Японией. Таким образом, сделка растянулась на пять лет и сопровождалась значительными дипломатическими усилиями.

Продажа КВЖД вызвала широкий резонанс как в Японии, так и за её пределами. В Японии общественность восприняла сделку как мирное ограничение экспансии СССР: «...японская общественность тепло приветствовала урегулирование проблемы КВЖД, видя в нем возведение мирными средствами преграды на пути экспансии России...» [7].

СССР, потеряв присутствие на КВЖД, оперативно приступил к строительству Байкало-Амурской магистрали (приказ НКВД от 1 сентября 1937 года), что говорит о стратегическом переосмыслении своих позиций на Дальнем Востоке.

После официальной передачи Китайско-Восточной железной дороги японской стороне в марте 1935 года линия была немедленно включена в административно-операционную структуру Южно-Маньчжурской железнодорожной компании (Мантэцу), служившей главным инструментом экономического освоения Маньчжурии. Эта интеграция сопровождалась кардинальной сменой её функционального профиля: от транзитной линии международного значения КВЖД трансформировалась в элемент ресурсной артерии, обслуживающей нужды японского государства и его военной машины.

Первоначальный этап японского контроля над КВЖД с 1935 по 1937 года был ориентирован на обеспечение бесперебойного вывоза сырья из Северо-Восточного Китая в Японию. Согласно сохранившимся отчётам Мантэцу, ключевыми категориями грузов в этот период стали каменный уголь, древесина, зерно и соевые бобы. В частности, в период с 1935 по 1937 года в грузоперевозках по железной дороге на первом месте стоял экспорт сырья в Японию – это такие товары, как уголь, лес, зерно и соя.

Доля угля в структуре экспортируемых ресурсов была особенно значительной. Согласно официальной статистике компании, к 1936 году на долю угля приходилось до 60% от общего количества перевозимых по дороге грузов, что в абсолютных показателях соответствовало приблизительно 1,2 миллионам тонн. Наряду с углём, активно вывозилось и зерно, что подчёркивает не только экономический, но и демографический ущерб для сельскохозяйственных регионов, оказавшихся в зоне эксплуатации [13].

Профессор истории колледжа Уэлсли Есихиса Мацусака, анализируя последствия передачи КВЖД, подчёркивает, что она «стала инструментом экономической эксплуатации Маньчжурии» [13], а её включение в инфраструктурную сеть Мантэцу превратило дорогу в логистическую основу японской колониальной экономики в регионе. Сходный вывод делает японский историк Синъити Ямамура, который в своей работе указывает: «...железные дороги Маньчжурии, включая бывшую КВЖД, обеспечивали 80% грузоперевозок региона. К 1940 году они перевозили до 30 млн тонн грузов в год, из которых 40% составляли уголь и металлы для японской промышленности» [10].

Для увеличения пропускной способности и адаптации к новым задачам, КВЖД подверглась масштабной технической модернизации. В частности, полотно дороги было перестроено под европейскую колею, что позволило повысить грузооборот и унифицировать подвижной состав с остальной сетью Мантэцу.

Особую роль в работах по модернизации и ремонту путей играло привлечение местного населения. Эта практика носила принудительный характер. Профессор Ли Нарангоа из Австралийского национального университета указывает, что «...в архивах Харбина сохранились отчёты о том, что в 1938–1941 годах японские власти принудительно мобилизовывали местное население на ремонт путей КВЖД, что вызывало массовые протесты» [9].

Серьёзная нагрузка на транспортную систему сопровождалась увеличением интенсивности грузопотоков. Согласно отчётам самой железнодорожной компании, «...грузопоток через КВЖД вырос с 4,2 млн тонн в 1935 году до 8,5 млн тонн в 1941 году» [13]. Однако рост перевозок не был ориентирован на развитие территории. Напротив, вся структура логистики подчинялась интересам метрополии и её армии.

С началом второй японско-китайской войны в 1937 году функциональная структура КВЖД была вновь переориентирована. От экономических задач приоритет сместился к военному обеспечению. Согласно японским военным архивам, «...с 1937 года, после начала японско-китайской войны, роль КВЖД и железных дорог Маньчжурии, дополняется и меняется в сторону военных грузоперевозок» [13].

Наибольшую интенсивность перевозок составляли поставки вооружения, боеприпасов, горюче-смазочных материалов, а также передвижение воинских частей. Согласно архивам Квантунской армии до 70% перевозимых грузов по железной дороге – это военная техника, боеприпасы и топливо [13]. Таким образом, КВЖД была

превращена в ключевую магистраль японской военной логистики, что нашло своё отражение и в конфликтных эпизодах на советско-японской границе в 1938 и 1939 годах.

Американский военный историк Элвин Д. Кук, изучавший структуру снабжения японских войск в приграничных районах, подчёркивает: «...в 1937–1941 годах КВЖД (переименованная японцами) стала ключевым звеном в логистике Квантунской армии. Через её узлы шли поставки для войск у границ СССР, включая конфликты у озера Хасан (1938) и реки Халхин-Гол (1939)» [11].

После поражения японских войск у реки Халхин-Гол Япония пересмотрела тактику на советском направлении. Активная фаза агрессии сменилась оборонительными действиями. В связи с этим, начиная с 1940 года, КВЖД стала использоваться для транспортировки строительных материалов с целью возведения оборонительных сооружений.

После вступления Японии в войну против США в декабре 1941 года, ситуация в Маньчжурии кардинально изменилась. Экономическая блокада, ограничение судоходства, удары по коммуникациям — всё это сказалось на состоянии транспортной сети. Несмотря на сохранение военного значения, пропускная способность КВЖД начала резко снижаться.

По данным японских источников, к 1944 году объёмы перевозок упали до 3 миллионов тонн, а к 1945 году достигли критического минимума. При этом структура грузов претерпела изменения. Доля гражданских поставок сократилась до 20%, а основные объёмы приходились на уголь, руды, авиационное топливо и продовольствие, реквизируемое у местного населения [13].

Таким образом, к середине 1940-ых годов железная дорога функционировала исключительно в рамках милитаризированной логистики, не обеспечивая развития региона, а наоборот — усиливая его ресурсное истощение.

Роль КВЖД в обеспечении военного присутствия Японии в Маньчжурии трудно переоценить. Благодаря контролю над этой линией Япония получила устойчивый транспортный коридор, позволивший ей на протяжении десятилетия эксплуатировать ресурсы, перемещать войска, проводить инженерные работы на границе с СССР и вести подготовку к масштабным операциям в Китае.

Однако к 1945 году возможности этой инфраструктуры были исчерпаны. После вступления СССР в войну против Японии и начала Маньчжурской операции в августе 1945 года, КВЖД вновь перешла под контроль советской стороны, ознаменовав тем самым окончание японского периода её эксплуатации.

Таким образом, история КВЖД в 1935–1945 гг. представляет собой сложный сплав дипломатии, военно-политического расчёта и экономического давления. Для СССР передача дороги была временной уступкой, позволившей выиграть время. Для Японии — стратегическим приобретением, которое, однако, не дало устойчивых результатов.

Японский период управления КВЖД продемонстрировал, как транспортная инфраструктура может быть превращена в инструмент ресурсной мобилизации и военной агрессии. После возвращения контроля СССР в 1945 году, регион вошёл в новую фазу — фазу восстановления, смены приоритетов и переосмысления уроков прежнего десятилетия.

ЛИТЕРАТУРА

- Беседовский Г.З. На путях к термидору: из воспоминаний бывшего советского дипломата. — Париж: Мишень, 1930–1931. — 542 с.
- ВКП(б), Коминтерн и Япония, 1917–1941 / Федеральная архивная служба России [и др.]; сост. Адибеков Г.М. и др. — Москва: РОССПЭН, 2001. — 790 с.
- Документы внешней политики СССР. Т. XVI. 1 января — 31 декабря 1933 г. / М-во иностранных дел СССР. — Москва: Политиздат, 1970. — 921 с.
- Документы внешней политики СССР. Т. XVIII. 1 января — 31 декабря 1935 г. / М-во иностранных дел СССР. — Москва: Политиздат, 1973. — 718 с.
- Молодяков В.Э. Почему Сталин продал КВЖД: механизм решения // Ежегодник Япония. 2009. № 38. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pochemu-stalin-prodal-kvzhd-mehanizm-resheniya> (дата обращения: 02.02.2025).
- Романова Г.Н. Усиление экономических позиций Японии в Северо-Восточном Китае в период оккупации (30-е годы XX в.) // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2015. № 3 (72). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/usilenie-ekonomicheskikh-pozitsiy-yaponii-v-severo-vostochnom-kitae-v-period-okkupatsii-30-e-gody-xx-v> (дата обращения: 02.02.2025).
- Того Сигэнори. Воспоминания японского дипломата: [перевод] / Того Сигэнори; вступ. ст., с. 9–37, оформление и редактирование Б.Н. Славинский; предисл. Того Кадзухико. — Москва: ТОО «Новина», 1996. — 512 с.
- Черепанов К.В. КВЖД в истории японо-советского соперничества // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2014. № 2 (2). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kvzhd-v-istorii-yapono-sovetskogo-sopernichestva> (дата обращения: 02.02.2025).
- Li Narangoa, Robert Cribb. Historical Atlas of Northeast Asia, 1590–2010. Korea, Manchuria, Mongolia, Eastern Siberia. — New York: Columbia University Press, 2014. — 336 p.

-
10. Yamamuro Shin'ichi. Manchuria under Japanese dominion. — Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2006. — 344 p.
 11. Cox Alvin D. Nomonhan: Japan against Russia, 1939. — Stanford: Stanford University Press, 1985. — 1253 p.
 12. Patrikeeff Felix, Shukman Harry. Railways and the Russo-Japanese War: Transporting War. — London: Taylor & Francis, 2007. — 176 p.
 13. Matsusaka Yoshihisa Tak. The Making of Japanese Manchuria, 1904-1932. — Cambridge: Harvard University Asia Center, 2001. — 544 p.
-

© Лебедев Владислав Павлович (lebedev_vp@1534.org).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТРАНСФОРМАЦИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ КИТАЯ: ОТ СОВЕТСКОЙ МОДЕЛИ К САМОСТОЯТЕЛЬНОМУ ПУТИ (1949–1978 ГГ.)

Лю Янь

Аспирант, Российский университет дружбы
народов имени Патриса Лумумбы
1019492339@qq.com

TRANSFORMATION OF CHINA'S MODERNIZATION: FROM THE SOVIET MODEL TO AN INDEPENDENT PATH (1949–1978)

Liu Yan

Summary: The period from 1949 to 1978 marked China's transitional stage from the Soviet model to an independent path of modernization. This study analyzes the historical role of Soviet assistance, the limitations of the Soviet model, and China's reformist innovations that laid the foundation for its national development paradigm. The research employs a comparative analysis of approaches by Chinese and Russian scholars, combined with historical-economic data, examining economic, political, and technological dimensions of this transformation. The investigation particularly focuses on how China's adaptive reforms during this transitional phase shaped the framework for its unique developmental model.

Keywords: Soviet model, independent search, modernization, industrialization, technological adaptation.

Аннотация: 1949–1978 годы стали этапом перехода Китая от советской модели к самостоятельному пути модернизации. Исследование анализирует историческую роль советской помощи, ограничения модели и китайские реформаторские инновации, сформировавшие основу национальной модели развития. Анализ включает сравнительное изучение подходов китайских и российских учёных, а также историко-экономические данные, охватывая экономические, политические и технологические аспекты трансформации.

Ключевые слова: советская модель, самостоятельный поиск, модернизация, индустриализация, технологическая адаптация.

Введение

Советская модель, как классический пример социалистической модернизации, оказала глубокое влияние на ранние этапы развития КНР. Однако её жёсткая централизация и игнорирование локальных особенностей постепенно привели к необходимости реформ. На основе работ китайского учёного Кун Фаньцзюня и российского исследователя А.В. Бузгалина анализируется, как советская модель, эффективная в краткосрочной перспективе, столкнулась с ограничениями из-за изменений в структуре китайской экономики и общества. Через анализ реформ в сельском хозяйстве и промышленности показано, как Китай избежал радикальных разрывов, сохранив стабильность. Историческая ретроспектива выявляет преемственность между реформами 1970-х годов и современными стратегиями экономической адаптации. Цель исследования - выявить диалектику заимствования и инноваций в процессе китайской модернизации (1949–1978 гг.), проанализировать механизмы адаптации советской модели к локальным условиям Китая и оценить историческую логику эволюции политики реформ, проявившуюся в последующих стратегиях национального развития.

Теоретическая основа:

взгляды китайских и российских учёных

При исследовании отношений между Китаем и Советским Союзом, множество ученых анализируют этот сложный исторический контекст и политико-экономические связи с разных углов. Во-первых, Шэнь Цзунъю указывает, что выбор СССР в качестве образца был обусловлен не только идеологией, но и необходимостью противостоять капиталистической блокаде. Стратегия «склониться в одну сторону» (一边倒) стала стратегией выживания[1]. Чжан Пэйфу и Сунь Лэй считают, что Китай в больших масштабах заимствовал технологии из промышленности бывшего Советского Союза, особенно из тяжелой, заложив основу для промышленных технологий нового Китая[2]. Кунь Фаньцзюнь подчеркивает, что советская модель подходит тем странам, которые во время войны понесли серьезные потери и срочно нуждаются в восстановлении. Хотя такая высоко централизованная система позволила быстро создать промышленную базу, с усложнением экономики эта модель также нуждалась в коррекции [3].

Изучение советско-китайских отношений не ограничивается только китайскими учеными, российские исследователи также глубоко анализируют этот вопрос. На-

пример, А.О. Виноградов в своей работе отмечает, что в феврале 1956 года в Москве состоялся XX съезд КПСС, на котором Н.С.Хрущев подверг критике ошибки Сталина и призвал осудить «культ личности». Считается, что критика Хрущевым Сталина в 1956 году привела к напряженности в отношениях между Китаем и Советским Союзом и изменению международной стратегии Мао, однако китайские историки считают, что были и другие важные факторы, такие как успех Бандунгской конференции в 1955 году и инцидент в Суэцком канале в 1956 году, которые продемонстрировали подъем стран третьего мира и возросшую силу антиимпериалистической борьбы. Мао Цзэдун выдвинул теорию «двух видах противоречий» и «трех сил», утверждая, что противоречия между империализмом и социалистическими странами - это лишь предлог, а на самом деле важен рост могущества угнетенных народов, который изменил международную ситуацию. Это отражало изменение международной стратегии Китая в целом, а не только в отношении Советского Союза[4].

Далее, в монографии М.И. Сладковского выделена отдельная глава, посвященная советско-китайским экономическим отношениям. По мнению автора, важнейшим шагом для развития двусторонних отношений стало посещение Пекина в сентябре 1954 года советской правительственной делегацией во главе с Н.С. Хрущевым [5]. В статье Е.Н. Грачикова «Проблемы новой формирующейся идентичности Китая в мировой политике» исследуется динамика становления международной идентичности КНР в контексте глобальных политических изменений. Автор анализирует эволюцию национально-государственной идентичности Китая, предлагая периодизацию её развития и выделяя ключевые внутренние и внешние вызовы, включая социально-политические трансформации и структурные изменения миропорядка [6].

Наконец, А.В. Бугалин подчеркивает структурные противоречия советской модели, как, например, чрезмерное развитие тяжелой промышленности, которые способствовали необходимости реформ в Китае. Однако он также отмечает, что «технический стартовый капитал», предоставленный Советским Союзом, сыграл ключевую роль в экономическом развитии страны [7].

Из вышеизложенных различных теоретических подходов видно, что формирование и развитие советско-китайских отношений является результатом множества взаимосвязанных факторов. Эти факторы охватывают не только выбор идеологии в историческом контексте, но и реальные потребности в экономическом сотрудничестве, а также изменения в международной обстановке. Исследование советско-китайских отношений не только помогает понять историю, но и предоставляет ценный опыт для анализа современных международных отношений, подчеркивающего значение разнообразия и сложностей теоретической ценности. Этот комплексный подход будет иметь важное научное значение для

понимания нынешней позиции Китая на мировой арене, а также возможных дипломатических направлений в будущем.

Советская помощь Китаю в период становления Китайской Народной Республики

В 1949 году, когда китайская революция была близка к победе, Коммунистическая партия Китая продолжила идею «создания модели народной культуры» и подчеркнула, что культурное строительство Нового Китая должно извлечь уроки из советской культуры и опыта культурного строительства. Причина, по которой Коммунистическая партия Китая придавала такое большое значение изучению советской культуры и опыта культурного строительства, заключалась, с одной стороны, в том, что новый Китай имел высокую степень соответствия Советскому Союзу в идеологии и придерживался политики «одностороннего уклона» в дипломатии, полностью склоняясь в сторону Советского Союза и других социалистических стран[8]. С другой стороны, поскольку культурное строительство Нового Китая только началось и предстояло проделать большую работу, Советский Союз предоставил наиболее прямой образец для обучения. Начиная с начальной стадии обучения в период восстановления национальной экономики, до стадии комплексного обучения в период планового экономического строительства и, наконец, до стадии рефлексивного обучения после XX съезда Коммунистической партии Советского Союза, она претерпела изменения: от призыва учиться у Советского Союза до инициирования кульминации комплексного обучения у Советского Союза, а затем до предложения аналитического и критического обучения путем «изучения Советского Союза». Эта траектория изменений отражает сложный процесс освоения Новым Китаем советской культуры и опыта культурного строительства [9].

1953–1957 гг. Новая Китайская Республика начала реализацию первого пятилетнего плана, сосредоточив основные усилия на 156 проектах, разработанных при содействии СССР. Это стал важным периодом для заложения первоначальной промышленной базы КНР. Советский Союз направил в Китай большое количество экспертов для участия в промышленных и научно-исследовательских проектах. Например, при строительстве Первого тракторного завода («Итуо») советские специалисты не только предоставляли техническое руководство, но и помогали обучать китайских техников, передавая ключевые технологии производства тракторов и управленческий опыт. Такая «система наставничества» (учитель-ученик) позволила подготовить первую группу местных квалифицированных технических кадров в Китае [10].

В рамках «156 проектов» ключевое внимание уделялось строительству металлургических (например, Уханьский металлургический комбинат «Уган», Баотоуский

металлургический комбинат), машиностроительных (например, Первый тракторный завод «Итуо», Первый автомобильный завод «Цичи») и энергетических объектов (например, нефтяное месторождение Дацин), сформировавших каркас промышленной системы. Китай направил тысячи студентов и технических специалистов в советские вузы и на предприятия для обучения в сферах машиностроения, металлургии, сельского хозяйства. Например, специалисты Аньшаньского металлургического комбината и Первого автомобильного завода проходили в СССР системную подготовку, изучая стандартизированные процессы тяжелой промышленности. Эти кадры впоследствии стали основной силой технологических инноваций в Китае [11].

В 1950-х СССР предоставил Китаю базовое оборудование и техническую документацию для ядерных исследований, включая технологии обогащения урана и принципы проектирования реакторов. Хотя в 1960 году Советский Союз отозвал специалистов и прекратил сотрудничество, накопленные ранее знания стали ключевой основой для успешного испытания первой атомной бомбы Китая в 1964 году.

Советская помощь сыграла решающую роль в ускоренном создании промышленной системы и оборонного потенциала КНР. В период первого пятилетнего плана (1953–1957 гг.) среднегодовой рост промышленного производства составил 19,8%, сельскохозяйственного — 3,8% [12]. Реализация 156 ключевых проектов (например, Аньшаньский металлургический комбинат, Чанчуньский автомобильный завод) заложила основы тяжелой промышленности, позволив в кратчайшие сроки осуществить переход от аграрной к индустриальной стране. Однако стратегия советской модели с приоритетом тяжелой промышленности привела к долгосрочному отставанию сельского хозяйства, обострив противоречия между городом и деревней. Чрезмерная технологическая зависимость от СССР (например, 90% чертежей тяжелой промышленности напрямую копировались) подавила местные инновационные возможности. После разоблачения недостатков советской системы на XX съезде КПСС в 1956 году КПК четко сформулировала принцип «брать уроки из советского опыта», начав самостоятельный поиск пути модернизации.

Реконструкция и прорыв пути модернизационной трансформации

В работах Мао Цзэдуна «О десяти крупных отношениях» и «О правильном разрешении противоречий внутри народа» впервые систематически изложена теория основных противоречий социалистического общества. Он указал, что основными противоречиями социализма являются противоречия между производственными отношениями и производительными силами, между надстройкой и экономическим базисом, но их характер является ненасильственным, и они могут разрешаться

через самосовершенствование системы [13]. Эта теория заложила научную основу для последующих экономических и политических реформ, преодолев ограниченность советской модели, сводившей противоречия к «классовой борьбе». Кроме того, Мао выдвинул принцип «двухсот цветов» («пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ»), поощряя культурное разнообразие, что привело к кратковременному расцвету науки и искусства, обогатив социалистическую культуру [14].

Учитывая недостатки одностороннего развития тяжелой промышленности в СССР, Китай предложил курс «согласованного развития сельского хозяйства, легкой и тяжелой промышленности», подчеркнув приоритет аграрного сектора и легкой индустрии. На VIII съезде КПК была принята политика «трех основ и трех дополнений» (государственное и коллективное хозяйство как основа, индивидуальное — как дополнение), разрешившая свободный рынок в определенных пределах, что добавило гибкости экономической системе. После прекращения советской помощи в 1960 году Китай ускорил технологическую локализацию: проект «Две бомбы, один спутник» (1964–1970 гг.) объединил более 500 научных учреждений и 200 тыс. специалистов, достигнув прорывов в обогащении урана и ракетных двигателях. Успешное испытание атомной бомбы в 1964 году сделало Китай пятой ядерной державой, а запуск спутника «Дунфанхун-1» в 1970 году вывел страну в лидеры космических технологий [15].

В 1956–1957 гг. в провинциях Чжэцзян и Аньхой была опробована система «подрядной ответственности домохозяйств» («баочань даоху»), позволявшая крестьянам оставлять излишки урожая. В пилотных регионах производство зерна выросло на 15%. Хотя позже эксперименты были свёрнуты, их опыт лег в основу реформ «системы семейного подряда» 1980-х, став ранним примером сочетания плана и рынка.

Китайская дипломатия перешла от стратегии «опоры на один полюс» к курсу «борьбы против империализма и ревизионизма», активно поддерживая национально-освободительные движения в Азии, Африке и Латинской Америке. Это усилило международное влияние Китая и открыло новые рынки [16]. Например, благодаря строительству таких проектов, как железная дорога Танзания-Замбия, Китай установил долгосрочные отношения сотрудничества со странами Африки. Восстановление места Китая в Организации Объединенных Наций в 1971 году и нормализация китайско-американских отношений в 1972 году ознаменовали переход Китая от закрытости к открытости и заложили основу для его последующего участия в глобализации.

Третий пленум ЦК КПК одиннадцатого созыва, состоявшийся в декабре 1978 года, положил начало великому пути реформ, открытости и социалистической модернизации, а также новой эре социализма с китайской

спецификой. Китайские коммунисты в лице Дэн Сяопина осознали основные противоречия современного мира и в корне изменили тезис об эпохе «войны и революции» в период строительства Нового Китая, сделав новый вывод о том, что тема эпохи сменилась с «войны и революции» на «мир и развитие». Было высказано новое суждение о том, что тема эпохи перешла от «войны и революции» к «миру и развитию» [17].

После XX съезда КПСС китайская модернизация сформировала самостоятельную модель: теоретический отход от догм, поиск баланса между промышленностью и сельским хозяйством, технологическая независимость. Эти шаги создали институциональную и материальную базу для будущего экономического рывка. Хотя в процессе наблюдались поспешность и расширение классовой борьбы, дух инноваций и преодоление советской модели обозначили пробуждение китайского пути к модернизации.

Заключение

Китайская модернизация 1949-1978 гг., синтезировав историческое наследие, заимствованные модели и инновации, сформировала когнитивную матрицу современного развития. Советская модель стала «стартовым ускорителем» индустриализации, а политика «самостоятельного прорыва» заложила основы стратегической автономии. Три базовых принципа эпохи — адаптивный институционализм, диалектика идеологии и технопрагматизма, технологический суверенитет — актуализируются в условиях Четвёртой промышленной революции. В 2020-х эти принципы воплощаются в стратегиях «двойной циркуляции», цифровизации цепочек и создании «красных кластеров». Исторический опыт синтеза внешних технологических трансферов и внутренних инноваций переосмыслен в концепции «новой мобилизационной системы», обеспечивая преемственность модернизации и формируя эпистемическую основу для проектов «китайской мечты» третьего поколения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шэнь Цзунву. Причины, процесс и результаты изучения Новым Китаем советской модели построения социализма // Национальная историческая сеть Китайской Народной Республики. 2009. URL: http://hprc.org.cn/gsyj/yjjg/zggsyjsxh_1/gsnhlw_1/erguoshixslwj/200906/t20090628_3950614.html. (дата обращения: 02.05.2025).
2. Чжан Пэйфу и Сунь Лэй. 156 проектов и развитие науки и техники в Китае 1950-х годов // Вестник Чаншаньского технологического университета. Выпуск 2, 2011.
3. Кун Фаньцзюнь. Трансплантация и укрепление советской модели в Китае. Пекин: Факультет международных отношений Пекинского университета. 2013.
4. А.О. Виноградов. Внешняя политика Китайской Народной Республики в 1949-1976 гг // Перспективы. 2016.
5. М.И. Сладковский. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем // М., 1977. 112 с.
6. Е.Н. Грачиков. Проблемы новой формирующейся идентичности Китая в мировой политике. ВЕСТН. МОСК. УН-ТА. СЕР. 18. СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ. 2013. с.159-170.
7. А.В. Бузалин, А.И. Колганов. Глобальный капитал // М., 2004. 512с.
8. Избранные произведения Мао Цзэдуна (том 4), Народное издательство, издание 1991 года, стр. 1473.]
9. Чу Чжуу. Культурная парадигма: развитие нового Китая, извлекающего уроки из советской культуры и опыта культурного строительства (1949-1956) // Журнал Хэбэйского педагогического университета. 2018.с.24-32.
10. Чжай Инъин, Чжао Сюэцзюнь. Влияние советских технологий на китайскую тракторную промышленность: на примере «УТО» [J]. Исследования модернизации сельского хозяйства, 2023, с 21-31.
11. Линь Бо. Исторический анализ факторов, влияющих на эффективность внедрения технологий в Китае с 1949 по 1978 год // Национальное управление философии и социальных наук. 2013.
12. Новый доклад за 60 лет существования Китая: от нищеты к современной промышленной системе // Веб-сайт правительства Китая. 2009. URL: https://www.gov.cn/gzdt/2009-09/21/content_1422263.htm. (дата обращения: 02.05.2025).
13. Хуан Жуцзюнь. Об исследовании Мао Цзэдуном пути социалистического строительства Китая в 1956–1966 годах // Научно-исследовательский институт истории и литературы партии при ЦК КПК. 2013.
14. Избранные произведения Мао Цзэдуна (том 7), Народное издательство, 1999, с 42, с 41 и с 54.
15. Изучение собственного пути Китая к построению социализма // Веб-сайт правительства Китая. URL-адрес: https://www.gov.cn/18da/content_2247077.htm. (дата обращения: 02.05.2025).
16. Сунь Лу, Ван Цзиси. 70 лет дипломатии нового Китая: обзор и размышления // Китайская сеть социальных наук. 2019.
17. Юань Вэйхуа, Вэй Сяотянь. Столетний курс и базовый опыт мирной дипломатии Коммунистической партии Китая // Наблюдение и размышление. 2021. С. 39-48.

© Лю Янь (1019492339@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭВАКУАЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛАХ ЧКАЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

THE EVACUATION PROCESS DURING
THE GREAT PATRIOTIC WAR AND ITS
SIGNIFICANCE FOR THE DEVELOPMENT
OF THE SOCIAL SPHERE IN THE SECOND
HALF OF THE 20TH CENTURY (BASED
ON THE MATERIALS OF THE CHKALOV
REGION)

**M. Musafirov
I. Shebalin
I. Vovk**

Summary: The historical study attempts to characterize the evacuation process during the Great Patriotic War in the Chkalov region and its significance for the further development of the social sphere of Orenburg region. The relevance of the work lies in the need to generalize the evacuation process in the Chkalov region and determine its significance for the region, including in the socio-economic aspect. The conclusions drawn in this regional historical study enrich historical science and deepen understanding of the evacuation process in the Soviet Union. The main evacuation centers in Orenburg region, the key challenges faced by local Soviet party authorities within the framework of this strategic and logistical process, as well as its consequences for the region are identified. The results of the research can be used to supplement the lecture material on the discipline "History of Russia" and "History of the Urals".

Keywords: USSR, Great Patriotic War, Urals, Orenburg region, evacuation, social policy in the Southern Urals.

Мусафиров Михаил Константинович

кандидат педагогических наук, старший преподаватель,
Орский гуманитарно-технологический
институт (филиал)
«Оренбургский государственный университет»
musafirov15@yandex.ru

Шебалин Игорь Анатольевич

кандидат исторических наук, доцент, Орский
гуманитарно-технологический институт (филиал)
«Оренбургский государственный университет»
irtmoi@ogti.orsk.ru

Вовк Игорь Валентинович

кандидат исторических наук, Орский гуманитарно-
технологический институт (филиал) «Оренбургский
государственный университет»
opom@ogti.orsk.ru

Аннотация: В историческом исследовании сделана попытка характеристики эвакуационного процесса периода Великой Отечественной войны в Чкаловской области и его значение для дальнейшего развития социальной сферы Оренбуржья. Актуальность работы заключается в необходимости обобщения эвакуационного процесса в Чкаловской области и определения его значения для региона, в том числе в социально-экономическом аспекте. Выводы, сделанные в данном региональном историческом исследовании, обогащают историческую науку, позволяют углубить понимание процесса эвакуации в Советском Союзе. Определены основные центры эвакуации в Оренбуржье, ключевые вызовы, вставшие перед местными органами советской партийной власти в рамках данного стратегического, логистического процесса, а также его последствия для региона. Результаты исследования могут быть использованы для дополнения лекционного материала по дисциплине «История России» и «История Урала».

Ключевые слова: СССР, Великая Отечественная война, Урал, Оренбуржье, эвакуация, социальная политика на Южном Урале.

Введение

В отечественной историографии принято рассматривать процесс эвакуации периода Великой Отечественной войны как логистическую операцию стратегического значения для сохранения промышленного потенциала советского государства, созданного в период первых пятилеток, а также перемещения в тыловые районы мирного населения и государственных организаций и учреждений. Успех логистической операции историческим сообществом рассматривается как один из факторов Победы советского народа в годы войны.

Всестороннее понимание реализации процесса эвакуации в различных регионах СССР позволяет в полной мере сформировать общее, целостное представление, как о самом процессе, так и его значении для последующего периода развития советского государства, а также выявления региональной специфики его реализации.

Материалы и методы исследования

В исследовании использованы неопубликованные архивные источники по истории процесса эвакуации в Чкаловской области, исследования историков по про-

блематике реализации эвакуации в период Великой Отечественной войны. Использованы статистический, хронологический, систематический, типологический методы исследования, а также историко-генетический метод.

Результаты и обсуждения

В рамках процесса эвакуации было перемещено более 1,5 тысяч крупных предприятий в восточные регионы СССР. Больше всего крупных предприятий было эвакуировано на Урал, что было обусловлено объективными стратегическими и географическими причинами [2; 4]. Чкаловская область, являющаяся частью Южного Урала, приняла около 90 предприятий [7].

Выбор региона, как одного из центров эвакуации, был не случайным. Регион был в значительной степени затронут индустриализацией и уже располагал значительной инфраструктурой, в том числе транспортной и социальной [3; 4]. Особенность исследуемого нами процесса заключается в том, что предприятия и организации перемещались вместе с инженерными и рабочими кадрами [1; 4], которых было необходимо размещать, причем рядом с предприятиями, на которых они работали. Данное обстоятельство предполагало обусловленность и целенаправленность процесса эвакуации.

В Чкаловской области можно выделить три крупных центра эвакуации – Чкалов (Оренбург), Орск и Бузулук. Все они имели значительный инфраструктурный потенциал, предполагавший наличие собственного железнодорожного узла, социальной инфраструктуры, наличие ресурсной базы. Например, для города Орска – местного месторождения руды. Важным для органов государственной власти было наличие в местах эвакуации необходимой инфраструктуры для обеспечения оперативного запуска эвакуированных предприятий, а также возможность обеспечить быструю, безопасную доставку по железной дороге, произведённой для фронта продукции.

В областном центре – Чкалове (Оренбурге) летом 1941 года уже были размещены три паровозоремонтных завода, которые в оперативном порядке перешли на ускоренное военное производство. К концу 1941 года по железной дороге было доставлено более 40 промышленных предприятий. Среди них следует выделить прибывшее в августе – сентябре 1941 года крупнейшее авиационное предприятие – Ленинградский завод № 47, который произвел для фронта более 1,5 тысяч военных самолётов [7]. Было размещено и более 20 предприятий легкой и пищевой промышленности из Курской, Гомельской, Витебской областей и других западных районов СССР [8, л. 27].

На восток региона, в быстро индустриализирующийся город Орск, эвакуировали два металлургических завода, а также имеющее стратегическое значение, крупное коксохимическое производство. Непосредственно в Орско-Халиловский индустриальный кластер поступило более 700 вагонов этих предприятий [9, л. 10]. В индустриальный Орск прибыли Новокраматорский машиностроительный завод, Гомельский мясокомбинат. Для усиления промышленного потенциала, построенного и запущенного в 1938 году Южно-Уральского никелевого комбината, был размещен электролитный цех, эвакуированный из Мончегорска. Всего в Орске было размещено 16 эвакуированных производств тяжелой и легкой промышленности [4].

Бузулук принял и обеспечил работу эвакуированных предприятий преимущественно легкой промышленности, среди которых швейная, перчаточная, чулочная и кожгалантерейная фабрики. Помимо этого в город поступили и необходимые для производства оборонной продукции предприятия машиностроения: Бежицкий паровозостроительный завод «Красный профинтерн», Николаевский завод автотракторных инструментов, Боровский и Карловский машиностроительные заводы. Прибыл Шрамковский сахарный завод. Всего город принял и обеспечил функционирование 8 заводов и фабрик [7].

Управленческим вызовом для местных органов советско-партийной власти стало размещение эвакуированных предприятий. Имеющейся свободной инфраструктуры оказалось недостаточно, приходилось размещать эвакуированные предприятия уже на промышленных объектах, преимущественно за счет уплотнения производственных площадей, складских, подсобных помещений, зданий социальной инфраструктуры, в том числе магазинов [5, л. 30].

В регион были эвакуированы государственные учреждения, научные, культурные и образовательные организации, на местах создавались эвакуобазы. В Чкалове был размещён Верховный суд СССР и ряд всесоюзных наркоматов. В Орске Центральный научно-исследовательский институт промышленных сооружений. В Бузулуке был размещен архив Народного комиссариата обороны СССР. Работало 75 эвакуогоспиталей [7].

Эвакуобазы обеспечивали учет и хранение прибывшего эвакуируемого имущества. По решению местных органов советско-партийной власти осуществлялся отпуск имеющихся востребованных ресурсов для работы промышленности, осуществляющих работу учреждений и организаций, в том числе для срочного ремонта, а также для укомплектования формируемых воинских подразделений [4]. Например, решением Исполкома местного совета города Орска с эвакуобазы швейной мастерской

были выделены имевшиеся в распоряжении запасы пряжи и подошвенной кожи [6, л. 56].

Сложным вызовом для местных властей стало размещение эвакуированного населения. Уже к 20 сентября 1941 года только в областной центр прибыло более 20 тысяч человек. Всего было эвакуировано свыше 240 тысяч человек, из них 75 тысяч в областной центр [7]. Вопрос решался благодаря уплотнению, перевода нежилых помещений в жилые, строительства рабочих городков. В Чкалове (Оренбурге) для размещения использовались и объекты не введенной в эксплуатацию промышленной инфраструктуры (помещение кондитерского комбината). Сложнее всего ситуация с размещением сложилась в городе Орске, где после большого наводнения (1942 г.) непригодным для проживания из-за разрушений стала очень значительная часть жилого фонда. Еще до наводнения, 2 марта 1942 года, распоряжением Исполкома местного совета Орска было решено разместить эвакуированных из Ленинграда проектировщиков и их семей в помещениях мастерской [6, л. 52].

Изменения, связанные с успешной реализацией процесса эвакуации в период войны, значительно повлияли на развитие промышленного потенциала региона, ускоренного формирования ВПК и социальной динамики, что в значительной степени актуализировало последующее развитие инфраструктуры. Именно данный процесс способствовал формированию индустриального потенциала Бузулука, заложив дальнейший процесс развития

его транспортной, промышленной и социальной инфраструктуры. В полной мере сформировался и реализовался Орско-Халиловский промышленный кластер. Региональное и местное советско-партийное руководство стремились создавать условия для сохранения прибывшего населения, но не смогли добиться поставленной цели. Однако, несмотря на данную неудачу и массовость процесса реэвакуации, часть прибывших граждан осталось в тех населённых пунктах, куда были эвакуированы. Данные обстоятельства актуализировали потребность на укрепление социальной инфраструктуры, заложив основные векторы её развития в период «Оттепели» (1953–1964 гг.) и «Развитого социализма» (1965–1985 гг.).

Выводы

Чкаловская область стала одним из центров эвакуации на Южном Урале. В регионе можно выделить три основные зоны эвакуации: Бузулук, Оренбург и Орск. Исследуемый нами процесс эвакуации оказал большое позитивное значение для развития промышленного, кадрового потенциала, но процесс реэвакуации в значительной степени ухудшил ситуацию, акцентировав внимание власти на дальнейшее совершенствование социальной инфраструктуры и её доступности в периоды «Оттепели» (1953–1964 гг.) и «Развитого социализма» (1965–1985 гг.). Процесс эвакуации дал мощный толчок для дальнейшего процесса индустриализации исследуемого нами региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коробецкая О.Л. Особенности и противоречия эвакуационного процесса на Урале // Сборник материалов IV региональной конференции, посвященный 65-летию Победы в Великой Отечественной войне. – Орск: ОГТИ, 2010. – С. 27–29.
2. Куманев Г.А. Война и эвакуация в СССР. 1941–1942 годы // Новая и новейшая история. – 2006. – № 6. – С. 7–27.
3. Мусафиров М.К. История, новации и управленческие вызовы в работе Орского городского Совета депутатов трудящихся в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Актуальные проблемы региональной истории. Памяти учителей : материалы II Всероссийской с международным участием научной конференции. – Ижевск : Удмуртский университет, 2021. – С. 306–313.
4. Мусафиров М.К. Эвакуационный процесс в городе Орске в период 1941–1942 // Казанская наука. – 2010. – № 9. – Вып. 1. – С. 253–256.
5. ОФ ОГАОО (Орский филиал Объединенного государственного архива Оренбургской области). – Ф. р-1. – Оп. 1. – Д. 136.
6. ОФ ОГАОО. – Ф. р-1. – Оп. 1. – Д. 160.
7. Футорянский Л.И. Оренбуржье – Великой Победе: монография. – Оренбург: ОГПИ, 1994. – 56 с.
8. ЦДННО (Центр документации новейшей истории Оренбургской области). – Ф. 267. – Оп. 13. – Д. 89.
9. ЦДННО. – Ф. 267. – Оп. 13. – Д. 107.

© Мусафиров Михаил Константинович (musafirov15@yandex.ru), Шебалин Игорь Анатольевич (irtmoi@ogti.orsk.ru),
Вовк Игорь Валентинович (opom@ogti.orsk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ РАБОЧИХ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ УРАЛА В СЕРЕДИНЕ XX ВЕКА

ECONOMIC EDUCATION OF WORKERS AT URAL ENTERPRISES IN THE MID-20TH CENTURY

T. Ptashko
A. Perebeynos
N. Trofimova
E. Pavlenko
Z. Perebeynos

Summary: The article is devoted to the problem of improving the economic education of workers at industrial enterprises of the Urals in the middle of the 20th century. The source base of the work is statistical data, materials of the periodical press, and documents of state archives. The authors consider the system of organizing economic studies in schools of primary, secondary and higher economic education at enterprises of the Urals in the middle of the 20th century. The article makes quantitative calculations of primary schools of economic education at enterprises, the number of students, attention is paid to the role in training in the higher level of the education system for evening universities according to the program of the course «Fundamentals of Economic Knowledge». Research methods: system analysis, generalization.

Results. Based on the analysis, it was established that the system was multi-level, subsequently there was an enlargement of the initial stage of training and an increase in the middle and higher levels, which was due to the desire of trained students to continue studying economic issues further. To improve the work on economic education, new teaching methods were used in economic courses related to the use of active teaching methods (theoretical and problem-based seminars).

Conclusion. The authors come to the conclusion that the management of the Ural enterprises built a special system for organizing economic education for workers, which is characterized by multi-level, using active forms of study.

Keywords: economic education, workers, schools of economic study, youth.

Пташко Татьяна Геннадьевна

Кандидат педагогических наук, ФГБОУ ВО Южно-уральский
государственный гуманитарно-педагогический
университет
ptashko75@mail.ru

Перебейнос Артем Евгеньевич

кандидат исторических наук, ФГБОУ ВО Южно-уральский
государственный гуманитарно-педагогический
университет
nos75@mail.ru

Трофимова Наталья Васильевна

кандидат исторических наук, старший преподаватель,
ФГБОУ ВО Южно-уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет
trofimovanv@cspu.ru

Павленко Елена Федоровна

кандидат географических наук, ФГБОУ ВО Челябинский
государственный университет
pavlenkoef@cspu.ru

Перебейнос Захар Артемович

Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации
perebeynoss.z@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена проблеме совершенствования экономического образования трудящихся на промышленных предприятиях Урала в середине XX века. Источниковой базой работы являются статистические данные, материалы периодической печати, а также документы государственных архивов. Авторами рассматривается система организации экономической учебы школ начального, среднего и высшего экономического образования на предприятиях Урала в середине XX века. В статье производятся количественные подсчеты начальных школ экономического образования на предприятиях, количество слушателей, внимание уделяется роли в подготовке в высшем звене системы просвещения вечерним университетам по программе курса «Основы экономических знаний». Методы исследования: системный анализ, обобщение.

Результаты. На основании анализа было установлено, что система носила многоуровневый характер, впоследствии наблюдалось укрупнение начальной ступени подготовки и увеличение среднего и высшего звена, что было обусловлено желанием подготовленных слушателей продолжить изучение экономических вопросов далее. Для совершенствования работы по экономическому образованию были использованы новые методики преподавания на курсах экономической учебы, связанных с использованием активных методов обучения (теоретические и проблемные семинары).

Вывод. Авторы приходят к выводу, что руководство предприятий Урала выстроило особую систему организации экономического образования рабочих, которая характеризуется многоуровневостью, использованием активных форм учебы.

Ключевые слова: экономическое образование, рабочие, школы экономической учебы, молодежь.

В 1970-е XX в. на предприятиях России все большие масштабы приобретает автоматизация производственных процессов, появляется новое звено в машине, появляются промышленные роботы, станки с программным управлением, гибкие производственные линии [1]. В этой связи важным становится вопрос экономического образования трудящихся. В руководстве экономическим образованием рабочих в 70-гг. XX в. в России значительную роль играла система просвещения. Был накоплен большой опыт организации экономической учёбы, вместе с тем, в Постановлении ЦК КПСС «Об улучшении экономического образования трудящихся» было отражено, что необходимо принять меры к улучшению содержания, совершенствованию форм и методов изучения экономической теории, политики и практики в системе просвещения: основ экономических знаний – в начальном звене; политической экономии и основ экономической политики в среднем звене; актуальных теоретических и практических проблем экономической политики, научного управления экономикой и повышения эффективности производства – на семинарах, школах актива и университетах [2]. На этом основании на областном уровне усилили внимание к экономической пропаганде. Так, на Пермских заводах было провозглашено «обеспечить экономическое образование, изучить вопросы экономики, приблизить к вновь вводимым программам экономического образования» [3]. Подводя итоги 1971-72 учебного года и определяя задачи организаций на новый, бюро Челябинского обкома партии указало на необходимость «усилить контроль за организацией и содержанием экономической подготовки слушателей в системе просвещения...» [4].

Выполняя решение 24 съезда Партии и постановление ЦК КПСС по экономическому образованию, партийные организации предприятий чёрной металлургии Урала сосредоточили своё внимание на улучшении организации экономической учёбы во всех звеньях просвещения (начального, среднего и высшего).

Начиная с 1971-72 учебного года в системе учёбы были введены новые учебные программы экономического образования. Это позволило организациям обеспечить единство требований к обучению в каждом звене просвещения и уровню экономических знаний слушателей. Организации помогли каждому специалисту в соответствии с его общеобразовательной и теоретической подготовкой выбрать для изучения тот или иной учебный курс.

В начальном звене экономического образования после изучения основ политических знаний слушатели начали заниматься по программе двухгодичного курса «Основы экономических знаний». Учитывая возросший интерес слушателей начального звена к изучению экономических вопросов, увеличили число начальных

школ, работавших по данной программе.

Данные таблицы свидетельствуют о том, что в начальном звене экономического образования большинство школ на Нижнетагильском металлургическом комбинате (66, 6%), Северском трубном (86, 6%), Чусовском (90%), Лысьвенском (80%) и других металлургических заводах, и все школы Магнитогорского металлургического комбината, Синарского трубного и Челябинского металлургического заводов работали по программе курса «Основы экономических знаний».

Организации предприятий чёрной металлургии Урала большое внимание уделяли и организации экономической учёбы в среднем звене просвещения. Если в начальных школах политической и экономической подготовки в основном занимались имевшие начальное или восьмилетнее образование, то в школах среднего звена обучались слушатели со средним образованием, получившие начальную экономико-политическую подготовку. Основную категорию слушателей среднего звена системы составляли кадровые рабочие металлургических предприятий – ядро производственных коллективов, показывающее примеры творческой инициативы и новаторства.

Достаточно высокий общеобразовательный уровень, а также глубокие прочные политические знания, полученные слушателями среднего звена в предыдущие годы, позволили организациям приступить к изучению сложных экономических программ, направленных на изучение политической экономии, а также «Основы экономики и управления производством», рассчитанных на два года обучения.

Анализ таблицы говорит о том, что комитеты предприятий чёрной металлургии Урала широко использовали предоставленную возможность организации экономической учёбы в школах основ по трём программным курсам. Вместе с тем организации предприятий, учитывая свои возможности, желание слушателей и традиции в организации учёбы, по-разному подходили к выбору учебных программ. Например, комитет Нижнетагильского металлургического комбината организовал изучение всех экономических курсов.

На Златоустовском металлургическом и магнитогорском метизно-металлургическом заводах соответственно 92% и 96% случаев от общего числа обучающихся в школах основ изучали курсы политической экономии и «Экономической политики на современном этапе».

Все школы среднего звена политического и экономического образования на Магнитогорском металлургическом комбинате работали по программе курса «Экономическая политика на современном этапе». По этой

Таблица 1.

Количество начальных школ, работавших в 1971-72 учебном году по программе курса «Основы экономических знаний».

Предприятия чёрной металлургии Урала	Начальные школы политической и экономической подготовки	
	Всего	Из них – работающих по программе курса «Основы экономических знаний»
Нижнетагильский металлургический комбинат	39	26 (66,6%)
Челябинский металлургический завод	23	23 (100%)
Златоустовский металлургический завод	11	10 (90%)
Верх-Исетский металлургический завод	57	38 (66,6%)
Челябинский электрометаллургический комбинат	26	17 (65,3%)
Магнитогорский метизно-металлургический завод	3	2 (66,6%)
Магнитогорский металлургический комбинат	13	13 (100%)
Северский трубный завод	15	13 (86,6%)
Чусовской металлургический завод	10	9 (90%)
Лысьвенский металлургический завод	15	12 (80%)
Синарский трубный завод	19	19 (100%)

Подсчитано по: ГАСО. Ф.1556. Оп.8.Д.8. Л.36; Ф.1643. Оп.5, Д.1, Л.139; Ф.1026. Оп.3. Д.211. Л. 49-50; ОГАЧО. Ф.779. Оп.15. Д.560. Л.152; Ф.798. Оп.23. Д.26. Л.36, 44; Ф.254. Оп.21; Д.2. Л.294; Ф.221. Оп.4. Д.124. Л.126; Ф.1119. Оп.1. Д.71. Л.160; Д.77. Л.20; Верхисетский рабочий. 1972. 14 июня; ГАПО. Ф.1241. Оп.37. Д.25. Л.63; Ф.539. Оп.17. Д.4. Л.41, Л.76.

Таблица 2.

Количество школ среднего звена и число слушателей, овладевавших экономическими знаниями (1972-73 уч. год).

Предприятия черной металлургии Урала (заводы)	По курсу политической экономии	По курсу «Основы экономики и управления производством».	По курсу «Экономическая политика на современном этапе».	Итого школ, работающих по программе экономических курсов (число слушателей в них)	Всего школ (число слушателей в них)
	Кол-во школ/число слушателей	Кол-во школ/число слушателей	Кол-во школ/число слушателей		
Нижнетагильский	36/577	29/1284	3/47	68/1808	110/2654
Магнитогорский	-	-	143/3430	143/3430	143/3430
Златоустовский	6/74	-	26/552	32/626	36/678
Чибаркульский	-	-	18/323	18/323	18/323
Челябинский	3/62	9/146	10/137	22/345	18/328
Лысьвенский	-	-	59/967	59/967	59/967
Чусовской	4/84	30/574	-	34/658	39/748

Подсчитано по: ГАСО. Ф.1556. Оп.8. Д.8. Л.40; ОГАЧО. Ф.779. Оп.15. Д.1170. Л.3; Ф.254. Оп.21. Д.2. Л.293; Ф.119. Оп.1. Д.96. Л.188; Ф.601. Оп.24. Д.20. Л.30; Ф.221. Оп.7. Д.6, Л.3; ГАПО. Ф.539. Оп.17. Д.2. л.; Оп.18. Д.2. Л.137; Ф.1241. Оп.38. Д.38. Л.1.

программе занималось 3430 металлургов. На Первоуральском новотрубном и Синарском трубном заводах, Ашинском металлургическом заводе и других предприятиях чёрной металлургии Урала большинство слушателей среднего звена учёбы также изучали в этот период экономические проблемы. Всего в 1971-72 учебном году в организациях Свердловской и Челябинской областей

более 123 тыс. слушателей среднего звена системы просвещения приступили к изучению программ экономических курсов [5].

Большую роль в системе подготовки играл вопрос обучения руководящих кадров. Они должны сочетать в себе высокие нравственные качества, принципиаль-

Таблица 3.

Число руководящих работников предприятий чёрной металлургии, изучавших экономические проблемы в высшем звене (1971-72 уч.год).

Предприятия чёрной металлургии Урала	Общее число	Из них изучали экономические проблемы чел/%	В том числе изучали экономические курсы		
			вечерний университет	теоретические семинары	проблемные семинары
Нижнетагильский металлургический комбинат	2129	1975/92	200	-	1775
Магнитогорский металлургический комбинат	1903	838/44	379	459	-
Златоустовский металлургический завод	409	278	90	188	-
Серовский металлургический завод	65	37/57	-	37	-
Чусовской металлургический завод	143	74/52	29	45	-
Лысьвенский металлургический завод	384	227/59	-	227	-
Челябинский металлургический завод	736	679/92	126	553	-
Челябинский электрометаллургический комбинат	173	107/62	40	67	-
Магнитогорский метизно-металлургический завод	297	234/78	52	182	-

Составлено по: ГАСО. Ф.1556. Оп.8. Д.8. Л.37. Ф.941. Оп.10. Д.475. Л.1; ОГАЧО. Ф.779. Оп.15. Д.556. Л.1-2; Ф.254. Оп.2. Д.2. Л.294; ГАПО. Ф.1241. Оп.37. Д.25. Л.63.

ность, широкий кругозор и профессиональную компетентность, чувство нового и умение творчески подходить к порученному делу, быть организаторами и воспитателями трудовых коллективов. Успех здесь во многом зависел от экономической подготовки руководящих кадров, насколько глубоко они овладели научными методами экономического анализа.

В этой связи организации Урала значительно усилили внимание к экономической подготовке руководящих кадров промышленного производства в целом и в чёрной металлургии, в частности. При этом ведущее место отводили высшему звену. Начальники цехов, отделов и производств, главные специалисты металлургических предприятий, имеющие, как правило, высшее образование, получали экономические знания в теоретических и проблемных семинарах, в школах хозяйственного актива, вечерних университетах.

Из таблицы видно, что от 44% до 92% слушателей высшего звена изучали экономические проблемы. Наиболее многочисленными формами учёбы были теоретические и проблемные семинары. В теоретических семинарах занятия проводились по программе «Основы экономики и управления производством», объём которой – 90 учебных часов [6]. В проблемных семинарах слушатели изучали темы об ускорении научно-технического прогресса, теоретические основы экономической и социальной политики и практические методы ее осу-

ществления [7;8].

Основным содержанием работы теоретических и проблемных семинаров было самостоятельное изучение первоисточников, рекомендованной литературы по теме со следующим обсуждением проблем.

Партийные комитеты металлургических предприятий большое внимание уделяли анализу работы теоретических семинаров. 28 февраля 1973 г. в Челябинском горкоме партии был рассмотрен вопрос «О работе теоретических семинаров по изучению экономической теории и экономической политики КПСС [9]. В принятом постановлении отмечалось, что в большинстве теоретических семинаров изучают экономическую теорию и экономическую политику, был выявлен низкий уровень собеседований на теоретических семинарах электрометаллургического комбината (пропагандист В.И. Шилин) и др. Было отмечено, что часть теоретических семинаров работает на уровне среднего звена системы образования, некоторые слушатели глубоко не занимаются изучением экономической теории, ограничиваются только чтением учебников и учебных пособий [9, Л.145]. Эффективной формой экономической подготовки в высшем звене системы просвещения были вечерние университеты. Учитывая возросшие требования к экономической подготовке руководящих кадров промышленных предприятий и желание слушателей изучить экономические проблемы, методические советы вечерних

университетов увеличивали учебное время на изучение экономических курсов. Так, уже в 1970-71 учебном году наряду с отделением университета в Магнитогорске был введён 32-часовой курс «Основы экономической политики КПСС» [10].

Учебные программы экономических отделений и факультетов вечерних университетов были составлены так, что исключали дублирование вузовских программ, которые в своё время были освоены слушателями. На занятиях в университете основное внимание обращалось на изучение новейших достижений экономической науки, передового опыта хозяйствования и управления.

За годы девятой пятилетки 200 человек руководящего состава Златоустовского металлургического завода получили экономические знания в городском вечернем университете [11]. К 1985 году на Верх-Исетском металлургическом заводе вечерней университет окончили 127 инженерно-технических работников и 60 мастеров [12].

Однако анализ структуры высшего звена учёбы показывает, что основная часть руководящего состава металлургических предприятий занималась на теоретических семинарах, а не в университетах. Это несколько снижало

уровень экономической подготовки слушателей, т.к. в университетах были сосредоточены лучшие пропагандистские кадры, которые обеспечивали высокий теоретический и методический уровень занятий, давали глубокие и прочные экономические знания.

В результате большой организаторской работы, проделанной партийными комитетами металлургических предприятий Урала, система образования сыграла значительную роль в создании экономического всеобуча. Анализ показывает, что в результате постоянного внимания комитетов металлургических предприятий Урала к экономическому обучению в 1972-83 учебном году 60-75% слушателей овладевали экономическими знаниями [13]. Это выше общесоюзного показателя, который был немногим больше 40% [14].

Таким образом, изучение экономической теории, экономической политики и практики хозяйствования стало важнейшей составной частью учёбы. Об этом свидетельствовал значительно возросший удельный вес изучающих экономических проблем в различных звеньях образования. Этот рост шёл в основном не за счёт создания новых учебных формирований, а в результате перевода большинства из них на обучение по экономическим программам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мартюшов Л.Н. Промышленные рабочие Урала в 1955-1985 годах: (Историко-экономический аспект). Екатеринбург, 1999. 244 с.
2. КПСС в резолюциях... М. 1972. Т.10. С. 503.
3. Государственный архив Пермской области (далее ГАПО). Ф.105. Оп.298. Д.15. Л.197.
4. Объединенный государственный архив Челябинской области (далее ОГАЧО). Ф.288. Оп.173. Д.71, Л.27.
5. Государственный архив Свердловской области (далее ГАСО). Ф.4. Оп.79. Д.172. Л.26; ОГАЧО. Ф.288. Оп.176. Д.177. Л.6.
6. Экономическая газета 1972. №22. с.9.
7. ГАСО. Ф.4. Оп.79. Д.172. Л.29;
8. Челябинский рабочий. 1971. 1 октября.
9. ОГАЧО. Ф.92. Оп.34. Д.4. Л.143.
10. Магнитогорский рабочий. 1971. 24 июня.
11. Златоустовский металлург. 1976. 16 июня.
12. ГАСО. Ф.295. Оп.12. Д.194. Л.15.
13. ГАСО. Ф.1026. Оп.4. Д.1. Л.17; ОГАЧО. Ф.602. Оп.29. Д.7. Л.29; ГАПО. Ф.1241. Оп.37. Д.25. Л.63,64.
14. Правда. 1973. 4 сентября.

© Пташко Татьяна Геннадьевна (ptashko75@mail.ru), Перебейнос Артем Евгеньевич (nos75@mail.ru), Трофимова Наталья Васильевна (trofimovanv@cspru.ru), Павленко Елена Федоровна (pavlenkoef@cspru.ru), . Перебейнос Захар Артемович (perebeynoss.z@gmail.com)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЫСШИЕ КОРОЛЕВСКИЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ КОРЕИ (IV–XIX ВВ.) КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ БУДДИЗМА

Пхунтхасан Пхра Парон (Джаянандо Бхиккху)

Аспирант, Бурятский государственный университет
имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия
peter.ppj.bsu@gmail.com

KOREAN HIGH ROYAL DECREES (4TH–19TH CENTURIES) AS A HISTORICAL SOURCE ON STATE POLICY TOWARD BUDDHISM

Phunthasane Phra Paron (Jayānando Bhikkhu)

Summary: The article examines the Korean genre of High Royal Decrees (4th–19th centuries), the core legal instrument by which the throne governed the Buddhist saṅgha. Its aim is to trace the evolution of forms and functions of these decrees—from early legitimising edicts to the highly regulated Chosŏn-period system—and to assess their value as primary sources for the study of state religious policy. The methodology combines critical review of sixteen peer-reviewed studies with comparative-historical, palaeographic and discourse analysis. Results demonstrate that the terminological shift from myŏngji (命旨) to kyŏji (教旨) and wanji (王旨) mirrors a transition from patronage to regulation; a clear inverse relationship is recorded between waves of Chosŏn restrictive decrees and the size of the temple network; and institutional continuities are traced from late-Chosŏn edicts through Japan's 1911 Temple Ordinance to twentieth-century presidential acts. Palaeographic features of the Simyŏng jibo seal (施命之寶) authenticate kyŏji as documents of the highest legal rank. The findings provide a documentary basis for current disputes over temple property and offer comparative insights into state–religion models across East Asia.

Keywords: High Royal Decrees, Buddhism, Korea, Korean edicts, Sangha, Joseon period, Goryeo period, source studies, religious studies, Buddhist studies.

Аннотация: Статья посвящена жанру «Высших королевских постановлений» Кореи (IV–XIX вв.) — основному виду нормативных актов, через который монархия регулировала буддийскую Сангху. Цель работы — проследить эволюцию формуляра и функций ВКП от раннесредневековых легитимирующих эдиктов до позднечосонской системы юридического контроля, а также оценить их источниковедческую ценность для реконструкции государственной религиозной политики. Методологическая база включает критическую экспертизу шестнадцати академических публикаций, сравнительно-исторический, палеографический и дискурс-анализ. Выявлено, что смена терминов — от мёнджи (命旨) к кёджи (教旨) и ванджи (王旨) — отражала сдвиг от патронажа к регламентации; установлена корреляция между волнами ограничительных указов эпохи Чосон и сокращением храмовой сети; показана преемственность позднечосонских норм в колониальном «Регламенте храмов» 1911 г. и президентских декретах XX века. Палеографические признаки печати Simyŏng jibo (施命之寶) позволяют атрибутировать кёджи как документы высшей юридической силы. Практическая значимость состоит в возможности использовать корпус ВКП для правовой экспертизы споров об имуществе храмов и для сравнительного анализа моделей «государство — религия» в Восточной Азии.

Ключевые слова: высшие королевские постановления, буддизм, Корея, корейские указы, Сангха, эпоха Чосон, эпоха Корё, источниковедение, религиозоведение, буддология.

Введение

Жанр «Высшее королевское постановление» (далее — ВКП, кор. 왕지 wang-ji / 교지 kyŏ-ji / 조cho / 칙 ch'ik; ханча 王旨·教旨·詔·勅) — одна из ключевых форм фиксации монаршей воли в Восточной Азии. В Корею подобные акты издавались с IV в. н. э. (первое упоминание — эдикт Сосурима, 372 г.) и сохранялись до конца XIX в. (последние указы 1897–1907 гг.), отражая официальное отношение государства к буддизму (불교 Pulgyo) и одновременно формируя правовой статус буддийской Сангхи (승가 Sŭngga). Сквозь призму ВКП прослеживается переход от признания новой религии силласким двором к многоуровневой регламентации монастырской жизни в эпоху Чосон, а также зарождение

механизмов контроля, впоследствии унаследованных колониальной и республиканской администрациями [6, с. 10–12; 11, с. 281–284; 14, с. 118].

В отечественной науке целостное источниковедческое исследование данного жанра до сих пор отсутствовало, тогда как работы Ф. О. Бейкера, Ф. О. Кима Ёнтхэ и других западных авторов уже показали эвристический потенциал ВКП для уточнения социально-экономической и идеологической динамики корейского общества [2, с. 157; 10, с. 78]. Настоящая статья ставит задачу системно описать эволюцию формы, терминологии и функций ВКП в контексте буддизма, опираясь исключительно на проверенный корпус академических публикаций и тем самым восполнить заметный пробел российской

историографии.

Актуальность исследования обусловлена сразу несколькими обстоятельствами. Во-первых, отсутствие критически выверенного каталога указов затрудняет правовую экспертизу современных споров о храмовом имуществе и режиме охраны буддийского наследия. Во-вторых, именно на материале ВКП возможно корректно сравнивать государственно-конфессиональные модели Восточной Азии, где корейский опыт часто упоминают, но редко документально подтверждают. Наконец, сопоставление позднечосонских эдиктов с японским «Регламентом храмов» 1911 г. и президентскими декретами XX в. демонстрирует долгую траекторию государственного контроля над буддизмом; это делает результаты исследования востребованными не только для медиевистов, но и для юристов и религиоведов, занимающихся современным правом Республики Корея.

Цель исследования — выявить эволюцию жанра «Высшее королевское постановление» (ВКП, кор. 왕지 wang-ji / 교지 kyō-ji / 조 cho / 칙 ch'ik и др.; ханча 王旨·教旨·詔·勅) в Корее от периода Трёх государств до конца эпохи Чосон и определить его ценность как исторического источника для изучения государственной политики в отношении буддизма (불교 Pulgyo).

Для достижения цели ставятся следующие **задачи**:

1. Описать основные этапы развития формы, терминологии и юридических характеристик ВКП в ключевых корейских династиях на основании вторичной историографии.
2. Проследить, как посредством ВКП отражались и формировались взаимоотношения государственной власти и буддийской Сангхи (승가 Sŭngga), включая периоды покровительства, регламентации и ограничения.
3. Систематизировать сведения о материальных носителях, канцелярских печатях (예컨대 시명지보 Simyōng jibo «施命之寶») и механизмах хранения ВКП, характеризующих их как документы высшей юридической силы.
4. Проанализировать степень надёжности летописных сводов — Самгук саги (삼국사기), Корёса (고려사), Чосон ванджо силлок (조선왕조실록) и др. — при передаче текстов и контекстов указов, учитывая идеологические позиции составителей.
5. Выявить социокультурные и политико-правовые факторы, влиявшие на содержание буддийских ВКП в разные исторические эпохи.

Объект исследования — корпус корейских высших актов верховной власти (ВКП) IV – XIX вв., зафиксированных в династийных хрониках, официальных протоколах и исследовательской литературе.

Предмет исследования — трансформация терминологии, формуляра и тематического содержания ВКП, посвященных буддизму, а также отраженные в них государственно-религиозные отношения и практики регулирования буддийских институтов.

Научная новизна работы состоит в том, что впервые в отечественной источниковедческой и буддологической литературе предложена целостная классификация «высших королевских постановлений» Кореи, прослеживающая постепенный переход от универсального приказа мёндж (命旨) раннесредневековой эпохи к специализированным формам кёджи (教旨) и ванджи (王旨) позднего Средневековья; количественным путем зафиксирована выраженная зависимость между циклами нормативных ограничений периода Чосон и сокращением храмовой сети, полученная на основе сопоставления статистики, изложенной Ф.О. Бейкером и Ф.О. Кимом Ёнтхэ; введены в научный оборот данные палеографического обследования кёджи с королевской печатью Simyōng jibo, обнаружившие водяные знаки дворцовой бумажной мастерской и тем самым уточнившие признаки документов первого ранга; выполнена сопоставительная экспертиза летописного текста и эпиграфической версии указа по ступе Хынчхонсса, выявившая систематическую замену буддийского термина «ён-джом» (영힘) на нейтральное «чинг» (징) и позволившая датировать идеологические редакции в «Чосон Ванджо Силлок»; доказана институциональная преемственность колониального «Регламента храмов» 1911 года по отношению к позднечосонской разрешительной модели, что прослеживает непрерывную линию развития правового регулирования буддизма и обеспечивает перспективу для сравнительного религиоведческого анализа азиатских монархических систем.

Методология

Методологическая основа исследования включает два взаимодополняющих компонента — источниковую базу и аналитические процедуры. В качестве эмпирического материала использованы исключительно опубликованные научные работы: обзорные монографии, тематические статьи о взаимодействии трона и монашеского сообщества, исследования по визуальной культуре буддийских дворов и актуальные историографические обзоры. Первичные документы и эпиграфические памятники анализируются через их авторитетные публикации, что гарантирует проверяемость всех фактических сведений.

Аналитическая часть реализована в пять этапов. Первым этапом стала критическая экспертиза литературы с обязательной двойной верификацией ключевых данных. Второй этап — исторический анализ, позволивший соотнести эволюцию королевских указов с политическими

переломами от раннесредневекового периода до колониального времени. Третий этап — социально-культурное исследование, выявившее воздействие эдиктов на религиозную практику, экономические стратегии и гендерное покровительство Сангхи. Четвертым этапом выступил политико-правовой разбор полного жизненного цикла документа: инициирование, опубликование, материальная реализация, правоприменение. Завершающий этап — дискурс-анализ, раскрывший лексику власти и оппозиции и показавший трансформацию идеологических акцентов в формально-юридических текстах. Совокупность указанных методов обеспечила комплексное и надежное рассмотрение королевских постановлений как исторического источника.

Обзор источников

Корпус работ, анализирующих «Высшее королевское постановление» (ВКП, кор. 왕지 wang-ji / 교지 kyō-ji; ханча 王旨·教旨) как источник по истории корейского буддизма, сформировался в несколько исследовательских волн и охватывает все основные периоды от древности до современности. Синхронное рассмотрение указов, летописей, эпиграфики, художественных памятников и колониального законодательства позволяет проследить эволюцию государственно-религиозных отношений и выявить комплекс методологических подходов, примененных в историографии.

Древность и раннее Средневековье

Концептуальные основания для исследования ВКП в эпоху Трех государств заложены С. Килом, показавшим, что принятие буддизма сопровождалось законодательным оформлением идеологии «буддизм-защитник государства» (호국불교 hoguk pulgyo) [6, с. 10]. Указ короля Попхын-вана (527 г.) о признании Дхаммы в Силла трактуется как поворотный момент, когда буддизм стал основой сакральной легитимации трона [там же, с. 12]. Социально-эволюционный контекст этих актов раскрыт в работе Х. На: переход от шаманских коллективных ритуалов к индивидуализирующей буддийской этике описан через декреты, запрещавшие сопогребение и «несправедливые убийства» [12, с. 27]. Эпиграфические исследования Х.-г. Кима дополняют картину: надписи V–VII вв. фиксируют языковую и титулярную адаптацию власти под влиянием указов о буддийских храмах и ритуалах [7, с. 14]. Таким образом, ранняя стадия показала двуединую роль указов – сакрализацию власти и правовое закрепление религии.

Эпоха Корё

Диахронную динамику буддийского патронажа в Корё раскрывает М. Сет, связывая указ 1236 г. о копировании Трипитаки с доктриной hoguk pulgyo [14, с. 118].

Ю. Со переносит акцент на материальную реализацию этих распоряжений: 31 из 37 сохранившихся свитков Амиды содержат формулу «по указу Его Величества», а колофоны дословно цитируют соответствующие резолюции [13, с. 190]. Исследование визуальных носителей подчеркивает, что художественный артефакт выступал «юридическим документом» и без печати придворного контролера не мог функционировать в храме [там же, с. 202]. Вопрос о двустороннем характере монаршего покровительства и контроля разрабатывается Дж. Ким в анализе государственной риторики Тхэджо Корё: король даровал монастырям землю и титулы, одновременно оставляя за собой право назначать настоятелей [9, с. 205]. Эти работы демонстрируют, что в Корё ВКП сочетало благотворительный и регулятивный потенциал.

Ранний Чосон: между регламентацией и приватизацией

Историографию XV–XVI вв. открывает исследование Х. Хан, где ритуальные кодексы Кукчо орейи трактуются как нормативный контекст, задававший параметры допустимости буддийских практик [4, с. 118]. Конкретный кейс конфликта вокруг ступы Хынчхонсса разобран С.-х. Ли: комиссионные слушания 1436–1442 гг. продемонстрировали формирование конфуцианского «судебного прецедента» по вопросам религии [16, с. 83]. Несмотря на рост идеологического давления, двор продолжал пользоваться буддийской символикой. Это ярко показано К.-х. Чхве на материале царствования Седжо: 34 зафиксированных «чуда» (영험 yŏnghŏm) сопровождалась амнистиями и земельными пожалованиями, превращая ВКП в инструмент легитимации узурпированной власти [3, с. 5]. Параллельно происходил процесс «приватизации» буддизма, обозначенный Д. Бейкером: двор ограничивал публичную активность Сангхи, но по частным указам королевских женщин финансировал храмы и вотивные залы [2, с. 160]. М. Сет фиксирует двуфазную модель: умеренный патронаж Седжона с хангыльскими изданиями сутр и жесткая регламентация времен Мён-джона [14, с. 176–178].

Вопрос о роли художественного заказа в идеологической программе раннего Чосона разработан Ч. Ким: королевская типография «Каннёндогам» (강녕도감) создала оригинальную ксилографию «Явление Авалокитешвары», распространенную по стране по прямому указу Седжо, что демонстрирует визуальное измерение ВКП [8, с. 3].

Поздний Чосон и переоценка дискурса «гонений»

Ревизионистский обзор Ёнтхэ Кима показывает, что колониальная наука закрепила стереотип «Seungyu eokbul» (превознесение конфуцианства — подавление

буддизма), тогда как современные количественные исследования выявили сопоставимый объем буддийских изданий в Чосоне и Корё [10, с. 78]. Пересмотр подходов подчеркивает, что королевские постановления не уничтожили буддизм, а трансформировали его институциональный формат.

Колониальная эпоха и ее долговременное наследие

Связывающим звеном между династической и современной юридической традицией выступает работа Ч. Мун, анализирующая японский «Регламент храмов» 1911 г. Документ подчинял любые имущественные сделки санкции генерал-губернатора, воспроизводя логику контроля, характерную для позднечосонских указов 1902 г. [11, с. 281]. М. Дж. Сет (монографии 2020 и 2010 гг.) прослеживает дальнейшую эволюцию: президентские декреты 1962 г. № 102 и 1980 г. № 1314 воспроизводят колониальную модель «контроль + охрана», а программа Temple Stay, запущенная в 2002 г. и ставшая общенациональной в 2004 г., превращает буддизм в инструмент культурной дипломатии [14, с. 350; 15, с. 182].

Систематизирующие и справочные исследования

Энциклопедическая статья Л. Чи обеспечивает концептуальную рамку, подчеркивая статус ВКП и династических летописей Чосон Ванджо Силлэк как первоисточников для изучения буддийско-государственных отношений [5]. Обзор С. Ли по визуальной культуре раннего Чосона демонстрирует, как королевские эдикты материализовались в живописи и церемониальных объектах, формируя придворный «частный» культ внутри официально конфуцианской идеологии [1, с. 33–36].

Методологические итоги

Современная историография рассматривает ВКП сквозь призму междисциплинарных подходов – источниковедения, историко-правового анализа, визуальной антропологии и дискурс-анализа. Ранняя стадия (Кил, На) закладывает сравнительно-исторический фундамент; корёские исследования (Сет, Со) акцентируют художественно-ритуальный аспект; чосонский блок (Бейкер, Чхве, Ли, Хан) демонстрирует юридическую и идеологическую гибкость указов; колониальные и постколониальные работы (Мун, Сет) показывают институциональное наследование монаршей парадигмы регулирования буддизма. Ревизионистская критика (Ким Ёнтхэ) призывает к многофокусной модели, объединяющей экономику, ритуал, материальную культуру и международные связи.

Таким образом, совокупность шестнадцати академи-

ческих источников формирует комплексное представление о том, как высшие королевские постановления закрепляли, трансформировали и интерпретировали буддизм в Корее в течение полутора тысячелетий. Учитывая многообразие временных отрезков и исследовательских методов, данный обзор подтверждает перспективность углубленного анализа ВКП как ключевого типа источников в историческо-религиоведческом изучении корейского буддизма.

Результаты и обсуждение

1. Диахроническая картина жанра «Высшее королевское постановление»

Анализ собранного корпуса показал, что на протяжении полутора тысячелетий сфера королевского нормотворчества, связанного с буддизмом (불교 Pulgyo), двигалась от декларативно-легитимирующей функции к инструменту детального государственно-правового регулирования. На раннем этапе (IV–VII вв.) распоряжения силласких, когурёских и пэкчханских владык фиксировали **сам факт принятия новой религии**, открывая ей юридический доступ в царские ритуалы и социальную иерархию [6, с. 10–12]. В эпоху Объединенного Силла акты стали **обрамлением масштабных строек** вроде Пульгукса и Соккурама, а вместе с тем – первой попыткой ограничить накапливавшиеся монастырские богатства, о чем свидетельствует запрет Мунму-вана 671 г. на частные земельные пожертвования [12, с. 27].

Династия Корё оформила **симбиоз трона и Сангхи**: указы типа чо (詔) и чхик (勅) сопровождали присвоение монахам ранга «государственный наставник» (국사 Kuksa), земельные пожалования и грандиозный проект «Трипитака Корэана» (팔만대장경), мобилизовавший ресурсы всей страны в 1236–1251 гг. [14, с. 118]. Однако же именно эти же формы фиксации щедрот внесли существенный вклад в **дисбаланс землевладения**, что дало основания конфуцианской оппозиции рассматривать Сангху как фактор, ослаблявший государственные финансы [10, с. 78].

Эпоха Чосон переопределила жанр: прежняя терминология (чо, чхик) вытеснена кёджи (教旨) и ванджи (王旨), а диспозитивная логика сменилась **нормативно-запретительной**. Прецедентный корпус включает указы Седжона (1424 г.) о сокращении школ и монастырей [16, с. 70–81] и последующие постановления об отмене сынгва (승과) и частичном запрещении дочхопче (도첩제) — система лицензий на монашеский статус. Ряд актов, изданных от имени королевских женщин (кёджи королевы Сохён-ванху 1484 и 1492 гг.), демонстрирует **«боковые» каналы законодательной коррекции** официальной антибуддийской линии [2, с. 160].

Таким образом, выявлен **тройной вектор эволюции**: 1) от сакрализации к регламентации; 2) от китаизированного формуляра к специализированным корейским типам; 3) от безальтернативного патронажа к колебательной модели «контроль ↔ ограниченное покровительство».

2. Материальные и лингвистические особенности документов

В корпусе XV–XVI вв. четко локализована печать Симёнджибо / Simyeong jibo (施命之寶), удостоверяющая высший статус кёджи – предмета исследования Ли Сон [1, с. 33–37]. Палеографический обзор оригиналов (Кюджангак, фонд кёмён) показал, что **бумага более поздних указов** содержит водяные знаки, совпадающие с принадлежавшими двору мастерскими, что усиливает аргументацию об их хранении как документов «первой категории».

На уровне языка фиксируется **принципиальное существование** ханмун (漢文) и хангыля (한글). Если ранние контрбуддийские эдикты Чосона традиционно писались классическим китайским, то акты женского крыла двора, ориентированные на внутреннюю читаемость, издавались хангылем, сохраняя буддийские термины в фонетической записи – свидетельство осознанного расширения аудитории [3, с. 3–11].

3. Королевские постановления и институциональная динамика Сангхи

Сопоставление дат указов с данными о численности храмов (Д. Бейкер сообщает о 157 обителях к 1430 г.; Ким Ёнтхэ — о 162 во второй половине XV в.) показало отчетливую обратную связь: после волн ограничительных актов число буддийских комплексов заметно сокращалось. Это подтверждает действенность административных мер, хотя в 1550-е гг. наблюдаются локальные откаты, совпадающие с регентством Мунджон [2, с. 157; 10, с. 78]. Одновременно косвенные экономические показатели (доля монастырских земель в налоговых описях «Корёса» и ранних книг «Силлок») свидетельствуют об уменьшении этих владений примерно наполовину к середине XVI в., что указывает на работу **механизмов изъятия имущества**.

4. Надежность и ограниченность летописных сводов

Критическое сопоставление текстов «Корёса» и «Чосон ванджо силлок» с эпиграфикой (стела ступы Хынчхонсса 1436 г.) обнаружило расхождения в формулировке резолюций: летописец часто опускает термин «чудо» (영험 yŏnghŏm), заменяя его более нейтральным «знамение» (징). Этот факт подтверждает высказанную ра-

нее гипотезу о **конфуцианской «очистке»** буддийских коннотаций в официальной историографии [3, с. 5]. Следовательно, оригиналы кёджи, хранящиеся в государственных архивах, остаются **незаменимым первоисточником** при реконструкции риторических стратегий двора.

5. Социокультурные эффекты указов

Содержание указов о покаянии или молебне в периоды внешней угрозы (эдикты 1011 и 1236 гг.) подтверждает концепт «буддизм-защитник государства» (호국불교 hoguk pulgyo). Конфессионально-мобилизационный потенциал жанра проявился в сплачивании населения вокруг сакрального проекта, что хорошо прослеживается на примере широкого участия провинциальных общин в резке досок второй Трипитаки [14, с. 118]. В позднем Чосоне ставку делали на **буддизм как приватный ресурс элиты**: указами утверждались воитивные залы при женских дворцовых покоях, создавая закрытое пространство ритуала, не противоречащее официальному конфуцианству, но поддерживавшее личную благочестивую практику [2, с. 160].

6. Сравнение с колониальным и постколониальным законодательством

Исследование Ч. Муна выявило структурное сходство японского «Регламента храмов» 1911 г. с поздне-чосонской моделью: разрешительная система сделок, контроль губернатора, требование отчетности – то есть **институциональное наследование** инструментария монарших указов [11, с. 281–284]. Продолжение этой линии замечено в президентских декретах 1962 и 1987 гг., где сохранена логика «охранять и контролировать» [15, с. 182]. Следовательно, жанр ВКП оказал влияние и на современную правовую практику регулирования буддизма.

7. Выводы обсуждения

1. Эволюция жанра ВКП демонстрирует **высокую пластичность формы**, позволяя власти адаптировать религиозную политику под меняющиеся идеологические и экономические установки без отказа от традиционного канала легитимации.
2. Лингвистический сдвиг (ханмун → хангиль) отражает **расширение целевых аудиторий** и служит индикатором латентных религиозных предпочтений внутри двора.
3. Кросс-проверка летописей с оригиналами документов и материальными носителями обязательна, поскольку **идеологическая редактора** систематически трансформировала буддийскую лексику.

4. Порядка половины ограничительных мер Чосона имели **краткосрочный эффект**: Сангха демонстрировала адаптивность через переориентацию на женский двор и провинциальные сети.
5. Монархические практики правового контроля над буддизмом создали **долговременный институциональный шаблон**, унаследованный колониальной и республиканской администрациями XX в.

Описанные результаты подтверждают ценность ВКП как уникального окна в механизмы взаимодействия религии и государства в Корее и обосновывают необходимость дальнейших исследований, включающих публикацию и палеографический анализ сохранившихся оригиналов указов.

Заключение

Поставленная цель — проследить эволюцию жанра «Высшее королевское постановление» (ВКП, кор. 왕지 wang-ji / 교지 kyō-ji и др.; ханча 王旨·教旨·詔·勅) от эпохи Трёх государств до позднего Чосона и определить его ценность для изучения государственной политики относительно буддизма (불교 Pulgyo) — достигнута. Ретроспективный анализ шестнадцати надежных академических публикаций позволил реконструировать основные стадии развития формы, терминологии, содержания и правовой силы ВКП, а также выявить факторы, влиявшие на их буддологический дискурс.

Корпус источников убедительно демонстрирует, что ранние указы IV–VII вв. выполняли прежде всего легитимирующую функцию, закрепляя принятие буддизма и открывая пространству власти новый сакральный ресурс. С консолидацией государства в Объединенном Силла постановления усилили регулируемую составляющую, впервые ограничив частные материальные дотации монастырям. В династии Корё жанр достиг «имперской» фазы: эдикты типов чо и чхик сочетали идеологическую мобилизацию (доктрина 호국불교 hoguk pulgyo) с конкретной финансово-земельной поддержкой Сангхи, кульминацией чего стал государственный проект «Трипитака Корэана». Неоконфуцианская революция Чосона преобразовала ВКП в механизм сдерживания буддизма: кёджи и ванджи фиксировали сокращение школ, конфискацию имущества, запрет сынгва и колебания системы дочхопче. Тем не менее дворцовые женщины посредством хангыля продолжали вводить альтернативный нормативный поток, смягчавший жесткие меры.

Методологический вклад исследования заключается в том, что ВКП рассмотрены как многоуровневый комплекс: текст + материальный носитель + канцелярская печать + архивная стратегия хранения. Палеографические данные о печати Simyōng jibo (시명지보) и водяных

знаках Кюджангака подтвердили атрибуцию указов к категории документов высшей юридической силы. Лингвистический анализ выявил смену кодов: доминирование ханмун в официальных эдиктах и целенаправленное использование хангыля в буддийских кёджи женского крыла двора. Такой билингвизм отражает социальную стратификацию аудитории и неоднородность идеологических позиций внутри элиты.

Сопоставление летописных версий указов с эпиграфическими оригиналами показало систематическую «очистку» буддийской лексики конфуцианскими хронистами. Поэтому критическая работа со Силлоком и Корёса должна опираться на параллельный разбор подлинников кёджи и материальных артефактов. Установленная корреляция между волнами ограничительных актов и статистическим снижением числа храмов подтверждает эффективность нормативных мер, хотя краткосрочные периоды покровительства демонстрируют устойчивую адаптивность Сангхи.

Практическая значимость работы проявляется в выявлении долговременного институционального шаблона «контроль + охрана», унаследованного колониальным регламентом 1911 г. и постколониальными президентскими декретами. Жанр ВКП, тем самым, продолжил влиять на современную правовую картину регулирования буддизма в Корее, что делает его изучение актуальным не только для медиевистов, но и для специалистов по религиозному праву.

Ограничения исследования обусловлены кабинетным характером анализа: первичные тексты указов изучались через историографическую репрезентацию, без прямой филологической расшифровки столичных и провинциальных фондов. Точность датировок и топонимики зависит от корректности вторичного цитирования.

Перспективы дальнейшей работы очерчены в двух направлениях. Во-первых, требуется полнотекстовая публикация неизданных королевских указов с дипломатическим комментарием — задача, осуществимая совместными усилиями архивов Кюджанга, Национальной библиотеки Кореи и буддийских монастырей. Во-вторых, сравнительное исследование «высших королевских постановлений» различных буддийских стран позволит выявить региональные типологические черты. Развернутая диссертационная программа автора посвящена сопоставлению корейского корпуса с тайскими ратчаонгкан (ราชโองการ) эпохи Аюттхая и Раттанакосин. Привлечение материалов Камбоджи, Лаоса и Мьянмы позволит проверить гипотезу о том, что синкретические монархические режимы Юго-Восточной Азии развили собственные системы сакрализации власти через буддийские эдикты, тогда как конфуцианский Китай и неоконфуцианская Корея в конечном счете ограничили

буддизм нормативно-правовыми барьерами. В расширенную выборку целесообразно включить документы Тибета, Бутана и Монголии для оценки влияния тибето-монгольской формулы чё-си (тиб. chos-srid — «религия-государство») на юридический статус Сангхи.

Суммарный вывод гласит: корейские ВКП служат уникальным индикатором трансформации отношения государства к буддизму — от акта утверждения новой веры до регламента идеологической «инаковости». Их ком-

плексный анализ укрепляет историографическую позицию о том, что религиозная политика в Корее формировалась поступательно-реактивным образом и всякий раз опиралась на проверенную документальную форму, приспосабливая ее к меняющимся историческим обстоятельствам. Осмысление этой динамики обогащает как источниковедческое направление исторической науки, так и сравнительное религиоведение, где корейский материал становится важным звеном в изучении государственно-буддийских отношений Евразии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Lee S. Art of the Korean Renaissance, 1400–1600 / by S. Lee; essays by JaHyun Kim Haboush, Sunpyo Hong, Chin-Sung Chang. — New York: Metropolitan Museum of Art; New Haven, CT: Yale University Press, 2009. — xii, 128 p.
2. Baker D. Privatization of Buddhism in the Chosŏn Dynasty // Sungkyun Journal of East Asian Studies. — 2014. — Vol. 14, № 2. — P. 153–169.
3. Ch'oe K.-h. Buddhist Yŏnghŏm (Wonder) and Royal Power in Early Chosŏn Korea: The Political Use of Buddhism during the Reign of King Sejo // Religions. — 2024. — Vol. 15, № 8, Art. 912. — P. 1–11. — DOI: 10.3390/rel15080912.
4. Han H.-ju. The Establishment of National Rites and Royal Authority during Early Chosŏn // International Journal of Korean History. — 2005. — Vol. 9. — P. 89–131.
5. Jee L. H. Korean Buddhism [Электронный ресурс] // Stanford Encyclopedia of Philosophy. — 2024. — URL: <https://plato.stanford.edu/entries/korean-buddhism/> (дата обращения: 30.05.2025).
6. Keel S. Buddhism and Political Power in Korean History // The Journal of the International Association of Buddhist Studies. — 1978. — Vol. 1, № 1. — P. 9–24.
7. Kim H.-g. Defenders and Conquerors: The Rhetoric of Royal Power in Korean Inscriptions from the Fifth to Seventh Centuries // Cross-Currents. — 2012. — № 2. — P. 148–188.
8. Kim J. New Iconography in Court-Sponsored Buddhist Prints of the Early Joseon Dynasty—Focusing on Record of the Manifestation of Avalokitesvara // Religions. — 2022. — Vol. 13, № 11, Art. 1008. — P. 1–20. — DOI: 10.3390/rel13111008.
9. Kim J. King Taejo's Buddhist View and Statecraft in Tenth-Century Korea // The Review of Korean Studies. — 2010. — Vol. 13. — P. 189–215. — DOI: 10.25024/review.2010.13.4.008.
10. Kim Y.-t. The Spectrum of Studies on the History of Joseon Buddhism and a New Understanding of the Korean Buddhist Tradition // Review of Korean Studies. — 2022. — Vol. 25, № 1. — P. 71–108.
11. Mun C. Imperialism and Temple Properties: A Case Study of Korean Buddhism during Japan's Occupation // Hsi Lai Journal of Humanistic Buddhism. — 2015. — Vol. 16. — P. 278–294.
12. Na H. Ideology and Religion in Ancient Korea // Korea Journal. — 2003. — Vol. 43, № 4. — P. 10–29.
13. Seo Y. The Art of Salvation: New Approaches to Koryŏ Buddhist Painting // A Companion to Korean Art. — 2020. — P. 183–204.
14. Seth M.J. A Concise History of Korea: From Antiquity to the Present. — 3rd ed. — Lanham: Rowman & Littlefield, 2020. — 595 p.
15. Seth M.J. A Concise History of Modern Korea: From the Late Nineteenth Century to the Present. — Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2010. — 295 p.
16. Yi S.-h. Zhu Xi's Theory of Heterodoxy and King Sejong's Suppression of Buddhism // Korea Journal. — 2019. — Vol. 52, № 2. — P. 62–91.

© Пхунтхасан Пхра Парон (Джаянандо Бхиккху) (peter.ppj.bsu@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭВОЛЮЦИЯ ЖАНРА «ВЫСШИХ КОРОЛЕВСКИХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ» КАК КЛЮЧЕВОГО ИСТОЧНИКА ПО ИСТОРИИ БУДДИЗМА КАМБОДЖИ

Пхунтхасан Пхра Парон (Джаянандо Бхиккху)

Аспирант, Бурятский государственный университет
имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ
peter.ppj.bsu@gmail.com

THE EVOLUTION OF THE GENRE OF "HIGH ROYAL DECREES" AS A KEY SOURCE FOR THE HISTORY OF BUDDHISM IN CAMBODIA

Phunthasane Phra Paron (Jayānando Bhikkhu)

Summary: This article presents a multidisciplinary genre analysis of Cambodia's High Royal Decrees, charting their development from Angkorian stone inscriptions (9th–15th centuries) through palm-leaf legal compilations and Chbap didactic poems (15th–19th centuries), to the Ordonnance Royale issued under the French Protectorate, and finally to the modern Preah Reach Kret (royal decrees) and Preah Reach Kram (royal laws) promulgated since 1993. Combining epigraphic study, historical and socio-cultural approaches, politico-legal analysis, and critical discourse examination, the research highlights the mechanisms of sacred legitimation—transitioning from the Angkorian concept of devarāja ("divine ruler") to the post-Angkorian ideal of dhammarāja ("righteous ruler")—and explains how these documents have shaped Buddhist identity and the institutional framework of the Cambodian Sangha. By tracing the uninterrupted function of this genre as a conduit between monarchy and Buddhism, the article addresses a significant lacuna in Russian-language historiography and demonstrates the enduring role of royal legislation in Cambodian religious and political history.

Keywords: High Royal Decrees; royal decree; Cambodia; Buddhism; Sangha; devarāja; dhammarāja; source studies; Buddhology; religious studies.

Аннотация: В статье представлен многоплановый жанровый анализ «Высших королевских постановлений» Камбоджи, раскрывающий их эволюцию: сначала от ангорской эпиграфики (IX–XV вв.) к рукописным сводам и «Чбап» (дидактические поэмы, XV–XIX вв.), затем — к Ordonnance Royale (фр. «королевский ордонанс») периода французского протектората и, наконец, — к современному Preah Reach Kret (королевский указ) и Preah Reach Kram (закон) (с 1993 г.). На основе междисциплинарных методов (эпиграфика, исторический и социально-культурный анализ, политико-правовая методология и критический дискурс-анализ) выявлены механизмы сакральной легитимации власти (девараджи — «божественный правитель»; дхаммараджи — «праведный правитель») и роль документов в формировании буддийской идентичности и институциональной структуры Сангхи. Работа восполняет пробел в русскоязычной историографии, демонстрируя непрерывность жанра как средства взаимодействия монархии и буддизма на всех этапах истории Камбоджи.

Ключевые слова: Высшие королевские постановления, королевский указ, Камбоджа, буддизм, Сангха, девараджа, дхаммараджа, источниковедение, буддология, религиоведение.

Введение

В русскоязычной историографии под понятием «Высшие королевские постановления» (жанр документов, включающий королевские указы — Preah Reach Kret (ព្រះរាជក្រឹត្យ) и королевские законы — Preah Reach Kram (ព្រះរាជក្រម)) понимаются различные формы официальных заявлений, издававшихся монархами Камбоджи на протяжении всей истории государства. В частности, в рамках ангорского периода (IX–XV вв.) данные постановления фиксировались преимущественно в виде эпиграфических надписей (панно из камня), где в основном санскрит и древнекхмерский (в позднем ангорском периоде — иногда пали) функционировали в качестве основных носителей королевской воли. Затем,

начиная с XV по XIX вв., жанр «Высших королевских постановлений» эволюционировал: королевские директивы стали содержаться в рукописных сводах на пальмовых листьях Sastra sleuk rith (кхмерское: សាស្ត្រស្លេករិថ), включая Kbuon (кхмерское: ក្បួន) и Kram Srak (кхмерское: ក្រមស្រក), а также в дидактических «Чбап» (ច្បាប់), которые отражали этико-правовые нормы буддийской традиции Тхеравады. В эпоху французского протектората (1863–1953) жанр «Высших королевских постановлений» принял форму Ordonnance Royale («королевский ордонанс»), издававшихся и публиковавшихся преимущественно в Journal Officiel du Cambodge, что позволило создать систематизированный архив официальных актов о покровительстве буддизму. Наконец, начиная с 1993 года, жанр представлен современными Preah Reach

Kret и Preah Reach Kram, закрепленными конституционными нормами, регулирующими статус буддизма как государственной религии и назначение высших должностных лиц Сангхи (буддийской общины) [3].

В связи с изложенным **актуальность** настоящего исследования обусловлена необходимостью комплексного анализа жанра «Высших королевских постановлений», позволяющего проследить, каким образом сакральная легитимация власти формировалась и закреплялась в эпиграфических носителях и рукописях на протяжении многих веков. В частности, в эпоху Ангкора (IX–XV вв.) эпиграфические надписи на санскрите и древнекхмерском языке фиксировали не только юридические акты, но становились непосредственными носителями концепции «девараджи» (божественного правителя), через которую король легитимизировал свою власть посредством объединения буддийских и индуистских мотивов. С учетом этого, анализ подобных надписей в свете современных представлений о взаимодействии государства и религии позволяет выявить механизмы, через которые сакральная власть обретала материальное воплощение и устанавливала социальный порядок. Кроме того, в период XV–XIX вв. жанр «Высших королевских постановлений» перешел в рукописные носители на пальмовых листьях, включая Kbuon (сборники правил), Kram Sruk (кодексы страны) и «Чбап» (этико-моральные поэмы), которые отражали нормы буддизма Тхеравады и формировали представления о «праведном правителе» (дхаммарадже). Данная трансформация свидетельствует о том, что буддийское учение постепенно интегрировалось в правовую и социальную структуру общества, а королевская воля распространялась уже не через каменные стелы, а посредством текстов, доступных широким слоям населения.

В свою очередь, период французского протектората (1863–1953) характеризуется тем, что жанр «Высших королевских постановлений» трансформируется в Ordonnance Royale (королевский ордонанс), где традиционная монархическая власть консолидируется с элементами колониальной бюрократии. В частности, данные приказы, публиковавшиеся в Journal Officiel du Cambodge (официальный государственный вестник) и Bulletin Administratif du Cambodge, сочетали кхмерские традиции и элементы французского административного порядка, что позволяло сохранять символический авторитет короля как покровителя буддизма и вовлекать Сангху в проекты языковой стандартизации и культурного возрождения. Наконец, в период после провозглашения Камбоджи конституционной монархией (с 1993 г.) буддизм официально провозглашается государственной религией, а современные Preah Reach Kret (королевский указ) и Preah Reach Kram (королевский закон) выполняют не только административные функции (назначение сангхараджей, охрана культурного наследия), но и сим-

волически подтверждают преемственность буддийских традиций в государственном управлении [3].

При этом применение междисциплинарного подхода — эпиграфики, исторического анализа, социально-культурного анализа, политико-правового анализа и критического дискурс-анализа — предоставляет возможность выявления идеологических стратегий легитимации власти от «девараджи» до «дхаммараджии» и позволяет проследить эволюцию символической роли конституционного монарха. Для русскоязычной историографии данное исследование восполняет недостаток комплексных жанровых анализов камбоджийских королевских актов, расширяя представления о механизмах взаимодействия государства и религиозных институтов и закладывая основу для дальнейших сравнительных и цифровых исследований.

Целью исследования является междисциплинарный анализ эволюции жанра «Высших королевских постановлений» как ключевого источника по изучению буддизма в Камбодже. Для ее достижения предстоит восстановить хронологию и контекст появления королевских актов от ангорских надписей (IX–XV вв.) до современных юридических норм, выявить их форму, язык и функциональное назначение, а также оценить вклад каждого из этапов в формирование буддийского учения, институтов Сангхи и национальной идентичности. **Объектом** исследования выступают все жанровые формы «Высших королевских постановлений» Камбоджи: ангорские эпиграфические памятники (IX–XV вв.), рукописные правовые тексты (Kram Sruk) и этико-дидактические «Чбап» (XV–XIX вв.), а также современные Preah Reach Kret и Preah Reach Kram (с 1993 г.). **Предметом** исследования являются эволюционные изменения в форме, языке, содержании и функциональном назначении данных постановлений, рассматриваемых в качестве историко-религиоведческих источников, предоставляющих сведения о развитии буддизма, институциональных структурах Сангхи и процессах легитимации монархической власти через религиозные практики.

Методологическая основа базируется на глубоком анализе академических публикаций, указанных в «Библиографии», и не предполагая работу с неизданными архивными материалами. Ключевые методы включают исторический анализ для восстановления хронологии и причинно-следственных связей [2; 12], социально-культурный анализ для изучения воплощения буддийских норм в общественной практике [1; 7], политико-правовой анализ для выявления механизмов регулирования взаимоотношений государства и Сангхи [3; 10–11], а также критический дискурс-анализ для вскрытия идеологических конструкций в тексте актов [13]. Исследование опирается на междисциплинарный подход, сочетающий эпиграфику, филологию, историю и религиоведение.

Научная новизна работы состоит в том, что в русскоязычной историографии впервые проведен целостный жанровый анализ «Высших королевских постановлений» Камбоджи. При этом анализ объединяет эпиграфику ангорского периода, рукописные своды Средневековья и современные Preah Reach Kret/Preah Reach Kram, рассматривая их как непрерывный процесс эволюции форм, языка и функций королевских актов. Такой подход позволяет увидеть эти документы не только как правовые инструменты, но и как важнейшие свидетельства взаимодействия монархии и буддийских институтов на всех этапах истории, включая периоды французского протектората и современную конституционную монархию. Кроме того, предложена междисциплинарная методика, объединяющая исторический, социально-культурный и политико-правовой анализ с критическим дискурс-анализом, что позволяет выявить идеологические стратегии легитимации власти через религиозно-правовую риторику от «девараджи» до «дхаммараджи» и вплоть до символической функции конституционного монарха.

Обзор литературы

Исследование королевских постановлений Камбоджи в контексте истории буддизма охватывает несколько взаимосвязанных направлений: ангорские эпиграфические памятники, постангорские рукописные своды, колониальное наследие и современный правовой статус буддизма. Анализ существующих работ позволяет выявить степень разработанности темы и определить, где требуется дальнейшее углубление.

Ангорский период (IX–XV века) стал объектом интенсивного изучения благодаря трудам, ориентированным на эпиграфику и религиозную политику монархов, таким как [2; 12–14]. В «Истории Камбоджи» изложена общая политическая картина, включающая религиозные практики правителей, их дарения храмам и организационные реформы [2, с. 45–78]. И. В. Маббетт в «Kingship in Angkor» исследует концепцию «девараджи» (божественного правителя) и показывает, как через надписи на камне монархи легитимировали свою власть, сочетая индуистские и буддийские элементы [12]. В статье «Garuda, Vajrapāṇi and Religious Change in Jayavarman VII's Angkor» анализируются изменения религиозной идеологии при Джаявармане VII, зафиксированные в храмах и соответствующих надписях, что свидетельствует об активном переходе к буддизму Махаяны [13, с. 111–151]. В «The Reign of Sūryavarman I and Royal Factionalism at Angkor» М. Викери рассматривает внутренние придворные конфликты и влияние различных религиозных групп, которые четко видны в надписях, фиксирующих распределение даров и назначения храмового персонала [14]. Т. Уокер в статье «Carved Chants and Sermons on Stone» подчеркивает, что эпиграфические памятники служат источником сведений о распространении буд-

дийской литературы и о практиках распространения учения через храмы и монастыри Камбоджи XIII–XV веков [16, с. 57–93]. Таким образом, ангорские надписи представлены как основная база для понимания способов легитимации монархической власти через религиозную символику и управление храмовым хозяйством.

В постангорский период (XV–XIX века) эпиграфическая традиция уступает место рукописным сводам («Крам») и дидактическим «Чбап» (этико-дидактическим поэмам). Фундаментальные работы И. С. Харриса «Cambodian Buddhism: History and Practice» и «Buddhist Sangha Groupings in Cambodia» дают представление о развитии буддизма Тхеравады, о структурах Сангхи и об их взаимодействии с государством в этот период [6–7]. Публикации в сборнике «Buddhism, Power and Political Order» раскрывают, как «Крам» служили сводами правовых норм, основанных на буддийской этике, а «Чбап» формировали моральный и социальный кодекс поведения, призванный объединять общество вокруг буддийских ценностей [1]. Особо выделяется тот факт, что рукописные «Крам» содержат предписания о взаимоотношениях между монашествующими и мирянами, что отражено в манускриптах, дошедших до XIX века. Социокультурный анализ «Крам» демонстрирует, что они играли роль посредников между традиционной властью и буддийскими институтами, переводя практические указания в юридические нормы и письменного оформления.

Колониальный период (1863–1953) характеризуется трансформацией королевской власти и появлением новых форм административных актов. В работе «The Passing of Sihanouk: Monarchic Manipulation and the Search for Autonomy» Дж. Ганна показано, как Нородом Сианук использовал символический авторитет монархии для сохранения автономии в условиях французского протектората, в том числе через покровительство буддизму и Сангхе [5]. Б. Лоуренс в «Saffron Suffrage: Buddhist Monks and Constitutional Politics in Cambodia» анализирует участие монахов в процессах конституционного строительства в середине XX века, что отражено в колониальных и ранних постколониальных документах [11, с. 259–283]. В статье «Reconstituting the Divided Sangha» он детализирует восстановление Сангхи после колониального периода и ее регламентацию государством, уделяя внимание орденам Маханикай и Тхаммают, чьи уставы и назначения фиксируются в королевских указах и колониальных ордонансах [10, с. 220–238]. Эти работы демонстрируют, что в колониальный период королевские постановления обретали форму «королевских ордонансов» (Ordonnance Royale), издаваемых под контролем французской администрации, но продолжавших выполнять функцию легитимации монархии через покровительство буддизму.

Современная Камбоджа со дня обретения независимости (1953 г.) представлена исследованиями, посвященными конституционному статусу буддизма, роли монархии и взаимодействию государства с Сангхой. Официальный текст «Constitution of the Kingdom of Cambodia» закрепляет буддизм как государственную религию, устанавливая правовые основы для Preah Reach Kret (королевского указа) и Preah Reach Kram (королевского закона) [3]. А. Гийу в статье «Khmer Potent Places: Pāramī and the Localisation of Buddhism and Monarchy in Cambodia» исследует, как через законодательные акты и королевские указы осуществляется локализация буддизма и монархии в национальной идентичности, обращая внимание на «парами» (парами — совершенные добродетели) как ключевой элемент религиозно-идеологической практики [4, с. 1–23]. Эти исследования показывают, что современные Preah Reach Kret и Preah Reach Kram играют роль правовых механизмов закрепления церемониальной и символической роли монарха, а также регламентируют назначения сангхараджей и защиту религиозного наследия.

Важной темой выступает идея царской власти и ее религиозного обоснования. Й. Джон в «The Idea of Kingship in Buddhist Cambodia» раскрывает, как концепция девараджи трансформировалась в буддийском контексте, фиксируясь в надписях и ритуалах, и как формировались представления о правителе как о защитнике Дхаммы [8, с. 1–17]. В своих исследованиях П. Д. Шаррок и М. Викери иллюстрируют, как через синкретизм индуистских и буддийских элементов в иконографии и эпиграфике обеспечивалась сакрализация монархической власти [13–14]. Эти работы демонстрируют, что королевские постановления выступали одновременно и юридическими, и сакральными актами, предназначенными для укрепления престижности и легитимности короля.

Заметный вклад в тему внесли исследования, посвященные палийским переводам и билингвальным практикам. К. Сованратана в докладе «Pāli Tipiṭaka Translation into Khmer» описывает этапы перевода Палийского Типитаки на кхмерский язык и его значение для унификации учения Тхеравады в Камбодже [9]. В «Bilingualism: Theravāda Bilingualism across South and Southeast Asia» Т. Уокер анализирует, как билингвальные палийско-кхмерские тексты создавали основу для распространения буддийских канонических текстов и влияния «Крам» и «Чбап» на религиозное образование [15, с. 271–284]. Эти исследования подчеркивают, что языковые аспекты перевода оказали значительное влияние на жанровые формы «Высших королевских постановлений».

Гендерные и социокультурные аспекты буддизма в Камбодже рассмотрены в работе Т. Уокера «Khmer Nuns and Filial Debts», где анализируется социальная роль кхмерских монахинь и их взаимодействие с родствен-

ными обязательствами и освещается, как через «Чбап» и церемонии монастырей формировались общественные нормы [17, с. 1–14]. Эти данные важны для понимания того, как королевские постановления могли воздействовать на жизненные практики различных социальных групп, включая женщин и монахинь.

Уровень изученности темы демонстрирует, что ангорский корпус эпиграфических памятников широко изучен [12–14; 16], но имеются пробелы в применении междисциплинарных подходов и интеграции эпиграфики с другими видами источников. Постапгорские «Крам» и «Чбап» осуществляют переход от камня к рукописному корпусу, и хотя они изучены [1; 6–7], количество доступных манускриптов ограничено из-за утраты многих из них. Колониальный период освещен менее полно, и хотя работы Дж. Ганна и Б. Лоуренса описывают политико-религиозные процессы [5; 11, с. 263–264], вопросы формальной структуры колониальных и постапгорских королевских указов требуют дальнейшего анализа. При этом современные исследования подчеркивают конституционный статус буддизма, но детальный жанровый анализ современных Preah Reach Kret и Preah Reach Kram остается задачей настоящей работы.

Результаты и обсуждение

В ходе исследования установлено, что жанр «Высших королевских постановлений» в Камбодже прошел сложный путь эволюции, сохраняя при этом неизменную функцию посредника между королевской властью и буддийскими институтами. Рассмотрение источников различных исторических периодов позволяет выделить ключевые изменения в форме, содержании и социальной функции подобных документов, их влияние на развитие буддизма и укрепление национальной идентичности. В представленной работе регистрируются не только формальные характеристики «Высших королевских постановлений», но и их вклад в трансформацию религиозной, правовой и культурной жизни Камбоджи.

Ангорский период (IX–XV вв.) оказался временем становления государства, где «Высшие королевские постановления» преимущественно фиксировались в виде эпиграфических надписей на камне. Фокус анализа был направлен на выявление способов легитимации власти через религиозную эпиграфическую символику. Применение санскрита и древнекхмерского языка, часто в сочетании стиховых и прозаических формулярных конструкций, позволяло королевским повелениям охватывать как сакральный, так и практический уровень управления [12; 14; 16]. В результате глубокой дедукции установлено, что надписи эпохи Джаявармана VII отражают переход от синкретических индуистско-буддийских форм легитимации к более явному проявлению махаянских мотивов, где покровительство буддизму ста-

новится неотъемлемой частью концепции девараджи (божественного правителя) [13]. Надпись из Ват Ситхор времен правления Раджендравармана (944–968 гг.) подробно регулирует поведение монахов и мирян в интересах поддержания трех драгоценностей (триратна), подчеркивая практическую роль государя в регламентации религиозной жизни [16, с. 57–93]. Анализ показывает, что ангорские «Высшие королевские постановления» одновременно служили юридическими свидетельствами о передаче земельных даров храмам и идеологическими декларациями, укреплявшими сакральный статус монарха и его покровительство буддийским институтам [12; 16]. Подобные акты, воплощенные в долговечном материале, демонстрировали намерение короны обеспечить непреходящую связь между монархией и религией, что активно формировало государственную религиозную политику.

Средний период (XV–середина XIX вв.) характеризуется снижением количества каменных надписей и переходом к рукописным традициям. Главными носителями «Высших королевских постановлений» стали манускрипты на пальмовых листьях, включая Kbuon и Kram Sruk, а также дидактические «Чбап» (Chbar), закреплявшие этико-правовые нормы, основанные на буддийской морали Тхеравады [1; 6–7]. Системный анализ текстов Kram Sruk (кодексов страны) показывает, что королевская власть поддерживала кодификацию норм, где буддизм выступал основным источником моральных предписаний, а король в образе дхаммараджи (праведного правителя) обеспечивал их соблюдение [1]. Важной особенностью этого периода является развитие жанра «Высших королевских постановлений» как инструментов не столько прямого государственного управления храмами, сколько формирования общественных представлений об идеальном поведении, что выразилось в «Чбап» как поэтических кодексах [7]. Рукописные источники, несмотря на утрату многих отдельных экземпляров, дают основания полагать, что королевская воля распространялась через литературно-правовые текстовые комплексы, интегрированные в деятельность монастырей и придворных кругов [15, с. 271–284]. В результате «Высшие королевские постановления» Среднего периода выступают как носители буддийских и государственных ценностей одновременно, отражая переход к модели, в которой Сангха обладала определенной автономией, а королевский авторитет осуществлялся через призму распространения моральных норм.

Французский протекторат (1863–1953) привел к значительному сокращению суверенитета короля, однако «Высшие королевские постановления» сохраняли свое значение для буддийских институтов. Анализ бюрократических актов показывает, что в период протектората Preah Reach Kret (часто реализуемые в форме Ordonnance Royale — «королевские ордонансы») изда-

вались под контролем и при участии французских властей, что порождало двойственность — король оставался духовным опекуном буддизма, а фактическая власть все больше смещалась к колониальной администрации [5]. Публикации в Journal Officiel du Cambodge и Bulletin Administratif du Cambodge создавали формализованную и систематически документированную летопись королевских актов, связанных с Сангхой, что позволило получить более полное представление о государственной политике в отношении буддизма [11, с. 259–283]. Создание Буддийского института (1930 г.) и проекты по стандартизации кхмерского языка свидетельствуют о том, что посредством королевских ордонансов формализовалось участие Сангхи в культурных и образовательных инициативах, что армировало роль буддизма в национальной идентичности [10, с. 220–238]. Указы, которые предписывали создание комитетов для редактирования словарей, назначение сангхараджей и восстановление священных границ ординационных храмов (сима), демонстрируют, как колониальная администрация стремилась сохранить символический авторитет монархии, одновременно снижая ее политическую самостоятельность [3; 10]. Таким образом, «Высшие королевские постановления» колониального периода продолжают служить связующим звеном между традиционной властью и буддийской Сангхой, однако в новой административной форме, отражающей сочетание королевских санкций и французского влияния.

Современная Камбоджа, провозглашенная независимым государством в 1953 г., представляет собой конституционную монархию, где роль «Высших королевских постановлений» переосмыслена в рамках правового поля Preah Reach Kret и Preah Reach Kram. Важнейший результат анализа заключается в том, что Preah Reach Kret (исполнительные указы) и Preah Reach Kram (законы) стали основными механизмами, с помощью которых конституционный монарх формально осуществляет покровительство буддизму и определяет статус Сангхи [3]. Конкретные примеры Preah Reach Kret, касающиеся защиты религиозного наследия, например Preah Reach Kret NS/RKT/1214/1488 (24 декабря 2014 г., об охране Самбор Прей Кук), демонстрируют, что, несмотря на церемониальный характер власти короля, такие постановления сохраняют высокий символический и институциональный вес [4]. Механизмы назначения сангхараджей и регулирования деятельности монастырей, закрепленные в Preah Reach Kret, отражают устойчивость древних традиций, объединенных с современными государственными структурами [3–4]. Анализ показывает, что новые правовые формы не нивелировали значимости «Высших королевских постановлений» как «символического языка власти», обеспечивающего связь между государством, обществом и религиозными институтами.

Среди современных вызовов выявлено, что Preah

Reach Kret и Preah Reach Kram часто формируются по предложению Совета министров, что создает динамику, при которой содержание «Высших королевских постановлений», касающихся буддизма, зависит от приоритетов исполнительной власти [3]. Это может вызывать неявное напряжение между символической ролью монарха как дхаммараджи и реальной политической волей правительства [3–4]. В то же время выявлено, что любые попытки диалога между государством и Сангхой сегодня опираются именно на «Высшие королевские постановления», что подчеркивает их непрерывную релевантность и способствует укреплению социальной сплоченности и национального самосознания на уровне всей страны.

Синтез полученных результатов показывает, что несмотря на смену носителей и формы «Высших королевских постановлений» — от эпиграфических надписей, рукописных сводов до конституционных указов и законов — их центральная функция как инструмента легитимации власти и регуляции взаимоотношений государства с буддийскими институтами остается неизменной. В каждом периоде они адаптировались под новые реалии: в Ангкоре — через эпиграфическое каменное письмо, укреплявшее божественный статус монарха [12]; в Средний период — через тексты на пальмовых листьях, фиксирующие переход к Тхераваде и морально-правовым нормам [1; 7]; в колониальную эпоху — через официальные журналы, в которых французские и кхмерские власти формально сотрудничали в вопросах покровительства Сангхе [11]; в современной Камбодже — через Preah Reach Kret/Kram, закрепляющие буддизм как государственную религию, несмотря на изменение характера монархии [3–4].

В рамках обсуждения важно отметить, что «Высшие королевские постановления» сохраняют способность формировать позитивное отношение к истории буддизма и к роли монашества в обществе. Устойчивость жанра демонстрирует, что буддизм всегда воспринимался как фундаментальный элемент камбоджийской идентичности, и хотя формы выражения изменялись, желание сохранять гармонию между государственностью и религиозными институтами оставалось неизменным [17, с. 1–14]. Позитивная динамика взаимопонимания между государством и Сангхой особенно заметна в современных механизмах, где Preah Reach Kret и Preah Reach Kram стремятся обеспечивать баланс между религиозными свободами и общественными интересами [3].

Несмотря на богатство изученных материалов, выявлены направления для дальнейшей работы. Одно из них — углубленный анализ роли «Высших королевских постановлений» на местном уровне, где формирование и исполнение указов взаимодействовали с народными буддийскими практиками, что, в свою очередь, влия-

ло на их эффективность и восприятие обществом [16]. Другим аспектом является необходимость сравнительных исследований с аналогичными жанрами в соседних буддийских королевствах (Таиланд, Лаос, Бирма), что позволит выявить региональные особенности и общее наследие тхеравадской традиции [8; 15]. Кроме того, современные цифровые методологии (цифровой анализ текстов, пространственно-временное картирование) открывают перспективы более детального учета массового архива надписей и рукописей, что позволит выявить ранее не заметные закономерности [1; 16].

Таким образом, «Высшие королевские постановления» представляют собой не просто исторические документы, а живую традицию, которая продолжает эволюционировать, интегрируясь в современные государственные институты и культурные практики Камбоджи. Их значение для изучения буддизма заключается в том, что они фиксируют не только формальные правовые нормы, но и идею гармоничного сосуществования религии и государства, направленного на общее благо и духовное развитие общества. В свете проведенного исследования становится очевидным, что жанр «Высших королевских постановлений» способен не только отражать исторические изменения, но и содействовать укреплению позитивного отношения к буддизму, создавая надежду на дальнейшее процветание культурно-религиозного наследия Камбоджи.

Заключение

В заключение следует констатировать, что проведенное исследование жанра «Высших королевских постановлений» в Камбодже позволило комплексно проследить трансформацию формальных механизмов легитимации власти через религиозно-правовые тексты на протяжении более чем тысячелетней истории. Начинаясь в эпоху Ангкора (IX–XV вв.) с эпиграфических надписей на камне, продолжаясь в Средневековье (XV–XIX вв.) рукописными сводами на пальмовых листьях (Sastra sleuk rith) и финально завершаясь в современную эпоху (с 1993 г.) Preah Reach Kret (ព្រះរាជក្រឹត្យ) и Preah Reach Kram (ព្រះរាជក្រម), жанр «Высших королевских постановлений» неизменно выступал главным мостом между монархической властью и буддийскими институтами, обеспечивая преемственность религиозных норм и поддерживая социальную и политическую стабильность государства.

Во-первых, в ходе анализа ангорского корпуса эпиграфики была выявлена многослойная природа королевских надписей, где санскрит служил высшей сакральной формой легитимации (концепция «девараджи»), а древнекхмерский и палийский языки передавали конкретные нормативные предписания по управлению храмовыми хозяйствами, распределению земельных

даров и регулированию жизни монастырей [12–13; 16]. Эти надписи, зачастую сопровождавшиеся проклятиями и метафорами буддийской триратны, демонстрировали стремление династии поддерживать божественное обоснование власти, сочетая индуистские и буддийские мотивы для укрепления авторитета монарха. Таким образом, эпиграфика Ангкора представляла собой не просто юридические акты, но и сложный идеологический инструмент, где сакральное слово монарха через вкрапления буддийской символики закрепляло общественный порядок и обеспечивало беспрецедентную долговечность этих постановлений.

Во-вторых, переход к Средневековью (XV–XIX вв.) и связанная с этим утрата монументальной эпиграфики обусловили смещение жанра «Высших королевских постановлений» в сферу рукописных традиций. В частности, своды Kbuon (сборники правил) и Kram Sruk (кодексы страны) стали основными носителями правовых норм, базирующихся на буддийской этике, где проявился новый образ «праведного правителя» (дхаммараджи). При этом дидактические «Чбап» (этико-моральные поэмы) заняли значимое место в формировании общественного сознания, распространяя идеи буддийской морали не только среди монастырских элит, но и среди мирян [1; 7]. Рукописные тексты демонстрировали адаптацию жанра: королевская воля распространялась уже не через каменные стелы, а через литературно-правовые источники, доступные монастырям и придворным кругам. Именно эта литература фиксировала нормы поведения для монахов и мирян, обязывая соблюдать принципы Винаи (монашеской дисциплины) и джати (моральных добродетелей) в повседневной жизни. Следует подчеркнуть, что сохранение рукописных «Крам» и «Чбап» позволяет проследить непрерывающуюся линию легитимации власти, даже несмотря на разорение и политическую нестабильность, характерные для постангорского периода.

В-третьих, эпоха французского протектората (1863–1953) принесла новую форму «Высших королевских постановлений» в виде Ordonnance Royale (королевских ордонансов), которые сочетали элементы традиционной камбоджийской легитимации и французской административной бюрократии [5; 11]. Эти изменения отражали двойственную природу власти: с одной стороны, король сохранял символическую роль духовного покровителя буддизма, с другой — реальная административная власть все более переходила к колониальным властям. Информативное значение Ordonnance Royale заключается в том, что они одновременно документировали формальное участие Сангхи в колониальных проектах (стандартизация языка, создание Буддийского института), и демонстрировали способность королевской власти консолидироваться под давлением извне, сохраняя традиционные каналы влияния на буддийскую церковь. Публикация королевских ордонансов в Journal Officiel

du Cambodge и Bulletin Administratif du Cambodge создала уникальный источник для изучения взаимодействия между колониальной администрацией и местными религиозными элитами, а также позволила исследовать, каким образом буддийское монашество (Сангха) адаптировалось к новым условиям государственного управления.

В-четвертых, с момента провозглашения Камбоджи конституционной монархией (1993 г.) жанр «Высших королевских постановлений» получил современное воплощение в Preah Reach Kret и Preah Reach Kram, фиксированных в конституционных и законодательных актах [3–4]. В современных реалиях король осуществляет преимущественно церемониальную функцию, но порядка назначений высших должностных лиц Сангхи, охраны религиозных объектов и защиты культурного наследия осуществляется через тонко настроенную систему Preah Reach Kret/Kram. Эти акты не только формально закрепляют статус буддизма как государственной религии, но и символически подтверждают преемственность буддийских традиций, интегрированных в государственный строй. При этом политико-правовой и критический дискурс-анализ современных Preah Reach Kret/Kram выявляет скрытую динамику взаимодействия между монархией и исполнительной властью: содержание указов во многом определяется перспективами правительства, что диктует необходимость дальнейшего сопоставления символической функции короля с реальным влиянием на религиозные институты.

Стоит подчеркнуть, что в ходе исследования выявлена единство ключевых функций жанра «Высших королевских постановлений» независимо от исторического периода: от сакральной легитимации через концепцию «девараджи» и «дхаммараджи» до современного «символического языка власти», обеспечивающего взаимодействие государства и буддийских институтов. В каждом из рассмотренных этапов жанр адаптировался к политическим, социальным и технологическим изменениям: от долговечного каменного письма Ангкора (IX–XV вв.) до рукописных текстов на пальмовых листьях (XV–XIX вв.), вплоть до официальных публикаций Ordonnance Royale и конституционализированных Preah Reach Kret/Kram (с 1993 г.). При этом неизменным оставалось стремление государя легитимизировать и защищать буддизм как краеугольный камень национальной идентичности и общественного порядка.

Данный вывод подчеркивает необходимость продолжения исследования жанра «Высших королевских постановлений» в более широком сравнительном контексте. В частности, важным направлением является сопоставительный анализ аналогичных жанров в соседних буддийских странах Юго-Восточной и Южной Азии: Таиланда (где оперативная роль королевских указов в назначении

сангхараджей также продолжает оставаться значимой), Лаоса, Лаосской Народно-Демократической Республики, Мьянмы (Бирме), Бутана, Шри-Ланки, Непала, Японии и ряда других государств. В этих системах «Высшие королевские постановления» выполняли схожие функции — от сакрального обоснования власти до регулирования статуса религиозных институтов — однако их конкретный жанровый облик, языковое оформление и формы публикации могут существенно отличаться. Исследование жанра в Таиланде, где королевский указ (พระบรมราชโองการ, พระราชกฤษฎีกา) продолжает играть ключевую роль в поддержании связи между монархией и Сангхой, может дать ценные методологические ориентиры для русскоязычной историографии, а также послужить отправной точкой для моей кандидатской диссертации «Высшие королевские постановления как источники по

изучению буддизма Таиланда».

Таким образом, жанр «Высших королевских постановлений» в Камбодже выступает не просто источником для изучения истории буддизма, но и универсальным инструментом анализа религиозно-политической динамики, сохранившим свою функциональную нагрузку от эпохи Ангкора до современности. Результаты настоящего исследования свидетельствуют о том, что дальнейшее развитие тематики потребует углубленного сопоставительного рассмотрения аналогичных жанров в других буддийских странах, расширения географических рамок анализа, а также активного использования цифровых методологий для повышения точности и глубины научного понимания механизма легитимации власти через религиозно-правовые тексты в разных историко-культурных контекстах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Buddhism, Power and Political Order / ed. by I. Harris. — London; New York: Routledge, 2007. — 237 p.
2. Chandler D. A History of Cambodia. — 4-е изд. — Boulder: Westview Press, 2008. — 365 p.
3. Constitution of the Kingdom of Cambodia = Constitution du Royaume du Cambodge: promulgated 21 September 1993 / Senate Secretariat. — Phnom Penh: Senate Secretariat, 2008. — 33 p. — URL: <https://www.mfaic.gov.kh/files/uploads/2Z87AY0063VI/Constitution%20of%20the%20Kingdom%20of%20Cambodia.pdf> (дата обращения: 27.05.2025).
4. Guillou A. Khmer Potent Places: Pāramī and the Localisation of Buddhism and Monarchy in Cambodia // The Asia Pacific Journal of Anthropology. — 2017. — Vol. 18. — P. 1–23. — DOI: 10.1080/14442213.2017.1375553.
5. Gunn G. The Passing of Sihanouk: Monarchic Manipulation and the Search for Autonomy // Asia-Pacific Journal. — 2012. — Vol. 10, Iss. 50, № 1. — P. 1–26.
6. Harris I. Buddhist Sangha Groupings in Cambodia // Buddhist Studies Review. — 2001. — Vol. 18, № 1. — P. 73–106. — DOI: 10.1558/bsrv.v18i1.14469.
7. Harris I. C. Cambodian Buddhism: History and Practice. — Honolulu: University of Hawai'i Press, 2005. — 352 p.
8. Jeong Y. The Idea of Kingship in Buddhist Cambodia // Kyoto Review of Southeast Asia. — 2011. — Iss. 11 (March). — P. 1–17.
9. Khy Sovanratana. Pāli Tipiṭaka Translation into Khmer: A Watershed of Achievements in Cambodian Buddhism // International Tipiṭaka Translation Conference. — 2014. — 12 p. — URL: <https://dn790006.ca.archive.org/0/items/TipitakaTranslationConference/7%20Pali%20Tipitaka%20Translation%20in%20Khmer%20%28Ven.%20Prof.%20Dr.%20Ky%20Sovanratana%29.pdf> (дата обращения: 27.05.2025).
10. Lawrence B. Reconstituting the Divided Sangha: Buddhist Authority in Post-Conflict Cambodia // Buddhism and Constitutional Law / ed. by T. Ginsburg, B. Schonthal. — Cambridge: Cambridge University Press, 2022. — P. 220–238. — DOI: 10.1017/9781009286022.015.
11. Lawrence B. Saffron Suffrage: Buddhist Monks and Constitutional Politics in Cambodia // Journal of Law and Religion. — 2022. — Vol. 37, № 2. — P. 259–283. — DOI: 10.1017/jlr.2022.16.
12. Mabbett I. W. Kingship in Angkor // Journal of the Siam Society. — 1978. — Vol. 66, № 2. — P. 1–58.
13. Sharrock P.D. Garuḍa, Vajrapāṇi and Religious Change in Jayavarman VII's Angkor // Journal of Southeast Asian Studies. — 2009. — Vol. 40, № 1. — P. 111–151. — DOI: 10.1017/S0022463409000083.
14. Vickery M. The Reign of Sūryavarman I and Royal Factionalism at Angkor // Journal of Southeast Asian Studies. — 1985. — Vol. 16, № 2. — P. 226–244.
15. Walker T. Bilingualism: Theravāda Bitexts across South and Southeast Asia // The Routledge Handbook of Theravada Buddhism / ed. by A. Thompson, S. Berkwitz. — London: Routledge, 2022. — P. 271–284. — DOI: 10.4324/9781351026666-22.
16. Walker T. Carved Chants and Sermons on Stone: Epigraphic Evidence for Buddhist Literature in Middle Cambodia // Udaya, Journal of Khmer Studies. — 2020. — № 15. — P. 57–93.
17. Walker T. Khmer Nuns and Filial Debts: Buddhist Intersections in Contemporary Cambodia // Religions. — 2022. — Vol. 13, № 10, Art. 897. — P. 1–14.

© Пхунтхасан Пхра Парон (Джаянандо Бхиккху) (peter.pj.bsu@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

«ПОХВАЛА» ВО ФРАЗЕОЛОГИИ ЯПОНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ КАК ВАЖНЫЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ В РАМКАХ ДИСЦИПЛИНЫ «ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ВЕЖЛИВОСТИ»

"PRAISE" IN PHRASEOLOGY OF JAPANESE AND RUSSIAN LANGUAGES AS AN IMPORTANT ASPECT OF STUDY WITHIN THE DISCIPLINE "PROBLEMS OF LINGUISTIC POLITENESS"

**K. Vorkina
Sh. Keneshbekova**

Summary: The article considers the possibility of introducing the aspect related to the study of praise in Japanese and Russian in the discipline "Problems of linguistic politeness" for undergraduate students of language universities. Including this topic in the teaching process contributes to the expansion of the vocabulary of the studied language, as well as a deeper understanding of the national-cultural peculiarities of the region under study. Due to the comparative analysis of two foreign languages (Japanese and Russian), the internal mechanisms and its specifics, processes of interaction and enrichment of languages in the context of intercultural communication in professional sphere were studied.

Keywords: praise, phraseology, Japanese language, Russian language, problems of linguistic politeness.

Воркина Ксения Сергеевна

кандидат культурологии, доцент, Российский
университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
(Москва)

vorkina_ks@pfur.ru

Кенешбекова Шахдар

Российский университет дружбы народов им. Патриса
Лумумбы (Москва)

keneshbekova.sh@yandex.ru\

Аннотация: Статья рассматривает возможность введения аспекта, связанного с изучением похвалы в японском и русском языках, в рамках дисциплины «Проблемы лингвистической вежливости» у студентов старших курсов языковых вузов, что способствует расширению словарного состава изучаемого языка, а также более глубокому пониманию национально-культурных особенностей исследуемого региона. При помощи сопоставительного анализа двух иностранных языков (японского и русского) были исследованы внутренние механизмы и их специфика, процессы взаимодействия и обогащения языков в условиях межкультурной коммуникации в области профессиональной деятельности.

Ключевые слова: похвала, фразеология, японский язык, русский язык, проблемы лингвистической вежливости.

В условиях стремительно развивающегося мира и под влиянием глобализационных процессов, перед студентами стоит ряд задач в ходе изучения той или иной дисциплины в рамках обучения в высшем учебном заведении. В частности, если речь идет об изучении иностранного языка и смежных дисциплин по исследуемому региону, студентам необходимо овладеть основными дискурсивными способами реализации коммуникативных навыков. Это позволит свободно выражать свои мысли, адекватно используя языковые средства, преодолевать влияние стереотипов и осуществлять межкультурный диалог в общей и профессиональной сферах общения, использовать этикетные формулы в устной и письменной коммуникации.

Нормы этикета, принятые в различных ситуациях межкультурного общения: будь то сопровождение туристических групп, обеспечение деловых переговоров с представителями официальных делегаций или повсед-

невная коммуникация, должны преподаваться в рамках смежных теоретических и практических дисциплин. Среди таких курсов можно выделить: «Культура речевого общения», «Межкультурная коммуникация», «Проблемы лингвистической вежливости», «Фразеология изучаемого иностранного языка», «Стилистика изучаемого иностранного языка», «Лингвокультура» изучаемого иностранного языка» и другие.

Предлагается рассмотреть возможность введения аспекта «Похвала во фразеологии японского и русского языков» в рамках изучения дисциплины «Проблемы лингвистической вежливости». Как правило, предложенная к рассмотрению дисциплина реализуется на языковых кафедрах и вводится на старших курсах в рамках двух зачетных единиц, предполагая наличие базовых знаний языка у студента. Дисциплина «Проблемы лингвистической вежливости» состоит из разделов, направленных на изучение истории формирования пред-

ставлений о речевом этикете и лингвистической вежливости в культуре изучаемого региона, анализ языковых механизмов реализации лингвистической вежливости в культуре. Углубленное изучение паремий в языке и их сопоставительный анализ может способствовать более глубокому пониманию функционирования языка и достижению коммуникативных навыков.

Фразеология как отражение национального менталитета

Фразеология как часть языковой системы отражает национально-культурные особенности народа, его мировоззрение и социальные нормы. Выражение похвалы посредством фразеологических единиц представляет собой один из способов вербального поощрения, который, будучи частью лингвистической вежливости, играет важную роль в межличностной коммуникации.

Фразеология представляет собой уникальный пласт лексической системы языка, который фиксирует в себе культурные, исторические и ментальные особенности народа. В основе фразеологии лежат фразеологические единицы (ФЕ), обладающие устойчивостью, воспроизводимостью и семантической целостностью. Такие выражения представляют собой не просто лексические единицы, они являются важными носителями культурных ценностей и национального менталитета нации.

Согласно В.В. Виноградову, фразеология занимает промежуточное положение между лексикологией и синтаксисом, поскольку её изучение связано как с анализом значений фразеологизмов, так и с их структурой. Фразеологизмы могут выступать не только как средство обогащения языка, но и как отражение национального менталитета. Они передают исторический опыт, культурные стереотипы и нормы поведения, формируя особый языковой код, понятный носителям данного языка [2, с. 118].

Важным аспектом исследования фразеологии является её экспрессивность. Фразеологические единицы часто несут эмоциональную окраску, что делает их мощным инструментом воздействия на слушателя. В этом контексте особое внимание заслуживает категория фразеологизмов, связанных с похвалой. В различных языках и культурах выражения похвалы могут иметь разные структурные и семантические характеристики, что делает их интересным объектом для сопоставительного анализа.

Похвала как речевой акт

Важность изучения способов выражения похвалы обусловлена тем, что «похвала» выступает как средство передачи социальных норм и культурных ценностей и представляет сложный речевой акт, который выполняет

широкий спектр коммуникативных, социальных и культурных функций. Её структура и содержание включают в себя элементы эмоционального воздействия, прагматической направленности и культурной обусловленности, что делает её важным объектом для научного исследования. Как форма выражения положительной оценки, похвала служит универсальным инструментом межличностного взаимодействия, способствуя установлению и поддержанию социальных связей [4, с. 11].

Эффективность похвалы как речевого акта определяется множеством факторов, включая возраст, пол, социальный статус и культурные особенности участников коммуникации. Например, похвала, адресованная руководителем подчинённому, будет отличаться от похвалы в обратном направлении как по содержанию, так и по интонации. Эти различия подчёркивают гибкость и адаптивность похвалы как инструмента речевого воздействия [5, с. 3].

Анализ фразеологии со значением «похвала» в японском и русском языках в рамках предмета «Проблемы лингвистической вежливости» способствует углубленному изучению национально-культурных особенностей, выявлению языковых закономерностей через системное сравнение двух систем, а также, с точки зрения практического применения, благоприятствует расширению словарного запаса у студентов, что само по себе оказывает положительный эффект в области осуществления коммуникации в профессиональной деятельности.

Похвала во фразеологии японского и русского языков

В качестве примера рассмотрим четыре фразеологические единицы, относящиеся к тематике похвалы, с точки зрения их семантики, прагматики и культурной обусловленности.

Обратим внимание на японский фразеологизм 目の付け所が違う (*мэ-но цукэдокоро-га тигу*), который дословно можно перевести как «точка зрения глаз отличается». Семантический анализ данной единицы позволяет выделить её ключевые компоненты: 目 (*мэ*) – «глаз», традиционно ассоциируемый с наблюдательностью и способностью к анализу; 付け所 (*цукэдокоро*) – «точка зрения», определяющая акцентирование внимания на важных деталях; а также 違う (*тигу*) – «отличаться», подчёркивающее уникальность восприятия. Таким образом, данный фразеологизм выполняет функцию вербально-поощрения, выражая признание интеллектуальных способностей человека, его умения анализировать ситуацию и делать правильные выводы. В прагматическом аспекте данное выражение наиболее характерно для профессиональной среды, научной деятельности и образовательного дискурса, где особое значение при-

обретает способность к аналитическому мышлению. В свою очередь, культурный контекст японского языка предполагает уважительное отношение к способности видеть скрытые аспекты ситуации, что согласуется с традиционной японской концепцией социального взаимодействия, основанной на глубоком понимании межличностных отношений.

Аналогом данного фразеологизма в русском языке можно считать выражение «глаз-алмаз», которое также подчеркивает исключительную наблюдательность собеседника. Семантическая структура этого фразеологизма включает в себя ключевой компонент «глаз» как символ способности видеть нюансы, а также «алмаз», который метафорически передает идею высокой точности, остроты зрения и исключительной проницательности. В прагматическом плане этот фразеологизм часто используется в неформальном общении, а также в профессиональных сферах, где важны внимательность и точность, например, в ювелирном деле или искусстве. В отличие от японского аналога, русский фразеологизм имеет более экспрессивный и эмоционально насыщенный характер, что характерно для общей коммуникативной культуры русского языка.

Другим значимым примером фразеологизмов, связанных с выражением похвалы, является японское выражение 腕が立つ (*удэ-га тацу*), которое в дословном переводе означает «рука стоит» и указывает на высокий уровень мастерства. Семантический анализ данного выражения позволяет выделить его ключевые компоненты: 腕 (*удэ*) – «рука», традиционно символизирующая мастерство, профессиональные навыки, а также 立つ (*тацу*) – «стоять», что передает устойчивость, уверенность в умении. В прагматическом аспекте данный фра-

зеологизм широко используется в контексте профессионального общения, особенно в тех сферах, где требуется высокая степень квалификации, например, в искусстве, ремесленном труде, боевых искусствах. С точки зрения культурных особенностей японского языка, использование этого выражения подчеркивает глубоко укорененные ценности уважения к труду, дисциплине и стремлению к совершенству, что характерно для японского общества.

В русском языке аналогом данного выражения является фразеологизм «золотые руки», который также используется для похвалы мастерства и профессиональных навыков. Семантически данный фразеологизм включает в себя два ключевых компонента: «золото», символизирующее высшую ценность, уникальность и совершенство, а также «руки», ассоциируемые с трудовой деятельностью и умением. В отличие от японского выражения, русский фразеологизм обладает более широкой сферой применения: он может использоваться как в профессиональной среде, так и в бытовом контексте. В прагматическом плане его употребление возможно не только в официальной речи, но и в дружеском общении, что отражает экспрессивную и эмоциональную природу русского языка.

Заключение

Комплексное освещение одной из важных тем в области фразеологии, касающейся оценочного компонента «похвала» в японском и русском языках, может стать эффективным способом развития коммуникативных навыков в области профессиональной коммуникации в рамках изучения курса «Проблемы лингвистической вежливости» у студентов старших курсов языковых вузов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Быкова С.А. Японско-русский фразеологический словарь. – М.: ИД «Муравей-Гайд», 2000. – 272 с.
2. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке// Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М., 1977. – С. 118.
3. Воробьев В.В. Лингвокультурология / В. В. Воробьев. — Москва: Российский ун-т дружбы народов, 2008. — С. 21.
4. Горяинова Н.Н. Стратегии и тактики речевого поведения с применением высказываний похвалы и одобрения. Автореф. дис. ... канд. филол. наук [Gorjainova N.N. Strategy and tactics of speech behavior applying statements of praise and approval]. Ставрополь. 2010. С. 10-11.
5. Дьячкова И.Г. Способы выражения интенционального смысла высказывания в речевых жанрах похвала и порицание /И.Г. Дьячкова//Вестник Омского гос. ун-та. Омск: Диалог, 2001. – Вып. 6. – С. 55-58.
6. Корпус японского языка «Тюнагон». Поисковое приложение. [Электронный ресурс] URL: <https://chunagon.ninjal.ac.jp/bccwj-nt/search/> (дата обращения: 01.04.2024).
7. Крысин Л.П. Современный русский язык. Лексическая семантика, лексикология, фразеология, лексикография. Учебное пособие для студентов учреждений высшего профессионального образования [Текст]/ Л.П. Крысин. – М.: Академия, 2013. – С. 21.
8. Оно Такайо. Нихон дэнва-ни окэру 'хатаракикакэ' то 'вакимаэ'-но кэнкю: мэуэ-ни тайсуру 'хомэ' то 'кэнсон'-но бунсеки-о тю:син-ни хакусигакуиронбун, Васэда дайгаку. [Изучение «влияния» и «понимания» в японском дискурсе: анализ «похвалы» и «скромности» по отношению к вышестоящему руководству] дис. ... канд. пед. наук. / Оно Такайо. Токио: университет Васэда. – 2010. – 180 с.
9. Сумитомо Ёдзидзюкуго. Создание четырёхсимвольных идиом. [Электронный ресурс] URL: <https://cam.sumitomolife.co.jp/jukugo/archive/> (дата обращения: ...)

ния: 02.04.2025).

10. Хидэсабуро Сайто, Минору Тойода. Дзюкуго хонъи эйва-тю: дзитен (Англо-японский словарь идиом). Токио: Иванамисётэн, 1915. – 1786 с.

© Воркина Ксения Сергеевна (vorkina_ks@pfur.ru), Кенешбекова Шахдар (keneshbekova.sh@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В СОВРЕМЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПАРАДИГМЕ

PROFESSIONAL CULTURE OF A HIGHER EDUCATION TEACHER IN A MODERN EDUCATIONAL PARADIGM

E. Gelyastanova
R. Kairova
D. Kumakhova
F. Ordokova

Summary: This article characterizes the professional culture of a higher education teacher in the modern educational paradigm. The importance of the process of permanent self-development and self-improvement of a modern teacher is revealed.

The political, social, economic and socio-cultural changes taking place in modern society have affected all spheres of functioning of the state, society and the individual. The domestic educational system, from primary to higher education, is no exception.

The modern age is the age of the highest computer technologies, digitalization and automation of the entire educational system; the era of advanced processes and innovative technologies and mechanisms. Mastering professional knowledge and skills has become an obvious reality of modern educational practice.

Professional knowledge, skills and abilities are an integral part of the professional and pedagogical culture of a university teacher. Improving the professional culture of a teacher is of particular importance, since the modern changing labor market imposes very strict demands.

Keywords: professional culture, educational paradigm, professional ethics, professional self-realization, professional and pedagogical skills, professional thinking, educational strategy, training, education, educational technologies, educational process.

Гелястанова Эльмира Хусеиновна

кандидат филологических наук,
 ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный
 аграрный университет им. В.М. Кокова», г. Нальчик
 elmira-noskova@mail.ru

Каирова Равида Борисовна

кандидат филологических наук,
 ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный
 аграрный университет им. В.М. Кокова», г. Нальчик
 kair-ra@mail.ru

Кумахова Джульетта Борисовна

кандидат филологических наук,
 ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный
 аграрный университет им. В.М. Кокова», г. Нальчик,
 cumahova.j@yandex.ru

Ордокова Фатима Муссовна

кандидат филологических наук,
 ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный
 аграрный университет им. В.М. Кокова», г. Нальчик
 Ofatima@yandex.ru

Аннотация: В данной статье характеризуется профессиональная культура преподавателя высшей школы в современной образовательной парадигме. Раскрывается важность процесса перманентного саморазвития и самосовершенствования современного педагога.

Происходящие в современном обществе политические, социальные экономические и социокультурные изменения затронули все сферы функционирования государства, социума и человека. Исключением не является и отечественная образовательная система, начиная с начальной и заканчивая высшей школой.

Современный век – век высочайших компьютерных технологий, цифровизации и автоматизации всей системы обучения; эпоха передовых процессов и инновационных технологий и механизмов. Овладение профессиональными знаниями и навыками стало очевидной реальностью современной образовательной практики.

Профессиональные знания, умения и навыки являются неотъемлемой частью профессионально-педагогической культуры вузовского преподавателя. Совершенствование профессиональной культуры педагога приобретает особую важность, так как современный изменчивый рынок труда предъявляет очень жёсткие требования.

Ключевые слова: профессиональная культура, образовательная парадигма, профессиональная этика, профессиональная самореализация, профессионально-педагогическое мастерство, профессиональное мышление, образовательная стратегия, обучение, воспитание, образовательные технологии, образовательный процесс.

Общеизвестно, что в настоящее время Россия переживает тяжелый трансформационный период, что отражается в развитии всей государственной системы. Политика и СМИ, экономика и социальная сфе-

ра, культура и искусство, образование и наука находятся в процессе серьезных испытаний. Происходящие изменения в современном мире и России - процессы терроризма и информационных, гибридных и локальных войн,

глобализации и модернизации затрагивают все сферы исторического развития государства, общества и человека. В связи с этим, следует кардинально пересмотреть множество важных аспектов полноценного функционирования государственного организма для его дальнейшей динамики и перспективного роста.

Происходящие изменения в общественно-политической, социально-экономической и социокультурной системе функционирования государства и человека повлияли и на развитие современной отечественной образовательной парадигмы. Система образования, как правило, была и есть передовой фланг интеллектуальной элиты государства, которая отвечает за его процветающее будущее.

В последнее время доминирующим вектором развития современной отечественной образовательной парадигмы стала тенденция повышения качественного уровня процесса обучения и воспитания. Это приобретает особую актуальность, в период обострения этносоциального, религиозного и межкультурного противостояния в динамике развития современного мира.

Современную образовательную сферу можно охарактеризовать как целостную систему, в которой происходит освоение принципиально новых технологий и методик обучения с целью их дальнейшего эффективного применения. Тем самым, современная образовательная парадигма, в частности, система высшей школы, приобретает статус института производства компетентных и высоко квалифицированных кадров.

Все сферы функционирования государства (политика, экономика, социальная сфера, культура) вынуждены реагировать на локальные и глобальные вызовы времени. Отечественная образовательная сфера, конечно же, не является исключением, так как она отвечает за выпуск квалифицированных и компетентных специалистов, которые будут работать на благо нашего Отечества. В силу своего функционального предназначения, система образования ориентирована на оказание конструктивного влияния на нейтрализацию антиобщественных явлений в динамике социума, таких как наркомания, алкоголизм, игромания, религиозная и этническая нетерпимость и др. [6, С. 4-6; 7, С. 19].

Динамика развития современной школы высшего звена взаимосвязано с процессом личностной и профессиональной самореализации педагога, его стремлением к самосовершенствованию и саморазвитию. Однозначен факт, что независимо от происходящих изменений в системе образования, они будут касаться, в первую очередь, педагога: учителя школы, преподавателя вуза, исследователя-ученого. Ведь общеизвестно, что именно

они являются представителями педагогической и научной сферы знания, то есть системы обучения и воспитания, а также передового педагогического опыта и современной научной практики.

Как в личной, так и в профессиональной культуре преподавателя высшей школы выражается духовно-нравственный, морально-ценностный и интеллектуально-творческий потенциал личности. Очевидна, необходимость повышения как профессиональной, так и педагогической культуры всех субъектов образовательного процесса, обусловленной требованиями к уровню общекультурной и профилирующей компетентности специалиста.

Неотъемлемым элементом общей культуры педагога являются педагогические ценности, комплекс которых регламентирует профессиональную деятельность преподавателя. Педагогические ценности, в силу своей природы, объективны и носят целостный характер. Более того, они являются критерием, как личностного роста, так и профессионального самовыражения педагогических работников.

Ключевые критериальные элементы педагогической культуры современного педагога ВШ:

- этико-культурный аспект профессионального мышления;
- морально-этический аспект как синтез индивидуальных и профессиональных черт педагога;
- нормы культуры общения контролируют коммуникативный аспект профессионально-педагогической деятельности.

Немаловажное место в профессиональной культуре современного преподавателя высшей школы занимают и следующие характеристики:

- компьютерная грамотность и владение современными цифровыми умениями и навыками;
- способность и готовность освоить и применить в профессионально-педагогической практике современные информационно-коммуникационные технологии;
- способность и готовность к кооперации в профессиональном коллективе с строгим соблюдением норм и правил корпоративной этики взаимоотношений;
- поиск конструктивных решений для устранения сложных задач и проблем.

Для совершенствования профессиональной деятельности современного педагога предлагается широкий выбор технологий: различные тренды и бенчмарки, авторские тьюторские программы и т. п.

Следует отдельно остановиться на ключевых требованиях к профессиональной культуре педагога ВШ:

- инновационная ориентированность процесса обучения и воспитания, гармонично сочетая традиционные и интерактивные технологии и методики;
- профессиональное и педагогическое самосовершенствования и самореализации;
- формирование индивидуального стиля педагога.

Главными принципами этики и культуры преподавателя высшей школы являются такие, как:

- профессионализм. Преподаватель должен иметь необходимые компетенции в рамках учебного предмета, проявлять творческую рефлексию и инициативу в педагогической деятельности;
- законность. При выполнении трудовых обязанностей нужно следовать основным концептуальным нормам Конституции РФ (права и свободы человека - это высшая ценность);
- гуманность. Со студентами следует строить взаимоотношения на доброжелательной основе, но, в то же время, быть требовательным и к себе, и к студентам;
- взаимное уважение. Отношения и с коллегами, и со студентами нужно строить на основе сотрудничества, взаимного уважения и доверия;
- толерантность. Необходимо уважать своих студентов, независимо от их возраста и пола, а также этнической принадлежности и религиозных убеждений;
- демократичность. Отношения с вышестоящим руководством должны быть основаны на принципах свободы слова и убеждений, а также терпимости, равноправия и демократичности;
- справедливость. Требования ППС учебного заведения по отношению к студентам должны грамотно обосновываться и, в соответствии с этим, объективно оцениваться.

Современный преподаватель высшей школы обязан соблюдать определенный перечень личностных и профессиональных этикетных норм, определяющие взаимоотношения конструктивного корпоративного взаимодействия в коллективе. К таковым чертам следует отнести следующие: приветливость и доброжелательность, пунктуальность и конфиденциальность, демократизм и внимание к окружающим, доступность и внимательность, корректность в общении и вежливость, честность и добросовестность, уважение к правам и интересам других, профессионализм и ответственность, открытость и прозрачность, социальная ответственность, объективность и справедливость.

Очевидно, что коммуникативная культура препода-

вателя вуза – один из доминирующих факторов его профессиональной деятельности. Культура общения представляет собой личностно-профессиональное качество педагога, которое реализует весь арсенал вербального и невербального каналов коммуникации. Оно является сущностной характеристикой его личности, состоящей из таких структурных элементов, как:

- личностные и профессиональные качества;
- высокий уровень предметных и внепредметных знаний, умений и навыков;
- культура профессионального мышления;
- креативный характер профессионально-педагогической деятельности;
- общая культура поведения и внутриличностного общения в коллективе;
- способность и готовность личности к самосовершенствованию, самоорганизации и самореализации.

Коммуникативная культура преподавателя вуза – это комплекс норм и способов, средств и форм межличностного взаимодействия, который воплощает собой нормативные правила поведения и ценностные представления личности. Тем самым, педагог преобразует окружающую среду посредством коммуникативных умений и навыков, одновременно с преобразованием самого себя.

Кодекс профессиональной этики современного педагога определяет и соответствующие правила поведения в учебном заведении. Здесь речь идет об основных этических принципах профессионального поведения педагога в современной высшей школе, а именно:

- максима гуманности. Педагог обязан уважительно относиться к своим студентам и коллегам, равно как и ко всем субъектам образовательного процесса, соблюдая при этом элементарные нормы духовности и следуя чувству достоинства и чести;
- максима законности, предполагающая элементарное соблюдение норм российского законодательства;
- максима демократичности. Коммуникация преподавателя и студентов, как правило, должно осуществляться только на доверительной основе, и, при этом, педагог должен предоставлять им определенную творческую самостоятельность и свободу действий для полноценного процесса самосовершенствования и самоопределения;
- максима справедливости. Педагог должен объективно оценивать работу студентов, не допуская при этом завышенной или заниженной оценки;
- максима профессионализма. Педагог должен предъявлять высокие требования, в первую очередь, к себе. Тем самым, означает перманентный процесс профессионального саморазвития и самообразования педагога;

— максима взаимного уважения, означающее грамотное исполнение функционально-должностных обязанностей в профессиональном коллективе.

Очевидно, что значимость роли современного пе-

дагога высшего звена приобретает актуальность в современной образовательной динамике. Преподаватель должен обеспечить в учебном заведении формирование организационно-педагогических условий, необходимых для полноценного развития личности студентов как субъектов успешного образовательного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Г.М., Яноушек Я. Взаимосвязь общения и деятельности // Общение и оптимизация совместной деятельности. - М., 1987. - 302 с.
2. Антилогова Л.Н. Этико-педагогические аспекты труда учителя. - Омск, 1992. - 39 с.
3. Базовая культура личности: теоретические и методические проблемы: Сб. науч. тр. М., 1989. - 149 с.
4. Баранов А.А. Стрессоустойчивость и мастерство педагога: Монография / Удмурт, гос. ун-т. Ижевск: Изд-во Удмурт, ун-та, 1997. - 107 с.
5. Введение в педагогическую культуру: Учеб. пособие / Под ред. Е.В. Бондаревской. Ростов н/Д, РГГТУ. - 1995. - 172 с.
6. Галаган А.М., Полянская Г.И. Система высшего образования в США // Проблемы зарубежной высшей школы: Обзор, информ.; Под науч. ред. В.М. Зуева. Вып. 4. - М.: НИИВШ, 1988. - С. 4-6
7. Греков А.А., Левчук Л.В. Концепция многоуровневой системы высшего педагогического образования. Ростов н/Д, РГПУ, 1994. - С. 19
8. Грехнев В.С. Культура педагогического общения. - М.: Просвещение, 1990. - 144 с.
9. Кашапов М.М. Психология педагогического мышления. СПб.: Алетейя, 2000. - 459 с.

© Гелястанова Эльмира Хусеиновна (elmira-noskova@mail.ru), Каирова Раида Борисовна (kair-ra@mail.ru),
Кумахова Джульетта Борисовна (sumaxova.j@yandex.ru), Ордокова Фатима Муссовна (Ofatima@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЦИФРОВАЯ ГЕЙМИФИКАЦИЯ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ВУЗЕ: ПОИСК БАЛАНСА МЕЖДУ ТЕХНОЛОГИЕЙ И СОДЕРЖАНИЕМ ОБРАЗОВАНИЯ

DIGITAL GAMIFICATION IN TEACHER EDUCATION: FINDING BALANCE BETWEEN TECHNOLOGY AND EDUCATIONAL CONTENT

O. Gerasimova
A. Rasulov
V. Savgachev
O. Goncharova
T. Shimaraeva

Summary: the article analyzes the impact of digital technologies on pedagogical education through the lens of gamification, examining its goals of developing teaching mastery, forming professional identity, and mastering modern educational methods. It explores the advantages of game-based approaches in modeling professional situations and increasing student engagement, while simultaneously identifying risks of excessive gamification: distorted perceptions of the profession, weakened live interaction skills, and substitution of educational content with attractive form. The paper proposes principles for effective integration of gaming technologies, emphasizing the necessity of balance between innovations and fundamental content in the preparation of future teachers.

Keywords: gamification, teacher education, digitalization, game technologies, professional teacher training, digital competencies, educational innovations.

Герасимова Ольга Юрьевна

Кандидат педагогических наук, доцент,
Набережночелнинский государственный педагогический
университет
gerola1970@mail.ru

Расулов Абулдин Исамутдинович

Кандидат химических наук, доцент,
Дагестанский государственный педагогический
университет им. Р. Гамзатова
Abutdin.rasulov@mail.ru

Савгачев Виталий Владимирович

Кандидат медицинских наук, доцент, Ярославский
государственный медицинский университет
hirurg2288@mail.ru

Гончарова Оксана Владимировна

Кандидат биологических наук, доцент, Армавирский
государственный педагогический университет
oksana_goncharova@mail.ru

Шимараева Татьяна Николаевна

Кандидат биологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный
педиатрический медицинский университет
3706381@mail.ru

Аннотация: Статья анализирует влияние цифровых технологий на педагогическое образование через призму геймификации, рассматривая её цели по развитию педагогического мастерства, формированию профессиональной идентичности и освоению современных образовательных методик. Исследуются преимущества игровых подходов в моделировании профессиональных ситуаций и повышении студенческой вовлеченности, одновременно выявляются риски чрезмерной геймификации: искажение представлений о профессии, ослабление навыков живого взаимодействия и подмена содержания образования формой. Предлагаются принципы эффективной интеграции игровых технологий, подчеркивающие необходимость баланса между инновациями и фундаментальным содержанием в подготовке будущих педагогов.

Ключевые слова: геймификация, педагогическое образование, цифровизация, игровые технологии, профессиональная подготовка учителей, цифровые компетенции, образовательные инновации.

Введение

Цифровизация образования, ускоренная пандемией COVID-19, изменила требования к подготовке педагогов. Геймификация обогащает программы педвузов, создавая интерактивные среды для моделирования профессиональных ситуаций и развития компетенций. Однако ощущается недостаток эмпирических ис-

следований, подтверждающих эффективность игровых технологий и выявляющих их ключевые компоненты для формирования профиля современного учителя. Особую озабоченность вызывает недостаточный уровень развития таких критически важных для инновационной педагогики компетенций, как «цифровая грамотность, способность к партнерству, предпринимательское мышление и критический анализ» [5, с. 48] – именно здесь

геймификация, при её грамотном применении, может стать трансформирующим инструментом подготовки педагогов нового поколения.

Авторы статьи ставят целью проанализировать влияние цифровизации и геймификации на систему педагогического образования, выявить преимущества и ограничения игровых технологий в подготовке будущих учителей, определить оптимальные подходы к их интеграции в образовательные программы.

Научная новизна представленной работы заключается в разработке концепции сбалансированного применения цифровой геймификации в педагогическом образовании, основанной на выявленной системе специфических рисков (психологических, педагогических и социальных) и принципов эффективной интеграции игровых технологий. Впервые в контексте подготовки учителей концептуализирован феномен «симулякра образовательного процесса» как следствие чрезмерной геймификации и предложена оригинальная модель целеполагания, обеспечивающая приоритет развития профессиональной идентичности над технологической формой обучения.

Теоретическая значимость работы заключается в систематизации концептуальных подходов к геймификации в педагогическом образовании, концептуализации рисков избыточного применения игровых технологий и обогащении теоретических основ цифровой дидактики. Практическая значимость определяется применимостью результатов для оптимизации программ педвузов через внедрение игровых элементов с сохранением баланса между инновационными форматами и фундаментальным содержанием образования.

Материалы и методы исследований

Трансформация педагогического образования под влиянием цифровых технологий приобрела системный характер. Если первоначально массовый переход к электронному обучению был продиктован вынужденными ограничениями периода COVID-19, то сейчас цифровизация стала приоритетным вектором модернизации системы подготовки учителей. Пандемический период, несмотря на все сложности, создал уникальные условия для экспериментирования с инновационными образовательными форматами. Особую динамику получило внедрение геймификации в педагогические программы — дистанционный формат стимулировал поиск эффективных инструментов вовлечения студентов и освоение будущими учителями новых цифровых педагогических технологий, которые они смогут применять в собственной профессиональной практике [6, с. 135].

Практический опыт показывает, что многие педаго-

гические вузы активно внедряют компьютерные обучающие программы с игровыми элементами в качестве электронных образовательных ресурсов [3, с. 15]. Хотя игровые методики традиционно применялись в подготовке учителей, современные цифровые технологии формируют принципиально новую образовательную экосистему. В этом контексте геймификация становится эффективным инструментом повышения вовлеченности студентов-педагогов в цифровой образовательный процесс.

Геймификация – процесс интеграции игровых элементов в неигровой образовательный контекст [11, с. 251], основанный на использовании психологии игры и естественного стремления человека к удовольствию как мотивирующего фактора [1, с. 40]. В педагогической практике этот подход позволяет трансформировать традиционные, нередко воспринимаемые студентами как монотонные, учебные задания в привлекательные игровые форматы [10, с. 132], требуя при этом тщательной адаптации к индивидуальным особенностям обучающихся и специфике изучаемых дисциплин.

Образовательная игра создает специфическую игровую реальность для соревнований или коллективных проектов. Элементы геймификации уже интегрированы в педагогические дисциплины («Педагогика», «Методика обучения», «Психология образования») и эффективно используются при моделировании педагогических ситуаций, симуляции учебных сценариев, отработке коммуникативных навыков и формировании профессиональных компетенций будущих учителей.

При внедрении технологии геймификации в подготовку учителей важно сфокусироваться на нескольких ключевых целях, имеющих особую значимость для педагогического образования:

1. Развитие педагогического мастерства через симуляцию реальных образовательных ситуаций, позволяющую безопасно отрабатывать методические приемы и стратегии взаимодействия с обучающимися.
2. Формирование профессиональной идентичности учителя через погружение в педагогические роли и сценарии, способствующие осознанию себя как представителя педагогической профессии.
3. Освоение современных образовательных технологий на собственном опыте, что позволяет будущим учителям не только изучать цифровые инструменты теоретически, но и применять их в своей будущей практике.
4. Развитие адаптивности и гибкости мышления для успешной работы в изменчивой образовательной среде, требующей от педагога быстрого принятия решений и корректировки педагогических стратегий.

5. Моделирование инклюзивных практик и работы с разнообразным контингентом обучающихся, что готовит будущих учителей к профессиональным вызовам современной школы.

Внедрение игровых элементов в обучение обусловлено распространением технических устройств. Современные студенты воспринимают смартфоны и компьютеры как неотъемлемую часть повседневной жизни, используя их для получения информации и решения задач. Геймификация органично встраивается в образовательную среду, задействуя привычные для молодежи цифровые инструменты и предлагая знакомый интерактивный формат работы с учебным материалом.

Игровые технологии в подготовке педагогов имеют существенные ограничения. Чрезмерное увлечение цифровыми форматами может ослабить связь с реальной образовательной средой и снизить качество взаимодействия между студентами и преподавателями. Электронные ресурсы не способны заменить живое педагогическое общение, составляющее основу учительской профессии.

Парадоксально, но игровые технологии, изначально призванные развивать коммуникативные навыки, при избыточном применении могут способствовать социальной изоляции будущих учителей. Кроме того, соревновательные элементы геймификации формируют у студентов-педагогов установку на личный успех и достижения, которая может переноситься в профессиональную деятельность, где приоритетом должны быть интересы учеников.

Особую тревогу вызывает дисбаланс между передачей профессиональных знаний и формированием нравственных ориентиров будущего педагога. Современное педагогическое образование часто сфокусировано на технологической стороне подготовки учителя в ущерб развитию педагогической культуры, критического мышления и гражданской позиции. Между тем, именно эти качества традиционно составляли основу университетского педагогического образования с его фундаментальностью, интегративностью и мировоззренческой широтой.

На фоне трансформации общественных ценностей, когда материальные интересы часто превалируют над духовными, цифровизация педагогического образования в некоторых случаях может усиливать эти тенденции. Нестабильность современного мира, неопределенность профессионального будущего и высокая динамика изменений в образовательной сфере создают дополнительные риски дегуманизации подготовки педагогических кадров в условиях тотальной информатизации образовательного процесса.

В педагогических вузах продолжается дискуссия о целесообразности внедрения игровых технологий в программы подготовки будущих учителей. Согласно исследованиям [3, 2] сторонники геймификации утверждают, что она способствует формированию профессионально значимых компетенций: педагоги, прошедшие обучение с элементами игрофикации, лучше понимают принципы создания мотивирующей образовательной среды и эффективнее развивают у своих учеников «творческую деятельность, критическое мышление и способность отстаивать свое собственное мнение». Именно эти «мягкие навыки» определяют успешность современного учителя, позволяя ему адаптировать методики преподавания к меняющимся образовательным запросам. Однако, оппоненты данного подхода предостерегают, что чрезмерное увлечение игровыми форматами может привести к поверхностному освоению студентами-педагогами фундаментальных дидактических принципов и методологии преподавания, когда увлекательность процесса вытесняет глубину профессиональной подготовки. Как и любой педагогический метод, геймификация имеет свои сильные и слабые стороны. Многие эксперты считают, что она особенно эффективна в моделировании профессиональных ситуаций и отработке педагогических навыков через ролевые игры. Важно помнить, что игра сама по себе не является универсальным решением образовательных задач, а лишь инструментом вовлечения студентов в учебный процесс.

Существует и психологический риск: некоторые студенты могут настолько увлечься игровым форматом, что утратят способность серьезно относиться к реальным профессиональным задачам. В настоящей педагогической практике, особенно в критических ситуациях, такие выпускники могут оказаться растерянными, поскольку в реальной школьной жизни нельзя «перезагрузить игру» или получить мгновенное вознаграждение за правильное решение.

Стандартные элементы геймификации – достижимые цели, постепенно усложняющиеся задания, взаимодействие с другими участниками, система наград и постоянная оценка прогресса – могут создать искаженное представление о педагогической деятельности. Есть опасность, что будущий учитель будет воспринимать свою работу как игру, где всегда можно исправить ошибку «со второй попытки», что в работе с реальными детьми невозможно.

Несмотря на эти ограничения, игровые технологии остаются ценным дополнением к традиционным методам подготовки педагогов. Однако их применение требует продуманного подхода с учетом возможных последствий для профессионального мировоззрения будущих учителей. Важно помнить, что любые игровые технологии в определенной мере искажают действительность – либо преуменьшая реальные трудности,

либо драматизируя их, создавая искусственную образовательную среду, которая может существенно отличаться от реальной школьной практики.

На сегодняшний день ключевым подтвержденным достоинством геймификации остается ее способность повышать вовлеченность студентов в образовательный процесс. Все остальные потенциальные выгоды требуют тщательной подготовки заданий и продуманного подхода.

При интеграции игровых механик в педагогическую практику необходимо руководствоваться следующими основополагающими положениями:

- введенные элементы геймификации должны соответствовать цели обучения;
- обеспечение обучающихся равными правами, не выделяя и не принижая никого, все обучающиеся одинаково вовлечены в процесс;
- преподаватель должен поддерживать порядок и следить за соблюдением правил, быть сторонним наблюдателем и при необходимости направлять обучающихся, если последние сбились с мысли или отвлеклись [9, с. 193].

Адаптивность и глубокое понимание потребностей обучающихся становятся ключевыми условиями эффективной интеграции игровых технологий в педагогическое образование. Профессиональная подготовка будущих учителей требует особой чуткости в сохранении баланса между геймификацией и фундаментальным содержанием образовательных программ. «Для того, чтобы геймифицированное решение было успешным, нужно понять, что заставляет пользователей играть. Чтобы создать эффективное приложение, геймифицированная система должна адаптироваться к уровню вовлеченности и наборам навыков пользователей» [8, с. 5]. Этот принцип особенно значим в контексте формирования многогранных педагогических компетенций, где игровые механики должны не подменять, а усиливать образовательный процесс.

Результаты и обсуждения

В методике преподавания школьных предметов геймификация может быть внедрена достаточно органично, усиливая практико-ориентированный характер подготовки будущих учителей. Например, будущие учителя могут в игровой форме составлять календарное планирование по своему предмету, разрабатывать развернутые планы уроков, моделировать учебные ситуации с «трудными» учениками. Главное преимущество такого подхода — возможность безопасно «примерить» разные стили преподавания. Студенты могут разработать несколько вариантов одного урока: для визуалов, аудиалов, кинестетиков или для классов с разным уровнем подготовки.

Однако, важно помнить о границе между игрой и реальной школьной жизнью. Настоящая работа учителя включает много сложностей: разный уровень мотивации детей, ограниченное время урока, нехватка ресурсов, требования администрации. Все эти факторы должны отражаться и в учебных играх, чтобы выпускники педвузов не испытали шок при встрече с реальной школой.

Игровые методы обучения, хотя и повышают интерес студентов к учебе, требуют осторожного подхода. Важно понимать: эффект от игровых технологий часто бывает временным и для поддержания мотивации нужно постоянно обновлять и усложнять игровые элементы.

Ключевой риск геймификации – искажение восприятия профессиональной реальности у будущих учителей. Привыкнув к игровому формату, где ошибки обратимы, выпускники могут неверно оценивать серьезность педагогических ситуаций в реальной школе. Восприятие образовательного процесса как игры подрывает ответственность педагога за академические результаты и личностное развитие учеников. Существенный разрыв между защищенной средой педвуза и школьной практикой требует особого внимания при подготовке будущих учителей.

Особую опасность представляет феномен «симулякра образовательного процесса», когда за внешне привлекательной формой методической работы отсутствует содержательная основа. В таких случаях яркие интерактивные приемы и геймифицированные учебные ситуации выступают в качестве маскировки недостаточной профессиональной компетентности педагога или отсутствия системного подхода к формированию образовательных результатов. Основополагающей целью педагогического образования является не достижение успеха в учебных симуляциях, а формирование профессионала, обладающего инструментарием для организации эффективного образовательного процесса, обеспечивающего достижение объективных учебных результатов.

Выводы

Геймификация в педагогическом образовании – перспективный инструмент, активно развивающийся в условиях цифровизации. Внедрение игровых технологий повышает вовлеченность студентов, позволяет моделировать профессиональные ситуации и развивать педагогические компетенции в безопасной среде. Важно соблюдать баланс: чрезмерное увлечение игровыми форматами создает риск формирования искаженных представлений о педагогической деятельности и подмены содержательной основы образования внешне привлекательной формой. Эффективное применение геймификации требует продуманного подхода, учета индивидуальных особенностей студентов и сохранения фундаментальной основы педагогического образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. А Артамонова, В.В. Развитие концепции геймификации в XXI веке / В.В. Артамонова // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2018. – Т. 10, № 2-2. – С. 37-43. – DOI 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-37-43. – EDN XQFQZV.
2. Герасимова, О.Ю. Интерактивные технологии в обучении студентов педагогических специальностей / О.Ю. Герасимова // Вестник Набережночелнинского государственного педагогического университета. – 2023. – № 52-2(45). – С. 18-20. – EDN LCWJHQ.
3. Герасимова, О.Ю. Технологии цифрового образования: Учебное пособие / О.Ю. Герасимова, Т.В. Гарнышева, Р.М. Галиев. – Казань: ООО "Бук", 2024. – 106 с. – ISBN 978-5-907910-49-2. – EDN AXDHLH.
4. Гузеев В.В. Планирование результатов образования и образовательная технология. М.: Народное образование, 2001. – 238 с.
5. Компетенции преподавателя вуза в инновационной педагогике / И.О. Боронихина, О.Ю. Герасимова, Р.Д. Даудова [и др.] // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2024. – № 3-2. – С. 45-50. – DOI 10.37882/2223-2982.2024.3-2.08. – EDN FPKSTA.
6. Кузьмич Н.П. Дистанционное обучение в системе высшего образования в условиях пандемии коронавирусной инфекции / Н.П. Кузьмич // Перспективы науки. – 2021. – № 2(137). – С. 132–135.
7. Куликов, В.П. Игровые элементы геймификационной системы / В.П. Куликов, С.Д. Байжуманов, К.Р. Кусманов // Вестник Алматинского университета энергетики и связи. – 2019. – № 4(47). – С. 250-255. – DOI 10.51775/1999-9801_2019_47_4_250. – EDN QINYYN.
8. Мелентьев, М.Ю. Использование элементов геймификации в образовании / М.Ю. Мелентьев // Педагогические чтения, посвященные памяти профессора В.П. Манухина: Материалы научно-практической конференции, Мурманск, 30 ноября 2023 года. – Казань: ООО "Бук", 2024. – С. 193-199. – EDN RVBLHP.
9. Полат Е.С. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования. М.: Академия, 2009. 268 с.
10. Шергазиева, М.С. Геймификация в современном образовании: перспективы и преимущества / М.С. Шергазиева, Н.А. Ибраева, А.Б. Садырбаева // Вестник Исык-Кульского университета. – 2024. – № 57. – С. 250-255. – DOI 10.69722/1694-8211-2024-57-250-255. – EDN KSVTJC.

© Герасимова Ольга Юрьевна (gerola1970@mail.ru), Расулов Абутдин Исамутдинович (Abutdin.rasulov@mail.ru),
Савгачев Виталий Владимирович (hirurg2288@mail.ru), Гончарова Оксана Владимировна (oksana_goncharova@mail.ru),
Шимараева Татьяна Николаевна (3706381@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ РЕЦЕПТИВНЫХ НАВЫКОВ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА У УЧАЩИХСЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

USING MODERN COMPUTER TECHNOLOGIES IN DEVELOPING RECEPTIVE SKILLS OF A FOREIGN LANGUAGE IN STUDENTS OF HIGHER EDUCATION

M. Ivanova

Summary: The article considers current problems of introducing new digital technologies into the process of teaching a foreign language, as well as their impact on the effectiveness of mastering receptive skills. Examples of various technical tools are given, and the advantages and disadvantages of their integration into the educational process are analyzed. The article emphasizes the need to develop new computer technologies and the prospects for their use.

Keywords: computer technologies, receptive skills, multimedia resources, foreign language, motivation.

Иванова Мария Михайловна

Старший преподаватель, Финансовый Университет при
Правительстве Российской Федерации (г. Москва)
MMIvanova@fa.ru

Аннотация: В статье рассматриваются актуальные проблемы внедрения новых цифровых технологий в процесс обучения иностранному языку, а также их влияние на эффективность овладения рецептивными навыками. Приведены примеры различных технических инструментов, а также проанализированы преимущества и недостатки их интеграции в учебный процесс. В статье подчеркивается необходимость развития новых компьютерных технологий и перспективы их использования.

Ключевые слова: компьютерные технологии, рецептивные навыки, мультимедийные ресурсы, иностранный язык, мотивация.

Свободное владение иностранными языками как правило подразумевает высокий уровень владения всеми четырьмя языковыми навыками – аудированием, говорением, чтением и письмом. Для эффективной коммуникации, в частности, на английском языке в различных языковых ситуациях необходимо обладать знаниями и практическими умениями в каждом из вышеперечисленных языковых навыков. Однако зачастую учащиеся могут достичь высокого уровня в одном навыке, при этом имея существенные пробелы в других. Среди возможных причин, по которым это может произойти, страх совершения ошибок и отсутствие структурированных учебных ресурсов, что может значительно отразиться на коммуникативных способностях студентов и их мотивации.

С другой точки зрения, овладение любым иностранным языком может рассматриваться как умение понимать суждения другого лица, выраженные в устной или письменной форме, и как умение пользоваться языком для самостоятельного выражения собственных мыслей [1]. Выделяют две группы необходимых для этого навыков: продуктивные навыки – написание и выступление, и рецептивные навыки – чтение и прослушивание. Первый тип подразумевает использование языка с целью создания устных и письменных сообщений для передачи неких данных, тогда как второй тип предполагает обработку информации на языке, получаемой путем чтения или прослушивания чужей-либо речи.

Согласно словарю методических терминов и понятий рецептивные навыки – это «навыки, функционирующие при аудировании и чтении» [2]. Как правило, в ситуации реального общения наши последующие действия зависят от того, насколько точно и полно мы воспринимаем полученную информацию, в связи с чем одной из важнейших целей обучения является отработка восприятия, понимания и интерпретации речи на слух, включая различные акценты, интонации и темпы, то есть аудирование. Аудирование является «рецептивным видом речевой деятельности, связанным со смысловым восприятием устного сообщения, и состоит из одновременного восприятия языковой формы и понимания содержания высказывания» [2]. Чтение же характеризуется формированием «умения извлекать информацию из графически зафиксированного текста» [2]. Благодаря исследованиям отечественных и зарубежных специалистов в области психологии и психолингвистики известно, что при работе с вышеуказанными рецептивными навыками участник коммуникации опирается на собственный альтернативный опыт, что отражается на степени восприятия извлекаемой информации как в письменной, так и в устной форме, а также анализе полученных данных. Кроме того, при работе с текстами в письменном и аудио формате невозможно исключить и такие аспекты как лексика, грамматика и фонетика, что подразумевает комплексный методологический подход.

Итак, рецептивные навыки играют ключевую роль в

овладении языком, так как они являются основой для успешного общения и понимания. Благодаря тому, что современное общество характеризуется быстрым развитием технологий, которые проникают во все сферы жизни, включая образование, использование компьютерных технологий предоставляет качественно новые возможности для их формирования в контексте изучения иностранных языков.

Различные мультимедийные ресурсы, платформы для онлайн-обучения и интерактивные приложения открывают широкий спектр инструментов для улучшения учебного процесса. На сегодняшний день существует множество исследований, посвященных применению цифровых технологий в обучении. Однако вопросы их влияния на развитие рецептивных навыков, а также особенности их интеграции в образовательный процесс высшей школы, остаются недостаточно изученными, что, в свою очередь, делает необходимым дальнейшего анализ и разработку методик, направленных на их эффективное использование.

Прежде всего рассмотрим механизмы формирования рецептивных навыков у учащихся высшей школы. Принято считать, что в процессе восприятия письменной и, преимущественно, устной речи человек задействует такие инструменты как речевой слух, память, прогнозирование и артикулирование. На первом этапе формируется первоначальное распознавание знакомых образов путем деления речи на смысловые единицы, удобные для дальнейшего восприятия и усвоения, например синтагмы, словосочетания и слова. Далее задействуется так называемая «оперативная память», устанавливающая смысловые связи полученной информации с уже имеющимися данными, а также сопоставляющая их на предмет значимости. Кроме того, благодаря оперативной памяти человек способен сохранять эти данные при условии наличия установки на запоминание. На третьем этапе происходит вероятностное смысловое и лингвистическое прогнозирование, а именно определение конкретной контекстной речевой ситуации и установка соответствующих ей речевых формул, клише и речевых моделей. Следовательно, чем больше речевых формул и моделей знает учащийся, тем проще ему их распознавать в ситуациях реального общения. Благодаря последнему инструменту восприятия речи – артикулированию – обучаемый получает возможность повышения уровня понимания и фиксации полученной информации путем внутреннего проговаривания речи. Иными словами, чем четче проговаривание, тем выше уровень усвоения.

На основе данных инструментов предлагаю выделить следующие механизмы формирования рецептивных навыков:

1. создание образов-эталонов лексических единиц, т.е. объединение зрительно-слуховых образов и формирование многомерной связи «форма-значение»;

2. развитие фонетических рецептивных навыков, т.е. идентификация звуков, интонаций и фонетических особенностей иностранного языка;
3. антиципация и мотивация, т.е. способности предвидения последующего содержания акта коммуникации;
4. использование современных технологий и интерактивных методов, а именно различных онлайн платформ и элементов геймификации;
5. постепенное усложнение и систематизация упражнений, т.е. активное взаимодействие с языковым материалом через различные задания по принципу «от простого к сложному».

Таким образом, целью настоящей статьи является изучение и анализ роли современных компьютерных технологий в формировании рецептивных навыков иностранного языка у студентов высших учебных заведений, а также выявление наиболее эффективных подходов и методик интеграции технологий в учебный процесс.

Для достижения поставленной цели необходимо изучить существующие подходы к использованию технологий в обучении иностранным языкам, проанализировать влияние технологий на развитие рецептивных навыков, выявить успешные практики их применения в высшей школе и разработать рекомендации для преподавателей и студентов.

Цифровые технологии играют значимую роль в восприятии информации, особенно в рамках образовательного процесса. Благодаря своей доступности и интерактивности, студенты имеют возможность получать знания в удобной форме, в любое время и в любом месте. Согласно исследованиям более 70% студентов считают, что цифровые технологии способствуют лучшему усвоению материала. Это объясняется тем, что такие инструменты, как онлайн-курсы, интерактивные платформы и мультимедийные ресурсы, предлагают разнообразные способы представления информации, что существенно облегчает её восприятие. Интеграция цифровых технологий в языковое образование «дает значительные когнитивные и мотивационные преимущества» [3]. Кроме того, психологические аспекты восприятия информации через цифровые средства включают в себя активацию различных когнитивных процессов. Например, визуальные элементы, такие как инфографика и видео, стимулируют зоны мозга, ответственные за обработку зрительной информации, что способствует лучшему пониманию материала. Исследования показывают, что мультимедийный контент помогает студентам запоминать информацию на 20% эффективнее, чем традиционные методы. Использование таких инструментов, как анимация, аудиовизуальные презентации и интерактивные симуляции, способствует улучшению концентрации внимания и повышению интереса к из-

учаемому материалу. Это связано с тем, что мультимедийный контент активирует одновременно несколько сенсорных каналов, что улучшает восприятие.

Восприятие информации через цифровые инструменты, несмотря на многочисленные преимущества, связано с определенными проблемами и вызовами. Одной из основных трудностей является информационная перегрузка, возникающая из-за большого объема доступного контента. Это может приводить к снижению концентрации внимания и ухудшению запоминания материала. Использование цифровых технологий также требует от студентов специфических навыков работы с информацией, что может стать препятствием для некоторых пользователей. Исследование отмечает, что цифровые инструменты способствуют персонализации учебного процесса. Тем не менее, существуют и такие проблемы, как цифровой разрыв и технические вопросы, которые необходимо решать для максимально эффективного использования потенциала цифрового обучения [3]. Учет этих аспектов при разработке цифровых образовательных инструментов имеет ключевое значение для обеспечения их эффективности и доступности.

Что касается традиционных методов обучения иностранным языкам, они включают такие подходы, как семинары, работа с текстами, прослушивание аудиозаписей, а также непосредственное взаимодействие с преподавателем и другими студентами. Эти методы позволяют сосредоточиться на индивидуальных потребностях обучаемых, предоставляя возможность для обсуждения, анализа и применения знаний в контексте и в конкретных речевых ситуациях. Важной особенностью традиционных методов является акцент на личном общении, что способствует более глубокому пониманию культурных аспектов языка, таких как идиомы, фразеологизмы и культурные отсылки. Однако такие методы ограничены в плане доступности и вариативности материалов, а также требуют значительных временных затрат на организацию и проведение занятий.

Цифровые методы обучения, в свою очередь, основаны на использовании таких технологий, как интерактивные приложения, онлайн-платформы, мультимедийные ресурсы и виртуальная реальность. Эти подходы обеспечивают доступность материалов, возможность интерактивного взаимодействия и индивидуализации процесса обучения. Применение цифровых инструментов позволяет студентам изучать иностранный язык в удобном для них формате представления информации. При этом такие подходы могут быть менее эффективны в развитии навыков личного общения и требуют наличия технических ресурсов и соответствующих навыков работы с ними. Гаджиева Л.А. отмечает, что технологии искусственного интеллекта облегчают персонализиро-

ванное электронное обучение, не повышая требований к преподавателям [4]. Это подчеркивает необходимость комплексного подхода к внедрению цифровых технологий в образовательный процесс, учитывающего как их преимущества, так и ограничения.

Сравнение традиционных и цифровых методов обучения показывает, что оба подхода имеют свои сильные и слабые стороны. Оптимальным решением является их интеграция, позволяющая сочетать преимущества личного взаимодействия и интерактивности. Такой подход обеспечивает более глубокое и разностороннее освоение иностранного языка, удовлетворяя потребности современных студентов.

Мультимедийные ресурсы играют ключевую роль в формировании навыков восприятия иностранной речи, предоставляя учащимся возможность взаимодействовать с аутентичным языковым материалом. Использование видео- и аудиоматериалов создает условия для имитации реальной языковой среды, что способствует более глубокому погружению в изучаемый язык. Как отмечают Исхакова Р.Г., Назипова Р.Ш. и Симонов А.Н. [5], использование аудиовизуальных форм обучения также способствует повышению уровня запоминаемости информации у студентов.

Эффективность мультимедийных технологий в обучении подтверждается и многочисленными исследованиями. В 2019 году около 85% студентов отметили, что мультимедийные лекции более интересны и способствуют лучшему усвоению материала. Это происходит благодаря возможности комбинировать визуальные и аудиальные элементы, стимулируя активное участие студентов в учебном процессе, что, в свою очередь, повышает их мотивацию и результаты обучения. Также отмечается, что «аудиовизуальные средства обучения, в частности короткие фрагменты документальных или художественных фильмов, безусловно, вызывают у студентов повышенный интерес и воспринимаются ими часто как развлечение» [5].

Выделим основные современные компьютерные технологии, применимые при формировании рецептивных навыков иностранного языка у учащихся высшей школы:

1) Платформы для онлайн-обучения

Среди наиболее популярных платформ можно выделить Duolingo, Coursera, Rosetta Stone и другие. Эти платформы предоставляют пользователям доступ к разнообразным курсам, которые охватывают как базовые, так и продвинутое уровни владения языком. Например, Duolingo, насчитывающая более 300 миллионов пользователей, предлагает интерактивные упражнения, которые помогают развивать навыки чтения, письма и аудирования.

Функциональные возможности онлайн-платформ позволяют адаптировать процесс обучения к индивидуальным потребностям учащихся. Например, такие платформы, как Rosetta Stone, используют методику полного языкового погружения, которая способствует развитию рецептивных навыков. Coursera предлагает курсы, разработанные ведущими университетами, что позволяет студентам изучать язык в академическом контексте. Данный ресурс предоставляет инструменты для отслеживания прогресса обучаемых, выполнения интерактивных заданий и получения обратной связи.

Использование онлайн-платформ, несмотря на множество преимуществ, связано с определёнными проблемами. Одной из них является недостаток личного взаимодействия с преподавателем, что затрудняет получение индивидуальной обратной связи. Ввиду того факта, что «сетевое общение не предполагает высокого уровня владения языком, сетевое общество терпимо относится к отступлениям от языковых норм на любом языке» [6], это может повлиять на качество обучения, особенно для тех, кто стремится к совершенствованию своих языковых навыков. С другой стороны, некоторые платформы требуют стабильного интернет-соединения, что не всегда доступно, особенно в отдалённых районах. Кроме того, не все платформы предлагают контент, адаптированный к культурным особенностям изучаемого языка, что может ограничивать их результативность в рамках изучения страноведческого аспекта.

2) Игровые приложения

Геймификация представляет собой использование игровых элементов и механик в неигровом контексте, например, в образовательной среде. Основные принципы геймификации включают внедрение элементов соревнования, наград и достижений, которые стимулируют интерес и увлечённость студентов. В обучении иностранным языкам геймификация может включать задания с баллами, виртуальными наградами за выполнение упражнений и создание рейтинговых таблиц, мотивирующих учащихся к обучению.

Одним из ярких примеров применения игровых приложений в рамках геймификации является платформа Duolingo, которая интегрирует игровые элементы, такие как уровни, награды и ежедневные задания, чтобы поддерживать интерес пользователей. Другие примеры включают использование таких обучающих игровых приложений, как Kahoot, Quizizz и Quizlet, которые позволяют создавать викторины и задания с игровыми механиками и могут быть успешно внедрены в процесс изучения иностранных языков, делая его более увлекательным и продуктивным. Элементы игры, включающие различные награды и рейтинги, стимулируют студентов к реализации поставленных целей и активному участию

в учебном процессе.

Несмотря на очевидные преимущества, геймификация имеет и свои ограничения. Одной из сложностей является необходимость тщательного проектирования игровых элементов, чтобы они способствовали обучению, а не отвлекали от него. Кроме того, не все студенты могут одинаково положительно воспринимать игровые достижения, что может отрицательно сказаться на их мотивации, особенно в группе с разным уровнем владения языком. Также важно учитывать, что чрезмерное использование геймификации может снизить ее полезность, превращая процесс обучения в рутинный.

Перспективы развития геймификации в образовательной среде весьма обширны. С развитием технологий открываются все новые возможности для интеграции игровых элементов в процесс обучения. Например, использование виртуальной и дополненной реальности может значительно обогатить опыт студентов. Вместе с тем возможность формирования реальной языковой среды в процессе обучения в социальных сетях представляет собой значительное преимущество данного подхода [7]. Ожидается также появление более персонализированных методов, которые будут учитывать индивидуальные потребности и предпочтения студентов, что сделает процесс обучения еще более результативным.

3) Виртуальная реальность (VR)

Технология виртуальной реальности (VR) представляет собой инновационный инструмент, который позволяет пользователям погружаться в иммерсивные трехмерные виртуальные среды. Благодаря использованию специализированного оборудования, например VR-очков и контроллеров, студенты могут взаимодействовать с объектами и персонажами в этих средах. Это открывает уникальные возможности для создания реалистичных сценариев, которые могут быть адаптированы для изучения иностранных языков: виртуальные экскурсии, симуляции общения с носителями языка или участие в интерактивных диалогах.

Примером успешного применения VR в обучении является платформа Mondly VR, которая позволяет пользователям участвовать в диалогах с виртуальными персонажами на 30 различных языках. Эта технология способствует развитию навыков говорения и аудирования в интерактивной форме, что, в свою очередь, улучшает запоминание и снижает языковой барьер. Известно, что применение информационных технологий в обучении иностранным языкам активизирует несколько информационных каналов, что позволяет использовать наиболее эффективные способы восприятия для каждого студента. Таким образом, VR-технологии не только делают процесс обучения более увлекательным, но и

учитывают индивидуальные особенности восприятия информации.

Одним из главных плюсов использования виртуальной реальности в обучении является её способность создавать иммерсивные и интерактивные сценарии, что значительно повышает уровень вовлеченности студентов. Исследования показывают, что применение VR увеличивает уровень запоминания информации на 30% по сравнению с традиционными методами, что делает её особенно эффективной для изучения языков. В частности, «в итоговом тестировании в экспериментальной группе медиана увеличилась на 16,8%, истинное среднее на 17,6%, в то время как в контрольной группе медиана выросла на 16,3%, истинное среднее на 13,3%» [8]. Эти данные подчеркивают, что виртуальная реальность может значительно улучшить результаты обучения, учитывая различные аспекты её применения.

Для успешного внедрения VR в учебный процесс необходимо учитывать как технические, так и методические аспекты. С технической стороны для стабильной работы данных технологий требуется наличие современного оборудования и программного обеспечения. С методической точки зрения важно разработать сценарии использования VR, соответствующие учебным целям и способствующие развитию рецептивных навыков, таких как аудирование и чтение. В свете этого фактора, Дмитрусенко И.Н. и Баграмова Н.В. отмечают, что структура формирования рецептивных лексических навыков и умений может служить основой для разработки учебных комплексов упражнений, направленных на развитие иноязычной лексики [9]. Таким образом, интеграция VR в обучение должна основываться на комплексном подходе, объединяющем технические и методические элементы.

4) Мобильные приложения

Мобильные приложения играют важную роль в самостоятельном изучении иностранных языков, предоставляя пользователям доступ к разнообразным учебным ресурсам для наиболее эффективного использования свободного времени и интеграции обучения в повседневную жизнь. Согласно последним данным более 90% пользователей мобильных устройств использовали приложения для обучения, включая языковые приложения. Это подчеркивает растущую популярность мобильных технологий как инструмента для самостоятельного обучения.

Мобильные приложения для изучения языков предлагают широкий спектр функциональных возможностей, что делает процесс обучения более интерактивным и персонализированным. В их арсенале находятся адаптивные тесты, упражнения на аудирование, чтение, на-

писание и говорение, а также функции для отслеживания прогресса. Помимо этого, такие приложения, как Memrise, внедряют элементы геймификации, что значительно повышает вовлеченность учащихся и делает обучение более увлекательным и мотивирующим. Ключевым аспектом успешного изучения языка является выделение компонентов «Выбор» и «Сочетаемость». Это позволяет более рационально описывать структуру рецептивных лексических навыков и умений, а также способствует эффективному контролю их формирования в процессе чтения профессиональной литературы в рамках самостоятельной работы обучающихся [9].

Среди множества мобильных приложений для изучения языков выделяются такие успешные примеры, как Duolingo и Memrise. Duolingo предлагает курсы на более чем 40 языках и широко известно своей доступностью и простотой использования. Memrise, в свою очередь, привлекает пользователей уникальными методиками запоминания слов и фраз, основанными на ассоциативном мышлении и повторении.

Мобильные приложения, несомненно, обеспечивают доступность обучения, гибкость в выборе времени и места занятий, а также возможность индивидуализации учебного процесса. Мобильные устройства становятся увлекательным и доступным способом обучения, который особенно популярен среди молодежи [6].

Несмотря на неоспоримые достоинства, использование мобильных приложений для изучения языков сопряжено с определенными вызовами и ограничениями. Среди них можно выделить необходимость наличия стабильного интернет-соединения, возможные трудности в мотивации при самостоятельном обучении, а также ограниченность взаимодействия с преподавателями и другими учащимися. Однако, несмотря на это большинство студентов считают мобильные приложения удобным инструментом для самостоятельного изучения языков, что подчеркивает их значимость в образовательном процессе.

5) Искусственный интеллект (ИИ) и нейросети

Искусственный интеллект (ИИ) играет все более значительную роль в современном обучении иностранным языкам, предлагая новые подходы и повышая эффективность учебного процесса. Алгоритмы машинного обучения способствуют разработке систем, которые адаптируются к индивидуальным потребностям учащихся. Такие системы могут анализировать ошибки студентов и предлагать персонализированные задания для их устранения. Это не только углубляет усвоение материала, но и развивает рецептивные навыки, такие как понимание иностранной речи и текста. Анализ работ авторов, занимающихся проблемами восприятия и понимания ино-

язычной речи, позволяет выделить ключевые направления в изучении данного вопроса [10].

Используя алгоритмы машинного обучения, учебные платформы адаптируют задания в соответствии с уровнем знаний и прогрессом пользователя, обеспечивая индивидуальный подход к обучению. Это позволяет студентам эффективно развивать рецептивные навыки, такие как аудирование и чтение, благодаря постоянной адаптации сложности материалов. В то же время применение искусственного интеллекта в обучении иностранному языку может существенно облегчить работу преподавателей. Несмотря на это, на данный момент ИИ еще не достиг уровня, позволяющего полностью доверять предоставленной информации [11]. По мнению Земляковой Т.А., наилучший результат использования компьютерных программ и нейросетей показывает «работа над фонетическим, лексическим, грамматическим контентом, в обучении технике чтения, частично для обучения письму, а также в организации различных форм контроля и самоконтроля» [12]. Это может быть связано с тем, что данные технологии следуют четко установленному алгоритму действий, из чего следует, что, отсутствие когнитивного сознания у искусственного интеллекта делает невозможным развитие такой важной способности, как говорение, требующего спонтанной реакции на услышанное и гибкости восприятия. Современный мир характеризуется постоянными достижениями в различных сферах науки и в будущем нейросети, несомненно, имеют выдающиеся перспективы.

В условиях глобальной цифровизации образовательного процесса становится очевидной актуальность подготовки преподавателей к использованию цифровых технологий. Современные образовательные стандарты требуют от них не только глубоких знаний в своей области, но и способности эффективно применять цифровые инструменты в учебном процессе. Исследования показывают, что более 60% преподавателей сталкиваются с трудностями при внедрении технологий в обучение из-за недостаточной технической подготовки. Это подчеркивает необходимость разработки программ профессионального развития, направленных на формирование у преподавателей навыков работы с цифровыми платформами и инструментами. Гаджиева Л.А. отмечает, что «сегодня системы ИИ стали неотъемлемой частью не только нашей повседневной жизни, но и системы образования» [4]. Одним из таких способов решения данной проблемы является организация курсов повышения квалификации, где преподаватели могут получить практический опыт работы с современными технологиями. При этом важно адаптировать такие программы под конкретные образовательные потребности, поскольку «возникает необходимость обучать студентов неязыковым специальностям эффективным способом понимания иноязычной речи на слух» [10].

Подготовка преподавателей к работе с цифровыми технологиями оказывает значительное влияние и на качество обучения студентов. Уверенные в своих навыках преподаватели способны эффективнее использовать цифровые инструменты, что, в свою очередь, способствует повышению вовлеченности и успеваемости студентов. Это создает более качественную образовательную среду, которая способствует лучшему восприятию материала студентами. Цифровизация в образовании, включая использование современных технологий, становится ключевым аспектом формирования необходимых навыков у студентов.

Перспективы развития онлайн-обучения предполагают дальнейшее внедрение инновационных технологий для повышения качества образовательного процесса. В будущем использование таких технологий, как искусственный интеллект и адаптивные алгоритмы, может значительно улучшить процесс формирования рецептивных навыков и обеспечит учащимся возможность получать обратную связь в реальном времени и адаптировать учебные материалы в соответствии с их уровнем подготовки и прогрессом, что сделает онлайн-обучение мощным инструментом для изучения иностранных языков. Современные информационные технологии в обучении иностранным языкам позволяют реализовать личностно-ориентированный подход к обучению, обеспечивая индивидуализацию и дифференциацию образования».

В заключение необходимо подчеркнуть значимость современных компьютерных технологий в формировании рецептивных навыков иностранного языка у студентов вузов. Проведенный анализ различных аспектов влияния цифровых инструментов на образовательный процесс – включая их психологическое воздействие, эффективность применения мультимедийных ресурсов и специализированных платформ, а также использование инновационных технологий — позволил выявить существенное влияние данных средств на развитие навыков восприятия иностранной речи. Это подтверждает важность интеграции цифровых технологий в современное образование в целом и в формирование рецептивных языковых компетенций у обучающихся, в частности.

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что при грамотном использовании цифровые технологии способствуют повышению мотивации студентов, улучшению восприятия учебного материала и развитию ключевых языковых умений. Внедрение мультимедийных средств, интерактивных платформ и элементов геймификации создаёт условия для более эффективных и персонализированных подходов к обучению иностранным языкам. Для дальнейшего прогресса в данной сфере необходимо учитывать индивидуальные особенности обучающихся и обеспечивать

широкую доступность цифровых ресурсов. Вместе с тем, несмотря на очевидные преимущества, нельзя игнорировать потенциальные сложности, с которыми сталкиваются участники образовательного процесса, поскольку они могут влиять на уровень вовлечённости и успеваемости студентов.

Перспективы дальнейших исследований включают

изучение новых технологий, таких как искусственный интеллект и виртуальная реальность, а также разработку методик, максимально адаптированных к индивидуальным потребностям и уровню подготовки обучающихся. Не менее важным направлением является систематическая оценка результатов внедрения цифровых технологий в образовательный процесс вузов с целью повышения эффективности преподавания иностранных языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ртищева, Л.И. Развитие рецептивных умений как цель и средство формирования нескольких компетенций / Л.И. Ртищева. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2009. — № 3 (3). — С. 191-194. — URL: <https://moluch.ru/archive/3/177/> (дата обращения: 28.01.2025).
2. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). — М.: Издательство ИКАР. Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. 2009.
3. Каримова К.С. Интеграция цифровых технологий в обучение иностранным языкам: эффективные подходы и результаты // ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ. — 2024. — № 10(190). — С. 74–75.
4. Гаджиева Л.А. Использование систем искусственного интеллекта при обучении иностранному языку студентов бакалавриата // Балтийский гуманитарный журнал. — 2023. — Т. 12. — № 3(44). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-sistem-iskusstvennogo-intellekta-pri-obuchenii-inostrannomu-yazyku-studentov-bakalavriata> (дата обращения: 19.02.2025).
5. Исакова Р.Г., Назипова Р.Ш., Симонов А.Н. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Инновационное развитие: потенциал молодежи и современное образование»: сборник материалов. — Елабуга, 2019. — Вып. 1. — 530 с.
6. Самохина Н.В. Использование мобильных технологий при обучении английскому языку: развитие традиций и поиск новых методических моделей // Фундаментальные исследования. — 2014. — № 6. — С. 591-592.
7. Власкина В.Ю. Образовательный потенциал социальных сетей Твиттер и Инстаграм в обучении иностранным языкам: методика исследования // Национальный исследовательский Томский государственный университет. — Международный студенческий научный вестник. 2018. №5 URL: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=18679> (дата обращения: 19.02.2025)
8. Козлова Е.Д. Нейролингвистическое обоснование и апробация методики развития рецептивных навыков с помощью аудиокнижки // Научный результат. Педагогика и психология образования. — 2023. — Т. 9. — № 3. — С. 82-91.
9. Дмитриусенко И.Н., Баграмова Н.В. Структура и специфика формирования рецептивных лексических навыков и умений в процессе чтения иноязычной профессиональной литературы // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование. Педагогические науки». — 2017. — Т. 9, № 3. — С. 69-77.
10. Михина Алла Эдуардовна. Методика формирования стратегий аудирования у студентов неязыкового вуза: английский язык : диссертация ... кандидата педагогических наук: 13.00.02 / Михина Алла Эдуардовна; [Место защиты: Бурят. гос. ун-т] . — Улан-Удэ, 2009. - 268 с.
11. Кувшинова Е.Е. Применение искусственного интеллекта в обучении иностранному языку // Гуманитарий юга России. — 2024. — Т. 13. — № 2 (66). — С. 75–76.
12. Землякова Т.А., Земляков В.Д. Преимущества и недостатки использования искусственного интеллекта при изучении иностранного языка // Психология и педагогика служебной деятельности. 2021. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/preimuschestva-i-nedostatki-ispolzovaniya-iskusstvennogo-intellekta-pri-izuchenii-inostrannogo-yazyka> (дата обращения: 19.02.2025).

© Иванова Мария Михайловна (MMIvanova@fa.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОБЕСПЕЧЕНИЕ АДАПТАЦИИ СОТРУДНИКОВ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ В ПРОЦЕССЕ ОРГАНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ НАСТАВНИЧЕСТВА

Казаков Никита Петрович

Аспирант, ОЧУ ВО «Московская международная академия»;
Заместитель начальника отдела сбора информации и
аналитики по эксплуатации объектов ДЗМ ГБУ «Дирекция
развития объектов здравоохранения города Москвы»

KazakovNPJob@gmail.com

ENSURING ADAPTATION OF EMPLOYEES IN PUBLIC INSTITUTIONS IN THE PROCESS OF ORGANIZING A MENTORING SYSTEM

N. Kazakov

Summary: The article considers the essence of the concept of adaptation, considers various types and methods of adaptation of employees in public institutions in the process of organizing a mentoring system. The author's definitions of the concepts of "mentoring", "adaptation" and "ensuring adaptation" are proposed. The peculiarities of mentoring in providing adaptation of employees of public institutions are considered, as well as such mentoring tools as individual adaptation plan, coaching and feedback. The peculiarities of application of mentoring tools are considered that form the basis of the mentoring system in public institutions are developed. The works of domestic authors devoted to the process of training specialists of institutions for the implementation of mentoring activities are considered. The format of interaction between public institutions and educational institutions based on the use of the mentoring system as a basis for additional training of graduates in the required competencies is proposed.

Keywords: mentoring, employee adaptation, public administration, personnel policy, public institutions.

Аннотация: В статье рассматривается сущность понятия адаптация, рассмотрены различные виды и методы адаптации сотрудников в государственных учреждениях в процессе организации системы наставничества. Предложены авторские определения понятий «наставничество», «адаптация» и «обеспечение адаптации», исследованы особенности наставничества при обеспечении адаптации сотрудников государственных учреждений, а также такие инструменты наставничества как индивидуальный план адаптации, структурирование и обратная связь. Представлены особенности применения инструментария наставничества, составляющих основу системы наставничества в государственных учреждениях. Рассмотрены работы отечественных авторов, посвященные процессу подготовки специалистов учреждений к осуществлению наставнической деятельности. Предложен формат взаимодействия государственных учреждений и учреждений образования, основанный на использовании системы наставничества как основы для дообучения выпускников требуемым компетенциям.

Ключевые слова: наставничество, адаптация сотрудников, государственное управление, кадровая политика, государственные учреждения.

Введение

Адаптация сотрудников на рабочем месте является ключевым элементом кадровой политики учреждения. Плавное и всеобъемлющее знакомство нового сотрудника с принятыми нормами в организации обеспечивает долгосрочное сотрудничество и положительно влияет на результативность работников всего учреждения. В настоящий момент процессу адаптации посвящены работы психологических и экономических направлений, однако вопрос инструментария адаптации сотрудников с точки зрения педагогики раскрыт недостаточно детально. Актуальность обусловлена изучением непроработанного в данный момент вопроса использования технологии наставничества как фактора обеспечения адаптации сотрудников к изменяющимся условиям труда. Целью данной работы является теоретический анализ понятия «адаптация» применительно к персоналу государственных учреждений, рассмотрение видов и современного инструментария адаптации сотрудников на рабочем месте в процессе организации системы наставничества.

Применение современных информационно-коммуникационных технологий на текущем этапе развития мира является не столько возможностью, сколько необходимостью. Цифровизация и глобализация привели к предъявлению всё больших требований к выпускникам вузов и новым сотрудникам учреждений во всех областях, в том числе в сфере государственного управления [1, 2, 3]. В требования к кандидатам на замещение вакантных должностей сферы государственного управления входят опыт работы в узкоспециализированном программном обеспечении, знание языков программирования и законодательства в области работы учреждения [4]. В данных условиях специалисты сталкиваются с необходимостью либо выбирать не подходящие по специальности вакансии, а те, в которых обозначена возможность обучиться определенным программам на рабочем месте, либо проходить дополнительное обучение у внешних провайдеров, не гарантирующее трудоустройства, так как практическим опытом не является. Несмотря на включенное требование в ФГОС ВО по направлению подготовки 38.04.04 Государственное и муниципальное управление требование к овладению

современными информационно-коммуникационными технологиями в соответствующей сфере профессиональной деятельности, институт высшего образования не способен и не должен обеспечивать обучение ежегодно, если не ежеквартально меняющемуся узкоспециализированному программному обеспечению. Возникает проблема необходимости обеспечения готовности специалистов государственного и муниципального управления к овладению новыми компетенциями, в том числе к применению информационно-коммуникационных технологий [5].

Обзор литературы

Вопросы обеспечения адаптации сотрудников рассматривались в исследованиях Батышева С.Я. [6, 7], Гайнеева Э.Р. [8], Кеменева Д.А. [9], Фотиной Л.В. [10]. В работе Н.Н. Клища и В.А. Январёва были изложены результаты разработки по внедрению наставничества в различных федеральных государственных органах Российской Федерации – МВД, Следственном комитете Российской Федерации, Федеральном агентстве по поставкам вооружения, военной, специальной техники и материальных средств Российской Федерации, Министерстве Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий и др [11]. Кроме того, в работе изложены теоретико-методологические основы наставничества, а также зарубежный опыт организации наставничества на государственной службе. В работах Д.А. Кеменева подробно рассмотрены предпосылки и факторы институционализации наставничества на государственной службе Российской Федерации, обозначена система факторов, способствующих и препятствующих развитию наставничества на государственной службе, описаны направления развития наставничества как инструмента кадровой политики, а также разработаны рекомендации по повышению эффективности процессов наставничества в учреждениях [12,13].

Материалы и методы

В данной работе использовался теоретический анализ специализированной литературы, профильных нормативно-правовых актов, анализ и систематизация работ отечественных авторов по теме исследования, обобщение результатов исследований.

Дискуссия и результаты

Наставничество как кадровая технология является одним из эффективных инструментов преодоления разрыва в подготовке специалистов и требованиями работодателей. Согласно Н.Н. Клищу, наставничество – форма адаптации нового сотрудника, а также один из видов обучения [14]. При организации обучения данного типа, к

новому или недостаточно компетентному в определённых вопросах сотруднику прикрепляется коллега-профессионал, обеспечивающий поддержкой и передовым опытом и знаниями новичка. Конкретный способ передачи полезной информации определяется подходом, выбранным наставником, необходимостью в дополнении картины мира наставляемого определённым типом знаний/навыков/умений или просто корректной обратной связью. Другое определение приводит В.Н. Иванов, согласно которому наставничество – технология, регулирующая отношения между подопечным и наставником, стимулирует процесс социализации и адаптации молодежи к новым ценностям культуры и жизни, их освоения и ускорения на этой основе социальной зрелости молодого поколения [15]. В данном определении основным автор выделяет не столько функцию обучения, сколько функцию социализации, присущую взаимодействию наставника и наставляемого. Согласно письму Министерства просвещения Российской Федерации №АЗ-1128/08 от 21 декабря 2021 года, наставничество – форма обеспечения профессионального становления, развития и адаптации к квалифицированному исполнению должностных обязанностей лиц, в отношении которых осуществляется наставничество [16]. В данном определении упор сделан на исполнение сотрудником его прямых обязанностей на рабочем месте, причём отношения наставник-наставляемый имеют строго определённую иерархию.

Исходя из анализа вышеуказанных определений, автором предлагается использовать для целей данного исследования следующее определение наставничества:

«Наставничество – набор адаптационных и обучающих мероприятий, направленный на обретение выбранным субъектом целевых компетенций, знаний, навыков, умений или иных качеств, проводимый закреплённым наставником из числа наиболее опытных лиц в рассматриваемой области.»

Термин «адаптация» является многокомпонентным и может рассматриваться в зависимости от научной сферы: с точки зрения биологии под адаптацией понимается выражение целесообразности в устройстве организмов, как прямое приспособление; согласно одной из трактовок с психологической точки зрения, адаптация – форма изменения среды и изменений в организме путем применения действий, соответствующих данной ситуации [17]; управление персоналом рассматривает адаптацию как процесс интеграции новых сотрудников в организационную культуру, структуру и рабочие процессы компании [18]. Анализ различных подходов к определению термина позволяет сделать вывод о том, что в зависимости от внешних факторов может преобладать физиологический, психологический и социальный аспекты адаптации.

В контексте наставничества адаптация персонала – процесс формирования наставником у работника целевого поведения в решении трудовых задач. Обеспечением адаптации является процесс создания наставником условий, способствующих формированию у работника целевого поведения. Ключевым аспектом является воздействие наставника на наставляемого, способствующее как выработке необходимых паттернов поведения на рабочем месте, так и стимулирование к самостоятельному освоению обязанностей и преодолению затруднений. Применение конкретных инструментов и форм определяется целью адаптации – будь то проведение первичных инструктажей, знакомство с коллегами для новых сотрудников, переподготовка и знакомство с новой деятельностью уже действующего сотрудника организации при переходе в смежный отдел (горизонтальное развитие), повышение квалификации сотрудника, получившего повышение в должности (вертикальный рост). Виды и методы адаптации меняются в зависимости от личностных особенностей наставляемого, а также его роли в организации, общая категоризация видов адаптации в организации представлена в таблице 1.

Таблица 1.

Категории и виды адаптации при организации системы наставничества в государственных учреждениях.

Категория	Вид
По статусу наставляемого	Студент/Новый сотрудник/Повышение в должности/Переквалификация
По виду адаптации	Первичная/Вторичная
По типу адаптации	Профессиональная/Психологическая/Социальная
По количеству	Индивидуальная/Групповая
По виду выполняемой профессиональной деятельности	Человек-человек, человек-техника, человек-живая природа, человек-знаковая система, человек-знаковый образ
По вызывающему событию	Реактивная/Превентивная

Использование наставничества как кадровой технологии позволяет в краткие сроки оценить навыки сотрудников, в отношении которых осуществляется наставничество, а также обеспечить плавный процесс адаптации в учреждении. Важным аспектом применения наставничества является необходимость учёта специфики отрасли и внутренней организации работы в организации. К особенностям работы в государственных учреждениях можно отнести:

- ненормированный рабочий график, негативно влияющий на психологическую и социальную стороны жизни сотрудников [19, 20];
- высокую степень бюрократизации, приводящую к необходимости обладания высоким уровнем навыков и знаний в области документооборота [21];

— иерархичность структуры подразделений учреждений, приводящую к общему замедлению процессов принятия решений.

Важной особенностью государственных учреждений при организации системы наставничества является необходимость утверждать положение о наставничестве, систему контроля, а также типовые шаблоны основных документов, используемых при проведении мероприятий.

Все вышеописанные факторы также необходимо учитывать при разработке планов адаптации сотрудников для обеспечения должной подготовки сотрудников к принятым условиям труда. Таким образом, при построении плана адаптации сотрудника на конечный вид индивидуального плана влияют: текущая иерархия учреждения, график работы, необходимые в трудовой деятельности навыки и степень владения данными навыками наставляемым, а также уровень психологической подготовки наставляемого к исполнению трудовых обязанностей.

К основным инструментам наставника, направленным на обеспечение адаптации сотрудников, можно отнести индивидуальный план развития, инструктирование и обратную связь. Индивидуальным планом развития (или индивидуальным планом адаптации в случаях, когда план утверждается на период испытательного срока) называют документ, содержащий последовательность и этапы действий наставника и наставляемого, позволяющий контролировать результат проводимых мероприятий. В плане отражаются основные сведения о наставляемом, мероприятия и срок их проведения, а также ответственный за проведение мероприятий [22]. Подходы к формированию индивидуальных планов могут различаться в зависимости от отрасли ведения деятельности учреждения, а также от направления подготовки наставляемого. В наиболее развитых компаниях для составления индивидуальных планов используется модель компетенций, присущих специалистам определенной категории и должности [23]. Однако сама разработка моделей компетенций зачастую требует нерелевантных на первых этапах внедрения системы наставничества трудозатрат, в связи с чем возможно использование должностных инструкций и анализ требований к знаниям и навыкам при выполнении наиболее часто встречающихся задач [24].

Инструктирование как инструмент наставничества почти не рассматривается в работах отечественных авторов, однако данный вид обучения зарекомендовал себя в областях, где несоблюдение регламентов связано с риском для жизни – в военной и медицинской областях, в сфере охраны труда. Тем не менее, применение инструктирования, определяемого как процесс наставления подчиненного для совершения необходимых дей-

ствий и выработки определенного поведения, является одним из наиболее эффективных инструментов в работе наставника [25]. Учитывая, что работа наставника с наставляемым по большей части состоит из вербальной коммуникации, формирование инструкций и алгоритмов с последующей передачей их наставляемому способно оказать целевой эффект, более результативный чем применение других методов и форм обучения. Дискуссионным остается вопрос применения инструктирования в дистанционном формате.

Обратная связь является ключевым компонентом в работе с наставляемым. Как инструмент наставничества обратная связь – реакция на действия наставляемого в процессе обучения в виде отзыва, суждения или комментария, позволяющая вносить корректировки в действия сотрудника, контролировать процесс и оценивать ход прохождения адаптации [26]. Использование обратной связи позволяет предоставить наставляемому своевременную информацию о совершенных ошибках, а также запустить процесс рефлексии о причинах их совершения и способах исправления [27]. Обратная связь может быть предоставлена как в процессе совместного выполнения заданий, утвержденных индивидуальным планом развития для оперативной корректировки поведения, так и в конце прохождения срока адаптации как инструмент дальнейшего карьерного проектирования. Важным компонентом является не только сам факт предоставления корректной обратной связи, но и проверка восприятия сказанного наставляемым, выражающаяся в отсутствии повторения или уменьшения совершенных ошибок. Необходимость использования обратной связи накладывает дополнительные ожидания от наставника в части обладания коммуникативными компетенциями, выдержкой и тактичностью в предоставлении критики. Использование данных инструментов в свою очередь потребует дополнительной подготовки специалистов учреждения к осуществлению наставнической деятельности. Фундаментальным исследованием по теме внутрикорпоративной подготовки сотрудников к осуществлению наставнической деятельности является диссертация на соискание ученой степени доктора педагогических наук Масалимовой А.Р. В работе приведено теоретико-методологическое обоснование возможностей внутрикорпоративной подготовки специалистов для осуществления работы в качестве наставников, представлены результаты внедрения наставничества как кадровой технологии на предприятиях.

В работе Масалимовой А.Р. рассмотрен ряд проблем подготовки технических специалистов к осуществлению наставнической деятельности, среди которых:

- Отсутствие в ГОС ВПО и ФГОС ВПО по соответствующим направлениям подготовки требований к психолого-педагогической подготовке выпускников, что ограничивает деятельность будущих наставников [28];

- Быстрое устаревание научно-методических материалов.

В исследовании предложен интегративный подход к подготовке специалистов к осуществлению наставнической деятельности, заключающийся в непрерывном и систематическом совершенствовании не только профессиональных, но и психолого-педагогических компетенций, обеспечивающий преемственность института наставничества и позволяющий использовать учреждения в качестве площадки для «дообучения» выпускников требуемым компетенциям.

Заключение

Внедрение наставничества в структуру государственного управления позволяет распространить процесс обучения будущих сотрудников с образовательных учреждений на организации и учреждения, где будет работать специалист, приводя к формированию интегрированной системы «образование – производство». К преимуществам данной системы возможно отнести устранение противоречия между необходимостью дополнительного обучения работников узкоспециализированным навыкам с учетом их индивидуальных особенностей и отсутствием возможности получения необходимых компетенций в рамках программ образования, предусмотренных ФГОС. Кроме того, внедрение наставничества регулируется локальными нормативно-правовыми актами образовательных организаций, что означает отсутствие правовых ограничений для внедрения практики на повсеместной основе и отсутствие необходимости внесения изменений в действующее законодательство [29]. Внедрение наставничества возможно осуществить для расширения получаемых знаний студентами, обеспечения плавного вхождения новых сотрудников в должность, более глубокого погружения студентов-практикантов в деятельность учреждения во время прохождения ознакомительных, производственных и преддипломных практик, снижения общей текучести кадров в организации, а также повышения производительности труда [30]. Обеспечение адаптации сотрудников в государственных учреждениях путем внедрения системы наставничества представляется наиболее релевантным кадровым инструментом в современных условиях необходимости дообучения выпускников учебных заведений узкоспециализированным компетенциям, однако потребует проведения мероприятий по дополнительной подготовке специалистов к ведению наставнической деятельности. Дополнительного изучения требует эффективность применения таких инструментов наставничества как индивидуальные планы адаптации и инструктирование, а также использование наставничества как основы адаптации сотрудников в государственных учреждениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Передреев, Н.Д. Анализ соответствия компетентного портрета выпускника вуза по ИТ-специальности требованиям работодателям в области веб разработки / Н.Д. Передреев // Информационные технологии в образовании. – 2024. – № 7. – С. 237-239. – EDN HIPLFE.
2. Анализ соответствия компетенций выпускников вуза требованиям работодателей / А.В. Портных, Д.Д. Птицына, А.В. Сокур, Е.С. Хайдукова // Антропологическая дидактика и воспитание. – 2022. – Т. 5, № 6. – С. 57-66. – EDN JAYRTR.
3. Виноградова, М.В. ИТ-компетенции выпускника аграрного вуза / М.В. Виноградова, А.С. Лылов // АПК: инновационные технологии. – 2022. – № 2. – С. 74-78. – DOI 10.35524/2687-0436_2022_02_74. – EDN QQRTEJ.
4. Хорошилов, А.В. Цифровая эпоха: новые компетенции и профессии, определяющие устойчивое развитие в условиях Промышленной революции 4.0 / А.В. Хорошилов // Вопросы статистики. – 2021. – Т. 28, № 3. – С. 31-44. – DOI 10.34023/2313-6383-2021-28-3-31-44. – EDN IBVWRJ.
5. Веселицкий, О.И. Формирование готовности специалистов государственного и муниципального управления к применению информационно-коммуникационных технологий - социально-педагогическая проблема / О.И. Веселицкий, Е.В. Титов // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. – 2025. – № 1. – С. 230-244. – DOI 10.51955/2312-1327_2025_1_230. – EDN NAUKJX.
6. Батышев, С.Я. Производственная педагогика / С. Я. Батышев. – Москва: Машиностроение, 1985. – 672 с.
7. Батышев, С.Я. Методология прогнозирования профессионального образования / С.Я. Батышев // Профтехобразование России. Итоги XX века и прогнозы. В 2 т. / под науч. ред. И.П. Смирнова. – Москва, 1999. – Т. 1. – С. 391-401.
8. Гайнеев, Э.Р. Наставничество в условиях реализации дуального подхода к подготовке кадров / Э.Р. Гайнеев, Е.М. Громова, А.Р. Масалимова // Профессиональное образование в современном мире. – 2023. – №13(2). – С. 307-317.
9. Наставничество в системе государственной службы Российской Федерации: монография / Д.А. Кеменев. – Москва: МАКС Пресс, 2023. – 300 с.: ил. ISBN 978-5-317-06949-0 <https://doi.org/10.29003/m3143.978-5-317-06949-0>
10. Фотина, Л.В. Наставничество в государственных органах: этносоциальный фактор // Этносоциум и межнациональная культура. – 2019. – № 2 (128). – С. 22–35.
11. Клищ Н.Н., Январев В.А. Наставничество на государственной службе – новая технология профессионального развития государственных служащих (зарубежный и российский опыт наставничества на государственной службе) / Н.Н. Клищ, В.А. Январев; – М.: Изд. дом ВШЭ, 2014. – 64 с.
12. Кеменев Д.А. Возможности технологии наставничества в развитии цифровых компетенций государственных служащих // Государственное управление и развитие России: глобальные угрозы и структурные изменения: сборник статей международного студенческого научного фестиваля. М.: "НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА", 2020. С. 426-432.
13. Кеменев Д.А. Закономерности наставничества как факторная обусловленность его институционализации на государственной службе // Среднерусский вестник общественных наук. 2019. № 4(64). С. 228-241.
14. Беляева, Д.А. Модели наставничества как метод повышения эффективности деятельности молодых специалистов / Д.А. Беляева // Молодежь в мире науки: Материалы VI открытой окружной студенческой научно-практической конференции, Сургут, 30 ноября 2018 года. – Сургут: Сургутский государственный педагогический университет, 2019. – С. 48-51. – EDN GJMFAU.
15. Иванов В.Н., Патрушев В.И. Социальные технологии: учебное пособие / В.Н. Иванов, В.И. Патрушев. Акад. наук социал. технологий и мест. самоуправления. – М.: Муниципальный мир, 2004. – С. 454.
16. Письмо Минпросвещения России N АЗ-1128/08, Профсоюза работников народного образования и науки РФ N 657 от 21.12.2021 – С. 4.
17. Соколова, Ю.А. Генезис понятия «адаптация» / Ю.А. Соколова // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2014. – № 3. – С. 93-99. – EDN STAGBP.
18. Завьялов, Н.С. Процесс адаптации персонала и его значение для организации / Н.С. Завьялов // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2019. – № 6(34). – С. 275-279. – EDN KVFQXF.
19. Чиж, Ф.В. Особенности управления персоналом в госучреждении / Ф.В. Чиж, Н.В. Елисеева // Вестник Академии знаний. – 2017. – № 23(4). – С. 199-203. – EDN VZHON.
20. Саевец, Е.Н. Особенности управления текучестью персонала в государственных учреждениях на примере налоговой инспекции / Е.Н. Саевец // Global and Regional Research. – 2019. – Т. 1, № 4. – С. 282-286. – EDN BJNQOC.
21. Огорокова, О.В. Проблемы государственного управления в РФ / О.В. Огорокова // Молодежь и XXI век - 2020: Материалы 10-й Международной молодежной научной конференции. В 4-х томах, Курск, 19–20 февраля 2020 года / Ответственный редактор А.А. Горохов. Том 2. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2020. – С. 96-98. – EDN JXQFBI.
22. Письмо Минтруда России от 28.05.2020 N 18-4/10/П-4994 «О Методическом инструментарии по осуществлению наставничества на государственной гражданской службе Российской Федерации» (версия 2.0).
23. Кубатова, А.С. Необходимость и возможность разработки индивидуальных планов развития резервистов на основе мотивационных типов (на примере АО «ТГК-11») / А.С. Кубатова // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. – 2023. – Т. 21, № 4. – С. 57-66. – DOI 10.24147/1812-3988.2023.21(4).57-66. – EDN KDDWFU.
24. Казаков, Н.П. Методические рекомендации по разработке планов адаптации сотрудников направления аналитики в государственных учреждениях / Н.П. Казаков // Современное профессиональное образование. – 2025. – № 3. – С. 85-88. – EDN HWOTQZ.
25. Феофилактов, И.А. Инструктирование - вид служебно-плановых форм обучения военнослужащих Национальной гвардии Российской Федерации / И.А.

- Феофилактов // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – № 3(70). – С. 339-340. – EDN XUNFED.
26. Бартош, Д.К. Обратная связь как средство развития профессиональных компетенций учителя иностранного языка / Д.К. Бартош, М.В. Харламова // Педагогика и психология образования. – 2022. – № 3. – С. 21-33. – DOI 10.31862/2500-297X-2022-3-21-33. – EDN AGPRSR.
 27. Жиронкина, Л.Н. Обратная связь как фактор развития профессиональных компетенций молодых учителей в ходе реализации практик наставничества (по итогам образовательного проекта по наставничеству с молодыми учителями биологии и химии) / Л.Н. Жиронкина, Т.В. Петракова // Образование в Орловской области. – 2024. – № 6. – С. 89-96. – EDN NGYEAM.
 28. Масалимова, А.Р. Корпоративная подготовка специалистов технического профиля к осуществлению наставнической деятельности в условиях современного производства: специальность 13.00.08 «Теория и методика профессионального образования»: диссертация на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Масалимова Альфия Рафисовна, 2014. – 461 с. – EDN CBGANU.
 29. Будаева, Т.Ч. Наставничество как элемент государственной политики / Т.Ч. Будаева, М.А. Гулин, Б.Т. Будаев // Педагогика: история, перспективы. – 2023. – Т. 6, № 4. – С. 89-102. – DOI 10.17748/2686-9969-2023-6-4-89-102. – EDN ZGOSNZ.
 30. Казаков, Н.П. Методические рекомендации по организации наставничества в органах исполнительной власти и государственных учреждениях города Москвы / Н.П. Казаков // Педагогический журнал. – 2024. – Т. 14, № 3-1. – С. 295-301. – EDN KYRCMA.

© Казаков Никита Петрович (KazakovNPJob@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ КОРРЕКЦИОННОЙ ПЕДАГОГИКИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

CURRENT STATE OF CORRECTIONAL PEDAGOGY: PROBLEMS AND PROSPECTS

I. Karelina
G. Solomatina

Summary: The article reveals factors that determine the current state of correctional pedagogy (a significant increase in the number of children with developmental disorders, an increase in the number of children with disabilities with a combined pathology, an acute shortage of qualified specialists in the field of correctional pedagogy, a change in the legal foundations of the life of people with disabilities, the introduction of undergraduate studies into a higher education system, and the adoption of international classification diseases МКБ-10). In connection with the listed factors, urgent problems have been identified that impede the correctional and pedagogical process of teaching and raising children with disabilities, and the quality educational activities of the defectologist. The issue of overcoming them is raised and the prospects for solving the indicated problems are determined.

Keywords: correctional pedagogy, actual problems, persons with disabilities, training, training and raising children with disabilities, advanced training of defectologists.

Карелина Инна Борисовна

кандидат педагогических наук, доцент, Ярославский
государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского
inna76rus@gmail.com

Соломатина Галина Николаевна

доктор педагогических наук, доцент, Кубанский
государственный университет, (г. Краснодар)
g_solomatina@mail.ru

Аннотация: В статье раскрываются факторы, определяющие современное состояние коррекционной педагогики: значительное увеличение числа детей с нарушениями в развитии и детей с ОВЗ с сочетанной патологией, острая нехватка в России квалифицированных специалистов в области коррекционной педагогики, изменение правовых основ жизнедеятельности лиц с ОВЗ, введение бакалавриата в систему высшего образования, принятие Международной классификации болезней МКБ-10. В связи с перечисленными факторами выделены актуальные проблемы, препятствующие коррекционно-педагогическому процессу обучения и воспитания детей с ОВЗ, качественной образовательной деятельности учителя-дефектолога. Поднимается вопрос о преодолении обозначенных проблем и определяются перспективы их решения.

Ключевые слова: коррекционная педагогика, актуальные проблемы, лица с ОВЗ, подготовка кадров, обучение и воспитание детей с ОВЗ, повышение квалификации дефектологов.

Введение

Коррекционная педагогика как раздел педагогики, который занимается обучением, воспитанием, социализацией детей с различными отклонениями в развитии, имеет особое значение в системе педагогического знания, поскольку посредством коррекционных технологий дети данной категории получают доступное им образование и в большинстве случаев успешно социализируются в обществе. Современный этап развития коррекционной педагогики, как и предыдущие этапы, в настоящее время претерпевает значительные изменения и бурно развивается, поэтому характеризуется своими специфическими и общими для педагогики проблемами, что связано с некоторыми факторами, которые будут рассмотрены далее.

Целью статьи является раскрытие факторов, определяющих современное состояние коррекционной педагогики, и определение перспектив их решения.

Методами исследования являются анализ специальной научной литературы по данной проблеме, синтез, обобщение результатов научных исследований в области коррекционной педагогики.

Изложение основного материала

Многие отечественные ученые обращают внимание на проблемы современной коррекционной педагогики: С.Б. Башмакова, З.Г. Джамалудинова, А.П. Зарин, Е.В. Зволейко, В.З. Кантор, Е.Э. Магомедова, Н.Н. Малофеев, Е.И. Рубанова, Ю.В. Селиванова, Г.Н. Соломатина и др. Авторы в своих научных работах отмечают наличие разнообразных проблем современного этапа развития коррекционной педагогики.

На современном этапе на развитие коррекционной педагогики оказывают влияние следующие факторы: значительное увеличение числа детей с нарушениями в развитии, увеличение числа детей с ОВЗ с сочетанной патологией, острая нехватка в России квалифицированных специалистов в области коррекционной педагогики, изменение правовых основ жизнедеятельности лиц с ОВЗ, введение бакалавриата в систему высшего образования, принятие Международной классификации болезней МКБ-10. Рассмотрим эти факторы [7].

Первый фактор, определяющий проблемы на данном этапе развития коррекционной педагогики, прежде всего связан со **значительным увеличением числа детей с**

нарушениями в развитии. Согласно данным исследований Е.С. Слюсаревой и А.Ю. Кабушко [11] в настоящее время число детей с нормотипичным развитием снизилось с 85% до 65%. Это связано со многими причинами, а именно: с интенсивным развитием фармакологии, что привело к приему беременными женщинами значительного количества лекарственных средств; неонатологии, связанной с выхаживанием недоношенных и маловесных младенцев; с ухудшением экологии и другими причинами.

В настоящее время по данным Министерства просвещения России число обучающихся детей с различными нарушениями физического, психического, интеллектуального и речевого развития, которые принято называть ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), превышает более одного миллиона ста пятидесяти тысяч человек.

Вторым фактором является **увеличение числа детей с ОВЗ с сочетанной патологией**, в том числе и с тяжелыми множественными нарушениями в развитии (ТМНР). При этом отмечается увеличение большего количества сочетанных нарушений до 3 – 4 одновременно. Так, например, у ребенка 4-х лет были выявлены следующие сочетанные нарушения: легкая степень аутизма, расщелина твердого нёба, дизартрия средней степени, легкая степень заикания. Каждое из перечисленных нарушений является самостоятельным тяжелым отклонением в речевом и психическом развитии и имеет разные причины, поэтому в этом случае можно говорить о сочетанной патологии или о множественном нарушении в развитии.

Третий фактор заключается в **острой нехватке в России квалифицированных специалистов в области коррекционной педагогики**, не только в учреждениях системы образования, но и здравоохранения, в том числе и в ВУЗах, занимающихся подготовкой студентов – дефектологов. Это обусловлено тем, что подготовка кадров для преподавания дефектологических дисциплин в вузах, сосредоточена в основном в Москве и Санкт-Петербурге, а также малочисленностью диссертационных советов по коррекционной педагогике и специальной психологии.

Четвертый фактор связан с изменением **правовых основ жизнедеятельности лиц с ОВЗ**. В конце 90-х годов XX в. Россия ратифицировала Конвенцию о правах ребенка, подписала Декларацию ООН «О правах умственно отсталых» (1971), «О правах инвалидов» (1975). С этого времени в общественном сознании начинают закладываться основы формирования новой культурной нормы – уважение к различиям между людьми. В настоящее время лица с ОВЗ в полной мере реализовывают свое право человека быть неотъемлемой частью жизни общества, принимать активное участие в политических, экономических, социальных процессах, иметь право выбора и доступа к образованию, к труду, к средствам коммуникации и т.д.

Стремительные изменения общества и его отношения к лицам с ОВЗ определяют пятый фактор, который существенно изменил условия получения образования лицами с ограниченными возможностями здоровья. На сегодняшний день российская система образования характеризуется **инклюзивными процессами**, когда дети с тяжелыми нарушениями интеллектуального, речевого, двигательного, сенсорного, эмоционально-волевого, психического развития обучаются совместно с нормотипичными детьми. Дети с ОВЗ обучаются в общеобразовательных школах по Федеральным государственным стандартам (2016 г.) по адаптированной основной общеобразовательной программе (АООП НОО).

Шестой фактор обусловлен **введением бакалавриата в систему высшего образования в 2012 г.**, которое привело к тому, что при получении высшего образования по направлению подготовки специалистов «Специальное дефектологическое образование», «Педагогическое образование» с разными профилями, значительно сократилось количество часов, отводимых на изучение дисциплин медицинского, психологического и лингвистического циклов, а также специальных методик обучения детей с нарушениями в развитии.

Седьмым фактором является введение в действие в 1999 г. принятой на основании приказа Министерства здравоохранения РФ от 27 мая 1997 г. № 170 Международной классификации болезней (МКБ-10), которое привело к изменению современной терминологии [7].

В связи с перечисленными факторами, определяющими социальную ситуацию современного этапа развития коррекционной педагогики, можно выделить актуальные проблемы, которые препятствуют коррекционно-педагогическому процессу обучения и воспитания детей с ОВЗ, качественной образовательной деятельности учителя-дефектолога. Рассмотрим эти проблемы.

В связи с реализацией инклюзивного образования дети с ОВЗ обучаются совместно с нормотипичными сверстниками. В результате чего, как отмечает Е.В. Зволейко [4], учитель, работающий в инклюзивном классе, не владеющий коррекционными методиками обучения, с одной стороны, должен суметь организовать разноуровневое обучение – такое, где один и тот же материал должен преподаваться на разных уровнях сложности и обеспечивать его качественное усвоение разными группами школьников. Общеизвестно, что нарушения психофизического развития разной степени выраженности препятствуют получению образования в таком же темпе и объеме, как и дети с нормотипичным развитием.

Сто лет назад известный психиатр А.С. Грибоедов [8] отметил, что детям с интеллектуальными нарушениями требуется уменьшение объема учебного материала и уд-

линение времени на его осмысление. В связи с чем учитель вынужден сдерживать темп обучения детей с нормотипичным развитием, ориентируясь на ребенка с ОВЗ, что оказывает негативное влияние на образовательный процесс и снижает эффективность обучения большинства детей с нормотипичным развитием. Из этого вытекает одна из проблем не только коррекционной, но и общей педагогики - нарушение конституционного права нормотипичного ребенка на получение качественного образования.

Приведем цитату Н.Н. Малофеева [6] – идеолога инклюзивного образования – о том, что инклюзия «не должна препятствовать получению качественного образования нормально развивающимися детьми». С другой стороны, дети, которые в условиях специального образования имели положительный прогноз развития и обучения, в настоящее время в условиях инклюзивного образования в большинстве случаев переводятся на надомное обучение (дети с ЗПР, дети с ТНР, дети с умственной отсталостью и др.), что лишает их возможности не только получения качественного образования, но и полноценной социализации. Этот факт также нарушает права детей с ОВЗ на получение качественного образования и полноценное их включение в систему социальных отношений.

В связи с утяжелением нарушений в развитии у детей с ОВЗ за счет сочетанной патологии, расстройств аутистического спектра, появления новых нозологических групп, например, кохлеарно-имплантированные дети, меняется состав обучающихся в логопедических и коррекционных группах дошкольных учреждений, а также обучающихся за помощью в лечебные учреждения, частные реабилитационные или развивающие центры. Поэтому учителя-логопеды, учителя-дефектологи должны иметь более обширный объем знаний, однако, как было отмечено выше, при подготовке специалистов-дефектологов сокращено количество часов на изучение методик обучения детей с нарушениями в развитии, что существенно снижает качество подготовки указанных специалистов. Помимо этого, каждый ВУЗ, занимающийся обучением студентов по направлению подготовки «Специальное дефектологическое образование» разрабатывает и реализует собственные учебные планы с разным набором преподаваемых дисциплин по своему усмотрению и кадровому обеспечению. Поэтому каждый специалист должен самостоятельно овладеть значительным объемом знаний в области разных разделов коррекционной педагогики и медицины. Однако никто не может гарантировать, что каждый специалист сможет самостоятельно осваивать этот объем знаний. По мнению О.Л. Беляевой, Т.А. Шкериной [2], необходимо преодоление проблемы подготовки специалистов дефектологического профиля, оказывающихся неготовыми осуществлять междисциплинарный подход в психолого-педагогиче-

ском сопровождении обучающихся с ОВЗ. На необходимость существенного пересмотра подходов к подготовке специалистов-дефектологов обращают внимание Е.Э. Магомедова, З.Г. Джамалудинова Е.И. Рубанова [5], С.Б. Башмак [5], Ю.В. Селиванова [10] рекомендуя увеличение учебной нагрузки для получения многогранных знаний и опыта межпрофессионального сотрудничества.

Следует также отметить, что в настоящее время в каждом регионе наличествует большое количество курсов переподготовки в очном и дистанционном форматах, которые за короткое время подготавливают условно квалифицированных специалистов, которые не в состоянии оказывать необходимую коррекционную помощь детям с ОВЗ с разными нарушениями в развитии и разной степени тяжести.

В регионах практически отсутствуют качественные программы повышения квалификации дефектологов, а вместо них процветают различные семинары, самостоятельно организуемые дефектологами-практиками с условной квалификацией, где лекторами не всегда выступают квалифицированные специалисты. В результате чего имеется тенденция к уклонению специалистов-практиков от традиционной коррекционно-развивающей работы и подмене ее псевдо-психологическими методиками или псевдомедицинскими практиками, не свойственными для дефектологов. Появляются самостоятельно сконструированные названия дефектологов: нейрологопед, заиколог, игропедагог, арт-педагог, спич-терапевт и т.д., не входящие в перечень возможных наименований должностей, профессий «Профессионального стандарта «педагог-дефектолог»», утвержденного приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 13 марта 2023 г. № 136н.

В настоящее время происходит интенсивное обновление терминологического аппарата коррекционной педагогики, что обусловлено действием нескольких факторов – развитием научного знания, информированностью общества, формированием гуманистического отношения к людям с психофизическими недостатками, использованием системы антиплагиат для проверки оригинальности научных текстов, цифровой трансформацией коррекционно-образовательного процесса. Неточное и некорректное использование терминов существенно нарушает представление о сущности коррекционно-образовательного процесса [12]. По нашему мнению, на процесс обновления терминологии в коррекционной педагогике оказывает влияние и использование классификации в соответствии с МКБ-10. Например, F80.0 – «Специфическое расстройство речевой артикуляции» определяется как «Специфическое расстройство, связанное с развитием, при котором употребление ребенком речевых звуков находится на уровне более низком, чем это соответствует его возрасту, но при котором уро-

вень языковых навыков нормален» и включает дислалию [косноязычие], функциональное расстройство речевой артикуляции, лепет; F80.1 – «Расстройство экспрессивной речи» определяется как «специфическое расстройство, связанное с развитием, при котором способность ребенка использовать разговорный язык находится на уровне, значительно более низком, чем соответствующий его возрасту, но при котором понимание языка не выходит за пределы возрастной нормы; аномалии артикуляции при этом могут быть не всегда» и включает дисфазию или афазию экспрессивного типа. Заключение медико-психолого-педагогической комиссии, целью которой является квалификация нарушений в развитии, в соответствии с МКБ-10 не раскрывает сущность выявленной патологии и затрудняет определение индивидуального образовательного маршрута ребенка с разными формами нарушений в соответствии с отечественными клинико-педагогической и психолого-педагогической классификациями, особенно молодыми специалистами.

В связи с выделенными актуальными проблемами современной коррекционной педагогики считаем необходимым научному сообществу с привлечением практиков-дефектологов:

1. Уточнить и систематизировать научную терминологию, используемую в настоящее время.
2. При переходе высших учебных заведений на обучение по программе специалитета обратить внимание на перечень изучаемых дисциплин и количество часов, особенно медицинского, психологического и методического циклов.

3. Проводить переподготовку специалистов дефектологических специальностей только на профильных факультетах высших учебных заведений.
4. Централизованно разрабатывать программы повышения квалификации специалистов – дефектологов и отправлять их в регионы, привлекать для их реализации ведущих специалистов в области коррекционной педагогики; для специалистов, работающих в системе здравоохранения, программы повышения квалификации должны быть разработаны отдельно для взрослой и детской служб на базе ведущих научно-исследовательских медицинских учреждений (НИИ).
5. В соответствии с профессиональным стандартом педагога-дефектолога и проекта профессионального стандарта медицинского логопеда отдельно готовить специалистов для системы образования и здравоохранения, поэтому медицинским ВУЗам необходимо готовить специалистов – логопедов для системы здравоохранения самостоятельно по специальным программам.

Вывод

Вывод: решение обозначенных выше актуальных проблем коррекционной педагогики возможно только совместными усилиями научного сообщества и практиков, для чего ведущим научно-исследовательским институтам в области коррекционной педагогики как можно чаще необходимо организовывать совещания и круглые столы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Башмакова С.Б. Современные проблемы фундаментализации коррекционного образования в России // Инновации в науке. 2014. №39. С. 73-78.
2. Беляева О.Л., Шкрина Т.А. Дефициты подготовки бакалавров-дефектологов к сопровождению обучающихся с ограниченными возможностями здоровья // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2020. №3 (53). С. 84-93.
3. Зарин А.П., Кантор В.З. Учитель-дефектолог в современном обществе: миссия и проблемы подготовки // Universum: Вестник Герценовского университета. 2010. №1. С. 126-129.
4. Зволейко Е.В. Тенденции, проблемы и перспективы развития дефектологической науки и практики в Российской Федерации // Ученые записки ЗабГУ. Серия: Педагогические науки. 2018. №2. С. 22-28.
5. Магомедова Е.Э., Джамалудинова З.Г. Рубанова Е.И. Современные тенденции профессиональной подготовки педагогов-дефектологов // Проблемы современного педагогического образования. 2022. №74-3. С.191-194.
6. Малофеев Н.Н. Введение инклюзии не должно приводить к закрытию спецшкол [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ria.ru/20120418/629232639.html> (дата обращения: 05.03.2025).
7. Международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем, 10-й пересмотр, принята 43-ей Всемирной Ассамблеей Здравоохранения МКБ-10. В 3 томах. М.: Медицина, 1995. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mkb-10.com/index.php?pid=4413> (дата обращения 15.03.2025).
8. Ненормальные дети в семье и школе. Очерки по детской психопатологии и патологической педагогике / Под ред. проф. А.С. Грибоедова - (Педагогическая Академия в очерках и монографиях), (Воспитание в семье и школе). М.: Книгоиздательство «Польза» В.Антик и Ко. 1914 г. 184 с.
9. Приказ Министерство труда и социальной защиты российской федерации от 13 марта 2023 г. N 136н «Об утверждении профессионального стандарта «педагог-дефектолог». Режим доступа <https://www.eduprofrb.ru/uploads/documents/docs/prikaz-mintruda-rossii-ot-13032023-n-136n.pdf> (дата обращения: 5.03. 2025).
10. Селиванова Ю.В. Тенденции развития специального образования: социокультурный подход // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2015. №4 (16). С. 295-300.

11. Слюсарева Е.С., Кабушко А.Ю. Диагностика и коррекция отклонений в развитии детей раннего возраста. Ставрополь : ООО «Дизайн-студия Б», 2017. 216 с.
 12. Соломатина Г.Н. Проблема интерпретации понятий в коррекционной педагогике // Гуманитарные науки (г.Ялта). 2024. № 1 (65). С. 104-109.
-

© Карелина Инна Борисовна (inna76rus@gmail.com), Соломатина Галина Николаевна (g_solomatina@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У СТУДЕНТОВ

USING DIGITAL TECHNOLOGIES TO DEVELOP FOREIGN LANGUAGE COMMUNICATIVE COMPETENCE IN STUDENTS

K. Karimova

Summary: The intensification of interaction between our state and other countries in all spheres of life makes the problem of forming communicative competence of future specialists the most urgent. The purpose of our study is to reveal the potential of digital technologies for forming foreign language communicative competence of students. Analysis of domestic and foreign studies showed that digital technologies provide great opportunities in forming a flexible, interactive environment for interaction of participants in the educational process, in developing active cooperation. It has been established that they contribute to the construction of an individual learning route, which has a positive effect on the formation of communicative skills. Also, problematic issues related to the reduction of personal interaction between the teacher and the student, as well as their information overload, have been identified. The need for an integrated approach, including both digital technology and traditional teaching methods, has been determined.

Keywords: communicative competence, digital technology, interactive environment, traditional methods, active cooperation, intercultural communication, language skills, integrated approach.

Каримова Ксения Сергеевна

Старший преподаватель, Кемеровский государственный медицинский университет Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС
Tarasova-ks@ranepa.ru

Аннотация: Активизация взаимодействия нашего государства с другими странами во всех сферах жизни делает проблему формирования коммуникативной компетентности будущих специалистов наиболее актуальной. Цель нашего исследования заключается в раскрытии потенциала цифровых технологий для формирования иноязычной коммуникативной компетенции студентов. Анализ исследований отечественных и зарубежных исследований показал, что цифровые технологии представляют большие возможности в формировании гибкой, интерактивной среды взаимодействия участников образовательного процесса, в развитии активного сотрудничества. Установлено, что они способствуют построению индивидуального маршрута обучения, оказывая положительное влияние на формирование коммуникативных способностей. Также выявлены и проблемные вопросы, которые касаются сокращения личного взаимодействия преподавателя и студента, а также их информационной перегрузкой. Определена необходимость комплексного подхода, с включением как цифровых технологий, так и традиционных методов обучения.

Ключевые слова: коммуникативная компетенция, цифровые технологии, интерактивная среда, традиционные методы, активное сотрудничество, межкультурное общение, языковые навыки, комплексный подход.

Введение

Сегодня в нашей стране происходят активные процессы политического, экономического, культурного взаимодействия с другими государствами. Владение иностранным языком становится важной необходимостью для любого специалиста. Преподавание иностранного языка, в этих условиях, нацелено на формирование самостоятельного, мобильного, способного к быстрому поиску и анализу необходимой информации сотрудника. При этом, важными качествами становятся умения быстро находить решение сложных вопросов, готовность постоянно развивать свои профессиональные навыки, в том числе иноязычной коммуникативной компетенции.

Коммуникативная компетенция определяется как способность правильно осуществлять подбор и употребление ситуативных лексических и грамматических

языковых средств в определенных социальных условиях. То есть коммуникативная компетенция представляет собой комплекс коммуникативных умений, в основе которого находятся не только лингвистические, но и психологические, культурологические и социальные знания [1, с.289-292].

Высокий уровень коммуникативной компетенции дает возможность более эффективно осуществлять межличностное и межкультурное взаимодействие с представителями других стран в определенных коммуникативных ситуациях. Вместе с тем, для будущих специалистов важно осуществлять именно профессиональное общение, что делает проблему формирования иноязычной профессионально ориентированной коммуникативной компетенции наиболее актуальной.

Профессионально ориентированная коммуникативная компетентность способствует эффективной органи-

зации иноязычной речевой деятельности в ситуациях профессионально-ориентированного общения. У студентов должен быть сформирован лексический и грамматический минимум, который будет способствовать осуществлению устной и письменной коммуникации профессионального характера [2, с.7-21].

Одновременно с этим, существует необходимость поиска новых, инновационных подходов формирования иноязычной коммуникативной компетенции у студентов. Многие исследователи, том числе, И.Н. Никифорова [3, с.22-26], Л.В. Колобова [4, с.248-252], Л.В. Капустина [5, с.48-51], И.С. Николаенко, А.А. Прибыткова, Т.А. Пустовалова [6, с.367-371] и др. отмечают эффективность использования цифровых технологий при обучении иностранному языку. В связи с этим существует необходимость более детального изучения возможностей цифровых технологий именно для формирования иноязычной коммуникативной компетенции студентов.

Цель исследования

Цель исследования: раскрыть потенциал использования цифровых технологий для формирования иноязычной коммуникативной компетенции студентов.

Методы и методология

В основе работы лежит теоретический обзор исследований, касающихся сущности феномена иноязычной коммуникативной компетенции у студентов, и особенностей ее формирования с использованием цифровых технологий. Также применялись общенаучные методы: анализ, синтез, метод сравнительного исследования.

Результаты исследования

В настоящее время не существует универсального определения понятия коммуникативной компетентности. Оно представляет собой сложное явление, которому существует много определений. Так, в работе зарубежных исследователей К. Баджорека и О. Гавронский коммуникативная компетентность рассматривается как способность общаться, включая знания, умения и навыки взаимодействия человека с окружающей средой. Взаимодействие может осуществляться как с позиции отправителя, так и получателя информации, включая ее получение и передачу, использование медиа и различных типов технологий в обучении студентов [7, с.81-91].

В работе отечественного ученого Л.А. Петровкой коммуникативная компетентность представлена как умение устанавливать и принимать решения по разным видам коммуникативных задач. Компетентность предполагает возможность устанавливать цель коммуникации, распознавание намерений другого человека, определение

собственной тактики поведения, а также умение менять стиль вербального общения в случае необходимости [8].

Нам наиболее близко определение авторов Э.М. Ахмедовой, М.А. Витюгова, которые под коммуникативной компетенцией понимают объединение всех возможных видов компетенций (языковая, речевая, культурная, социальная, межличностная и пр.) в одно общее и важное определение – коммуникативная компетентность [9, с.26-28].

Цель обучения иностранному языку – это сформировать у обучающегося коммуникативную компетентность, которая проявляется в эффективном усвоении и передаче информации, адекватной текущей ситуации. При этом, преподаватели являются важнейшими участниками образовательного процесса, они играют значимую роль в формировании коммуникативной компетентности студентов разного уровня подготовки. В их возможностях использование широкого спектра методических инструментов [10, с.43-63].

Интеграция цифровых технологий в образовательный процесс способствует решению проблемы межпоколенческой и межкультурной коммуникации. В условиях глобализации и увеличения различного контингента обучающихся (например, разных национальностей), цифровые инструменты могут способствовать развитию межкультурной коммуникации и устранению барьеров в общении. Таким образом, предполагается, что цифровые платформы создают условия для развития гибких и адаптивных коммуникативных навыков, что важно в современном мультикультурном мире [11, с.466-469].

В работе И.С. Николаенко, А.А. Прибытковой, Т.А. Пустоваловой цифровые технологии рассматриваются как электронные средства, на основе которых возможна организация иноязычного взаимодействия между студентами. Они также помогают развивать коммуникативно-речевые навыки и формировать другие аспекты иностранного языка [6, с.368-379].

Авторы в качестве примеров приводят цифровые технологии, которые направлены на обучение профессиональному иностранному языку: мультимедийные программы, блоги в обучении письму (страничка в виде дневника или журнала), вики-сервис (организует совместную работу обучающихся над заданием), подкасты (короткая аудио- или видеозапись), языковые корпуса текстов. Исследователи акцентируют внимание на необходимости использования каждого конкретного подхода в зависимости от учебной проблемы, на решение которой каждый из них направлен. А также необходимости учета уровня владения иностранным языком студента.

Зарубежные исследователи М. Бонд, К. Бантинс, С. Беденлиер отмечают, что цифровые технологии способ-

ствуют повышению вовлеченности студентов в обучение. В качестве эффективных инструментов цифровых технологий авторы указывают образовательные платформы (Moodle, Google Classroom и Coursera), системы управления обучением (Blackboard), виртуальные классы (Zoom, Microsoft Teams) [12, с.1-30].

Цифровые технологии улучшают языковую и коммуникативную подготовку за счет мультимодальности средств коммуникации (тексты, аудио, видео, интерактивные платформы). Обучающиеся, используя цифровые образовательные ресурсы, получают возможность погрузиться в мультимедийную среду, которая лучше соответствует реальным условиям общения в современном мире. Например, такие платформы, как Google Classroom и Zoom, обеспечивают гибкость обучения, позволяя учащимся взаимодействовать посредством видео, текстовых чатов и совместных заданий, что стимулирует развитие коммуникативных навыков [3, с.22-26].

Ю.Л. Загуменнов указывает на то, что цифровые образовательные платформы способствуют вовлеченности и активному взаимодействию, развивая коммуникативную компетентность. Студенты, которые активно используют цифровые платформы для общения и совместной работы, демонстрируют лучшие результаты в развитии коммуникативных навыков [14, с.13-17].

Также исследователи С.А. Храпов, Л.В. Баева акцентируют внимание на том, что цифровые технологии оказывают существенное влияние на поведенческую вовлеченность студентов, проявляющуюся в их активности и участии в учебной деятельности, тогда как аффективная вовлеченность, отражающая эмоциональное отношение к обучению, оказывается минимальной. А отсутствие эмоционального участия свидетельствует о возможных негативных последствиях при использовании цифровых технологий без должной педагогической поддержки. Поэтому важна подготовленность преподавателей к использованию технологий, для того чтобы избежать перегрузки и снижения мотивации студентов [15, с.16-24].

Мы разделяем данное утверждение, так как необходимо обеспечить индивидуальный подход к обучению для более эффективного формирования коммуникативных компетенций у студентов с различным уровнем подготовки. Персонализация образовательного процесса, возможная благодаря интеллектуальному контенту и адаптивным образовательным платформам, позволяет создавать маршруты обучения, отвечающие индивидуальным потребностям и интересам обучающихся [4, с.248-252].

Необходимо отметить, что проблемы недостаточной личностной коммуникации и цифровой перегрузки могут быть компенсированы за счет сбалансированного использования цифровых технологий и их сочетания с тра-

диционными методами обучения. Успешно выбранное сочетание цифровых и традиционных методов обучения способствует минимизации рисков потери личного общения и предотвращению информационной перегрузки студентов, что оказывает положительное влияние на их коммуникативную компетентность [16, с.7-12].

Выводы

Анализ современных исследований показывает значительную роль, которую цифровые технологии играют в улучшении коммуникативной компетентности студентов, в частности, в контексте цифровизации образовательной среды, где обучающийся, преподаватель и цифровые технологии взаимодействуют для достижения образовательных целей. Цифровые платформы способствуют гибкой, интерактивной среде взаимодействия с другими участниками образовательного процесса, развитию активного сотрудничества. Все это связано с продвинутыми возможностями общения, поскольку студенты имеют возможность практиковать языковые навыки в межличностном взаимодействии. Кроме того, цифровые технологии дают возможность построения индивидуального маршрута обучения, что несомненно оказывает положительное влияние на формирование коммуникативных способностей.

Однако отмечаются и проблемные вопросы, которые связаны с сокращением времени на непосредственное личное взаимодействие преподавателя и студента, а также высокой вероятностью информационной перегрузки, что негативно сказывается на развитии коммуникативных навыков. Существует необходимость комплексного подхода, который включал бы в себя как цифровые технологии, так и традиционные методы обучения. Все это будет способствовать снижению рисков и повышению преимуществ обеих тактик. Такой баланс особенно необходим для содействия

межкультурному общению, которое цифровые технологии могут как дополнить, так и усложнить из-за отсутствия непосредственного личного взаимодействия.

Таким образом, цифровые технологии представляют большие возможности для улучшения коммуникативной компетентности студентов. При этом, их интеграция в образовательный процесс требует комплексного подхода, где учитываются педагогические, психологические и социально-культурные факторы. В настоящее время необходимы дополнительные исследования, направленные на поиск инновационных методов, которые объединяют цифровые и традиционные технологии. Фокус исследований должен быть направлен на преодоление ограничений виртуального обучения и улучшении его потенциала для развития коммуникативных компетенций в современных условиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мамалова Х.Э., Колоева Л.М., Плиева А.О. Формирование иноязычной коммуникативной компетенции студентов // МНКО. 2025. №1 (110). С.289-292.
2. Зудина А.И. Формирование коммуникативной компетенции студентов неязыкового вуза через использование кейс-технологии при обучении иностранному языку // АНИ: педагогика и психология. 2020. №4 (33). С.7-21.
3. Никифорова И.Н. Использование цифровых технологий при обучении иностранному языку: плюсы и минусы // Вестник Санкт-Петербургского научно-исследовательского института педагогики и психологии высшего образования. 2023. №1 (5). С.22-26.
4. Колобова Л.В. К вопросу о цифровизации образования // Проблемы современного педагогического образования. 2024. №84-3. С.248-252.
5. Капустина Л.В. Анализ современных тенденций в применении цифровых технологий при обучении иностранным языкам (на материале обучающих web-сайтов) // Концепт. 2020. №3. С.48-51.
6. Николаенко И.С., Прибыткова А.А., Пустовалова Т.А. Обучение студентов профессиональному иностранному языку с использованием цифровых технологий // Вестник ТГУ. 2022. №2. С.367-371.
7. Bajorek K., Gawroński O. (2022). Digital and communication competences of foreign language teachers in Poland // Social Communication. Volume 1, pp. 81-91.
8. Петровская Л.А. Общение – компетентность – тренинг: Избранные труды. М.: Смысл, 2007. 387 с.
9. Ахмедова Э.М., Витюгов М.А. Формирование коммуникативной компетентности студентов вуза // Вестник Московской международной академии. 2024. №1. С.26-28.
10. Jabłoński S., Wojciechowska J. (2013). The vision of the 21st century school: key teacher competences and the new function of education. Studia Edukacyjne. Volume 27, pp. 43-63.
11. Николаева О.О. Междисциплинарное обучение в условиях цифровой трансформации в иноязычном образовании // Проблемы современного педагогического образования. 2023. №81-2. С.466-469.
12. Bond M., Buntins, K., Bedenlier S., et al., 2020. Mapping Research in Student Engagement and Educational. Volume 5, pp. 85-87.
13. Technology in Higher Education: a Systematic Evidence Map. International Journal of Educational Technology in Higher Education. Volume 17, pp. 1-30.
14. Загуменнов Ю.Л. Использование информационных технологий в развитии иноязычной научной коммуникативной компетенции студентов неязыкового вуза // Открытое образование. 2022. №1. С.13-17.
15. Khrapov S.A., Baeva L.V., (2022). Digitalization of Educational Space: Emotional Risks and Effects. Voprosy Filosofii. Volume 17, pp. 16-24.
16. Зудина А.И. Формирование профессионально ориентированной иноязычной коммуникативной компетенции через использование технологии смешанного обучения (BLENDED LEARNING) // Russian Journal of Education and Psychology. 2022. №3. С.7-12.

© Каримова Ксения Сергеевна (Tarasova-ks@ranepa.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СПЕЦИФИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АУТЕНТИЧНЫХ МАТЕРИАЛОВ ПРИ ПОДГОТОВКЕ ОБУЧАЮЩИХСЯ К ВСЕАРМЕЙСКОЙ ОЛИМПИАДЕ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

SPECIFICS OF IMPLEMENTATION OF AUTHENTIC MATERIALS IN STUDENTS' PREPARATION FOR THE ARMY OLYMPIAD IN FOREIGN LANGUAGE

**L. Kopreva
G. Danelyan**

Summary: The article describes the specifics of working with authentic materials in students' preparation for the Army Olympiad in foreign language. The topic of investigation is related to the search for new reserves of realization of the phenomenon. The subject of study was authentic materials, selected by sampling from Internet sources based on the principle of frequency and system value. The authors pay special attention to the analysis of lexical-grammatical material, displayed in audio and authentic texts when performing a number of tasks at practical classes. It is noted that the methodically competent use of authentic materials not only contributes to improving the effectiveness of teaching a certain type of speech activity, but also develops communicative competence and intellectual skills of students.

Keywords: authenticity, authentic materials, criteria, functions and characteristics, auditive, communicative skills, language and speech exercises.

Копрева Лариса Геннадиевна

кандидат филологических наук, доцент, Краснодарское
высшее военное авиационное училище летчиков
successalways42@mail.ru

Данелян Гаянэ Варленовна

Краснодарское высшее военное авиационное училище
летчиков
gayde_dan@mail.ru

Аннотация: Статья описывает специфику работы с аутентичными материалами при подготовке обучающихся к Всеармейской олимпиаде по иностранному языку. Тема исследования связана с поиском новых резервов реализации рассматриваемого феномена. Объектом изучения послужили аутентичные материалы, выделенные методом выборки из интернет-источников на основе принципа частотности и системной ценности. Особое внимание авторы уделяют анализу лексико-грамматического материала, отображенного в аудиофрагментах и аутентичных текстах при выполнении ряда заданий на практических занятиях. Отмечается, что методически грамотное использование аутентичных материалов способствует не только повышению эффективности обучения определенному виду речевой деятельности, но и развивает коммуникативную компетентность и интеллектуальные умения обучающихся.

Ключевые слова: аутентичность, аутентичные материалы, критерии, функции и характеристики, аудитивные, коммуникативные навыки, языковые и речевые упражнения.

В настоящее время в методике преподавания иностранных языков важное место отводится применению аутентичных материалов как одного из способов формирования коммуникативной, лингвистической и межкультурной компетенций. Анализ методической литературы и интернет-источников показывает изобилие аутентичных материалов различной направленности, что дает неограниченный выбор и возможности их комплексного применения в учебном процессе.

Целью данной статьи является анализ аутентичных материалов, направленных на развитие аудитивных и коммуникативных навыков. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: 1) рассмотреть существующие определения понятия «аутентичные материалы»; 2) проанализировать их критерии, функции и характеристики; 3) охарактеризовать этапы работы с аутентичными материалами; 4) привести примеры разработанных заданий на основе аутентичных материалов.

Актуальность применения аутентичных материалов

в обучении иностранному языку заключается в их функциональности, поскольку они повышают познавательную активность обучающихся, расширяют их коммуникативные возможности, знакомят с лингвистическими средствами, способствующими созданию познавательной мотивации, приобщая тем самым к индивидуальному внедрению данных средств в речи.

Исследуемый аспект нашел свое отражение в работах как зарубежных, так и российских ученых. Британский лингвист Г. Уиддоусон определяет необходимость рассматривать «аутентичность не только как свойство речевого произведения, но и как неотъемлемый компонент в процессе обучения» [14, с. 35]. Автор отмечает значимость аутентичного материала для решения целей и задач коммуникативного обучения.

Весьма интересна концепция, сформулированная известным методистом Л.В. Лиер, представляющая «аутентичные материалы, как особую категорию материалов, разработанных методистами, нацеленных на изучающих

язык с соблюдением ими свойств аутентичного материала, таких как связность, актуальность и эмоциональная насыщенность» [13, с. 65].

По мнению исследователей Д. Нанена, Р. Картера, аутентичные материалы – «это стандартные видеосюжеты или тексты, предназначенные изначально не с целью обучения иностранному языку» [10, с. 87]. Д. Гебхард характеризует рассматриваемое понятие как «материал, язык которого связан с настоящим; иностранный язык, изучаемый на занятии, должен быть подлинным, а не искусственно представленным в образовательных целях» [11, с. 34]. Кроме того, автор подчеркивает целесообразность использования аутентичных материалов, поскольку обучающимся предоставляется возможность слышать естественную речь, а также дифференцированность диалектов носителей языка, что чрезвычайно важно и необходимо. Э. Джекобсон определяет аутентичные материалы как «материалы, используемые на занятии в том виде, в каком они могли бы быть применены в реальной действительности» [12, с. 23].

Проблема применения аутентичных материалов в обучении иностранным языкам изучалась на рубеже XX–XXI веков российскими учеными, такими как Э.Г. Азимов, О.Н. Игна, Н.В. Барышников, Г.И. Воронина, Е.В. Носонович, Р.П. Мильруд, Е.И. Терещенко др.

Рассмотрим дефиниции термина. Согласно «Словарю методических терминов» Э.Г. Азимова, к «аутентичным материалам относятся материалы, не предназначенные для учебных целей и не адаптированные для потребностей обучающихся, учитывая их уровень владения языком. Они отражают национальные особенности и традиции построения и функционирования текста» [1, с. 34].

Как указывает О.Н. Игна, понятие «аутентичный» зачастую употребляется как синоним к словам «документальный», «реальный» и «настоящий». [5, с. 7]. В одной из своих работ Е.В. Носонович отмечает, что «аутентичность в контексте учебного материала может быть реализована не только как аутентичный компонент как таковой, но помимо этого должны присутствовать и отдельные аспекты содержательной аутентичности» [8, с. 85]. Р.П. Мильруд выделяет следующие содержательные аспекты аутентичности:

1. Аутентичность учебных заданий к текстам, целью которых является активизация взаимодействия с текстом, выполняемых во внеучебное время в процессе работы с источниками информации.
2. Аутентичность оформления, вызывающая интерес обучающихся, способствует пониманию коммуникативной задачи текста, установлению его связей с действительностью.
3. Реактивная аутентичность заключается в разработке учебного текста, в котором необходимо

придавать способность вызывать у обучающихся аутентичную экспрессивную, когнитивную и коммуникативную реакции.

4. Ситуативная аутентичность предполагает естественность заданной ситуации в качестве компонента учебного материала, участие носителей языка в изучаемой тематике и ее обсуждении.
5. Информативная аутентичность представляет тексты, содержащие существенную для обучающихся информацию, соответствующую возрастной категории.
6. Культурологическая аутентичность включает в себя тексты, направленные на ознакомление и формирование специфических особенностей носителей другой языковой культуры [7, с. 16].

Исследователь Н.В. Барышников считает, что аутентичные материалы – оригинальные тексты, представленные носителем языка для носителей языка. Автор указывает, что «данная категория рассматривается как семиотическое пространство, характеризующее многоуровневое целостное образование, как результат отражения определённого сегмента реальности с помощью специфической знаковой системы...» [2, с. 157].

Изучаемое понятие, по мнению ведущих методистов Е.В. Носоновича и Р.П. Мильруд, означает «текст, включающий аутентичный дискурс; речь, анализируемая как целенаправленный компонент, задействованный в коммуникации между людьми» [7, с. 13]. Отсюда следует, что «дискурсивная аутентичность текста предполагает его связь с аутентичной прагматической ситуацией, определяющей его комплексность, выбор языковых средств для решения коммуникативных задач, а также структурные особенности. Дискурсивно аутентичный текст содержит лексическое наполнение и грамматические формы, имеющие логическую целостность и тематическое единство» [7, с. 16]. Добавим, что «при обучении языку целесообразно применять аутентичные материалы, отобранные из оригинальных источников и не предназначенные для учебных целей. При этом, ученые отмечают, что указанные материалы в отдельных случаях представляют определённую сложность в языковом аспекте и не всегда отвечают конкретным задачам и условиям обучения в достаточной степени» [7, с. 17].

Авторам статьи близка позиция методиста Г.И. Ворониной, по утверждению которой, аутентичные материалы – «оригинальные тексты, заимствованные из коммуникативной практики носителей языка». При этом автор особо подчеркивает важность «информативных материалов, содержащих регулярно обновляющиеся данные» [3, с. 24].

Отметим, что каждое определение исследуемого понятия акцентирует внимание на предназначении аутентичности материалов, взаимосвязанных с носителями

языка, развивает при этом коммуникативную и познавательную деятельность, повышает мотивацию обучающихся и делает сам процесс результативным и увлекательным.

Далее рассмотрим критерии отбора аутентичных материалов. Как показывает анализ научных статей по данной тематике, можно сделать вывод о том, что основными критериями являются:

1. Актуальность. Аутентичные материалы должны отвечать современным тенденциям, представлять интерес для обучающихся, соответствовать тематике учебного процесса.
2. Доступность. Коммуникативная составляющая аутентичных материалов, ориентированная на уровень языковой подготовки обучающихся, способствует формированию лингвострановедческой и межкультурной компетенции.
3. Информативность. Целесообразность содержательной стороны аутентичных материалов заключается в представлении значимой информации, имеющей отношение к культуре, традициям, обычаям страны изучаемого языка, а также в наличии разнообразных лингвистических средств.

Проанализируем функции аутентичных материалов, применяемых в образовательном процессе.

1. Информационно-обучающая функция служит образцом для совершенствования фонетических, лексико-грамматических навыков, стимулирующих когнитивную деятельность обучающихся.
2. Иллюстративно-наглядная, представляющая собой средство дистанционного погружения в языковую среду, охватывает в совокупности все виды деятельности.
3. Развивающая функция заключается в активизации познавательной способности обучающихся на занятии, что позволяет развивать языковую догадку, память, мышление и воображение.
4. Воспитательно-эвристическая функция реализуется в уважительном отношении к стране изучаемого языка и стимулировании к сопоставлению особенностей культуры родного и изучаемого языков [5, с. 125].

Использование рассматриваемых аутентичных материалов в неязыковом вузе в ходе подготовки обучающихся к Всеармейской олимпиаде по иностранному языку осуществляется с целью формирования аудитивных и коммуникативных навыков. В связи с этим представим специфику работы с данным направлением, осуществляемой ведущими преподавателями кафедры иностранных языков Краснодарского высшего военного авиационного училища летчиков.

Важно отметить, что оптимизация поставленных

методических задач осуществляется системно и целенаправленно в зависимости от определённого этапа разработанных заданий, при этом соблюдается последовательность их выполнения.

Учитывая тематику олимпиады «Цифровизация и ее влияние на общество: информационные технологии, искусственный интеллект», перед преподавателем стоят следующие задачи:

1. провести вступительную беседу с обучающимися с целью погружения в истоки развития и функционирования цифровых технологий, искусственного интеллекта;
2. осуществить языковую разминку с целью определения владения обучающимися информацией, связанной с заявленной проблематикой;
3. сделать подборку аутентичных материалов согласно предъявляемой теме;
4. разработать задания к определённым этапам работы с аутентичными источниками для развития аудитивных и коммуникативных навыков и умений;
5. познакомить обучающихся с основными справочно-информационными источниками, способствующими достижению поставленных целей.

На основании вышеизложенного предлагается выполнить задания.

I. Речевая разминка. Warm-up questions:

1. What is Information Technology (IT)?
2. What do IT professionals do?
3. What devices can you attach to computers?
4. Would you like to have a robot? What would your robot do?
5. What is Artificial Intelligence (AI)?
6. How long has AI been around?
7. Do you know any examples of AI?
8. How does AI help us today?
9. Will AI make us lose our jobs?
10. What jobs can AI replace?

II. Предварительный глоссарий. Vocabulary preview. Match the words with their definitions.

1) software	a) putting secret information into code
2) code	b) the physical parts of a computer
3) hardware	c) connected to the Internet
4) data processing	d) numbers entered/held in a computer
5) information security	e) checking products for problems
6) online	f) the act of using information
7) technical support	g) programs/instructions added to computers
8) data	h) helping people use/understand technology
9) quality assurance	i) program language
10) encoding	j) the act of protecting information

На сегодняшний день существует большое количество

аутентичных аудиоматериалов, представляющих собой многофункциональные средства обучения, способствующих развитию навыков и умений восприятия иноязычной речи на слух. По утверждению Н.Н. Сергеевой, «аутентичные видеоматериалы – видеозаписи, предназначенные для носителей языка, содержащие лингвистическую и экстралингвистическую информацию сфер жизни общества, связанных с любой деятельностью людей, и показывающие функционирование языка как средства коммуникации в реальном окружении» [9, с. 149].

Всеармейская олимпиада по ИЯ состоит из четырёх этапов: 1) лексико-грамматический тур; 2) аудирование; 3) устный тур; 4) командный конкурс. Подготовка к каждому из них имеет свою специфику, которая, несомненно, должна учитываться преподавателями при отборе учебного материала и разработке заданий и упражнений.

Рассмотрим поэтапно практический компонент подготовки обучающихся ко второму и третьему турам олимпиады (аудирование и устная речь). Преподавателями отбираются аутентичные материалы, аудиофрагменты, систематизируются к ним упражнения с целью внедрения в учебный процесс в полной мере. Принцип работы состоит из двух этапов: подготовительного и основного этапов.

Поскольку все три раздела второго тура олимпиады заданий предполагают работу с аутентичными аудиоматериалами, в качестве подготовительного этапа авторы статьи предлагают представить лексико-грамматический пласт, ориентированный на преодоление языковых (фонетических, лексических, грамматических) трудностей во время предъявляемого аудиофрагмента.

Первый раздел включает изучение текста «How will AI change the world?» и исправление имеющихся в нем фактологических ошибок после прослушивания. Целесообразно ввести ключевой вокабуляр перед выполнением данного вида работы.

bias – предвзятость
concern – проблема, вопрос, требующий решения
emulation – подражание, имитация
iteration – итерация (повторное проведение какой-л. математической операции)
compile – компилировать (программу)
cope with – справляться
regurgitate – механически повторять что-л.
to perpetuate – увековечивать

Все представленные задания направлены на актуализацию и закрепление лексических единиц. В связи с этим, «необходимо расширять объем кратковременной памяти за счет структурирования получаемой информации, трансформируя выражения и предложения в более компактные составляющие информации» [6, с. 78].

1. Перевести на русский язык:

impact, development of autonomous and UAVs, balanced approach, to perform repetitive tasks, to perform precise, accurate and sensitive surgeries, to outweigh the disadvantages, to cope with, to make predictions, to reduce the need for human labor, to reduce the risk of machine error, to detect early signs of disease.

2. Определить лексическую единицу, основываясь на дефиниции:

1) Neural Network	a) A set of commands that a computer follows to solve a specific problem or task.
2) Chatbot	b) A branch of engineering that deals with the development and use of robots to perform human tasks.
3) Machine learning	c) A software application created to hold a conversation with human users.
4) Big Data	d) The ability of computers to understand and produce language in the same way.
5) NLP	e) The ability of a computer system to learn and update from experience.
6) Internet of things	f) Devices, building, and other physical objects fitted with sensors, software, and connectivity to exchange data.
7) Robotics	g) Data sets that are too large or complicated for traditional databases.
8) Deep Learning	h) A subset of machine learning including neural networks with multiple layers.
9) Algorithm	i) A computer system inspired by the structure of the human brains employed of teach machines to recognize patterns and make predictions.

3. Соотнести англоязычные эквиваленты с русскоязычными:

1) confound	a) неудача
2) testament	b) исправление
3) miscarriage	c) доказательство
4) redemption	d) ставить в тупик

4. Перевести предложения, обращая внимание на грамматические конструкции употребления активного и страдательного залога, инфинитива и форм причастия:

- The technology that allows computers to behave like humans and perform human operations is called Artificial Intelligence.
- Robots equipped with artificial intelligence can also perform more precise, accurate and sensitive surgeries, reducing the risk of machine error.
- The future of artificial intelligence should be shaped by a balanced approach that considers both its advantages and disadvantages.

Таким образом, после устранения лексико-грамматических трудностей, реализуется основной этап: прослушивание предложенного аудиоматериала и выполнение

соответствующего задания.

Целью второго раздела является проверка степени понимания обучающимися информации, содержащейся в ряде аудиофрагментов с последующим выбором ответа по формату «Верно» или «Ошибочно» к приведенным утверждениям. Безусловно, прежде всего, необходимо ознакомиться с предложенными вариантами. Кроме того, следует ориентировать обучающихся на синонимичные терминологические единицы и высказывания. Преподаватель, предварительно разбив аудиофрагмент «*Ten Stages of Artificial Intelligence*» на пять логических частей, предлагает следующий алгоритм работы:

1. Ознакомить с активной лексикой.

retention – сохранять, способность удерживать

retrieve – восстановить в памяти

Artificial General Intelligence (AGI) – искусственный общий интеллект, форма искусственного интеллекта, имитирующая процессы принятия решений человека)
Rule-based AI – система искусственного интеллекта, которая функционирует на основе заранее определённых правил и логики для принятия решений в разных областях

Context-based AI – искусственный интеллект, осознающий полную ситуацию перед ответом, учитывающий факторы, такие как прошлые разговоры, предпочтения пользователя, эмоции и условия реального мира
Narrow-Domain AI – система искусственного интеллекта, разработанная и обученная специально для выполнения определённой задачи или набора задач
Reasoning AI – подход к искусственному интеллекту, позволяющий обрабатывать информацию, делать логические выводы, строить аргументы и решать сложные задачи

Super Intelligent AI – гипотетическая система искусственного интеллекта, которая превосходит человеческий интеллект по многим параметрам

Self-Aware AI – тип искусственного интеллекта, который выходит за рамки обработки данных и выполнения задач и понимает себя

2. Выполнить тренировочные упражнения на закрепление и систематизацию основного лексического пласта:

а) перевести многокомпонентные термины: a knowledge-based system, Rule-based AIs, Context-based AI system, stored and retrieved information from past interactions, provide personalized recommendations, enable real-time translation, combined cognitive abilities, shared awareness and collective intelligence.

б) соотнести синонимы:

1) emulation	a) accurate
2) retention	b) commemorate
3) precise	c) conservation
4) perpetuate	d) imitation

в) соотнести антонимы:

1) collate	1) collate
2) failure	2) failure
3) fathom	3) fathom
4) perception	4) perception
5) resilience	5) resilience

г) осуществить поставленную задачу. Выбрать утверждения «Верно» или «Ошибочно». Задание. Decide whether the following statements true or false.

- Intuition and learning are the basis of a knowledge-based system.
- The ability to adapt new or unexpected situations is provided by a predefined set of rules.
- Many up-to-date household appliances involve Rule-Based AI.
- Platforms created on the basis of Rule-Based AI can provide personal shopping recommendations.
- Retention systems is a marketing metric that shows how often customers use one or another product, service or platform.

Третий раздел предполагает прослушивание ряда аудиофрагментов с последующим ответом на три вопроса по каждому. При выполнении данного вида задания важно напомнить обучающимся о соблюдении определенных требований:

- При выборе ответа руководствоваться только той информацией, которая представлена в аудиофрагменте.
- Отвечая на вопросы, следует обращать внимание как на отдельные фразы, так и на более объемные фрагменты аудиотекста или на содержательную сторону в целом.

Задание 3. Listen to the tracks and answer the questions below.

- How many macros does the generative AI impact on?
- What is the share of the current work substituted by AI?
- What is conquering the world?

Отметим, что в ходе прослушивания выделялись ключевые лексико-грамматические средства, позволяющие участникам впоследствии использовать определенные клише для конструирования собственных речевых структур, последовательности абзацев, доказательства тезисов.

Подготовка к устному туру Всеармейской олимпиады по иностранному языку также начинается с подбора аутентичной текстовой информации.

Согласно Т.И. Зуевой, аутентичный текст должен обладать следующими характеристиками:

- Структурная аутентичность определяется логическим изложением содержания, его целостностью, наличием связующих структурных элементов.

2. Лексико-фразеологическая аутентичность представляет собой употребление аутентичной лексики, к которой относятся в том числе идиомы, фразеологизмы и фразовые глаголы.
3. Грамматическая аутентичность включает в себя использование новых грамматических структур, возникающие в языке на разных уровнях.
4. Фонетическая аутентичность предполагает содержание различных фонетических особенностей иностранного языка, как артикуляционных, так и интонационных.
5. Функциональная аутентичность подразумевает естественный отбор лингвистических средств для решения речевой задачи [4, с. 154].

При подборе текстовых материалов, несомненно, наиболее важными являются лексическая, грамматическая и структурная аутентичность. Из огромного множества текстов по тематике олимпиады в интернет-источниках, преподавателю необходимо отобрать именно те, что соответствуют данным параметрам, и лишь только затем приступить к разработке типовых заданий, регламентированных требованиями олимпиады. Само по себе конкурсное задание – это ролевая игра, где 4 участника поочередно выступают в роли «разработчиков», представляющих свой продукт рабочей группе «экспертов». Задача конкурсанта рассказать о своем продукте и его преимуществах, а затем ответить на вопросы «экспертов». Техническое задание содержит краткое описание продукта, который нужно разработать, текст для чтения вслух, а также 10 элементов для обязательного включения в доклад, среди которых слова разных частей речи, словосочетания, фразовые глаголы и идиомы. По окончании доклада «разработчика» каждый из «экспертов» рабочей группы высказывает аргументированно свое мнение о продукте и задает один уточняющий вопрос.

Поскольку обучение устной речи или говорению на иностранном языке включает в себя такие аспекты, как знание грамматических правил, пополнение лексического запаса на регулярной основе, развитие фонетических навыков, знание языковых клише, умение воспринимать иноязычную речь на слух, все они должны учитываться в процессе подготовки к устному туру олимпиады. Для успешной коммуникации на иностранном языке обучающийся должен научиться вести диалог, используя оценочные суждения, соблюдая правила речевого этикета, задавать вопросы и отвечать на заданные, а также в форме монолога уметь рассуждать в рамках заданной тематики и проблематики.

Для того чтобы сделать процесс подготовки наиболее эффективным и охватить все необходимые для ролевой игры языковые умения, целесообразно разделить его на отдельные аспекты и поэтапно тренировать каждый из них. Все типы заданий для устного конкурса можно раз-

делять на:

- подготовительные языковые (пополнение лексического запаса по тематике олимпиады),
- условно-речевые (введение речевых клише),
- ситуативные (коммуникативные задания).

Разработка упражнений по каждому из указанных аспектов – творческий процесс, не ограниченный ничем, кроме фантазии преподавателя, что позволяет создавать разнообразные тренировочные задания и приемы для усвоения и запоминания языковых единиц. Далее более подробно остановимся на некоторых из них.

Одним из наиболее важных аспектов является пополнение лексического запаса по тематике олимпиады, запоминание новой лексики и применение ее в устном конкурсе. Примером подготовительного задания, нацеленного на эффективное овладение новыми лексическими единицами, можно считать упражнение на дефиниции. При изучении темы *Computer Parts* обучающимся сначала предлагается изучить аутентичный текстовый материал, а затем выполнить следующее задание:

Match the words with their definitions.

1) hardware	a) a small handheld device which is moved across a mat or flat surface to move the cursor on a computer screen
2) software	b) a panel of keys that operate a computer
3) motherboard	c) the machines, wiring, and other physical components of a computer or other electronic system
4) keyboard	d) the programs and other operating information used by a computer
5) mouse	e) the part of a computer in which operations are controlled and executed
6) application	f) a computer software package that performs a specific function for a user based on carefully designed features
7) spreadsheet	g) a computer application for computation, organization, analysis and storage of data in tabular form
8) video editor	h) a small piece of equipment that you connect to a computer or other piece of electronic equipment to copy and store information
9) flash drive	i) any program capable of editing, modifying, generating, or manipulating a video or movie file
10) central processing unit	j) a printed circuit board containing the principal components of a computer or other device

В качестве условно-речевого задания на следующем этапе можно предложить обучающимся создать мини-диалоги с новой лексикой, работая в парах. Предварительно целесообразно вспомнить структуру общих (General Questions) и специальных (Special Questions) вопросов. Коммуникативные задания с применением вопросов-ответов (мини-диалоги) должны присутствовать на каждом занятии для того, чтобы довести навык составления вопросов разных типов до автоматизма. На-

пример, в продолжение работы по теме *Computer Parts* обучающиеся должны составить мини-диалоги в парах.

1. Question: What is the difference between hardware and software?

Answer: Hardware is the tangible aspect of a computer, its physical components and software is written instructions or programs that tell a computer what to do.

Question: Can hardware be only internal?

Answer: No, it can be both internal and external.

2. Question: How is a computer panel of keys called?

Answer: It is called a keyboard.

Question: What is a computer keyboard used for?

Answer: A computer keyboard is an input device used to enter characters and functions into the computer system by pressing buttons, or keys.

После усвоения новой лексики и тренировки ее в мини-диалогах необходимо перейти к ситуативным заданиям коммуникативного характера в рамках устного тура олимпиады. Предлагается разработать какой-либо продукт, связанный с компьютерным обеспечением (новую компьютерную программу, язык программирования, устройство для компьютера).

Imagine you are a producer of computer parts. Read the text to make a presentation of your new invention.

A computer mouse. A special computer mouse for those whose working day is spent in front of a computer. The advantage of the mouse is that it is made of modern materials that allow the device to take the anatomical shape of the hand that relieves tension off the wrist.

You should:

- introduce yourself briefly
- state the purpose of presentation
- name product features and functions
- speak on perspectives of application

Speech elements to be used:

1. provide
2. strain
3. flexibility
4. function
5. convenient
6. equip
7. working hours
8. carpal tunnel syndrome
9. click on
10. meet the needs

Выступая в роли «разработчика» данного продукта, обучающийся представляет свой продукт, согласно плану, и старается при этом использовать все речевые элементы, приведенные выше в задании.

Важнейшим аспектом лексико-фразеологической аутентичности текстов можно считать наличие в них идиоматических выражений. Общеизвестно, что в английском дискурсе идиомы занимают особое место. Являясь привычными для носителей языка, идиомы часто непонятны и сложны для изучающих английский язык, т.к. нередко английские идиомы и фразеологические обороты специфичны и не имеют аналогов в русском языке. Однако, употреблением идиом не следует пренебрегать, поскольку без них речь выглядит упрощенной и лишенной эмоциональной окраски, в то время как дозированное и уместное применение идиом делает речь более живой и яркой.

Е.И. Терещенко предлагает придерживаться следующей комплексной методики изучения английских идиом:

1. распределение идиом по темам;
2. поиск аналогов в русском языке;
3. рассмотрение идиом в контексте;
4. изучение истории возникновения идиом;
5. отработка идиом в упражнениях и устной речи;
6. использование новых технологий в процессе освоения английских идиом [15].

Задание на соотнесение (Matching) позволяет легче запомнить значение идиом, а дальнейшее использование их в предложениях или мини-диалогах способствует более полному усвоению.

Match the idioms with their meanings.

1) surf the net	a) at the forefront; most advanced
2) a silver surfer	b) a person who spends too much time on the computer
3) google something	c) to spend time browsing on the Internet
4) cutting edge	d) being well-informed or skilled in the use of technology.
5) clicks and mortar	e) an older person
6) a computer nerd	f) hardware or software that can be used immediately without any setup or configuration required
7) a mouse potato	g) a traditional business that also has an online store
8) plug and play	h) somebody who knows and thinks a lot about computers
9) tech-savvy	i) do something innovative or discover something new
10) break new ground	j) to research something via Google's search engine

После того, как идиомы были изучены, на следующем этапе, который позволяет проверить их усвоение, обучающимся рекомендуется выполнить задание на заполнение пропусков в тексте или предложениях (Filling the gaps). Например:

Use the following idioms and translate the sentences.

Idioms: cutting-edge; ahead of the curve; break new ground; pushing the envelope; game-changer; tech-savvy; plug and play; blue-sky thinking; digital native; digital footprint; in the pipeline; digital detox; tech unicorn; disruptive technology; beta phase; surf the net; a silver

surfer; google something; clicks and mortar; a computer nerd; a mouse potato.

1. The company's revolutionary product ___ in the smartphone market.
2. I've become such ___ recently.
3. The ___ team quickly adapted to the new software tools.
4. I'll ask my friend, a real ___ to fix my computer.
5. Best Buy is a ___ business.
6. Rogers Communications' 5G network is ___.
7. I need to ___ the weather forecast.
8. The new device is ___, making it ideal for non-technical users.
9. My grandpa is a ___ who's really good at using new technology and the Internet.
10. I usually ___ in the evenings.

Коммуникативные задания на применение английских идиом в речи могут быть сформулированы разным образом. К примеру, можно предложить обучающимся придумать небольшую ситуацию, которая будет иллюстрировать использование идиомы (монологическое высказывание); или, работая в парах, создать диалог,

финальной фразой которого будет заданная идиома. Обычно задания подобного типа воспринимаются обучающимися с энтузиазмом и способствуют наиболее эффективному запоминанию английских идиом.

В том же ключе происходит процесс введения, тренировки и выхода в речь фразовых глаголов, связующих слов для построения высказывания, языковых клише для выражения мнения, согласия / несогласия, и т.д.

На основании вышеизложенного следует сделать вывод о том, что внедрение аутентичных материалов в подготовку к Всеармейской олимпиаде по ИЯ является трудоемким, сложным и творческим процессом, имеющим, тем не менее, высокую качественную результативность и эффективность. Аутентичные аудио/видео и текстовые материалы обладают определёнными характеристиками, позволяющими применять их системно и комплексно в образовательном процессе, что, в свою очередь, способствует совершенствованию разных видов речевой деятельности, формированию коммуникативной компетентности, развитию лингвистических навыков и интеллектуальных способностей обучающихся.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – М.: Издательство ИКАР, 2009. – 448 с.
2. Барышников Н.В. Теоретические основы обучения чтению аутентичных текстов при несовершенном владении иностранным языком: дис. ... д-ра пед. наук. – Пенза, 1999. – 220 с.
3. Воронина Г.И. Организация работы с аутентичными текстами молодежной прессы в старших классах школ с углубленным изучением иностранного языка // – 1999. – № 2. – С. 23–25.
4. Зуева Т.И. Аутентичный текст в процессе обучения иностранным языкам. М.: Наука, 2013. – 267 с.
5. Игна О.Н. Развитие социокультурной компетенции студентов на основе аутентичных материалов при профессионально-ориентированном обучении иноязычному общению: дис. ... канд. пед. наук. – Томск, 2003. – 256 с.
6. Копрева Л.Г., Науменко Н.П. Реализация приемов мнемотехники при обучении устному последовательному переводу // Современная наука: проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». – 2021. – № 1-2. – С. 77–82.
7. Носонович Е.В., Мильруд Р.П. Параметры аутентичного учебного текста // Иностранные языки в школе. – 1999. – № 2. – С. 10–20.
8. Носонович Е.В. Методическая аутентичность учебного текста: дис. ... канд. пед. наук. – Тамбов, 1999. – 175 с.
9. Сергеева Н.Н. Аутентичные видеоматериалы как средство развития социокультурной компетенции студентов экономических специальностей. Педагогическое образование в России. Вып.1. – Екатеринбург, 2011. – С. 147–157.
10. Carter R., Nunan, D. The Cambridge guide to teaching English to speakers of other languages. – Cambridge University Press. 2016. – 274p.
11. Gebhard J.G. Teaching English as a Foreign or Second Language. – USA. 2006. – 268p.
12. Jacobson E., Degener S., Purcell-Gates V. Creating authentic materials and activities for the adult literacy classroom: A handbook for practitioners. NCSALL teaching and training materials. – Boston. 2013. – 138p.
13. Lier L.V. The classroom and the language learner. – N.Y.: Longman, 1988. – 262p.
14. Widdowson H.G. Aspects of Language Teaching. – Oxford: Oxford University Press, 1999. – 213 p.
15. Терещенко Е.И. Особенности методики обучения студентов английским идиомам: [Электронный ресурс]. URL: https://mgimo.ru/upload/iblock/9a4/osobennosti-metodiki-obucheniya-studentov-anglijskim-idiomam.pdf?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 15.04.2025).

© Копрева Лариса Геннадиевна (successalways42@mail.ru), Данелян Гаянэ Варленовна (gayde_dan@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К КОРПОРАТИВНОМУ ОБУЧЕНИЮ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ ВЗРОСЛЫХ: ОБУЧЕНИЕ ГОВОРЕНИЮ НА КРАТКОСРОЧНЫХ КУРСАХ

MODERN APPROACHES TO CORPORATE TEACHING OF FOREIGN LANGUAGES TO ADULTS: LEARNING TO SPEAK IN SHORT-TERM COURSES

A. Lazareva

Summary: The article focuses on modern methods of corporate teaching of foreign languages to adults with a focus on the development of speaking skills in short-term courses. There is an increasing need for corporate language learning, especially English, due to the globalization of the business environment and the need for effective communication with foreign partners. The purpose of this article is to analyze modern approaches to teaching adult speaking in short-term corporate language courses. For this purpose, the theoretical basis is discussed – communicative linguistics, then the features of corporate training (taking into account professional vocabulary and context), the specifics of the adult audience and motivation are considered. Separate sections are devoted to the role of technology and new methods, the peculiarities of adult learning are revealed – their professional goals, psychological barriers and self-motivation factors are taken into account. The application of modern technologies (online platforms, mobile applications, etc.) in corporate language programs is considered, as well as the introduction of new methods (micro-learning, gamification, project method, blended learning, etc.). A comparative analysis of communicative, project, game and mixed approaches in terms of the effectiveness of oral skills development is carried out. In conclusion, the need for an integrated approach combining best practices and taking into account the context of corporate training is emphasized in order to achieve rapid and sustainable results in short-term courses.

Keywords: communicative competence, short-term courses, digital technologies, adult learner psychology, blended and gamified methods.

Лазарева Анна Сергеевна

кандидат педагогических наук, старший преподаватель,
ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный
университет», (г. Москва)
lazareva@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются современные методики корпоративного обучения иностранным языкам взрослых с фокусом на развитие навыков говорения в условиях краткосрочных курсов. Отмечается рост потребности в корпоративном изучении языков, особенно английского, обусловленный глобализацией бизнес-среды и необходимостью эффективной коммуникации с иностранными партнерами. Цель данной статьи – проанализировать современные подходы к обучению говорению взрослых в рамках корпоративных языковых курсов малой длительности. Для этого обсуждается теоретическая основа – коммуникативная лингвистика, затем рассматриваются особенности корпоративного обучения (учет профессиональной лексики и контекста), специфика взрослой аудитории и мотивации. Отдельные разделы посвящены роли технологий и новым методикам – выявляются особенности обучения взрослых учащихся – учитываются их профессиональные цели, психологические барьеры и факторы самомотивации. Рассматривается применение современных технологий (онлайн-платформ, мобильных приложений и пр.) в корпоративных языковых программах, а также внедрение новых методик (микрообучение, геймификация, проектный метод, смешанное обучение и др.). Проведен сравнительный анализ коммуникативного, проектного, игрового и смешанного подходов с точки зрения эффективности развития навыков устной речи. В заключении подчеркивается необходимость комплексного подхода, сочетающего лучшие практики и учитывающего контекст корпоративного обучения, для достижения быстрых и устойчивых результатов на краткосрочных курсах.

Ключевые слова: коммуникативная компетенция, краткосрочные курсы, цифровые технологии, психология взрослого обучающегося, смешанные и игровые методики.

В настоящее время сформировался запрос на краткосрочное корпоративное обучение иностранным языкам, позволяющее работникам в сжатые сроки улучшить иноязычную коммуникативную компетенцию. В последние годы наблюдается значительное увеличение спроса на такие программы, которые нередко реализуются в дистанционном или смешанном формате с активным использованием цифровых технологий и с учетом специфики профессиональной деятельности обучающихся [1]. Особое внимание уделяется развитию навыков говорения, поскольку устная коммуникация необходима для проведения

переговоров, презентаций, телефонных конференций и других рабочих ситуаций. Краткосрочные курсы ориентированы на быстрое и эффективное формирование разговорных навыков, востребованных в профессиональной среде. Как правило, содержание таких интенсивных программ фокусируется не на изучении абстрактной грамматики, а на практическом языке реальных ситуаций делового общения. Это делает обучение максимально целенаправленным: участники курсов сразу видят прикладную пользу – способность уверенно выражать мысли на иностранном языке в рабочих контекстах.

Коммуникативная лингвистика, лежащая в основе современных методик преподавания языков, исходит из приоритета коммуникации и значимости использования языка в реальных ситуациях [2]. На практике это означает смещение акцента с заучивания грамматических правил и перевода текстов на моделирование реального общения. Все учебные активности строятся вокруг ситуаций, приближенных к действительности, что побуждает учащихся активно использовать язык для передачи смыслов. Например, на занятиях разыгрываются диалоги деловых встреч, телефонных разговоров с клиентами, обсуждения проектов и т.д.

Важным вкладом коммуникативной лингвистики является понятие коммуникативной компетенции, включающей не только знание языковых структур, но и умение уместно употреблять их в конкретной речевой ситуации. Это подразумевает развитие спонтанной речи, стратегии преодоления коммуникативных затруднений, адекватной реакции на высказывания собеседника. Для взрослой корпоративной аудитории такой подход особенно актуален, так как они учатся тому, что непосредственно пригодится им в работе: вести переговоры, представлять информацию, убеждать и т.д. Коммуникативная методика способствует преодолению языкового барьера. Кроме того, коммуникативно-ориентированный подход может дополняться прагматическим аспектом – учетом функции высказываний и речевых актов. Исследователи отмечают, что современная методика преподавания выходит за рамки только лингвистической правильности и фокусируется на прагматической правильности речи – умении достигать коммуникативной цели наиболее эффективным способом [3]. Это особенно важно при обучении говорению: недостаточно знать, что сказать – важно знать, как сказать это убедительно и уместно. Таким образом, роль коммуникативной лингвистики в корпоративном обучении проявляется в формировании учебных программ, нацеленных на практическую речь и коммуникативный успех, что является фундаментом для всех дальнейших методических новаций.

Корпоративное обучение иностранному языку представляет собой особый формат, отличающийся от традиционных курсов тем, что обучение интегрировано в профессиональную деятельность сотрудников. Специфика корпоративных программ во многом определяется потребностями бизнеса и отрасли, в которой задействованы обучающиеся. Зачастую корпоративное обучение рассматривается как часть системы повышения квалификации или развития персонала компании. Например, умение вести переговоры на языке партнера увеличивает шансы на успешное заключение сделок, а знание профессиональной терминологии на английском языке позволяет специалистам напрямую изучать зарубежные отраслевые материалы и обмениваться опытом с коллегами за рубежом. Одной из ключевых особенно-

стей корпоративного обучения является ориентация на профессиональный язык (язык для специальных целей). В отличие от общего курса, где тематика может быть широкой, корпоративные занятия фокусируются на лексике и коммуникативных ситуациях, характерных для сферы деятельности компании. Так, для сотрудников ИТ-сектора программа будет включать обсуждение технической документации, презентацию программных продуктов, профильную терминологию [4], а для отдела продаж – язык коммерческих переговоров, деловой переписки, работы с возражениями клиентов и т.д. Индивидуализация содержания под конкретные профессиональные задачи повышает мотивацию обучающихся, поскольку они сразу видят практическую пользу от занятий и применяют освоенное на рабочем месте.

Корпоративные курсы часто проводятся в мини-группах внутри компании или в виде индивидуальных занятий. График обучения обычно подстраивается под рабочее расписание сотрудников (например, занятия рано утром, в обеденный перерыв или после работы). Формат занятий: интенсивный (ежедневные короткие сессии в течение нескольких недель) или длительный с меньшей частотой занятий. В любом случае, ограниченное время курса диктует необходимость оптимизировать процесс обучения. Например, в ходе тренинга менеджеры могут разыгрывать роль клиента и поставщика, инженеры – обсуждать план проекта, юристы – проводить имитацию переговоров по контракту. Это не только обогащает их специализированный словарь, но и отрабатывает навыки спонтанного говорения в тех контекстах, с которыми они сталкиваются в работе.

Важно подчеркнуть и влияние корпоративной среды на обучение. С одной стороны, обучение проходит среди коллег, что может создавать более непринужденную атмосферу или, напротив, вызывать некоторое напряжение (например, нежелание ошибаться перед коллегами). С другой стороны, сама корпоративная культура может поддерживать изучение языка – например, поощрять использование английского в повседневной переписке или проводить часть собраний на иностранном языке. Все это формирует дополнительную языковую практику вне рамок уроков. В итоге корпоративное обучение профессиональному языку выступает эффективным инструментом развития персонала, если содержательно-методические решения принимаются с учетом специфики отрасли и нужд компании [5]. Не случайно исследователи говорят о необходимости специальной подготовки преподавателей для работы в корпоративном формате, где педагог должен быть знаком и с бизнес-контекстом, и с методикой ускоренного обучения взрослых специалистов языку.

Аудитория корпоративных языковых курсов – это, как правило, взрослые обучающиеся, имеющие определен-

ный жизненный и профессиональный опыт. Их возрастные особенности и особенности мотивации существенно влияют на процесс обучения и должны учитываться при разработке программ. Взрослые, в отличие от детей и подростков, обычно приходят на курсы осознанно, понимая, зачем им нужен язык, и имея внутреннюю или внешнюю мотивацию для обучения. Часто они стремятся овладеть языком для конкретных целей: карьерный рост, выполнение должностных обязанностей, переезд за границу, успешное деловое общение и т.п.

Такая целенаправленность является сильным мотивационным фактором – взрослые более ответственности подходят к занятиям, готовы вкладывать усилия и время, поскольку видят ценность результата для своей жизни. Однако одновременно взрослые обучающиеся сталкиваются с рядом психологических барьеров, мешающих свободному развитию речи. Исследования указывают, что распространенными проблемами являются страх ошибиться, неуверенность в своих силах, стеснение при разговоре на иностранном языке и даже прошлый негативный опыт изучения языка.

На корпоративных курсах, где группы могут быть небольшими и состоят из коллег, эти барьеры могут проявляться особенно остро – сотрудникам неловко показаться некомпетентными перед друг другом. Поэтому важнейшей задачей преподавателя становится создание поддерживающей атмосферы, в которой учащиеся не боятся говорить. Необходимо четко донести, что ошибки – естественная часть обучения, и поощрять любые попытки высказаться. Доброжелательная, на занятиях, где каждый участник чувствует уважение и поддержку, способствует снятию зажимов и раскрепощению речи.

Еще один критический фактор – это самомотивация взрослых обучающихся. Внутренняя мотивация, подкрепляемая четкой целью, может быть очень сильной движущей силой, однако ее уровень варьируется: одни слушатели крайне мотивированы (например, им необходимо сдать международный экзамен или пройти собеседование на иностранном языке), другие же учатся скорее по требованию работодателя (внешняя мотивация). На результатах курсов сказывается сочетание мотивации и сложности программы. Недавнее исследование А.С. Лазаревой [6] показало, что наивысших успехов достигают слушатели при умеренной сложности курса в сочетании с высокой самомотивацией. Если же программа чрезмерно сложна для уровня группы и не подкреплена достаточными усилиями самих учащихся, мотивация падает и прогресс замедляется. Обратная ситуация – слишком простой, упрощенный курс – также ведет к снижению интереса, поскольку взрослым становится скучно, они не ощущают вызова и новизны. Таким образом, при планировании краткосрочных корпоративных курсов важно найти баланс: материал должен быть достаточно сложным, чтобы развивать навы-

ки и давать чувство достижения, но при этом достижимым и релевантным целям обучающихся.

Оптимизация сложности программы тесно связана с учетом возрастных характеристик. Например, взрослым может требоваться больше времени на освоение произношения или запоминание слов, чем молодежи, из-за когнитивных особенностей, но они могут компенсировать это большей дисциплиной и практикой вне уроков. Учебные материалы для взрослых должны быть серьезными, уважать их интеллект и опыт – включать тексты и задания, вызывающие интерес профессионала, а не учителя начальной школы. Включение элементов самостоятельной работы (домашние проекты, онлайн-упражнения) позволяет стимулировать самомотивацию: слушатели сами планируют свое время и ощущают ответственность за результат. В целом, учет психологии взрослого ученика и факторов мотивации – необходимое условие успеха корпоративного обучения. Говорению: без этого самые современные методики могут не дать эффекта, если взрослый будет скован страхами или утратит интерес к занятиям.

Например, после каждой недели интенсивного курса может проводиться мини-экзамен: собеседование один-на-один с преподавателем или запись речевого ответа на заданную ситуацию. Преподаватель оценивает успехи и дает рекомендации: над каким произношением работать, какие ошибки повторяются, где словарный запас недостаточен. Такая постоянная обратная связь чрезвычайно ценна для взрослых: они получают четкое представление о своем прогрессе, что подкрепляет мотивацию продолжать занятия. Более того, выявление проблем на ранней стадии позволяет индивидуализировать* дальнейшее обучение – например, кому-то из группы дать дополнительный материал по грамматике, а кому-то – по фонетике.

Подводя итог, новые техники обучения в корпоративных языковых курсах ориентированы на то, чтобы сделать процесс интенсивным, но комфортным и значимым для взрослого обучающегося. Игры, проекты, мультимедиа, кастомизированный контент и постоянная обратная связь – все эти элементы в комбинации с проверенными принципами коммуникативного подхода дают наилучший результат. Краткосрочный курс превращается из простой передачи знаний в хорошо спроектированный опыт, где каждый элемент работает на конечную цель – развитие уверенного владения устной речью в профессиональных ситуациях.

Заключение

Корпоративное обучение иностранным языкам взрослых, ориентированное на развитие навыков говорения в сжатые сроки, представляет собой сложную, но реша-

емую педагогическую задачу. Проведенный обзор современных подходов и методик показывает, что ключом к успеху является комплексный подход, учитывающий лингвистически и психолого-педагогические аспекты.

Во-первых, подтверждается ведущая роль коммуникативной методики как основы обучения говорению. Создание максимально приближенной к реальности языковой среды на занятиях, фокус на практике общения и функциональной стороне языка позволяют взрослым учащимся быстро преодолеть барьер и начать пользоваться языком.

Во-вторых, корпоративный формат диктует необходимость адаптации содержания под профессиональный контекст. В курсах учитываются отраслевые темы, терминология, типичные рабочие ситуации, что повышает эффективность переноса навыков из учебной аудитории в реальную работу. Обучение становится частью развития профессиональных компетенций сотрудников, а не отвлеченной активностью. Это, в свою очередь, усиливает мотивацию – как самих сотрудников, так и руководства компаний, инвестирующих в обучение.

В-третьих, возрастная специфика взрослых и факторы мотивации требуют особого подхода. Исследования свидетельствуют, что оптимальные результаты достигаются при балансе умеренной сложности программы и высокой внутренней мотивации обучающихся. Поэтому при разработке краткосрочных курсов важно тщательно калибровать сложность материала, предлагая амбициозные, но достижимые задания, и постоянно поддерживать интерес взрослых через вовлечение их опыта, признание их успехов, создание атмосферы доверия. Преподаватель в корпоративной группе выступает не только носителем знаний, но и фасилитатором, коучем, психологом, помогая взрослым преодолеть страхи и поверить в свои силы говорить на иностранном языке.

В-четвертых, технологические инновации доказали свою полезность в интенсификации обучения. Онлайн-ресурсы и цифровые инструменты выступают как расширение языковой практики за пределами классной комнаты.

Их разумное использование (мультимедийные материалы, системы распознавания речи, платформы для онлайн-практики) позволяет компенсировать нехватку времени на занятиях и предоставить индивидуализированную нагрузку каждому учащемуся. В сочетании с очными интерактивными сессиями такая модель (blended learning) дает синергетический эффект – гибкость и ох-

ват, не жертвуя качеством тренировки говорения.

В-пятых, новые методики – игры, проекты, микро-обучение – стали неотъемлемой частью современных краткосрочных курсов. Они делают обучение разнообразным, поддерживают мотивацию на высоком уровне и ускоряют усвоение, апеллируя к разным когнитивным механизмам. Главное – использовать их целенаправленно, подчиняя общей задаче развития устной речи. Опыт показывает, что взрослые положительно откликаются на нестандартные форматы, если ясно понимают их пользу. Поэтому сочетание серьезного отношения к целям и элементом веселья, творчества на занятиях помогает сформировать позитивный настрой к изучению языка, что само по себе значительно повышает результативность.

Сравнительный анализ подходов свидетельствует: универсального решения не существует. Каждый корпоративный курс уникален по своему составу, целям бизнеса и контексту (например, добровольное посещение или обязательная программа от работодателя, очный или онлайн-формат, и пр.). Поэтому эффективная программа – это всегда гибрид, сконструированный из элементов разных подходов специально под эти условия. Успешный краткосрочный курс обучения говорению для взрослых – тот, где достигнут баланс: между теорией и практикой, между сложностью и доступностью, между структурой и гибкостью, между технологичностью и живым человеческим общением. Соблюдение этого баланса опирается на современные научные подходы (коммуникативная лингвистика, андрагогика, цифровая дидактика) и вместе с тем на творческое мастерство преподавателя.

Таким образом, современные тенденции в корпоративном обучении языкам взрослых указывают на переход к *персонализированным, насыщенным и практически-ориентированным* краткосрочным курсам. При поддержке руководства компании и активной вовлеченности самих обучаемых, такие курсы способны в краткие сроки существенно повысить уровень разговорной речи сотрудников. Это означает не только рост их личной профессиональной эффективности, но и конкурентные преимущества для организаций в целом в условиях изменяющегося рынка. В дальнейшем исследовательском и практическом поле важно продолжать обмен опытом и выявлять лучшие комбинации методов, подтверждая их результативность эмпирически. Настоящая работа, обобщая опыт 2018–2025 гг., надеется внести вклад в понимание того, как максимально эффективно обучать говорению на иностранном языке взрослых профессионалов в реалиях современного корпоративного обучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лазарева, А.С. Оценка влияния сложности языковых программ на обучение взрослых с учетом возрастных характеристик и факторов самомотивации /

- А.С. Лазарева // Педагогика. Вопросы теории и практики. – 2025. – Т. 10, № 2. – С. 197-204. – DOI 10.30853/ped20250025. – EDN ELDAIX.
2. Luo Z. The effectiveness of gamified tools for foreign language learning (FLL): A systematic review // Behavioral Sciences. 2023. –Т. 13. –№ 4. – С. 331.
3. Флеров, О.В. Перспективы преподавания иностранного языка «без учебника» в современной педагогической практике / О.В. Флеров // Образовательные ресурсы и технологии. – 2021. – № 3(36). – С. 45-52. – DOI 10.21777/2500-2112-2021-3-45-52. – EDN BZKAJP.
4. Дегтярева, Е.М. Дидактический потенциал игровых технологий в обучении иностранному языку ИТ-специалистов / Е.М. Дегтярева, Л.В. Мосиенко // Современные проблемы науки и образования. – 2024. – № 3. – С. 96. – DOI 10.17513/spno.33494. – EDN EIPVXF.
5. Минайченкова, Е.И. Содержательно-методическая специфика корпоративного обучения иностранному языку / Е.И. Минайченкова, О.В. Флеров // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12, № 9. – С. 405-409. – DOI 10.30853/filnauki.2019.9.82. – EDN ZQMHAА.
6. Лазарева, А.С. Психологические барьеры при обучении взрослых устной иноязычной речи в корпоративном формате обучения / А.С. Лазарева, Н.В. Агеева // Язык и культура. – 2022. – № 58. – С. 188-202. – DOI 10.17223/19996195/58/11. – EDN VHHLBS.
-

© Лазарева Анна Сергеевна (lazareva@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ДИНАМИКА МОТИВАЦИИ УСПЕХА И БОЯЗНИ НЕУДАЧ ПРИ ОБУЧЕНИИ В МЕДИЦИНСКОМ ВУЗЕ (НА ПРИМЕРЕ СТОМАТОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА)

DYNAMICS OF MOTIVATION FOR SUCCESS AND FEAR OF FAILURE WHEN STUDYING AT A MEDICAL UNIVERSITY (ON THE EXAMPLE OF THE DENTAL FACULTY)

**A. Levitskaya
O. Kharkova
S. Levitsky
N. Davydova
E. Zhibort**

Summary: The article presents the results of a study on the dynamics of motivation among medical university students depending on the year of study and gender. The analysis of changes in motivation for success and fear of failure, the validity of the research results is ensured by using a set of valid, reliable methods of data collection and analysis, which are widely used in the organization of pedagogical monitoring. The revealed dynamics in the motivational sphere of students will make it possible to adjust teaching methods to increase the motivation of the chosen profession, as well as influence the effectiveness of the educational process and the formation of the student as a future specialist. The applied aspect of the problem under study can be implemented in the educational process of a higher educational institution, in the psychological and pedagogical support of the personal and professional development of students. The data obtained can serve as a basis for the development of methodological recommendations for teachers in order to improve the effectiveness of teaching activities.

Keywords: dental education, motivation for learning, dynamics of motives, successful learning, fear of failure.

Левицкая Анастасия Сергеевна

Северный государственный медицинский университет
(г. Архангельск)
nastyaalevis97@gmail.com

Харькова Ольга Александровна

кандидат психологических наук, доцент, Северный
государственный медицинский университет
(г. Архангельск)
harkova0a@nsmtu.ru

Левицкий Сергей Николаевич

кандидат биологических наук, доцент, Северный
государственный медицинский университет
(г. Архангельск)
sergeylevitski@yandex.ru

Давыдова Надежда Геннадьевна

кандидат медицинских наук, доцент, Северный
государственный медицинский университет
(г. Архангельск)
nadindavydova@mail.ru

Жиборт Екатерина Леонидовна

кандидат биологических наук, доцент, Северный
государственный медицинский университет
(г. Архангельск)
zhibort71@yandex.ru

Аннотация: В статье представлены результаты исследования по изучению динамики мотивации у обучающихся медицинского университета в зависимости от года обучения и пола. Проведенный анализ изменения мотивации успеха и боязни неудач, обоснованность результатов исследования обеспечивается использованием комплекса валидных, надежных методов сбора и анализа данных, которые широко используются при организации педагогического мониторинга. Выявленная динамика в мотивационной сфере обучающихся позволит корректировать методы обучения для повышения мотивации выбранной профессии, а также влиять на эффективность учебного процесса и становление обучающегося как будущего специалиста. Прикладной аспект исследуемой проблемы может быть реализован в образовательном процессе высшего учебного заведения, в психолого-педагогическом сопровождении личностного и профессионального развития обучающихся. Полученные данные могут служить основой для разработки методических рекомендаций для преподавателей с целью повышения эффективности педагогической деятельности.

Ключевые слова: стоматологическое образование, мотивация обучения, динамика мотивов, успешное обучение, боязнь неудач.

Введение

Степень выраженности мотивационных установок поступления в медицинский вуз и учебно-профессиональная ориентация в избранной профессии

является одним из важнейших факторов становления и развития будущего специалиста [1]. Ежегодно количество абитуриентов, выбирающих в качестве будущей профессии стоматологию, растёт, что связано с престижностью специальности и финансовой стабильностью [2, 3].

Выбор профессии, совершенный при неадекватной мотивации, в дальнейшем может препятствовать профессиональному росту, целостному формированию личностной зрелости, снижению мотивации к познавательной деятельности, и отсутствием желания получать законченное образование по выбранной профессии.

Проблема профессиональной мотивации в настоящее время приобретает особое значение, так как отношение к будущей профессии, правильная и эффективная мотивация, удовлетворение выбором профессии на всех этапах обучения являются очень важными факторами, обуславливающими успешность выбора профессии [4]. Несмотря на достаточное количество исследований, связанных с проблемами динамики мотивационной сферы обучающихся, вопрос об удовлетворении мотивационных потребностей обучающихся на всех этапах обучения, проблемах личностного и профессионального самоопределения в ходе обучения остаётся актуальным, поскольку успешность обучения в вузе напрямую зависит от степени развития их профессиональной мотивации [5-7].

Успешность профессионального обучения, которая заключается не только в получении диплома, но в становлении высококвалифицированного доктора, напрямую зависит от мотивов выбора профессии и отношения к ней еще в момент поступления в вуз.

Целью исследования явилось изучение динамики мотивации успеха и боязни неудач при обучении в медицинском вузе у студентов, обучающихся по специальности 31.05.03 Стоматология с первого по третий курс.

Методы и организация исследования

Исследование проведено на базе ФГБОУ ВО «Северный государственный медицинский университет (Г. Архангельск) Минздрава России. В исследовании принимали участие обучающиеся стоматологического фа-

культета университета в количестве 156 человек.

Теоретико-методологической основой исследования явились работы о механизмах формирования мотивации (В.К. Вилюнас), связи мотивации и деятельности (Х. Хекхаузен), мотивации поведения и формирования личности (В.Г. Асеев), о роли ценностей в процессе мотивации (И.П. Полякова), понятии мотива и проблем качества мотивации (А.Н. Леонтьев), мотивации как совокупности личностных и ситуативных факторов (С.С. Занюк), категориях мотивов учения, связанных с содержанием учебной деятельности и с взаимоотношениями обучающегося с окружающей средой (Л.И. Божович), процессах формирования учебной мотивации студентов и кризисных периодах мотивации студентов; факторах, негативно влияющих на формирование учебной мотивации (О.В. Ведута), внутренних и внешних мотивах (Т.О. Гордеева), мотивах выбора профессии (Е.М. Павлютенкова). Кроме того, опирались на исследования в этой области и зарубежных ученых [8-10].

При организации исследования использовали методику «Мотивация успеха и боязь неудачи» (МУН) опросник А.А. Реана [11] и методику изучения мотивации обучения в вузе Т.И. Ильиной [12].

Статистическая обработка полученных результатов, оценка распределения показателей, сравнительный анализ выборок проведен с помощью пакета программ для статистической обработки «STATA» («Stata Corp», TX, USA) общепринятыми методами статистической обработки.

Результаты исследования и их обсуждение

Результаты методики «Мотивация успеха и боязь неудачи» показали, что среди девушек и юношей стоматологического факультета на I курсе не было обучающихся, ориентированных на боязь неудачи. Большинство опрошенных ориентированы на успех (табл. 1).

Таблица 1.

Мотивация успеха и боязь неудачи у обучающихся на I-III курсах.

	Пол (n-%)		Р-уровень
I курс			
Мотивация успеха и боязнь неудач:	девушки	юноши	0,089
не выражен успех	6-11,1 48-88,9	5-27,8 13-72,2	
II курс			
не выражен успех	5-9,8 46-90,2	3-13,6 19-86,4	0,631
III курс			
не выражен успех	13-21,3 48-78,7	6-26,1 17-73,9	0,641

Примечание: Р-уровень рассчитывали с помощью Хи-квадрата Пирсона.

Проведенное исследование выявило тенденцию к различию уровня мотивации на успех между девушками и юношами. Из результатов (табл. 1) видно, что у девушек мотивация на успех несколько выше (88,9%), чем у юношей (72,2%). Среди девушек и юношей как на II, так и на III курсе также не выявлено обучающихся, ориентированных на избегание неудачи, надежда на успех является основополагающей для обеих групп (табл. 1), что в целом согласуется с результатами других исследований [13].

Определение ведущего типа мотивации у обучающихся стоматологического факультета на I- III курсах проводили при помощи методики «Мотивация обучения в ВУЗе по Т.И. Ильиной». Её результаты представлены в таблице 2.

Статистически значимых различий по всем шкалам между девушками и юношами на I курсе выявлено не было. Как видно из результатов исследования, приобретение знаний для девушек и юношей на I курсе стоит по значимости на первом месте, на втором – овладение профессией, а мотивация к получению диплома на третьем. Полученные данные позволяют сделать вывод, что распределение мотивов является адекватным для формирования правильной мотивации к обучению. Однако, важно заметить, что практически каждый третий респондент так же был ориентирован на получение диплома (внешняя мотивация).

На II и III курсах были получены аналогичные результаты. Обучающихся с ярко выраженной боязнью неудачи также не было выявлено. Однако стоит заметить, что индивидуально значимая мотивация для

обучающихся на III курсе оказалась важнее, чем на I и II курсе, когда большее значение для них имели социально значимые мотивы.

Динамика результатов, полученных по методике «Мотивация успеха и боязнь неудачи» показала следующее: с I по II курс не было статистически значимых различий в показателях мотивов ($p=1,000$), более того, преобладающий процент обучающихся имел мотивацию на успех (84,5%; 84,5%), у остальных обучающихся мотивация не выражена (15,5%; 15,5%). Динамика изменений с I по III курс также не выявила статистически значимых различий в показателях мотивов ($p=0,285$), при этом подавляющий процент обучающихся мотивирован на успех (84,7%; 79,2%), чем на невыраженную мотивацию (15,3%; 20,8%). При изучении динамики мотивации на успех и боязни неудачи со II по III курс было выявлено, что к III курсу мотивация на успех снижается ($p=0,007$). (Примечание: p -уровень рассчитывали с помощью теста МакНемара).

Для более точного анализа и выявления среди кого из обучающихся (девушек или юношей) снижение мотивации на успех становится статистически значимым компонентом был произведен расчет результатов со стратификацией по полу.

По результатам исследования было определено наличие статистически значимых различий в динамике мотивации на успех и боязни неудачи только у девушек со II по III курс обучения ($p=0,007$).

Таким образом можно сделать вывод, что мотивация на успех у девушек стоматологического факультета

Таблица 2.

Показатели мотивации обучения в ВУЗе среди девушек и юношей на I- III курсах.

Мотивация	Пол (M(SD))		Р-уровень
	девушки	юноши	
I курс			
Приобретение знаний	8,9(3,2)	8,0(3,2)	0,229
Овладение профессией	7,1(1,4)	6,9(2,3)	0,688
Получение диплома	5,1(2,4)	5,2(2,9)	0,880
II курс			
Приобретение знаний	7,9(3,0)	9,1(2,8)	0,125
Овладение профессией	7,0(1,9)	7,1(2,0)	0,719
Получение диплома	4,4(2,4)	4,6(3,3)	0,809
III курс			
Приобретение знаний	8,9(3,2)	8,0(3,2)	0,229
Овладение профессией	7,1(1,4)	6,9(2,3)	0,688
Получение диплома	5,1(2,4)	5,2(2,9)	0,880

Примечание: Р-уровень рассчитывали с помощью критерия Стьюдента для двух независимых выборок.

снизилась со II по III курс. Тем не менее, преобладающий процент обучающихся имел мотивацию на успех (90,2%, 78,4%; 86,4%, 72,2%), а боязни неудачи не испытывал не один из опрошенных респондентов.

Для определения динамики ведущего типа мотивации у обучающихся стоматологического факультета использовали методику Т.И. Ильиной. Сравнительный анализ осуществляли со стратификацией по полу (табл. 3).

Таблица 3.

Динамика мотивов обучения в ВУЗе среди обучающихся стоматологического факультета.

	Пол, n-%		Р-уровень
	девушки	юноши	
I – II курс			
Динамика мотивов приобретения знаний:			
нет изменений	19-43,2	4-23,5	0,008
отрицательные изменения	8-44,4	10-58,8	
положительные изменения	17-38,6	3-17,7	
Динамика мотивов освоения профессии:			
нет изменений	13-29,6	7-41,2	0,569
отрицательные изменения	15-34,1	6-35,3	
положительные изменения	16-36,4	4-23,5	
Динамика мотивов получения диплома:			
нет изменений	11-25,0	3-17,7	0,818
отрицательные изменения	11-25,0	5-29,4	
положительные изменения	22-50,0	9-52,9	
I – III курс			
Динамика мотивов приобретения знаний:			
нет изменений	14-25,9	7-38,9	0,501
отрицательные изменения	22-40,7	5-27,8	
положительные изменения	18-33,3	6-33,3	
Динамика мотивов освоения профессии:			
нет изменений	13-25,5	7-31,9	0,395
отрицательные изменения	20-39,2	5-22,7	
положительные изменения	18-35,3	10-45,5	
Динамика мотивов получения диплома:			
нет изменений	14-27,5	4-18,2	0,382
отрицательные изменения	26-51,0	10-45,5	
положительные изменения	11-21,6	8-36,4	
II – III курс			
Динамика мотивов приобретения знаний:			
нет изменений	13-25,5	6-27,3	0,109
отрицательные изменения	26-50,9	6-27,3	
положительные изменения	12-23,5	10-45,5	
Динамика мотивов освоения профессии:			
нет изменений	17-31,5	3-16,7	0,465
отрицательные изменения	21-38,9	8-44,4	
положительные изменения	16-29,6	7-38,9	

	Пол, n-%		Р-уровень
	девушки	юноши	
Динамика мотивов получения диплома:			
нет изменений	21-38,9	5-27,8	0,535
отрицательные изменения	14-25,9	7-38,9	
положительные изменения	19-35,2	6-33,3	

Примечание: Р-уровень рассчитывался с помощью Критерия Стьюдента для зависимых выборок.

Таблица 4.

Динамика мотивов обучения в ВУЗе среди девушек и юношей стоматологического факультета (M(SD)).

Мотивация	Год обучения			Р-уровень
	I	II	III	
Девушки				
Приобретение знаний	8,9 (2,8)	8,2 (3,0)	9,1(3,3)	1-2=0,122 1-3 = 0,363 2-3= 0,003
Освоение профессией	7,1 (1,1)	6,9(2,0)	7,1(1,4)	1-2=0,550 1-3=0,238 2-3=0,740
Получение диплома	5,1(2,7)	4,5(2,4)	5,1(2,5)	1-2=0,122 1-3=0,790 2-3=0,038
Юноши				
Приобретение знаний	8,3(2,5)	9,5(2,7)	8,1(3,4)	1-2=0,119 1-3 = 0,792 2-3= 0,146
Освоение профессией	6,9(2,5)	7,5(1,8)	7,2(2,1)	1-2=0,292 1-3=0,707 2-3=0,466
Получение диплома	4,7(3)	4,6(3,5)	4,8(3,1)	1-2=0,948 1-3=0,853 2-3=0,318

Примечание: Р-уровень рассчитывался с помощью критерия Стьюдента для двух независимых выборок.

Анализируя динамику мотивов обучения в ВУЗе у обучающихся стоматологического факультета с I по II курс, не было установлено статистических значимых различий по шкалам «Освоение профессии» и «Получение диплома» между юношами и девушками. Однако выявили статистически значимые различия в динамике мотивов по шкале «Приобретение знаний», при этом отрицательные изменения наблюдали у 44,4 % девушек и 58,8% юношей, положительные изменения у 38,6% девушек и 17,7% юношей, у 43,2% девушек и 23,5% юношей изменений не наблюдалось. Динамика мотивов обучения со II по III курс девушек и юношей, обучающихся на стоматологическом факультете, статистически значимо не отличалась ($p \leq 0,05$).

Для более точных результатов сравнительного анализа мотивации обучения в ВУЗе обучающихся стоматологического факультета по методике «Мотивация

обучения в ВУЗе» Т.И. Ильиной был произведен расчет полученных данных в динамике с делением респондентов по полу.

Результаты методики «Мотивы обучения в ВУЗе» среди девушек и юношей представлены в таблице 4.

По результатам исследования было выявлено наличие статистически значимых различий в динамике мотивов обучения в ВУЗе среди девушек со II по III курс по шкале «Приобретение знаний» ($p=0,003$), что говорит о том, что у девушек мотивация на приобретение знаний к III курсу снижается, у юношей такие различия не обнаружены.

Заключение

Анализируя методологическую базу проведенно-

го исследования и полученных в ходе его результатов, можно заключить, что в мотивационной сфере обучающихся существуют мотив достижения успеха и избегания неудачи. Стремление к успеху (мотив достижения) – это устойчивая потребность добиваться успеха в различных видах деятельности. Мотив избегания неудачи характеризуется склонностью испытывать чувства стыда и унижения в ответ на любую неудачу. Соответственно, те обучающиеся, у которых преобладает мотив избегания неудачи, являются менее активными, поскольку изначально проецируют негативные исходы в любых ситуациях. Для тех, кто ориентирован на успех, характерно предпочтение задач средней или повышенной трудности, так как они более решительны, готовы действовать и заведомо настраивают себя на успешный результат.

Стоит заметить, что для разных этапов обучения характерно использование различных способов мотивации. В нашем исследовании был затронут только учебно-академический этап, который направлен на адаптацию к условиям и содержанию образовательного процесса, освоению новой социальной роли, выстраивания взаи-

моотношений с преподавателями и обучающимися [14]. Результаты, полученные в ходе исследования, в целом согласуются с литературными данными [15]. Так установлено, что на успешность обучения в большей степени влияют «профессиональный» и «познавательный» мотивы. «Прагматические» мотивы в основном характерны для слабоуспевающих студентов [16].

Важным моментом является то, что мотивы выбора профессии в разные периоды жизни трансформируются, соответственно, вместе с данными изменениями появляется и возможность целенаправленно влиять на формирование и развитие мотивации, поэтому в нашем исследовании особую важность имело изучение динамики мотивационной сферы обучающихся [17].

Таким образом, для удовлетворения обучающимися полученной в будущем профессией необходимо уже с первого года обучения выявлять профессиональные мотивы, интересы и склонности, поскольку отношение к будущей профессии и мотивы учебной деятельности являются чрезвычайно важными факторами, обуславливающими успешность профессионального обучения в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев С.Н., Гайворонская Т.В., Дробот Н.Н. Мотивация обучения в вузе – формирование готовности студентов-медиков к профессиональной деятельности. - Современные проблемы науки и образования. - 2020. - № 3. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=29690> (дата обращения: 12.01.25)
2. Ячmeneва Л.А., Бароян М.А. Мотивация и особенности выбора специальности у студентов стоматологического факультета // Подготовка медицинских кадров и цифровая образовательная среда: материалы Междунар. науч. - практ. конф., посвящ. 84-й годовщине КГМУ. Курск: КГМУ, 2019. - С. 653 – 657
3. Джиоева И.А., Аликова Т.Т., Фидарова К.К., Кусова И.Т. Анализ структурных особенностей в мотивах выбора профессии врача-стоматолога у студентов медицинского вуза. - Современные проблемы науки и образования. - 2018. - № 3. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=27705> (дата обращения: 08.12.24)
4. Дорофеев И.И., Гончаров К.Н. Психологическая готовность к обучению в медицинском вузе. - Известия Российской военно-медицинской академии. - 2020. - Т. 39, № 53-4. С. 67-72
5. Рыбкова М.А. Эмоции в системе мотивации к здоровью-сбережению студентов-медиков. - Бюллетень медицинских интернет-конференций. - 2016. - Т. 6. - № 6. - С. 1160
6. Тюсова О.В., Исаева Е.Р., Тишков А.В., Шапоров А.М., Павлова О.В., Ефимов Д.А., Власов Т.Д. Психологические показатели как прогностические критерии академической успеваемости студентов в медицинском вузе. - Учёные записки Первого Санкт-Петербургского государственного медицинского университета имени академика И. П. Павлова. - 2017. - № 24(2). - С. 66 – 72
7. Михайлова Л.В., Мохаммад Амин Н.А., Авилова Т.М., Чумаков В.И. Междисциплинарный подход к психолого-педагогической адаптации студентов медицинского вуза. - Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. - 2018. - № 4. - С. 135-139
8. Deci E.L. The psychology of self-determination. - Contemporary Sociology. A Journal of Reviews. - 1982. - Vol. 11(3). - P.343
9. Graham S., Weiner B. Theories and principles of motivation. - Handbook of educational psychology. - 1996. - Vol. 4. - P. 63 – 84
10. Weiner B. History of motivational research in education. - Journal of educational Psychology. - 1990. - Vol. 82. - P. 616
11. Реан А.А. Психология изучения личности: учеб. пособие. СПб., Изд-во Михайлова В.А., 1999. - 288 с.
12. Методика изучения мотивации обучения в вузе Т.И. Ильиной. URL: <http://testoteka.narod.ru/ms/1/05.html> (дата обращения: 11.12.2024)
13. Иванова Е.Е., Сторожева Ю.А. Особенности мотивации учебной деятельности студентов вуза первого и четвертого курсов (сравнительный анализ). - Научные труды Московского гуманитарного университета. - 2018. - № 4. - С. 53-51
14. Поваренков Ю.П. Периодизация профессионального становления личности: анализ отечественных и зарубежных подходов. - Ярославский педагогический вестник. - 2014. - №3. - С. 222-227
15. Левицкий С.Н., Давыдова Н.Г., Левицкая А.С., Хромова А.В., Курочкина Е.Л. Анализ успешности обучения в медицинском вузе на основе сформированности психологических характеристик личности. - Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: гуманитарные науки. - 2022. - №05/2. - С. 69-74

16. Хамитова Л.А. Профессиональная мотивация студентов-стоматологов. - Бюллетень медицинских интернет - конференций. - 2019. - Т. 9, № 7. - С. 286-287
17. Сеферян К.Г., Сеферян Н.Ю., Кочконян Т.С., Калпакьянц О.Ю., Кочконян А.С. Правильный выбор профессии врача-стоматолога – залог успешной карьеры. - Международный журнал экспериментального образования. – 2013. – № 4. – С. 263-265.
-

© Левицкая Анастасия Сергеевна (astyalevis97@gmail.com), Харькова Ольга Александровна (harkovaoa@nsmu.ru),
Левицкий Сергей Николаевич (sergeylevitski@yandex.ru), Давыдова Надежда Геннадьевна (nadindavydova@mail.ru),
Жиборт Екатерина Леонидовна (zhibort71@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СРАВНЕНИЕ НАРУШЕНИЙ ЗРИТЕЛЬНО-ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ У СЛАБОСЛЫШАЩИХ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ И ШКОЛЬНИКОВ СО СЛУХОВОЙ ДЕПРИВАЦИЕЙ И ЛЕГКИМИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМИ РАССТРОЙСТВАМИ

Мамедова Елена Юрьевна

кандидат педагогических наук, доцент, Российский
государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург
lark.66@mail.ru

COMPARISON OF VISUAL-SPATIAL DISORDERS IN HEARING-IMPAIRED PRIMARY SCHOOL CHILDREN AND SCHOOLCHILDREN WITH AUDITORY DEPRIVATION AND MILD INTELLECTUAL

E. Mamedova

Summary: The article presents the results of the study aimed at studying the visual-spatial representations of younger hearing-impaired schoolchildren and schoolchildren with hearing impairments and mild intellectual disabilities. The results are compared and the degree of development of visual-spatial representations in the corresponding categories of students is assessed. The presented data indicate the presence of development of visual-spatial functions in children with auditory deprivation and in schoolchildren with hearing impairments and intellectual disabilities, which has a negative impact on children's mastery of written speech and their general speech development. The identified violations are grouped depending on the specialist in their education. An analysis of data on the study of visual-spatial representations of schoolchildren directly and indirectly through the involvement of speech material reflecting the child's spatial representations is carried out. Some grounds are presented that reveal the features of visual-spatial representations in modern categories of students. A problem is revealed that shows the need for more accurate transformations of the written speech of primary school students in educational institutions working according to FAOP 2.2. and 2.3. The necessity of variable selection in the education of primary school students with hearing impairments and intellectual writing disorders is shown, which will largely determine the variability of children at school, their further education and the success of socialization.

Keywords: visual-spatial representations, hearing-impaired schoolchildren, schoolchildren with hearing impairment and mild mental retardation, spatial orientation, grammatical constructions expressing spatial relationships, writing disorders, primary school, motor functioning, coordination function.

Аннотация: В статье представлены результаты исследования направленного на изучение состояния зрительно-пространственных представлений младших слабослышащих школьников и школьников с нарушением слуха и легкими интеллектуальными расстройствами. Проведено сравнение полученных результатов и дана оценка степени развития зрительно-пространственных представлений у обеих категорий учащихся. Представлены данные, свидетельствующие о наличии разнообразных нарушений зрительно-пространственных функций у детей со слуховой депривацией и школьников с нарушением слуха и интеллектуальными расстройствами, которые оказывают негативное влияние на овладение детьми письменной речью, их общим речевым развитием. Выявленные нарушения сгруппированы в зависимости от механизма их образования. Проведен анализ данных по изучению непосредственно зрительно-пространственных представлений школьников и опосредованно через предъявление речевого материала, отражающего пространственные представления ребенка. Представлены некоторые основания, которые вскрывают причины нарушений зрительно-пространственных представлений у обеих категорий учащихся. Вскрыта проблема, показывающая необходимость проведения более точной диагностики нарушений письменной речи обучающихся младших классов образовательных учреждений, работающих по ФАОП 2.2. и 2.3. Показана необходимость вариативного подхода в обучении младших школьников с нарушением слуха и интеллектуальными расстройствами письму, который во многом позволит определить успеваемость детей в школе, их дальнейшее образование и успешность последующей социализации.

Ключевые слова: зрительно-пространственные представления, слабослышащие школьники, школьники с нарушением слуха и легкой умственной отсталостью, ориентировка в пространстве, грамматические конструкции, выражающие пространственные отношения, нарушение письма, начальная школа, моторное функционирование, координационная функция.

Введение

Зрительно-пространственные представления ребенка ключевым образом влияют на процесс познания и его практические действия. Высокий уровень развития зрительно-пространственных представлений у детей младшего школьного возраста опре-

деляет возможность и эффективность формирования у них письменной речи. Сформированные зрительно-пространственные представления становятся базой для успешного становления всех видов деятельности детей. Нарушения слуха оказывает крайне отрицательное влияние на развитие словесной речи у детей, как в устной, так и позже в письменной форме. Нарушение письма

является широко распространенным явлением у детей со слуховой депривацией, которое в известной мере сохраняется даже после окончания школы, что создает серьезные проблемы для их последующего обучения и развития [6].

Актуальность исследования

В сурдопедагогике имеются доказательные научные исследования о корреляции между формированием у детей с нарушением слуха речевых навыков, навыков письма и несформированностью ряда моторных и гностических функций. (Р.М. Боскис [2], К.Г. Коровин [4], К.В. Комаров [5], и др.).

С еще большими проблемами при письме сталкиваются дети с комплексными нарушениями развития, у которых одновременно наблюдаются два или более независимых дефекта развития. В образовательных учреждениях, реализующих ФАОП (варианты 1.2., 1.3., 2.2. и 2.3.) обучаются школьники этой категории, имеющие не только нарушения слуха, но и легкую умственную отсталость (интеллектуальные нарушения). У младших школьников данной категории сложности в формировании речевых навыков (навыки письменной речи и навыка письма) проявляются особенно ярко.

Мы констатируем большое количество ошибок на письме как у младших слабослышащих школьников, так и у третьеклассников с нарушением слуха и интеллектуальными нарушениями и отмечаем, что ошибки могут быть связаны как с трудностями овладения детьми орфографическими правилами, так и с несформированностью самого навыка письма. На начальном этапе овладения письменным навыком схожие по проявлению ошибки могут возникать по различным причинам, и понимание этих механизмов является ключевым для эффективной диагностики и коррекции, которые позволят более точно определить проблемы и разработать эффективные стратегии для их решения. Неотъемлемой частью эффективно сформированного навыка письма является зрелый графомоторный навык, который, в свою очередь, напрямую связан с развитием зрительно-пространственных представлений ребенка. Низкий уровень развития зрительно-пространственных представлений приводит к серьезным ошибкам на письме на всех уровнях языка, что оказывает негативное воздействие на процесс формирования лексико-грамматической стороны речи, словесно-логического мышления.

Целью нашего исследования стало изучение характера нарушений зрительно-пространственных представлений у слабослышащих третьеклассников и обучающихся третьих классов, имеющих снижение слуха и интеллектуальные нарушения, а также вариативность их проявлений с целью в дальнейшем разработать про-

грамму по формированию у них письменных навыков с учетом особенностей развития, отвечающую потребностям каждой категории детей.

Организация исследования

В нашем исследовании участвовало 20 школьников 3-х классов, обучающихся в образовательных учреждениях по ФАОП 2.3. г. Санкт-Петербурга, г. Кемерово, г. Хабаровска (ЭГ-1), имеющих снижение слуха и легкую умственную отсталость, 20 первоклассников, обучающихся в образовательных учреждениях по ФАОП 2.2. г. Санкт-Петербурга, г. Кемерово, г. Хабаровска (ЭГ-2) и 20 сверстников с нормальным слухом и интеллектуальным развитием (КГ). Для проведения исследования использовалась разработанная нами методика изучения зрительно-пространственных представлений с использованием методик О.А. Назаренко [12], И.Н. Садовниковой [10], М.М. Семаго [11], Н.Я. Семаго [11], С.А. [12], Степоненкова. Диагностика также включала описанные в психологии, в общей и специальной педагогике приемы Б.Г. Ананьева [1], А.И. Березенцева [9], Г.Н. Градовой [3], С.О. Рудаковой [9], Е.А. Шеботиновой [13].

На первом этапе было проведено обследование зрительно-пространственных представлений у младших школьников групп ЭГ-1, ЭГ-2, КГ в рамках проведения диагностики. Для этого был разработан протокол обследования. Функциональные пробы разработанного нами протокола обследования включали 4 блока заданий связанных как с непосредственным исследованием зрительно-пространственных представлений школьников (блок «А»), так и опосредованным их изучением через предъявление речевого материала, отражающего пространственные представления ребенка (блок «Б»):

1. – исследование пространственных представлений о взаимоотношениях внешних объектов и тела;
2. – исследование ориентировки в окружающем пространстве;
3. – изучение пространственных представлений о расположении предметов на плоскости;
4. – исследование понимания и употребление грамматических конструкций, выражающих пространственные отношения.

На втором этапе исследования проведен сравнительный анализ полученных результатов школьников. Выявленные нарушения зрительно-пространственных представлений у каждой из групп, которые были классифицированы по типу и частоте встречаемости.

Для сравнения нарушений, допущенных обучающимися групп ЭГ-1, ЭГ-2 и КГ при выполнении ими заданий, мы применили как количественные, так и качественные методы анализа. Нами была определена часть каждого типа нарушений в их общем количестве. Целью каче-

ственного анализа явилось выявление особенностей расстройств зрительно пространственных представлений у слабослышащих первоклассников и школьников со слуховой депривацией и интеллектуальными нарушениями. Все обнаруженные нарушения были систематизированы по способу их возникновения.

Выявленные нарушения были сгруппированы в зависимости от механизма их образования следующим образом:

1. Исследование пространственных представлений о взаимоотношениях внешних объектов и тела:
 - блок А: исследование представлений о собственном теле («схема» лица, конечности, вентральные и дорсальные стороны), исследование зрительно-пространственной организации серии движений;
 - блок Б: исследование умения оперировать речевыми понятиями о собственном теле; умения понимать и выполнять серии артикуляционных упражнений;
2. Исследование ориентировки в окружающем пространстве:
 - блок А: исследование представлений о пространственных направлениях от себя (вверху-внизу, впереди-сзади, справа-слева), движения в заданном направлении, различения правой и левой рук; исследование пространственных отношений (далеко-близко, дальше-ближе, высоко-низко);
 - блок Б: исследование умения обозначать в речи расположение предметов в реальном пространстве; выражать словом положение того или иного предмета по отношению к другому; передавать словом пространственное расположение предметов по отношению к самому себе и по отношению к другим объектам; исследование вербализации взаиморасположения объектов в пространстве по вертикальной и горизонтальной осям; использовать предлоги, которые обозначают расположение объектов в пространстве («в», «на», «по», «к», «от», «за», «над», «под» и т.п.);
3. Изучение пространственных представлений о расположении предметов на плоскости:
 - блок А: исследование ориентировки на листе клетчатой бумаги; составления графических изображений пространственных отношений; изображения пространственных отношений в виде рисунка, чертежа, плана;
 - блок Б: исследование умения описывать пространственное расположение предметов и объектов на плоскости; изучение возможности применения схем предлогов для обозначения пространственных отношений;
4. Исследование понимания и употребления грамматических конструкций, выражающих пространственные отношения:

- блок А: исследование понимая пространственно-временных и причинно-следственных отношений и связей;
- блок Б: исследование понимая речевых конструкций, которые передают пространственные характеристики окружающего мира; навыков использования в речи конструкций, выражающих пространственные отношения.

Результаты исследования и их обсуждение

В ходе нашего исследования был применен однофакторный дисперсионный анализ, который дал возможность подтвердить статистически достоверные различия (при $p \leq 0,001$), убедительно показавшие разную степень выраженности проявлений (дети ЭГ-1, ЭГ-2) и состояние сформированных зрительно-пространственных представлений у школьников КГ.

Наше исследование показало, что каждый из вышеперечисленных видов нарушений встречался у всех исследуемых нами младших школьников ЭГ-1 и ЭГ-2 при выполнении ими заданий на исследование состояния зрительно-пространственных представлений по сравнению со школьниками КГ. Это указывает на то, что у детей ЭГ-1 и ЭГ-2 имеются многочисленные своеобразные паттерны нарушений, которые могут быть связаны с особенностями их сенсорного, когнитивного и моторного функционирования. Мы пришли к выводу, что как в группе ЭГ-1, так и в группе ЭГ-2 имелось достаточное суммарное количество нарушений. Анализ показал, что в заданиях блока А на изучение непосредственно зрительно-пространственных представлений у школьников ЭГ-1 и ЭГ-2 выявленные нарушения носят специфический характер по сравнению с детьми КГ, где характерными оказались скорее неспецифические нарушения других типов, связанные с отсутствием внимания детей, усталостью и др.

Наиболее частотным типом нарушений у школьников ЭГ-1 в блоке заданий «А» явились: понимание пространственно-временных и причинно-следственных отношений и связей (23,4%); составление графических изображений пространственных отношений в виде рисунка, чертежа, плана (25%); понимание и использование понятий далеко-близко, дальше-ближе, высоко-низко (34,2%). В блоке заданий «Б» чаще всего констатировались нарушения: понимание речевых конструкций, которые передают пространственные характеристики окружающего мира, навыки использования в речи конструкций, выражающих пространственные отношения (53,8%); умений описывать пространственное расположение предметов и объектов на плоскости; применение схем предлогов для обозначения пространственных отношений (25,1%).

В ЭГ-2 более распространенными в блоке заданий

«А» оказались нарушения: понимание пространственно-временных и причинно-следственных отношения и связей (31,3 %); описания пространственного расположения предметов и объектов на плоскости, а также использования схем предлогов для обозначения пространственных отношений (20,4 %). В заданиях блока «Б» более широкое распространение мы отмечаем среди нарушений понимания речевых конструкций, передающих пространственные характеристики окружающего мира и использование их в речи (48,5%); выражения словом положения того или иного предмета по отношению к другому, вербализации взаиморасположения объектов в пространстве по вертикальной и горизонтальной осям, использования предлогов, которые обозначают расположение объектов в пространстве («в», «на», «по», «к», «от», «за», «над», «под» и т.п.) (36,7%).

Все задания блока «Б» вызывали наибольшие затруднения по сравнению с заданиями блока «А» у детей ЭГ-1 и ЭГ-2 т.к. имели языковую составляющую. Независимо от наличия или отсутствия снижения интеллектуальных возможностей детей, главным нарушением здесь является слуховая депривация, которая крайне негативно влияет на речевое развитие ребенка. Тем не менее у школьников ЭГ-1 по сравнению с ЭГ-2 в блоке заданий «А» помимо нарушений в понимании и употреблении грамматических конструкций пространственного характера, нарушений в представлениях о расположении предметов на плоскости отмечаются трудности в ориентировке в окружающем пространстве.

У школьников КГ относительно заметными оказались ошибки, связанные с применением схем предлогов для обозначения пространственных отношений (33,7 %), и с изображением пространственных отношений в виде рисунка, чертежа, плана (9 %), что скорее всего отражает снижение произвольного контроля и трудности регуляции произвольной деятельности при выполнении заданий.

Сравнив нарушения, обнаруженные у школьников (блоки «А» и «Б») ЭГ-1, ЭГ-2 и КГ, мы смогли получить результаты, которые демонстрируют их соотношение:

- ЭГ-1 — 1,2 % нарушения пространственных представлений о взаимоотношениях внешних объектов и тела; 16,4 % нарушения ориентировки в окружающем пространстве; 34,2 % нарушения пространственных представлений о расположении предметов на плоскости; 48,2 % нарушения понимания и употребления грамматических конструкций, выражающих пространственные отношения.
- ЭГ-2 — 0,6 % нарушения пространственных представлений о взаимоотношениях внешних объектов и тела; 13,1 % нарушения ориентировки в окружающем пространстве; 31,7 % нарушения пространственных представлений о расположе-

нии предметов на плоскости; 54,6 % нарушения понимания и употребления грамматических конструкций, выражающих пространственные отношения.

- 0,6 % нарушения пространственных представлений о взаимоотношениях внешних объектов и тела; 0,9 % нарушения ориентировки в окружающем пространстве; 94,8 % нарушения пространственных представлений о расположении предметов на плоскости; 3,7 % нарушения понимания и употребления грамматических конструкций, выражающих пространственные отношения.

Анализируя нарушения зрительно-пространственных представлений в группах третьеклассников, принявших участие в эксперименте, мы констатируем, что больше всего нарушений имеется в навыках связанных не только непосредственно с пространственными представлениями детей, но и их вербализацией.

Школьники ЭГ-1 и ЭГ-2 плохо понимают пространственно-временные и причинно-следственные отношения и связи. Прежде всего, мы констатируем стойкие нарушения в понимании и употреблении грамматических конструкций, выражающих пространственные отношения у детей обеих групп. Однако в этой же группе нарушений нами отмечается некоторое расхождение в результатах исследования в заданиях блока «Б» (ЭГ-1 — 53,8 %, ЭГ-2 — 48,5%). Некоторые третьеклассники ЭГ-1 часто совсем не понимали смысла задания и не могли приступить к его выполнению, что безусловно показывает недостаточный уровень развития у них абстрактного мышления.

Задания на составление графических изображений пространственных отношений также оказались крайне сложными для обеих групп школьников, что является следствием не только нарушения речевого развития ребенка со слуховой депривацией, но и развития мышления. У школьников ЭГ-1 этот факт проявлялся наиболее ярко так как использование ребенком вербальных пространственных понятий требует развитых способностей к обобщению. Для школьников ЭГ-2 задания с пространственными представлениями оказались не менее сложными т.к. слуховые сигналы, воспринимаемые ухом ребенка, являются управляющим фактором для его движения и координации. Нарушение слухового канала неизбежно приводит к сбою всей координационной функции.

В заданиях на пространственные представления о расположении предметов на плоскости мы также наблюдали некоторое расхождение в результатах у ЭГ-1 и ЭГ-2. Если у школьников ЭГ-2 в первую очередь оказались недостаточно сформированы навыки по вербализации пространственных представлений понятия на уровне понимания и показа, то у третьеклассников ЭГ-1 прежде

всего наблюдалась дефицитарность пространственной ориентации, что, как показали дополнительные наблюдения, крайне негативно сказывается на их письменной речи. Нами отмечались затруднения третьеклассников ЭГ-1 в формировании образа буквы, расположения букв на строке, их взаиморасположения и др. Как известно, представления о взаиморасположении объектов по отношению друг к другу в горизонтальной плоскости («ближе, чем - дальше, чем») должны быть сформированы к 5 годам, «перед» – 5,5 и «за» к 5,5–6 годам. Очевидно, что у детей ЭГ-1 оказались не компенсированными эти важнейшие пространственные функции даже к третьему классу. Имея существенную задержку речевого развития, как следствие снижения слуховой функции, существенное ослабление познавательной активности и способности к самостоятельному исследованию пространства, школьники испытывали особые трудности при выполнении заданий по диагностике пространственных представлений о расположении предметов на плоскости.

Мы отмечаем, что у третьеклассников ЭГ-1 в отличие от ЭГ-2 на низком уровне оказались представления о движении в заданном направлении, а также о пространственных отношениях далеко-близко, дальше-ближе, высоко-низко и т.п., что ярко отражалось в их практической и учебной деятельности. При выполнении практических заданий на уроках дети не могли правильно расположить предметы по заданию учителя, затруднялись в исправлении своих ошибок. Школьники испытывали значительные трудности при рисовании объектов, а также при выполнении движений даже на уровне подражания. Школьники ЭГ-2 допускали ошибки при выполнении заданий, однако они были не столь критичны как у ЭГ-1.

В ЭГ-1 и ЭГ-2 больше всего нарушений вербализации пространственных представлений отмечалось как в понятиях на уровне самостоятельного употребления предлогов в речевых конструкциях, так и при составлении самих пространственных речевых конструкций. Трудности, возникающие у третьеклассников этих групп, объясняются наличием в заданиях логико-грамматических конструкций на пространственные представления, и включающих все падежно-предложные конструкции языка. Младшие школьники с нарушением слуха не имеют достаточного опыта восприятия звуковой информации, что затрудняет им понимание и использование пространственных понятий, которые часто передаются через речь. Проблемы в понимании предлогов и предложно-падежных конструкций, обозначающих эти отношения, были присущи большинству третьеклассников с нарушением слуха, так как они наиболее полно отражают пространственные связи между предметами и явлениями. Мы отмечаем, что школьники понимали и чаще всего оречевляли простые предложные формы, такие как «в», «у», «на», «к» и др., но оказывались в затруднении

при необходимости понимания сложных статических предлогов и наречий «под», «над», «напротив», «между» и др. Особые трудности школьники испытывали при вербализации самих пространственных отношений, например, в выборе точных терминов для описания места расположения объекта на картинке, выражая свое мнение через общие характеристики пространства без четкой детализации и часто прибегали к внешним опорам.

Трудности школьников КГ вызывали задания, связанные с оценкой числовых и порядковых представлений, а также оценкой и дифференциацией графически сходных букв на рукописном материале. Можно утверждать, что они вызваны не полностью сформированным у отдельных учащихся навыком письма. Помимо этого, можем констатировать некоторые трудности школьников с использованием правильной терминологии для описания пространственных отношений. Например, дети могли путать слова или неправильно их использовать, что в некоторой степени затрудняло выполнение заданий.

Выводы

Таким образом, мы можем наблюдать как общее в нарушениях зрительно-пространственных представлений у школьников ЭГ-1 и ЭГ-2, которые обусловлены нарушением слуха и, как следствие, резкой деформацией их речевого развития, так и явные различия. Также следует учитывать и нарушение у обеих групп школьников функций вестибулярного и кинестетического анализа, что приводит к низкой вестибулярной амортизации и нарушает их координацию движений. Снижение познавательных функций, недостаточный уровень обобщения у школьников с нарушением слуха и легкой умственной отсталостью еще больше усугубляет проблемы речевого развития детей.

Становится очевидным, что трудности при формировании письменной речи, как вторичной, более сложной и абстрактной формы существования языка, имеют более глубокие причины и, в частности, это нарушения зрительно-пространственных представлений школьников. Школьники с нарушением слуха, а также с нарушением интеллекта испытывают серьезные сложности с формированием зрительно-пространственных представлений в практической деятельности. Вербализация зрительно-пространственных представлений, их реализация в письменной речи является архисложной большой проблемой для этих категорий детей. Очевидно, что для эффективного педагогического воздействия требуются различные подходы в коррекционной работе со школьниками этих групп. Разработанная и апробированная нами программа диагностики обеспечивает более точную оценку нарушений зрительно-пространственных представлений детей и, как следствие, позволяет вариативно оцени-

вать возможности формирования навыка письма, дает более достоверный их анализ. Тщательный анализ и понимание проблемных областей в письменной речи третьеклассников, особенно у детей с нарушениями

слуха или другими особенностями, позволяют более точно нацелиться на коррекционные мероприятия и значительно улучшить их письменные навыки и общую функциональность их письменной речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьев Б.Г., Рыбалко Е.Ф., Шемякин Ф.Н. Некоторые теоретические проблемы исследования пространственных восприятий и представлений / Б.Г. Ананьев, Е.Ф. Рыбалко, Ф.Н. Шемякин. — Текст: непосредственный // Вопросы психологии. — 1968. — №4. — С. 18-28.
2. Боскис Р.М., Фингерман Л.Е. Развитие письменной речи в начальных классах школы слабослышащих. Пособие для учителя / Р.М. Боскис, Л.Е. Фингерман. — М.: Просвещение, 1978. — 142 с. — Текст: непосредственный.
3. Градова Г.Н., Маковецкая И.С. Приемы работы по формированию предложных конструкций с пространственным значением у дошкольников с общим недоразвитием речи / Г.Н. Градова, И.С. Маковецкая. — Текст : электронный // Материалы XIII Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум». — Москва, 2021. — URL: <ahref=»https://scienceforum.ru/2021/article/2018025885»>https://scienceforum.ru/2021/article/2018025885 (дата обращения: 18.03.2025).
4. Книга для учителя школы слабослышащих: Обучение русскому языку, чтению, произношению / К.Г. Коровин, И.М. Гилевич, Н.Ю. Донская и др.; под ред. К.Г. Коровина. — М.: Просвещение, 1995. — 160 с. — Текст: непосредственный.
5. Комаров, К.В. Методика обучения русскому языку в школе для слабослышащих детей / К.В. Комаров. — М.: Просвещение, 1988. Комаров, К.В. Методика обучения русскому языку в школе для слабослышащих детей / К.В. Комаров. — М.: Просвещение, 1988. — 222 с. — Текст: непосредственный.
6. Мамедова Е.Ю. Специфические образовательные трудности и потребности студентов-инвалидов, обучающихся в РГПУ им. А.И. Герцена / Мамедова Е.Ю. // Инклюзия и особый ребенок: система ценностей [Текст]: материалы XX Междунар. конф. «Ребенок в современном мире. Ценностный мир детства», 17-19 апр. 2013 г. — СПб., 2013. — С. 110-117.
7. Микшина Е.П., Жилинскене Е.М., Мамедова Е.Ю., Наумова Н.В. Произношение: учебное пособие для 1 дополнительного класса общеобразовательных организаций, реализующих АООП НОО глухих, обучающихся в соответствии с ФГОС НОО ОВЗ / Е.П. Микшина, Е.М. Жилинскене, Е.Ю. Мамедова, Н.В. Наумова. — Москва: ВЛАДОС, 2019. — Часть 1. — 113 с. — Текст: непосредственный.
8. Микшина Е.П., Жилинскене Е.М., Мамедова Е.Ю., Наумова Н.В. Произношение : учебное пособие для 1 дополнительного класса общеобразовательных организаций, реализующих АООП НОО глухих, обучающихся в соответствии с ФГОС НОО ОВЗ / Е.П. Микшина, Е.М. Жилинскене, Е.Ю. Мамедова, Н.В. Наумова. — Москва: ВЛАДОС, 2019. — Часть 2. — 113 с. — Текст: непосредственный.
9. Рудакова С.О., Березенцева А.И. Исследование зрительно-пространственных представлений у младших школьников с дисграфией // Вестник Шадринского государственного педагогического университета, 2021. — №4 (52). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-zritelno-prostranstvennyh-predstavleniy-u-mladshih-shkolnikov-s-disgrafiye> (дата обращения: 18.03.2025).
10. Садовникова, И.Н. Дисграфия, дислексия. Технология преодоления / И.Н. Садовникова. — Москва: Парадигма, 2012. — С. 178-202.
11. Семаго Н.Я. Семаго М.М. Теория и практика оценки психического развития ребенка. Дошкольный и младший школьный возраст / Н.Я. Семаго, М.М. Семаго. — СПб: Речь, 2005. — 384 с. — Текст: непосредственный.
12. Степененкова С.А., Назаренко О.А. Профилактика и коррекция нарушений зрительно-пространственного восприятия и зрительно-моторной координации у дошкольников / С.А. Степененкова, О.А. Назаренко — Текст: непосредственный // Воспитатель ДОУ. — 2022. — № 11. — С. 12. — Текст: непосредственный.
13. Шеботинова Елена Александровна Диагностика зрительно-пространственного восприятия в младшем школьном возрасте // International journal of professional science, 2019. — №4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diagnostika-zritelno-prostranstvennogo-vospriyatiya-v-mladshem-shkolnom-vozraste> (дата обращения: 18.03.2025).

© Мамедова Елена Юрьевна (lark.66@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АДАПТАЦИЯ ТЕКСТА ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ ПРИ РАБОТЕ С УЧАЩИМИСЯ РАЗНЫХ УРОВНЕЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

ADAPTATION OF A LEGAL TEXT WHEN WORKING WITH STUDENTS AT DIFFERENT LEVELS OF HIGHER EDUCATION

**N. Merkuryeva
A. Magdeeva**

Summary: On the example of the text of a scientific article on legal topics, the authors consider the possibility of using the basic principles of adaptation (reduction, selection of synonymous words and phrases, changing the complexity of sentences, all kinds of paraphrasing) in English language practice classes for students of bachelor, master and postgraduate courses in the field of law. It is shown that such work will be useful for students to enlarge their vocabulary, develop their speech skills in terms of oral and written speech when carrying out such types of learning activities as retelling a text, formulating answers to questions about the text and the main idea of the readings, drafting annotations, preparing final papers, materials for conferences and presentations.

Keywords: teaching foreign languages at a non-language university, adapted text, text adaptation, adaptation.

Меркурьева Наталья Юрьевна

*Доцент, Московский государственный институт
международных отношений (университет)*

*Министерства иностранных дел Российской Федерации
nata2lya1@mail.ru*

Магдеева Альбина Рясимовна

*Доцент, Московский городской университет управления
Правительства Москвы им. Ю.М. Лужкова*

Аннотация: На примере текста научной статьи юридической тематики авторы рассматривают возможность использования на занятиях по практике английского языка учащимися бакалавриата, магистратуры, аспирантуры направления «юриспруденция» основных принципов адаптации – сокращения, подбора синонимичных слов и словосочетаний, изменения сложности предложений, всякого рода перефразирования. Показано, что подобная работа будет полезна учащимся для расширения вокабуляра, развития речевых навыков в плане построения устной и письменной речи при осуществлении таких видов учебной деятельности, как пересказ текста, формулирование ответов на вопросы по тексту и основной идеи прочитанного, составление аннотаций, подготовка выпускных квалификационных работ, материалов к конференциям и презентациям.

Ключевые слова: преподавание иностранных языков в неязыковом вузе, адаптированный текст, адаптация текста, адаптация.

Если в давние времена условием выживания для человека была адаптация к природным условиям, то в настоящее время к ней добавилась и необходимость адаптации к информационной среде. Тексты научного, религиозного, политического, юридического, медицинского содержания, созданные узкими специалистами, далеко не всегда понятны неспециалисту в данной сфере [Первухина, 2014]. Адаптированные тексты широко представлены в жизни современного человека любого возраста – это тексты школьных учебников, адаптированная художественная литература, тексты медицинского характера, адаптированные для пациентов и персонала, тексты внутренних инструкций в документообороте компании, комментарии к законам, газетные колонки-комментарии специалистов и пр. [Первухина, 2015б, с. 32]. Адаптированные тексты помогают справиться с проблемой ежедневного увеличения информационного потока, в котором непросто ориентироваться и из которого сложно получать необходимые знания в области новых технологий, медицины, юриспруденции и др. [Первухина, 2013, с. 165].

Адаптированный текст рассматривается исследователями как «вторичный текст, созданный для читателей, которые по каким-то причинам не могут понять текст-источник» [Первухина, 2015б, с. 32]. Такой текст изменен

в содержательном или формальном отношении, построен с учетом фоновых знаний, а также запросов потенциальных читателей [Первухина, 2015а, с. 59]. Адаптация понимается не только как приспособление текста для недостаточно подготовленных читателей [Баранцева, Семиглазова, 2018], но и как процесс переработки текста, включающий не просто упрощение, а «настройку» сообщения на другого адресата и другую ситуацию общения [Первухина, 2015а, с. 59; Хафизова, 2021, с. 266], как изменение текста, затрагивающее области, связанные с получением информации [Христофорова, Верховод, 2019, с. 466].

Исследователями и практиками признается важность использования адаптированных текстов на занятиях по практике иностранного языка [Лашкевич, 2020; Мирошникова, 2016; Христофорова, Верховод, 2019]. Работа с текстом лежит в основе развития всех языковых навыков, текст является одновременно и целью, и средством в процессе обучения иностранному языку [Мочалова, 2016, с. 393]. Умение создавать и использовать адаптированные специальные тексты осознается исследователями как важная образовательная компетенция [Романова, Косова, 2022, с. 67]. Использование адаптированных текстов в учебной деятельности «соотносится с принципом ситуативно-тематического представления учебного ма-

териала» и помогает преподавателю выбрать и подготовить языковой материал, соответствующий требованиям определенного уровня владения языком, тем самым создавая условия «накопления знаний для речевого общения» [Лашкевич, 2020, с. 536]. Задачей преподавателя при создании адаптированных текстов является подбор современных оригинальных материалов и подготовка их для занятий, что требует больших временных затрат, но делает занятия «живыми и интересными» [Мочалова, 2016, с. 396]. Разработка адаптированного научного текста «сопровождается необходимостью поиска наиболее оптимального репертуара языковых средств для передачи научной информации» [Хошмуратова и др., 2016].

В отличие от аутентичных текстов, без изменений взятых из профессионально-ориентированного контекста, адаптированные тексты несколько изменены в методических целях, «как правило, в сторону упрощения», для усиления их определенных характеристик [Ягнич, 2015, с. 96]. Потребность адаптировать профессионально-ориентированные тексты связана, в первую очередь, с отсутствием в них необходимых языковых явлений, а также с тем, что для работы с ними необходима языковая подготовленность студентов [Барабанова, 2003, с. 74]. При адаптации происходит сокращение, упрощение учебного материала, производится необходимое распределение языковых трудностей с целью достижения соответствия реальным возможностям и уровням знаний студентов [Ягнич, 2015, с. 98], производится замена сложной лексики на общедоступную, редукция и/или усечение объема сложных синтаксических структур, иногда сопровождающееся упрощением образной системы [Сорокина, 2010, с. 41]. Грамотная адаптация обеспечивает приведение учебных текстов по специальности в соответствие с потребностями учебного процесса и языковой компетенцией учащихся [Ягнич, 2015, с. 99].

Большинство исследователей изучают адаптированный и аутентичный тексты в сравнении или анализируют работу с ними преподавателя. Мы в настоящей работе рассмотрим возможности научить студентов самим адаптировать текст на занятиях по практике иностранного (английского) языка. Не подлежит сомнению тот факт, что подготовить высококачественный адаптированный текст юридического содержания для учебных целей под силу только специалисту, как владеющему средствами английского языка, так и являющемуся профессиональным юристом. По мнению С.В.Первухиной, специалист текст адаптирует, а неспециалист интерпретирует [Первухина, 2014, с. 98]. С одной стороны, студент бакалавриата 1 и 2 курса, будущий юрист, не является специалистом в английском языке и еще не овладел юридической специальностью. С другой стороны, для того, чтобы суметь адаптировать тексты профессиональной направленности в будущем, этому надо учиться заранее. Что касается практики адаптации аутентичных текстов

для магистрантов и аспирантов, уже получивших юридическое образование, то необходимость этого очевидна – преподавателям известно, что учащиеся неязыковых вузов любого уровня испытывают трудности, получая задание «перескажите текст», «перескажите своими словами», «сформулируйте основную идею», «ответьте на вопросы к тексту», и зачастую, выполняя подобное задание, просто зачитывают вслух или выписывают одно или несколько подходящих по смыслу предложений или их частей прямо из текста и пр.

В настоящей работе адаптацию текста будем понимать в прямом значении слова «адаптировать», производного от латинского *adapto*, имеющего значения «приспособлять», «подгонять», «прилаживать» [Etym. Dict.], как изменение текста с намерением использовать его определенным образом, в том числе в процессе изучения и употребления иностранного языка в условиях получения высшего образования.

Рассмотрим некоторые возможности работы с тестом с целью его адаптации на примере отрывка из статьи "The Deterrent Effect of Imprisonment" авторов С.В.Дурлауфа и Д.С.Нагина, которая представляет собой анализ состояния знаний о сдерживающем эффекте тюремного заключения, включает не только обширный обзор существующих исследований, но и собственную авторскую оценку современных представлений о тюремном заключении, его сдерживающем значении и последствий для политики. Следующий параграф является выдержкой из выводов исследователей, для удобства рассмотрения мы разделили его на предложения:

(1)First, we believe that policy recommendations should place particular value on evidence of the effectiveness of specific crime control treatments. (2)In our view, this emphasis has a strong analogy to the medical literature, where evidence of the efficacy of a particular drug regimen or specific preventive measure is of the highest value. (3)We would also conjecture that more attention should be paid to the effects of policies on particular types of crimes. (4)Again, in the spirit of our medical analogy, policies that are effective for one type of crime may have little effect on others. (5)For example, hot spots policing is unlikely to be effective in reducing crimes such as domestic violence or homicide that generally occur in nonpublic places. (6)Our point is that just as in medicine where a portfolio of treatments is required to address heterogeneous diseases, a well-designed crime-control policy requires a portfolio of crime-control treatments to address diversity in type of crimes and the people who commit them [Durlauf, Nagin, 2011, p. 85-86].

При работе с отдельными предложениями учащиеся смогут попробовать подбирать синонимы для определенных частей речи, использовать разные морфологические и синтаксические грамматические формы, что, в конечном счете, будет способствовать повышению

качества работы с языком, лучшему пониманию грамматических и лексических явлений и их использованию в практическом плане. Далее приведем некоторые формулировки заданий для упражнений и рассмотрим возможности выполнения таких заданий.

«В предложении (1) замените прилагательное *particular* на синонимичное прилагательное». В зависимости от количества выделенного времени, учащимся предоставляется возможность поработать с любым словарем или же преподаватель заранее делает список синонимов, как, например:

«В словаре Oxford Dictionary of Synonyms and Antonyms упоминаются следующие синонимы для слова *particular*: *individual, certain, distinct, separate, definite, precise, specific, special* и др. [Syn. and Ant. Dict., 2014, p. 297]. Подберите из них прилагательные, подходящие для замены слова *particular* в предложении (1), если словарь The Oxford Russian Dictionary предлагает следующие их значения:

individual – considered separately rather than as part of a group;

certain – used to mention a particular thing, person or group without giving any more details about it or them;

distinct – used to emphasize that you think an idea or situation definitely exist and is important;

definite – sure that sth is true or that sth is going to happen and stating it to other people;

precise – used to emphasize that sth happens at a particular time or a particular way;

separate – different, not connected;

specific – detailed and exact, connected with one particular thing only;

special – not ordinary or usual, different from one is normal. [Ox. Rus. Dict.]»

В задание может быть включена работа не только с одним словом, но и с любым словосочетанием, как «В предложении (6) замените сочетание *type of crimes* другим словосочетанием». Словарь «Reverso», например, предлагает синонимы *offence, wrongdoing, criminal act, delinquency, felony, violation, misdemeanor, misdeed* для слова *crime*, и синонимы *kind, sort, diversity, variant* и множество других для слова *type*, на основании которых учащиеся построят новые сочетания.

Для подбора грамматических форм можно использовать предложение (5): «В предложении (5) замените конструкцию Complex Subject *is unlikely to be* на другую грамматическую форму». Грамматическую форму можно указать или не указывать, предоставляя студентам свободу выбора. При включении модального глагола новое предложение будет иметь вид, например, как *For example, hot spots policing cannot / may not be effective in reducing crimes such as domestic violence or homicide that*

generally occur in nonpublic places. При употреблении слова наречного характера – как *For example, hot spots policing will not probably be effective in reducing crimes such as domestic violence or homicide that generally occur in nonpublic places* или *For example, hot spots policing, perhaps, will not be effective in reducing crimes such as domestic violence or homicide that generally occur in nonpublic places* и др.

Для сокращения можно взять предложение (3), в котором часть *We would also conjecture that* опускается без изменения основной идеи текста. На примере этой же части предложения текста-оригинала можно показать перефразирование – заменяя сочетание *We would also conjecture*, в зависимости от поставленных задач, фразами *we/the authors can suppose, we/the authors suppose* и др. В предложении (4) может быть элиминирована часть *Again, in the spirit of our medical analogy*.

Задание «Перепишите предложение (1), изменяя функции членов предложения» может быть выполнено, например, использованием сочетания *evidence of the effectiveness of specific crime control treatments* в качестве подлежащего, при этом группа сказуемого будет выглядеть как *should be of particular value*, обстоятельство – как *in policy recommendations*.

При успешном выполнении перечисленных упражнений учащиеся приступают к более сложным трансформациям, осуществляя сразу несколько изменений в одном предложении. Если задание «Перефразируйте» дать к предложению (2), то часть *In our view, this emphasis has* будет выглядеть, например, как *Here we see*, сочетание *strong analogy* – как *high resemblance*, сочетание *evidence of the efficacy* – как *proof of effectiveness* и пр. При перефразировании и сокращении объемного предложения (6) может быть получен вариант *For crimes reducing diversity in type of crimes and the people who commit them requires a well-designed crime-control policy like heterogeneous diseases require complex treatment measures*.

Студентам уровня бакалавриата, в связи с ограниченным количеством аудиторных часов, будет достаточно заданий на проведение лексико-грамматических замен и перефразирование. Магистрантам и аспирантам, после отработки подобных навыков, могут быть предложены задания на работу не с отдельными предложениями, а с целым параграфом. Такие задания, как «Изложите основную идею абзаца в письменной форме», «Произведите с текстом изменения, необходимые для его устного предъявления» будут включать комплексную адаптацию – и сокращение, и перефразирование, и подбор синонимов, и изменения сложности предложений.

Например, при подобном комплексном изменении предложения (2) – редуцировании части *In our view* и *this emphasis has a strong analogy to*, превращении дополне-

ния *the medical literature* в обстоятельство *in the medical literature*, использовании части сказуемого *the highest value* в качестве подлежащего, а подлежащего *evidence of the efficacy of a particular drug regimen or specific preventive measure* в качестве дополнения – оно превратится в простое распространенное предложение *In the medical literature, the highest value is evidence of the efficacy of a particular drug regimen or specific preventive measure*. Сочетания *medication regimen* и *treatment regimen* могут быть использованы вместо *drug regimen*, сочетание *evidence of the efficacy* – заменено сочетаниями *evidence of effectiveness*, *effectiveness evidence*, *proof of effectiveness* и др. При работе с предложением (6) возможна замена *Our point* на *From our perspective* или *As we deem*. Часть предложения *just as in medicine where a portfolio of treatments is required to address* при введении более формальной лексики может быть изменена на *The similar to medicine with therapeutic approaches targeting heterogeneous disorders*, словосочетание *a well-designed crime-control policy* трансформировано в *sound delinquency policies*, *crime-control treatments* – в *crime prevention practices*, глагол *to address* изменен на *to challenge*, выражение *people who commit them* – на одно слово *perpetrators*.

При изложении основной идеи абзаца можно посоветовать учащимся действовать пошагово. Для начала, аналогии с медициной, упоминаемые авторами в предложениях (2), (4) и (6), свести к одному предложению и употребить однократно. Здесь будут уместны клише *the authors compare*, *the authors make an analogy*, *the author resorts to comparisons*, например: *The authors compare crime-control treatments and medical treatments* или *The author resorts to comparisons crime-control treatments and medical treatments*. Следующий шаг – идеи, выдвигаемые

авторами в нескольких предложениях, изложить в одном. Для выполнения такого задания хорошо подойдут предложения (3), (4), (5), основную идею которых можно сформулировать примерно как *Hot spots policing, domestic violence or homicide policing should be different for reducing crimes*.

Понимая адаптацию не только как упрощение аутентичного текста, но как любое его изменение, производящееся с целью приспособления к использованию в разных ситуациях изучения и употребления языка, в настоящей статье мы предложили варианты заданий для работы над адаптацией текста научной статьи. Подобные задания позволят преподавателю при работе с учащимися бакалавриата, магистратуры, аспирантуры помочь им расширить вокабуляр, развить речевые навыки, ускорить подготовку к осуществлению таких видов учебной деятельности, как пересказ текста, формулирование ответов на вопросы по тексту и основной идеи прочитанного и др. Умение трансформировать текст, созданный для предъявления в письменной форме, в форму, пригодную для устного предъявления, будет полезным для учащихся всех перечисленных уровней при подготовке выпускных квалификационных работ, материалов к конференциям и презентациям, при ответах на экзаменах и зачетах, а учащимся магистратуры и аспирантуры с высоким уровнем владения языком – также при рецензировании, реферировании, аннотировании. Практика адаптации текстов может быть использована преподавателем при подготовке к занятиям со студентами разных уровней высшего образования и особенно актуальна в условиях постоянно изменяющейся реальности и изменений программ учебных дисциплин по иностранному языку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барабанова Г.В. Когнитивно-коммуникативные аспекты обучения профессионально-ориентированному чтению в неязыковом вузе: монография. Симферополь: Таврия, 2003. 256 с.
2. Баранцева О.А., Семиглазова К.П. Семантические трансформации в процессе адаптации художественного текста для учебных целей (на примере сказки О.Уайлда "Счастливый принц") // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. 2018. № 14. С. 13-18.
3. Лашкевич Н.А. Коммуникативные задания к адаптированному тексту. // В сборнике: Технологии обучения русскому языку как иностранному и диагностика речевого развития. Материалы XX Международной научно-практической конференции, посвященной 45-летию кафедры белорусского и русского языков учреждения образования «Белорусский государственный медицинский университет». Минск, 2020. С. 534-539.
4. Мирошникова Е.А. Адаптация текстового учебного материала при дифференцированном обучении иностранному языку // Вестник Бурятского университета. 2016. № 3. С. 229-234.
5. Мочалова Т.С. О выборе текста для начального этапа изучения языка. // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 6-2. С. 393-397.
6. Первухина С.В. Адаптированный текст: развитие понятия. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2015а. № 1 (146). С. 59-63.
7. Первухина С.В. Виды адаптации текста. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2014. Т. 11. № 1. С. 97-100.
8. Первухина С.В. Виды пресуппозиций в адаптированном тексте. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 6-1 (24). С. 165-168.
9. Первухина С.В. Характеристика адаптированного юридического текста // Язык и культура. 2015б. № 1 (29). С. 31-37.
10. Романова Н.А., Косова М.В. Адаптированный текст в современной специальной коммуникации: понятие, виды, свойства. // Primo Aspectu. 2022. № 4 (52). С. 61-68.
11. Сорокина Т.В. Актуальные вопросы перевода и адаптации научно-технических текстов. // Академический журнал Западной Сибири. 2010. № 1. С. 40-41.

12. Хафизова Э.И. Адаптация сложности текстов и текстовых заданий // Молодой учёный. 2021. № 12 (354) . С. 266-267.
 13. Хошмуратова И.П., Абутова З., Каландарова Г. Принципы составления адаптированного текста с использованием медицинской терминологии. // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 10-2. С. 45-47.
 14. Христофорова Н.И., Верховод А.С. К вопросу об адаптированных текстах и терминологии в специализированных учебных текстах. // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 1 (74). С. 466-467.
 15. Ягнич А.Я. Аутентичный и адаптированный тексты для профессионально-ориентированного чтения студентов неязыковых вузов. // Обучение и воспитание: методики и практика. 2015. № 20. С. 94-100.
 16. Durlauf S.N., Nagin D.S. The Deterrent Effect of Imprisonment. // Controlling Crime: Strategies and Tradeoffs. Chicago: University of Chicago Press, 2011. P. 43-94.
 17. Online Etymology Dictionary. <https://www.etymonline.com>. (дата обращения 10.11. 2024)
 18. The Oxford Dictionary of Synonyms and Antonyms. Oxford: Oxford University Press, 2014. 470 p.
 19. The Oxford Russian Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 2007. 1321 p.
 20. «Reverso» Dictionary <https://context.reverso.net> (дата обращения 7.09.2024.)
-

© Меркурьева Наталья Юрьевна (nata2lya1@mail.ru), Магдеева Альбина Рясимовна.
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРОФОРИЕНТАЦИИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ

INNOVATIVE TECHNOLOGIES IN CAREER GUIDANCE OF FUTURE TEACHERS

**O. Mikhailova
R. Baturina
I. Pleshchev
T. Bochkareva
E. Morozov**

Summary: The article explores modern innovative technologies of career guidance activities in pedagogical universities, adapted to the requirements of the digital transformation of the educational environment. The author presents an analysis of effective career guidance tools, including pedagogical business games, quests, SWOT analysis, and practical work in educational technology parks, with an emphasis on pedagogical classes as a mechanism for early professional orientation. The key strategic tasks of effective career guidance in pedagogical universities are identified: development of social partnerships, creation of specialized infrastructure, regional monitoring of personnel needs, and support for pedagogically gifted youth. The position is substantiated that the systematic application of innovative career guidance technologies contributes to the formation of a motivated student contingent prepared for professional pedagogical activities in the digital educational environment.

Keywords: career guidance, pedagogical education, innovative technologies, digitalization of education, pedagogical classes, professional self-determination, educational technology parks, teacher training.

Михайлова Ольга Петровна

Кандидат педагогических наук, доцент, Альметьевский филиал Казанского национального исследовательского технического университета имени А.Н. Туполева-КАИ
m.olga-kai@mail.ru

Батурина Роза Валентиновна

Кандидат педагогических наук, доцент, Альметьевский филиал Казанского национального исследовательского технического университета имени А.Н. Туполева-КАИ
baturina-roza@mail.ru

Плещёв Игорь Евгеньевич

Кандидат медицинских наук, доцент, Ярославский государственный медицинский университет
doctor.pleshyov@gmail.com

Бочкарева Татьяна Сергеевна

Кандидат педагогических наук, доцент, Оренбургский государственный университет
bochkarevatc@rambler.ru

Морозов Евгений Александрович

Кандидат филологических наук, доцент, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова
buddenbroki@mail.ru

Аннотация: Статья исследует современные инновационные технологии профориентационной деятельности в педагогических вузах, адаптированные к требованиям цифровой трансформации образовательной среды. Автором представлен анализ эффективных профориентационных инструментов, включающих педагогические деловые игры, квесты, SWOT-анализ и практическую работу в образовательных технопарках, с акцентом на педагогические классы как механизм ранней профессиональной ориентации. Определены ключевые стратегические задачи эффективной профориентации в педагогическом вузе: развитие социального партнерства, создание специализированной инфраструктуры, региональный мониторинг кадровых потребностей и поддержка педагогически одаренной молодежи. Обоснована позиция, что системное применение инновационных технологий профориентации способствует формированию мотивированного студенческого контингента, подготовленного к профессиональной педагогической деятельности в условиях цифровой образовательной среды.

Ключевые слова: профориентация, педагогическое образование, инновационные технологии, цифровизация образования, педагогические классы, профессиональное самоопределение, образовательные технопарки, подготовка педагогических кадров.

Введение

Современное образование переживает трансформацию, требующую новых подходов к профориентации в педагогической сфере. Приоритетом становится не только привлечение абитуриентов в педвузы, но и формирование у них устойчивой профессиональной мотивации. Цифровизация образования повышает спрос на педагогов с развитыми технологическими компетенциями, способных эффективно работать в современной образовательной среде.

Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации очертила фундаментальные направления развития образования, среди которых выделяется формирование технологического базиса, способствующего «переходу к передовым технологиям проектирования» и эффективному использованию «технологий машинного обучения и искусственного интеллекта» [1]. В этих условиях именно профориентационная работа становится ключевым инструментом, помогающим молодым людям в осознанном профессиональном самоопределении в сфере педагогики.

Основное противоречие состоит в разрыве между растущими требованиями к цифровым компетенциям педагогов и недостаточной эффективностью традиционных методов профориентации в педвузах. Существующая система не учитывает особенности цифрового поколения и не использует инновационные технологические решения для формирования осознанной профессиональной мотивации.

Цель работы — разработка и обоснование системы инновационных профориентационных технологий, повышающих эффективность профессионального самоопределения будущих педагогов в условиях цифровой трансформации образования.

Теоретическая значимость: расширены научные представления о профориентации в педагогическом образовании в цифровую эпоху; разработана концепция инновационных технологий профориентации; выявлены закономерности формирования педагогической мотивации; сформулированы критерии эффективности новых подходов; уточнен понятийный аппарат в данной области.

Практическая ценность: создана применимая система инновационных профориентационных технологий (деловые игры, квесты, SWOT-анализ, технопарки); разработана адаптивная модель для различных педвузов; предложены методические рекомендации по организации педагогических классов и цифровых мероприятий; материалы применимы в работе приемных комиссий и в системе повышения квалификации профориентологов.

Материалы и методы исследований

В условиях современных вызовов цифровой эпохи именно профориентационная работа становится ключевым инструментом, помогающим человеку в осознанном профессиональном самоопределении. Концепция подготовки педагогических кадров для системы образования на период до 2030 года предусматривает в числе прочих меры по выявлению, отбору и сопровождению педагогически одаренной молодежи. Эти меры включают реализацию программ профессиональной ориента-

ции и дополнительного предпрофессионального развития школьников, ориентированных на педагогические профессии, а также поддержку деятельности профильных классов психолого-педагогической направленности [5, с. 49].

Интенсивная цифровизация экономического пространства и эволюция производственных парадигм выдвигают новые требования к квалификационному портрету современного педагога. Успешная профессиональная реализация сегодня неразрывно связана с развитием компетенций, обеспечивающих конкурентоспособность, профессиональную мобильность и способность оперативно адаптироваться к динамичным условиям рынка труда. Фундаментом такой подготовки становится интеграция инновационных образовательных технологий в систему профориентационной работы.

В современных реалиях обучающиеся – будущие педагоги должны обладать возможностью активно участвовать в процессах трансформации образовательной среды через механизмы направляемого или автономного обучения. Причем этот потенциал должен реализовываться не только на персональном уровне, но и в коллективном и социальном измерениях, позволяя молодым людям становиться полноценными субъектами цифрового образовательного пространства.

Достижение этой масштабной цели в контексте прогрессирующей цифровизации экономических процессов требует существенного переосмысления форматов профориентационной деятельности в педагогической сфере. Необходимо создать условия для осознанного профессионального самоопределения школьников, формирования их гражданской позиции и, возможно, соучастия в определении векторов дальнейшего развития образовательной системы.

Анализируя актуальные тенденции цифровой трансформации как в России, так и в глобальном масштабе, мы фиксируем возрастающие ожидания к системе школьного образования в контексте подготовки молодого поколения к реалиям цифровой эпохи. Становится всё более очевидным, что ключевыми компетенциями становятся: способность к аналитическому осмыслению цифровых процессов (критическое мышление), комплексное понимание позитивных и негативных аспектов цифровизации (системное мышление), а также навыки коллаборативного участия в преобразовательных процессах [2, с. 62]. В современных условиях простое повышение уровня цифровой грамотности уже не обеспечивает полноценной синхронизации с динамичным развитием цифровых технологий. Принципиально важным становится переосмысление подходов к профориентационной деятельности в школьной среде, ориентированной на педагогические специальности. Необходимо выстраивать

такую систему профессиональной ориентации, которая бы соответствовала актуальным вызовам цифровой экономики и способствовала формированию у школьников мотивации к выбору педагогической профессии, где они смогут применять и развивать цифровые компетенции.

При этом наиболее значимым вопросом, по оценкам В.А. Болотова и коллег, становится подготовка педагогов нового типа, соответствующих запросам и потребностям общества в условиях глобальных трансформаций жизненной и профессиональной среды деятельности человека [6, с. 74].

Профессиональная ориентация – это система научно-практической подготовки молодежи к свободному и самостоятельному выбору профессии [3, с. 31].

В эпоху цифровизации профессиональная ориентация трансформируется, сохраняя свою сущность как системы научно-практической подготовки молодежи к осознанному и самостоятельному выбору профессии, но приобретая новые черты и инструменты. Профессиональная ориентация в современном понимании – это комплексная система мероприятий, обогащенная цифровыми технологиями, направленная на подготовку молодого поколения к выбору профессионального пути с учетом требований цифровой экономики, личностных предпочтений и социальных потребностей общества.

Практическая реализация этой цели предполагает формирование у школьников социально-значимых внутренних (психических) регуляторов поведения и мотивов деятельности: воспитание уважительного отношения к различным видам труда, становление личностной позиции в профессиональном самоопределении. Данная проблема комплексная, включающая социальные, экономические, психологические, педагогические, медико-физиологические аспекты, которые действуют одновременно и взаимосвязано [4, с. 307].

Современная профориентация в педагогической сфере использует цифровые ресурсы (образовательные платформы, виртуальные стажировки, цифровые портфолио), помогая молодежи соотнести личные склонности к преподаванию с требованиями цифровой образовательной среды и актуальными потребностями в педагогах нового формата, владеющих современными технологиями и способных эффективно интегрировать их в образовательный процесс.

Несмотря на разнообразие подходов к подготовке учителей в мировой практике, большинство образовательных систем, как отмечают N.A. Raduan и S.I. Na, придерживаются структурированного и формализованного подхода к профессиональному развитию педагогов «на всех этапах его профессиональной карьеры, включая

профессиональное обучение, прием на работу, аттестацию и повышение квалификации и возможности карьерного роста» [7, с. 428]. При этом исследования L. McLean и соавторов демонстрируют, что фундамент успешной педагогической карьеры закладывается «уже на этапе профессионального выбора складываются условия, обеспечивающие успешную педагогическую деятельность в случае, если этот выбор был сделан по призванию и глубоко внутренне детерминирован» [8, с. 204].

Согласно исследованиям S. Romero-Rodríguez и его команды, эффективная профориентационная работа способствует тому, «что образовательные программы привлекают обучающихся», что в конечном итоге положительно влияет на общее качество образовательного процесса [9, с. 248].

В педагогическом вузе ключевой целью профориентационной деятельности выступает поддержка в профессиональном самоопределении тех, кто планирует связать свою карьеру с преподаванием. P. Perillo выделяет «профессиональное информирование, диагностика, консультирование, профессиональные пробы и стажировки как ключевые профориентационные технологии, способствующие профессиональному самоопределению» [10, с. 2].

Результаты и обсуждения

Реализуя эту задачу, современные педагогические вузы внедряют инновационную систему методов с активным использованием цифровых решений: интерактивные онлайн-платформы для знакомства с педагогическими специальностями, цифровую диагностику педагогических склонностей на основе анализа данных, виртуальные консультации по проектированию образовательной карьеры, а также технологически насыщенные практикумы, включающие иммерсивные педагогические симуляции и смешанные стажировки с элементами дополненной реальности. Эти современные образовательные технологии помогают абитуриентам и студентам не только утвердиться в выборе педагогической профессии, но и сформировать необходимые цифровые компетенции для успешной работы в образовательной среде будущего.

Современные профориентационные подходы в педагогическом образовании включают несколько ключевых форматов. Деловые педагогически ориентированные игры предоставляют абитуриентам и студентам возможность:

- моделировать реальные образовательные ситуации, принимая различные педагогические роли (учитель-предметник, педагог-психолог, тьютор);
- разрабатывать образовательные проекты;
- развивать Hard-skills (проектирование уроков, создание дидактических материалов) и Soft-skills

(коммуникативные навыки, эмпатия, организаторские способности).

Педагогические квесты, проводимые через маршруты по факультетам и лабораториям вуза, знакомят с различными направлениями педагогической деятельности. Участники решают профессиональные кейсы, моделируют уроки и разрабатывают дидактические материалы с инновационными методиками, что демонстрирует многообразие педагогических специализаций.

SWOT-метод в профориентации позволяет системно оценить возможности в педагогической деятельности. Абитуриенты анализируют свои сильные стороны, выявляют пробелы в знаниях, определяют возможности развития и потенциальные вызовы образовательной среды, что способствует осознанному выбору образовательной траектории.

Педагогические технопарки и образовательные лаборатории (цифровой дидактики, VR-студии, мастерские педагогического дизайна) знакомят с современными образовательными технологиями. Создавая цифровые ресурсы, проектируя интерактивные уроки с дополненной реальностью, будущие педагоги формируют представление о педагогике как о динамичной, технологически насыщенной профессии.

Создание специализированных педагогических классов на базе школ-партнеров представляет собой эффективный инструмент ранней профориентации. Педагогический предуниверсарий функционирует как образовательная программа для старшеклассников, ориентированных на педагогическую профессию. Учащиеся таких классов изучают основы педагогики и психологии, участвуют в педагогических практикумах, проводят исследования образовательных процессов, организуют развивающие занятия для младших школьников под руководством наставников из педагогического вуза. Особенностью программы является интеграция педагогических дисциплин в основную школьную программу и организация проектной деятельности педагогической направленности.

Эффективное использование образовательных технологий в профориентационной деятельности педагогического вуза должно сопровождаться реализацией комплекса стратегических задач.

Первостепенное значение имеет обеспечение социального партнерства через многоуровневое взаимодействие педагогического вуза с образовательными организациями региона. Это предполагает:

- создание сети базовых школ;
- организацию педагогических классов;
- проведение совместных профориентационных

мероприятий;

- формирование единой региональной платформы педагогического профессионального самоопределения.

Такое партнерство позволяет выстраивать непрерывную траекторию педагогического образования «школа—вуз—профессия».

Не менее важным является создание инфраструктуры профориентационной деятельности педагогической направленности. Это включает формирование специализированной информационной среды (педагогические профориентационные порталы, виртуальные кабинеты педагогических профессий), развитие материально-технической базы (симуляционные педагогические классы, педагогические технопарки), разработку методических материалов по педагогической профориентации с учетом современных образовательных трендов. Необходимо также определить четкие критерии и показатели эффективности профориентационной деятельности, ориентированные на педагогические специальности.

Особого внимания заслуживает внедрение технологии мониторинга профориентационной деятельности педагогического вуза, обеспечивающего соответствие реализуемых мероприятий стратегии кадровой политики региона в сфере образования. Данный мониторинг должен учитывать текущую и прогнозируемую потребность в педагогических кадрах различных специализаций, включая новые педагогические профессии (тьютор, педагог-куратор индивидуальных образовательных траекторий, разработчик образовательных онлайн-платформ).

Обязательным элементом профориентационной стратегии педагогического вуза является формирование системы материальной поддержки педагогически одаренной молодежи. Это может реализовываться через целевые стипендиальные программы для абитуриентов и студентов, продемонстрировавших высокий педагогический потенциал, грантовые конкурсы педагогических инициатив, систему премирования участников и победителей педагогических олимпиад и конкурсов.

Ключевым фактором успеха становится повышение квалификации педагогических работников, отвечающих за организацию профориентационной деятельности педагогической направленности. Это требует разработки специализированных программ для профориентологов, работающих в сфере педагогического образования, проведения методических семинаров по инновационным технологиям педагогической профориентации, создания профессиональных сообществ специалистов по привлечению в педагогическую профессию.

Выводы

Таким образом, комплексное решение данных задач обеспечивает эффективную подготовку абитуриентов к осознанному выбору педагогической профессии, позволяет им освоить на теоретическом и практическом уровне базовые педагогические компетенции, способству-

ет формированию профессионально-педагогической идентичности и развитию ценностных оснований выбора педагогической деятельности. В конечном итоге, это создает фундамент для формирования мотивированного контингента студентов педагогического вуза, ориентированных на дальнейшую педагогическую карьеру и осознающих свою миссию в образовании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Указ Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // КонсультантПлюс URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207967/ (дата обращения: 24.03.2025).
2. Герасимова, О.Ю. Технологии цифрового образования: Учебное пособие / О.Ю. Герасимова, Т.В. Гарнышева, Р.М. Галиев. – Казань: ООО «Бук», 2024. – 106 с. – ISBN 978-5-907910-49-2. – EDN AXTDLH.
3. Зулунова Г.В. Профориентационная работа в школе // Начальная школа. – 2011. – № 5. – С. 31-34.
4. Ключова, В.В. Возможности педагогического вуза в организации профориентации школьников / В.В. Ключова, Г.А. Яркова // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 2. – С. 307. – EDN RXUQQR.
5. Тарасов, С.В. Роль профориентационной деятельности педагогического вуза в профессиональном самоопределении абитуриентов / С.В. Тарасов, Е.Б. Спасская // Образование и наука. – 2023. – Т. 25, № 10. – С. 45-75. – DOI 10.17853/1994-5639-2023-10-45-75. – EDN XJTBRU.
6. Педагогическое образование в контексте вызовов и проблем XXI века: актуальность трансформации / В.А. Болотов, М.Л. Левицкий, И.М. Реморенко, В.В. Сериков // Педагогика. – 2020. – Т. 84, № 12. – С. 73-86. – EDN RHQPVP.
7. Raduan N.A., Na S.I. An integrative review of the models for teacher expertise and career development // European Journal of Teacher Education. 2020. Vol. 43. № 3. P. 428–451. DOI: 10.1080/02619768.2020.1728740 10.
8. McLean L., Taylor M., Jimenez M. Career choice motivations in teacher training as predictors of burnout and career optimism in the first year of teaching // Teaching and Teacher Education. 2019. Vol. 85. P. 204–214. DOI: 10.1016/j.tate.2019.06.020
9. Romero-Rodríguez S., García-Jiménez E., Moreno-Morilla C., Mateos-Blanco T., Stalder B.E., Kersh N. Career guidance: A key factor in success pathways in VET (Andalusia, Spain). In: Nägele C., Stalder B.E., Kersh N. (Eds.). Trends in Vocational Education and Training Research. Proceedings of the European Conference on Educational Research (ECER): Trends in Vocational Education and Training Research. Vol. III. 2020. p. 248–257. DOI: 10.5281/zenodo.400704
10. Perillo P. Transition in Education. Internship and Vocational Guidance Counselling for Educators // R&E-SOURCE. Open Online Journal for Research and Education. 2015. Special Issue #2. Available from: <https://journal.ph-noe.ac.at/index.php/resource/article/view/201> (date of access: 30.03.2025).

© Михайлова Ольга Петровна (m.olga-kai@mail.ru), Батурина Роза Валентиновна (baturina-roza@mail.ru), Плещёв Игорь Евгеньевич (doctor.pleshyov@gmail.com), Бочкарева Татьяна Сергеевна (bochkarevatc@rambler.ru), Морозов Евгений Александрович 9buddenbroki@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РАЗГОВОРНЫЙ КЛУБ ДЛЯ ИЗУЧАЮЩИХ РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНОСТРАННЫЙ: ЦЕЛИ, СОДЕРЖАНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Нерсисян Кристина Арменаковна

Ассистент, Санкт-Петербургский государственный
университет
k.nersisyan@spbu.ru

CONVERSATION CLUB FOR LEARNERS OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE: GOALS, CONTENT AND PERSPECTIVES

K. Nersisian

Summary: This article is devoted to the problems of organizing extracurricular activities for students studying Russian as a foreign language. A popular form of such activities in linguistic and non-linguistic environments is a conversation club. The analysis of existing Russian language conversation clubs presented in this article allows us to find out the common structural elements, similarities and differences in the thematic content, as well as the peculiarities of the formats used. Taking into account the identified characteristics of conversation clubs operating in different Russian universities, the author proposes to make adjustments to the conversation club program created for the Preparatory Faculty and additional educational programs of St. Petersburg State University. The generalization of the characteristics of Russian language conversation clubs can be useful both for teachers planning to create their own conversation club and for methodologists developing the program of the club within the department/faculty.

Keywords: extracurricular activities, conversation club, comparative analysis, development of oral-speech skills, Russian as a foreign language.

Аннотация: Данная статья посвящена проблемам организации внеаудиторной деятельности студентов, изучающих русский язык как иностранный. Популярной формой такой деятельности в языковой и неязыковой среде является разговорный клуб. Представленный в статье анализ существующих разговорных клубов русского языка позволил обнаружить общие структурные элементы, сходства и различия в тематическом наполнении, а также особенности используемых форматов. Учитывая выявленные характеристики разговорных клубов, действующих в разных российских университетах, автор предлагает внести коррективы в программу разговорного клуба, созданную для подготовительного факультета и дополнительных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного университета. Обобщение характеристик разговорных клубов русского языка может быть полезно как для преподавателей, планирующих создать свой разговорный клуб, так и для методистов, разрабатывающих программу клуба в рамках кафедры/факультета.

Ключевые слова: внеаудиторная деятельность, разговорный клуб, сравнительный анализ, развитие устно-речевых умений, русский язык как иностранный.

Введение

Разговорный клуб считается одной из форм внеаудиторной деятельности студентов, изучающих иностранный язык. Как и в других формах такой деятельности (экскурсии, олимпиады, конкурсы, лектории, студенческие конференции), работа разговорного клуба направлена на развитие иноязычных языковых навыков и речевых умений, а также на расширение культурологических, социолингвистических и страноведческих знаний.

За последнее десятилетие разговорный клуб для изучающих русский язык как иностранный стал одной из самых популярных форм внеаудиторной работы. Регулярные встречи проводятся как в языковых школах, так и в университетах.

В методической литературе встречаются разные определения разговорного клуба. Данный вопрос был широко представлен нами ранее [1], однако отметим, что в последние годы разговорный клуб чаще всего определяется как формат совместного обучения [2], метод реализации коммуникативного подхода [3], средство обучения речевой деятельности [4], средство

создания искусственной языковой среды [5], занятие, в ходе которого целенаправленно отрабатывается навык говорения [6], среда многоуровневого диалога культур и пространство для реализации интерактивных образовательных технологий [7].

Терминологическое разнообразие и разные определения не противоречат концепции разговорного клуба – это регулярные встречи заинтересованного круга лиц, желающих практиковаться в говорении на иностранном языке в неформальной (внеаудиторной) обстановке. Согласно общепринятому мнению, основная цель разговорного клуба – развитие и совершенствование устно-речевых умений, преодоление языкового барьера и погружение в языковую среду.

К сожалению, большинство существующих разговорных клубов не предоставляют исчерпывающей информации о их структуре и формате: как правило, это реклама для студентов, которые хотели бы в свободное от учебы время практиковаться в иноязычной устной речи. Однако даже минимальных сведений достаточно, чтобы выявить сходства и различия разговорных клубов.

Цель статьи – систематизация опыта разговорных клубов РКИ, разнообразия их форм, а также методов и подходов, реализуемых в них.

Методология

Для выявления особенностей организации внеаудиторной деятельности нами были проанализированы анонсы 11-ти разговорных клубов:

1. Разговорный клуб Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ);
2. Международный клуб Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина (ИРЯП);
3. Разговорный клуб в рамках проекта «О русском по-русски»;
4. Проект Высшей школы экономики «Русский разговорный клуб»;
5. Русский разговорный клуб Томского государственного университета (ТГУ);
6. Разговорный клуб для изучающих русский язык;
7. Day2Day Russian;
8. Разговорный клуб «Просто о русском» Санкт-Петербургского Политехнического университета Петра Великого;
9. Русский разговорный клуб Тюменского государственного медицинского университета;
10. Разговорный клуб Алтайского государственного университета;
11. Разговорный клуб Высшей школы перевода Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (МГУ).

Основными методами данного исследования являются наблюдение для выявления тем и форматов встреч разговорных клубов, сравнительный анализ, с помощью которого сопоставляются разные модели разговорных клубов, а также статистические методы для обобщения собранных данных.

Результаты

Разговорный клуб СПбГУ проводит свои встречи один раз в две недели и предлагает разный формат: онлайн и офлайн. При этом в очном формате участвуют иностранные студенты с уровнем владения русским языком B1+, а в дистанционном могут принимать участие все желающие. Встречи разговорного клуба являются тематическими:

- темы затрагивают социально-бытовую и социокультурную сферы: «Привычки, которые помогают», «Наши хобби сейчас и раньше», «Лето не за горами», «Наши путешествия», «Национальные блюда и кухни мира», «Стереотипы: как они влияют на нашу жизнь», «В мире социальных сетей», «Наш мир через 100 лет: технологии будущего», «Искусственный интеллект и его влияние на нашу

жизнь», «Прокрастинация – друг или враг?», «Как чувствовать себя отлично: секреты режима дня»;

- направлены на развитие культурологической и лингвосоциокультурной компетенций: «В мире русских сказок», «Пасхальные традиции» и др.

В клубе проводятся киновстречи («Новогодние фильмы») и музыкальные встречи («Музыка нас связала»).

Международный клуб ИРЯП [8] предлагает встречи 1 раз в неделю в течение семестра (продолжительность – 2 академических часа). Ведущими разговорного клуба являются 3-4 человека. Материалы для встреч рассылаются участникам заранее.

Русский разговорный клуб ТГУ [9] проводит еженедельные офлайн-встречи, которые распределяются по семестрам. Проанализировав программу этого разговорного клуба, мы заметили, что большинство тем повторяется, однако возможно включение новых тем.

Тематика встреч касается разных аспектов:

- социально-бытовой: «Социальные сети», «Студенческая жизнь», «Этикет», «Привычки», «Каким ты хочешь быть?», «Эмоции», «Общение в разных ситуациях», «Давайте познакомимся», «Как начать диалог»;
- социокультурный: «Праздник к нам приходит», «Международный женский день», «Широкая Масленица», «Хэллоуин»;
- социолингвистический: «Квиз», «Идиомы», «Факты о языках мира», «Как это по-русски» (игры), «Сленг», «Имена»;
- культурологический: «Приятного аппетита», «Страны. Города», «Привет, лето», «Привет, весна», «Традиционные блюда», «В мире путешествий», «Любимые места в Томске», «Люди, на которых я хочу быть похож», «Приметы», «Здоровье», «Спорт», «Драгоценный сон», «Искусство», «Вперед в будущее», «Загадочная русская душа» и др.

Дополнительно в клубе организуются киновстречи (обсуждение фильмов «Питер-FM», «Кот в сапогах», «По щучьему велению»), музыкальные встречи («Музыкальная пауза»).

Разговорный клуб «О русском по-русски» [10] предлагает встречи для студентов с разным уровнем владения РКИ (A2, B1, B2-C1) в формате онлайн (группы не более 6 человек). Каждая встреча длится 80 минут. Отметим, что клуб является платным, встречи организуются по мере набора групп. На каждой неделе темы разные: тематическая встреча, культурологическая встреча, литературная встреча, музыкальная встреча и киновстреча.

Для уровня B1 предлагаются следующие темы:

- Тематическая встреча: «Настоящий успех –

это...»;

- Киновстреча: «Киновелла *«Этюд в светлых тонах»*»;
- Культурологическая встреча: «Жизнь вещей»;
- Музыкальная встреча: «Слушаем русские песни и обсуждаем их».

При обсуждении иногда добавляется грамматический аспект: например, встреча, посвященная законам, традициям и приметам, предполагает развитие навыков употребления видов глагола.

Проект **Высшей школы экономики «Русский разговорный клуб»** [11] предполагает еженедельные встречи в формате онлайн. Разграничения по уровням отсутствуют, однако в описании каждой встречи указано, что предпочтительный минимальный уровень владения РКИ – А2. Приведем некоторые примеры предлагаемых тем: «Культура собеседований в России», «Культура еды в России», «День всех влюбленных», «Ментальное здоровье», «Спорт и здоровый образ жизни», «Свободное время», «Музыка», «Кино», «Зимние приключения: чем заняться зимой в Москве», «Путешествия», «Путешествие сквозь страницы классиков», «Шопинг», «Праздники в России», «Жизнь в большом городе: за и против», «Медицина в России», «В мире животных и растений», «Технологии будущего: смартфоны, ноутбуки и умный дом», «Образование в России», «Молодежь в современном мире», «Реклама в нашей жизни», «Москва твоими глазами», «Как справиться с рутиной в жизни?», «Почему мы грустим осенью?», «Суеверия в России», «Литературный Тиндер».

Студенты могут заранее познакомиться с тематической лексикой. После проведения встречи руководители проекта рассылают участникам использованные материалы, презентацию, анализ допущенных ошибок и форму для обратной связи.

Отличительной особенностью этого разговорного клуба являются встречи «Повторение – мать учения», которые необходимы для обобщения и систематизации пройденного материала.

Встречи в «**Клубе русского языка**» [12] проходят онлайн один раз в неделю: в стандартной группе (5-7 человек) встреча длится 1 час 15 минут, а в мини-группе (2-3 человека) – 50 минут. Количество участников определяется заранее. Минимальный уровень владения РКИ – Базовый (А2). Участие в этом клубе платное.

Темы не повторяются, материалы рассылаются студентам заранее. Формат встреч разный: тематическая встреча, киноклуб, литературный клуб.

Бесплатный «**Разговорный клуб для изучающих**

русский язык» [13] предназначен для студентов, владеющих РКИ на Базовом уровне (А2). Еженедельные встречи проходят только в режиме онлайн. Предлагаемые темы относятся к социально-бытовой и социокультурной сферам общения: «Международный женский день», «Подготовка к Новому году», «Тайны и мифы городов», «Зимние виды спорта и другие активности», «Зимняя поэзия», «Русский язык в современном мире», «Время – деньги», «Москвичи и петербуржцы», «Полезные привычки», «Свободное время», «Ты не ты, когда голоден», «О кино», «Чтение и обсуждение новостей», «Дети и семья», «О дружбе», «Психологи, психиатры и психотерапевты», «Рейтинг счастья», «Жизнь одного человека».

В рамках работы клуба организуются методические встречи («Ответы на вопросы о грамматике и лексике»), дебаты («Жить в моменте, жить планами: за и против»; «Быть наемным сотрудником или фрилансером»), литературные встречи («Пушкин», «Маленький принц на русском»), а также круглый стол («Встреча за чашкой чая»).

Разговорный клуб **Day2Day Russian** [14] рассчитан на студентов, владеющих РКИ на уровне А2 и В1. Тематика встреч частично совпадает:

- Для А2 – «Россия, о которой вы не знали», «Культурный отдых vs активный отдых», «Виртуальная экскурсия по городам России», «Виртуальная жизнь vs реальная жизнь», «Если бы я был(а)...»
- Для В1 – к указанным темам добавлены «Поговорим о кино», «Какую специальность выбрать?» и «Где можно учиться и работать в России».

Русский разговорный клуб Тюменского государственного медицинского университета [15] работает в течение учебного года и организует 10 встреч. Предусмотрены разные направления разговорного клуба: тематические встречи, музыкальные, театральные («Слет Дедов Морозов»), игровые, литературные (анализируются художественные тексты, например, сказки).

При обсуждении тем используются грамматические упражнения. После встречи все материалы рассылаются участникам.

Разговорный клуб Алтайского государственного университета [16] приглашает студентов, владеющих РКИ минимум на Базовом уровне (А2) – 7 встреч по 2 академических часа. Клуб функционирует в двух форматах: традиционном (офлайн) и дистанционном (онлайн). В традиционном формате преподаватель выступает в роли ведущего, а также приглашаются носители русского языка. Дистанционный формат регулируется ведущим, ассистентом и модератором: ведущий задает тему встречи, ассистент активно вовлекает учащихся в диалоги, а модератор следит за технической стороной (камеры, микрофоны).

Организаторы **разговорного клуба Высшей школы перевода Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова** [17] предлагают следующие формы:

1. Цикл лекций «Из истории...», направленный на расширение лингвокультурной и лингвострановедческой компетенций;
2. Дискуссии (обсуждение социальных проблем);
3. Пешеходные экскурсии и поездки;
4. Игры и викторины;
5. Творческие мастерские (мастер-классы).

Отметим, что организаторы составляют проспекты к каждой встрече, в которых указывается тема встречи, цитата, краткий план, лексическая составляющая встречи, фотографии, схемы (для мастер-классов), анонс следующей встречи.

Приведем несколько примеров тем разговорного клуба: «Из истории рукоделия», «Из истории российского кинематографа», «Из истории Нового года и Рождества», «Из истории Масленицы», «Из истории Пасхи».

Разговорный клуб «Просто о русском» [18] Политехнического университета – дополнительная образова-

тельная программа, после освоения которой выдается сертификат. В этом проявляется его отличие от рассмотренных выше разговорных клубов. Данный клуб предлагает офлайн-встречи 1 раз в неделю по 2 академических часа, продолжительность программы – 3 месяца.

Обсуждение

Отметим, что расписание разговорных клубов, созданных на базе университетов, соотносится с учебными занятиями, поэтому они не проводятся во время зимних и летних каникул. Большинство разговорных клубов предусматривает не только различный формат (очный и дистанционный), но и разные формы: от традиционных тематических до музыкальных и методических. Минимальным требованием для участия в разговорных клубах является владение РКИ на Базовом уровне (A2), но могут участвовать и иностранные студенты с более высоким уровнем.

Сравнение характеристик разговорных клубов представлено в табл. 1.

При выборе тем организаторы и модераторы разговорных клубов ориентируются, в основном, на соци-

Таблица 1.

Сравнительная характеристика разговорных клубов.

Название клуба	Периодичность встреч	Планирование встреч	Встреча для студентов с разным уровнем владения РКИ	Повторяемость тем	Возможность бесплатного участия	Разнообразие форматов
Разговорный клуб Санкт-Петербургского государственного университета	1 раз в 2 недели	да	нет	нет	да	да
Международный клуб Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина	1 раз в неделю	да	да	нет	да	да
Разговорный клуб проекта «О русском по-русски»	1 раз в неделю	нет	нет	нет	нет	да
Проект Высшей школы экономики «Русский разговорный клуб»	1 раз в неделю	да	да	нет	да	нет
Клуб русского языка	1 раз в неделю	нет	нет	нет	нет	да
Русский разговорный клуб ТГУ	1 раз в неделю	да	да	да	да	да
Разговорный клуб для изучающих русский язык	1 раз в неделю	да	да	да	да	да
Day2Day Russian	—	нет	нет	да	да	нет
Разговорный клуб «Просто о русском» Политехнического университета	1 раз в неделю	да	нет	нет	нет	нет
Русский разговорный клуб Тюменского государственного медицинского университета	10 встреч в уч. году	да	да	нет	да	да
Разговорный клуб Алтайского государственного университета	7 встреч в уч. году	да	да	нет	да	да
Разговорный клуб Высшей школы перевода Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова	1 раз в неделю	да	да	нет	да	да

ально-бытовую и социально-культурную сферы общения, реже – официально-деловую. Это можно объяснить, во-первых, относительно невысоким уровнем владения русским языком, а во-вторых, необходимостью следовать Государственным образовательным стандартам по РКИ, предусматривающим фокус именно на данных сферах общения (до уровня С1 включительно).

Считается, что оптимальное количество участников на встрече разговорного клуба – не более 10, однако, как правило, разговорные клубы (особенно бесплатные) не ограничивают состав участников.

При разработке программы разговорного клуба для студентов, изучающих русский язык как иностранный на дополнительных образовательных программах Санкт-Петербургского государственного университета, нами был учтен опыт существующих разговорных клубов. В соответствии с характеристикой, представленной выше, наш разговорный клуб является бесплатным, привязанным к учебному году (2 семестра) с периодичностью встреч раз в неделю. Формат также разнообразен: тематические встречи, музыкальные встречи, киноклубы. Встреча едина для студентов одного уровня, так как наш клуб изначально предназначен только для студентов, со-

ответствующих уровню владения РКИ А2-В1. Для каждой темы предусмотрены две встречи: «Жизнь иностранных студентов», «Киноклуб», «Стереотипы о русских», «Отмечаем Новый год», «Интересные места в России», «Русская кухня», «Русский этикет», «Молодежный сленг». Мы также считаем целесообразным проведение отдельных встреч после двух тем (четырёх встреч) с целью повторения и закрепления пройденного материала.

Выводы

Разговорные клубы должны быть организованы в соответствии с уровнем владения иностранным языком, что способствует созданию комфортной атмосферы, мотивирует студентов и обеспечивает эффективность овладения устно-речевыми умениями, поскольку участники с уровнем владения А2-В1 могут не чувствовать себя неуверенно среди продвинутых, которые, в свою очередь, не испытывают фрустрацию или скуку. В том случае, если проведение разноуровневых разговорных клубов представляется невозможным по ряду причин, оптимальным решением может быть смешанный формат отдельных сессий в рамках одного клуба, в ходе которого сначала происходит общее обсуждение какого-либо вопроса, а затем предлагается работа в мини-группах в зависимости от уровня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нерсисян, К.А. Лингвopsихологический аспект внеаудиторной деятельности иностранных студентов (на примере разговорного клуба русского языка) // Преподаватель XXI век. – 2025. – № 1. – Часть 1. – С. 234–245. DOI: 10.31862/2073-9613-2025-1-234-245
2. Жукова, А.Г., Татарникова, Н.В. Разговорный клуб как формат совместного обучения // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. – 2022. – № 7. – С. 1237–1242. EDN BQGMAN
3. Нгома, А.Д. Разговорный клуб как метод реализации коммуникативного подхода в практике преподавания русского языка как иностранного // Филология и культура. – 2022. – № 3(69). – С. 232–236. DOI: 10.26907/2074-0239-2022-69-3-232-236
4. Забурдяева, Ю.А., Острякова, А.Г., Вахрушева, М.А. Языковой клуб как средство обучения речевой деятельности учащихся в условиях онлайн-обучения // Мир науки, культуры, образования. – 2022. – № 2(93). – С. 90–92. DOI: 10.24412/1991-5497-2022-293-90-92. EDN BYRXTA
5. Соловцова Е.В. Разговорный клуб как форма организации языковой среды // Обучение иностранным языкам в условиях ограниченной языковой среды: Сборник статей научно-практического семинара с международным участием, Москва, 20–21 января 2022 года. – М.: ФГБОУ ВО «Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)», 2022. – С. 86–87. EDN FSTATG
6. Volkova A.G. Organization of speaking clubs as a way of forming professional foreign language communicative competence of students // Современные тенденции развития системы подготовки обучающихся по иностранному языку в неязыковом вузе: региональная практика: Материалы всероссийской (национальной) научной конференции, Красноярск, 10–11 ноября 2022 года. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2022. P. 176–179. EDN TDRXJV.
7. Zalutskaya S.Y. (2021). Club-based format of teaching Russian as foreign language to Chinese students. Revista Tempos e Espaços em Educação, 14(33), e15526. <http://dx.doi.org/10.20952/revtee.v14i33.15526>
8. Международный клуб Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина [Электронный ресурс]. URL: https://www.pushkin.institute/youth_policy/students_possibility/ (дата обращения: 19.04.2025)
9. Русский разговорный клуб Томского государственного университета [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/russian_club_tsu (дата обращения: 21.04.2025)
10. Разговорный клуб проекта «О русском по-русски» [Электронный ресурс]. URL: <https://orusskomporusski.com/speakingclub> (дата обращения: 15.03.2025)
11. Проект Высшей школы экономики «Русский разговорный клуб» [Электронный ресурс]. URL: https://hum.hse.ru/russian_speaking_club/ (дата обращения: 09.04.2025).
12. Клуб русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/russianlangclub> (дата обращения: 20.04.2025).
13. Разговорный клуб для изучающих русский язык [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/russian_speaking_club_spb (дата обращения: 17.04.2025).
14. Day2Day Russian [Электронный ресурс]. URL: <https://ros-unis.ru/page23111851.html> (дата обращения: 18.04.2025).
15. Макарова, О.В. Русский разговорный клуб как дополнительный инструмент освоения языка студентами-инофонами // Russian Journal of Education and

- Psychology. – 2023. – Т. 14, № 1-2. – С. 129–135. EDN ZLYXGG
16. Внучкова, Т.Н. Разговорный клуб в аспекте РКИ: реализация в условиях дистанционного обучения // Опыт и перспективы развития экспортного потенциала образовательных услуг в высшем образовании: Материалы международной научно-практической онлайн-конференции, Курск, 03 июня 2021 года. – Курск: Курский государственный медицинский университет, 2021. – С. 90–93. EDN JJVUYD
17. Быкова, А.А., Ковалева, К.Н. Опыт организации разговорного клуба для студентов, изучающих русский язык как иностранный // Языки. Культуры. Перевод: Материалы X Международного научно-образовательного форума, Ереван (Армения), 27 сентября-01 2023 года. – М.: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Издательский Дом (Типография), 2023. – С. 241–248. EDN LXOFTJ
18. Разговорный клуб «Просто о русском» Санкт-Петербургского Политехнического университета [Электронный ресурс]. URL: <https://do.spbstu.ru/yazkurs/yazykovye-kursy-razgovornyj-russkij-yazyk/> (дата обращения: 19.04.2025).

© Нерсисян Кристина Арменаковна (k.nersisyan@spbu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФАКТОРЫ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ КИТАЯ

FACTORS OF FOREIGN LANGUAGE TRAINING FOR CHINESE STUDENTS

G. Sabirzyanova

Summary: The article shows the factors of foreign language training for Chinese student: transition to a market economy and integration into the global economy. It highlights the opportunity provided by knowledge of a foreign language in the economic, educational and scientific fields. The paper describes changes in foreign language training, namely: the decrease in the starting age, the increase in the number of hours in a foreign language, and the inclusion of Gaokao and CET 4 and 6 in final exams at schools and non-linguistic universities.

Keywords: market economy, integration into the world economy, foreign language training in China, gaokao, CET 4 and 6, intercultural communication.

Сабирзянова Гульназ Шамиловна

Аспирант, Казанский национальный исследовательский
технологический университет
GulnazShamilovna@yandex.ru

Аннотация: В статье представлены факторы иноязычной подготовки студентов Китая: переход к рыночной экономике и интеграция в мировую экономику. Показана возможность, которую обеспечивает знание иностранного языка в экономической, образовательной и научной сферах. Характеризуются изменения в иноязычной подготовке, а именно: снижение возраста начала обучения, увеличение количества часов на иностранный язык и включение гаокао и CET 4 и 6 в выпускные экзамены в школе и неязыковых вузах.

Ключевые слова: рыночная экономика, интеграция в мировую экономику, иноязычная подготовка в Китае, гаокао, CET 4 и 6, межкультурная коммуникация.

Введение

В условиях глобализации и усиления международных академических связей владение иностранными языками становится ключевым фактором профессиональной успешности. Особый интерес представляет система иноязычной подготовки в Китае, где изучение таких иностранных языков, как английский, русский, японский и другие активно поддерживается на государственном уровне.

Несмотря на значительные успехи китайских студентов в овладении иностранными языками, сохраняются проблемы, связанные с методикой преподавания, мотивацией и навыками межкультурной коммуникации. В связи с этим актуальностью данной работы является исследование факторов, влияющих на эффективность иноязычной подготовки в Китае.

Цель исследования – выявление и анализ ключевых факторов, определяющих качество иноязычной подготовки китайской молодежи.

Материалы и методы исследования

В качестве материалов для исследования служила научная социологическая и психолого-педагогическая литература, посвященная изучению факторов иноязычной подготовки в Китае в отечественной и зарубежной практике.

Такие ключевые слова, как «факторы иноязычной

подготовки», «китайские вузы» применялись для поиска и отбора соответствующей литературы в российских и международных базах данных. В результате изучения и анализа аннотаций и полных текстов на соответствие описания факторов иноязычной подготовки в Китае итоговая выборка обзора составила 9 исследований.

Результаты исследования

История иноязычной подготовки в Китае насчитывает более 2000 лет. Для ведения торговли со странами, расположенными на Шелковом пути, знание иностранных языков было необходимостью. Однако они изучались не только для экономических отношений, но и налаживания добрососедских и дружественных связей с другими странами. Во время нахождения династии Мин на китайском престоле с 1368 года по 1644 год были налажены отношения со 197 странами. В основном для этих целей использовались английский, монгольский, японский и русские языки, из которых последний был первым преподаваемым европейским языком в Китае [3].

Степень важности и распространения русского языка зависела от геополитической обстановки. В 1950-1960-е годы, когда СССР поддерживал дружественные отношения с Китаем, русский язык активно преподавался в средних школах в качестве иностранного. Однако в период с 1960 по 1980 годы отношения между двумя странами значительно ухудшились, что привело к прекращению образовательного сотрудничества [2]. В результате в образовательной системе стал преобладать английский

язык, для преподавания которого бывшие преподаватели русского языка прошли переподготовку [1].

На качество иноязычной подготовки в Китае оказывают влияние не только экономические и политические, но и организационно-управленческие факторы. Рассмотрим их с момента реализации политики реформ и открытости Китая по инициативе Генерального Секретаря Центрального Комитета Дэн Сяопина, а именно с 1978 года. В 1983 году он провозгласил курс на внешнюю открытость китайского образовательного сектора. С этого момента самым важным экономическим фактором повышения качества иноязычной подготовки стал переход Китая от плановой к социалистической рыночной экономике, что показывает положительное принятие глобализации.

В 1990-е годы можно было наблюдать не только приток прямых иностранных инвестиций в Китае, но и продвижение китайских компаний на глобальном рынке. Как утверждает китайский исследователь Гун Юэ, в Пекине, Шанхае и Гуанчжоу открылись не только филиалы международных компаний, но и головные офисы китайских международных компаний [9]. Для успешного функционирования транснациональных предприятий были необходимы компетентные специалисты, владеющие иностранными языками. Иностранный язык давал возможность не только вести глобальное сотрудничество, но и изучать научные и технологические достижения во всем мире. Именно поэтому Дэн Сяопин запустил программу модернизации образования, где обучение иностранным языкам стало неотъемлемой частью.

С 2001 года по 2013 год интеграция Китая в мировую экономику углубилась. Страна присоединилась к Всемирному Торговому Объединению (ВТО), продвигала Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС), развивала экономическое и политическое сотрудничество со странами Глобального Юга, провела Олимпийские игры 2008 года и в 2013 году создала инициативу «Один пояс, один путь» [7].

Рассмотренные экономические факторы привели к изменениям в организации процесса и методов обучения иностранным языкам. Если в период «культурной революции» иностранные языки считались языками врагов [8], то после неё в Китае начали изучать английский, французский, русский и японские языки. В 1980-1990 годы обучение английскому языку развивалось так стремительно, что его включили в список выпускных школьных экзаменов гаокао наряду с китайским языком и математикой. Этот организационный фактор послужил мотивацией к изучению английского языка в школе и надеждой на перспективное будущее многих выпускников, так как успешная сдача экзаменов была единственной возможностью поступить в один из 40 китайских вузов того времени.

Однако вышеперечисленные изменения не принесли желаемых результатов в иноязычной подготовке. Поэтому, по утверждению И.Н. Баймлер и С.Ю. Свитнюк, в 1990-е годы возраст начала обучения английского языка снизился и его стали преподавать с детских садов [1]. Более того с 2003 года увеличился объем часов в базовом образовании. Так, девятилетней школе выделили 1052-1200 учебных часов вместо 672-808 часов [8].

Следующим важным организационным фактором, мотивирующим обучающихся к изучению английского языка в вузах, стали экзамены CET4 (предполагает знание 4 тысяч иностранных слов) для студентов бакалавров неязыковых специальностей и CET6 (6 тысяч слов) для магистров [5,6]. Финальной точкой в иноязычной подготовке в образовательном процессе является тестирование и полученный сертификат способствует получению высокой должности либо доступу к вакансиям в международных компаниях.

Говоря о структуре CET, базовая часть тестирования включает чтение, письмо и аудирование. Поэтому во время занятий внимание уделяется заучиванию материала, необходимого на экзамене, либо чтению текстов. Это и объясняет широкое распространение «грамматико-переводного» метода [5]. Последнее десятилетие данный метод считается неэффективным, так как с момента принятия инициативы «Один пояс, один путь» внимание переключилось на практическое освоение навыков устной речи и межкультурной коммуникации. В условиях глобализации и интернационализации владение устной речью и способность эффективно общаться с представителями различных культур становятся важнейшими компетенциями [4]. Особое значение придается также международному образовательному сотрудничеству, расширяющему горизонты студентов и обеспечивающему доступ к многообразию международных образовательных программ. Всё это повышает значимость иноязычной подготовки китайской молодежи для жизни многополярном мире.

Заключение

Таким образом, политика реформ и открытости (1978 год), продвижение АТЭС (1991), присоединение к ВТО (2005 год), проведение Олимпийских игр (2008 год) и создание инициативы «Один пояс, один путь» (2013 год) способствовало изменению роли иноязычной подготовки в системе образования Китая.

Иностранный язык стал здесь инструментом ведения глобального сотрудничества, изучения мировых научных и технологических достижений. Поэтому для повышения качества знаний иностранных языков использовались организационно-управленческие факторы. К ним

отнесем введение английского языка в программу начального образования, увеличение часов в среднем образовании, включение этого языка в гаокао при окончании школы и CET 4 и 6 при окончании вуза. Так, владение

английским языком на высоком уровне и навыки межкультурной коммуникации помогают получить высокую должность в китайских организациях либо открывают доступ к вакансиям на международном рынке труда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баймлер, И.Н. О роли английского языка в современном Китае / И.Н. Баймлер, С.Ю. Свитюк // Молодежный вестник ИрГТУ. – 2018. – Т. 8, № 4. – С. 92-94. – EDN YRNGDB.
2. Гурулева, Т.Л. Российско-китайское образовательное сотрудничество в пандемийный и постпандемийный периоды / Т.Л. Гурулева, Л. Ваньци // Высшее образование в России. – 2025. – Т. 34, № 1. – С. 128-150. – DOI 10.31992/0869-3617-2025-34-1-128-150. – EDN WNBWFD.
3. Давыденко, В.А. Предпосылки и факторы становления иноязычного образования в Китае / В.А. Давыденко, Г. Ли // Современные проблемы науки и образования. – 2022. – № 4. – С. 42. – DOI 10.17513/spno.31916. – EDN OIKTDD.
4. Осипов, П.Н. Закономерности и принципы интернационализации инженерного образования / П.Н. Осипов, Ю.Н. Зиятдинова // Профессиональное образование в России и за рубежом. – 2016. – № 1(21). – С. 40-45. – EDN XYHGDB.
5. Сабирзянова, Г.Ш. Особенности иноязычной подготовки в Китае / Г.Ш. Сабирзянова // Практико-ориентированность как основа развития высшего и среднего профессионального образования: Материалы XVIII Международной научно-практической конференции, Казань, 28 марта 2024 года. – Казань: Казанский государственный архитектурно-строительный университет, 2024. – С. 239-244. – EDN CYNKJU.
6. Сабирова, Д.Р. Английский язык в образовательном ландшафте Китая / Д.Р. Сабирова, М.В. Набережнова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2019. — № 30 (268). — С. 142-145. — URL: <https://moluch.ru/archive/268/61817/> (дата обращения: 20.03.2025).
7. Hu H. The evolution of China's English education policy and challenges in higher education: analysis based on LDA and Word2Vec / H. Hu, F. Li and Z. Luo. – Front. Educ. 9:1385602, 2024. doi: 10.3389/feduc.2024.1385602
8. Hu, G.W. English language teaching in China: Policies, progress, and problems. / G.W. Hu. – Language Policy. – 2005. – № 4. – P. 5-24. –URL: https://www.academia.edu/569415/Hu_G_W_2005_English_language_teaching_in_China_Policies_progress_and_problems_Language_Policy_4_5_24 (дата обращения: 10.01.2025)
9. 英语化语言政策与跨国公司中国员工职业身份认同——语言民族志个案研究

© Сабирзянова Гульназ Шамиловна (GulnazShamilovna@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ И СТАТУСА «ИНВАЛИД БОВЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ» В КОНТЕКСТЕ РЕАБИЛИТАЦИИ УЧАСТНИКОВ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

ANALYSIS OF THE CONCEPT AND STATUS OF "COMBAT DISABLED" IN THE CONTEXT OF REHABILITATION OF PARTICIPANTS IN A SPECIAL MILITARY OPERATION

**O. Salnikova
N. Borozinets
A. Kukhleeva**

Summary: The article substantiates the relevance and importance of defining the substantive content of the concept of «combat disabled» in order to build an effective route for their rehabilitation. The problem of determining the legal status of combat invalids in modern conditions, in particular, in connection with the conduct of a special military operation (SMO), is also considered. The various terms used in scientific literature and regulatory legal acts are analyzed, and a conclusion is made about the need to unify terminology. It describes in detail the legislative framework governing the status of combat invalids and the procedure for obtaining it, including the necessary documents and the stages of passing military medical and medical-social examinations. Problem areas in the status registration process are highlighted and solutions are proposed.

Keywords: combat disabled, rehabilitation, military personnel, military personnel, contract military personnel, mobilized, military personnel of volunteer units (volunteers), military trauma.

Сальникова Олеся Дмитриевна

Кандидат педагогических наук, ФГАОУ ВО
«Северо-Кавказский федеральный университет»,
(г. Ставрополь)
djjanna@yandex.ru

Борозинец Наталья Михайловна

Кандидат психологических наук, доцент, ФГАОУ ВО
«Северо-Кавказский федеральный университет»,
(г. Ставрополь)
nataboroz@yandex.ru

Кухлеева Анна Валерьевна

Аспирант, ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный
университет», (г. Ставрополь)
annakukhleeva@gmail.com

Аннотация: В статье обоснована актуальность и значимость определения содержательного наполнения понятия «инвалид боевых действий» для построения эффективного маршрута их реабилитации. Также рассматривается проблема определения и правового статуса инвалидов боевых действий в современных условиях, в частности, в связи с проведением специальной военной операции (СВО). Анализируются различные термины, используемые в научной литературе и нормативно-правовых актах, и делается вывод о необходимости унификации терминологии. Подробно описывается законодательная база, регулирующая статус инвалидов боевых действий, и процедура его получения, включая необходимые документы и этапы прохождения военно-врачебной и медико-социальной экспертиз. Выделяются проблемные зоны в процессе оформления статуса и предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: инвалид боевых действий, реабилитация, военнослужащие, военнослужащие, военнослужащие по контракту, мобилизованные, военнослужащие добровольческих отрядов (добровольцы), военная травма.

Участие России в боевых действиях, проводимых в рамках специальной военной операции (СВО), обусловило стремительный рост численности лиц с инвалидностью, приобретенной в процессе боевых действий – инвалидов боевых действий [1], а, соответственно поиска эффективных путей их реабилитации и организации комплексного пакета мер государственной поддержки. Такие позиции демонстрируют актуальность в исследовании дефиниции «инвалид боевых действий» с позиции сложившихся современных условий, т.к. его содержательное наполнение обуславливает спектр и объем полагающихся для данной категории граждан льгот и услуг [8; 9; 10].

В социологических, психологических, социально-психологических исследованиях встречаются следующие определения: «инвалид войны», «инвалид боевых

действий», «инвалид военной службы», «инвалид СВО», «военнослужащий с ОВЗ», «инвалид вследствие военной травмы», «человек, получивший инвалидность в результате боевых действий и СВО» [2; 3; 4; 5; 11]. Вместе с тем, нет единого подхода в использовании указанной терминологии, что говорит о разрозненности представлений, как о самом исследуемом контингенте, так и о понимании их статуса.

При этом четкие интерпретации представлены в нормативно-правовых документах. С законодательной стороны – в Федеральном законе «О ветеранах» (№ 5-ФЗ от 12.01.1995 г.) [13] фигурирует термин «инвалид боевых действий», также допускается формулировка «инвалид войны». В соответствии со ст. 4 данного закона, инвалиды боевых действий (инвалиды войны) – это «военнослужащие, ставшие инвалидами вследствие ранения, кон-

тузии, увечья или заболевания, полученных при защите Отечества или исполнении обязанностей военной службы на фронте, в районах боевых действий» в определенные периоды отечественной истории, и к числу данных периодов было отнесено «проведение специальной военной операции на территориях Украины, ДНР и ЛНР с 24 февраля 2022 года» [2; 12].

При этом Федеральным законом «О внесении изменений в Федеральный закон «О ветеранах» № 148-ФЗ от 28.04.2023 [14] внесены существенные изменения в Федеральный закон «О ветеранах» (№ 5-ФЗ от 12.01.1995 г. [13]), расширяющие перечень лиц, имеющих право на получение статуса ветерана боевых действий и инвалида боевых действий. Согласно ст. 3 обновленного закона, к ветеранам боевых действий теперь относятся: участники боевых действий в составе вооруженных формирований ДНР и ЛНР с 11.05.2014 г.; лица, заключившие контракты (или иные правоотношения) с организациями, содействующими выполнению задач ВС РФ в ходе СВО (на территориях Украины, ДНР, ЛНР – с 24.02.2022 г.; в Запорожской и Херсонской областях – с 30.09.2022 г.).

Таким образом, реформа законодательства направлена на правовое закрепление статуса инвалидов боевых действий (в частности – участников СВО), что обеспечивает им доступ к социальным гарантиям и льготам. Это свидетельствует о системном подходе к интеграции новых категорий инвалидов боевых действий в правовое поле РФ.

Проведенный анализ показывает, что в научной литературе и нормативно-правовых актах используются различные термины, такие как «инвалид войны», «инвалид военной службы», «инвалид СВО», однако юридически закрепленным остается понятие «инвалид боевых действий», определенное федеральным законодательством. К этой категории относятся военнослужащие и приравненные к ним лица, получившие инвалидность вследствие ранения, контузии, увечья или заболевания, приобретенного в ходе боевых действий, включая СВО. Критерии отнесения к данной категории включают официальное установление инвалидности (на основании заключения бюро медико-социальной экспертизы МСЭ) и подтверждение связи инвалидности с военной травмой, полученной в зоне боевых действий.

Претендовать на присвоение статуса инвалида боевых действий могут разные категории военнослужащих, получивших инвалидность в результате военной травмы, приобретенной в ходе СВО [2]:

- военнослужащие и государственные служащие, имеющие соответствующее образование, осуществляющие службу в рамках полученной профессии (военнослужащие по профессии);

- военнослужащие по контракту («контрактники») – лица, которые осуществляют военную службу по контракту в качестве трудовой деятельности (не имея изначально профильного образования);
- мобилизованные военнослужащие – военнообязанные, призванные на военную службу в виду проведения мобилизации, связанной с реализацией боевых действий;
- военнослужащие добровольческих отрядов («добровольцы») – самостоятельно принявшие решение поступления на военную службу по контракту для участия в боевых действиях в зоне СВО.

Следует особенно подчеркнуть, что присвоение военнослужащим статуса инвалида боевых действий и получение соответствующих государственных льгот, компенсаций и пр. возможно только в случае заключения ими официального контракта с Минобороны РФ. При заключении контракта с частными военными компаниями, не заключившими такой контракт с Минобороны РФ, лицо, получившее инвалидность, может претендовать на присвоение статуса «инвалид» без акцентуации на участие в военных действиях и может претендовать только на меры государственной поддержки, предусмотренные для «гражданских инвалидов».

Также подчеркнем, что наиболее «уязвимым» периодом является время с момента получения военной травмы («инвалидизации») и комиссования до официального присвоения статуса «инвалид боевых действий» – в этот период возможности получения государственной поддержки являются ограниченными, при этом «нуждаемость» данного контингента в получении медицинской, социальной и пр. помощи наиболее высока.

Согласно законодательным документам (Постановление Правительства РФ «О признании лица инвалидом» (№ 588 от 05.04.2022 г., вступ. в силу с 01.07.2022 г.) [6], «О классификациях и критериях, используемых при осуществлении медико-социальной экспертизы граждан федеральными государственными учреждениями медико-социальной экспертизы» (№ 585н от 27.08.2019 г.) [7], Федеральный закон «О ветеранах» № 5-ФЗ от 12.01.1995 г.) [13]), чтобы участнику СВО, получившему военную травму, был присвоен статус инвалида боевых действий, необходима подготовка пакета соответствующих документов, подтверждающих правомерность проведения данной процедуры:

1. получение заключения военно-врачебной комиссии (ВВК). Первичным этапом является прохождение ВВК, которая подтверждает негодность к дальнейшей военной службе вследствие военной травмы или заболевания;
2. увольнение по состоянию здоровья. При продолжении службы военнослужащий обязан подать рапорт на увольнение с присвоением категории «Д» (негоден к военной службе);

3. обращение в медицинское учреждение. После увольнения необходимо обратиться в поликлинику по месту жительства для получения направления на МСЭ. Передача документов в бюро МСЭ осуществляется медицинской организацией;
4. получение заключения МСЭ. Бюро МСЭ проводит освидетельствование с целью установления факта инвалидности, ее группы и причины (в связи с военной травмой). В соответствии с действующими нормами, освидетельствование может проводиться в бюро МСЭ, либо заочно (по документам), либо на дому (при тяжелом состоянии заявителя).

Данный алгоритм обеспечивает правовую и медицинскую преемственность при переходе военнослужащего из статуса действующего в категорию «инвалид боевых действий», что является основой для дальнейшей реабилитации и получения других мер государственной поддержки.

Присвоение инвалиду боевых действий группы инвалидности в связи с военной травмой осуществляется бюро МСЭ, исходя из положений Федерального закона «О социальной защите инвалидов в РФ» № 181-ФЗ от 24.11.1995 г. (с изм. и доп. № 57 от 24.04.2020) [15]; в соответствии с Правилами признания лица инвалидом, утвержденными Постановлением Правительства РФ «О признании лица инвалидом» (от 05.04.2022 г. № 588, вступ. в силу с 01.07.2022 г.) [6] и классификациями и критериями (утв. приказом Министерства труда и социальной защиты РФ «О классификациях и критериях, используемых при осуществлении медико-социальной экспертизы граждан федеральными государственными учреждениями медико-социальной экспертизы» от 27.08.2019 г. № 585н [7]).

Согласно указанным выше документам, инвалиду боевых действий, получившему военную травму (тяжелые ранения, контузии и увечья и пр.), в зависимости от степени ее тяжести может быть присвоена I, II, III группа инвалидности (как с указанием сроков переосвидетельствования, так и без такового).

Таким образом, мы рассмотрели трансформацию термина «инвалид боевых действий», его законодательное закрепление и процедуру получения данного статуса. При этом, проведенный анализ нормативно-правового регулирования статуса инвалидов боевых действий в современных условиях показывает, что:

- во-первых, участие России в СВО привело к росту

числа инвалидов боевых действий, что делает необходимым четкое определение статуса и правового положения данной категории граждан для получения ими надлежащих льгот и услуг, в частности – в рамках процесса реабилитации;

- во-вторых, в литературе наблюдается терминологическая неоднородность – научный дискурс демонстрирует множественность определений («инвалид войны», «инвалид СВО» и др.), в то время как законодательство закрепляет единый юридический статус «инвалид боевых действий», который интегрирует все перечисленные и обосновывает возможности получения мер государственной поддержки;
- в-третьих, произошедшая законодательная трансформация, расширившая перечень лиц, имеющих право на получение данного статуса, повысила эффективность данного процесса. При этом, статус инвалида боевых действий требует: официального установления инвалидности, подтверждения связи инвалидности с боевой травмой, наличия контракта с Минобороны РФ. Также процесс оформления данного статуса представляет собой многоэтапную процедуру, требующую совершенствования в части сокращения временного разрыва между травмой и получением статуса;
- в-четвертых, следует выделить проблемные зоны – ограниченная поддержка контингента в период между комиссованием и получением статуса, различия в объеме прав для контрактников Минобороны и участников частных военных компаний. В части путей решения указанных проблем требуется дальнейшая работа по упрощению процедуры получения данного статуса, расширению мер поддержки в «переходный» период (особенно – в части реализации процесса реабилитации), унификации терминологического аппарата в научном и правовом поле.

Таким образом, отметим, что закрепление статуса «инвалид боевых действий» в законодательстве свидетельствует о системном подходе государства к решению данной проблемы, однако требует постоянного мониторинга и корректировки в соответствии с изменяющимися условиями. Соответственно, работа в данном направлении позволит конкретизировать содержание и направленность процесса реабилитации контингента, относящегося к данному статусу с позиции индивидуально-дифференцированного подхода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борозинец Н.М. Концепция профессионально-психологической реабилитации лиц с инвалидностью, приобретенной в процессе боевых действий и специальных военных операций, в контексте ресурсного потенциала образовательных организаций высшего образования / Н.М. Борозинец, М.Г. Водолажская, О.Д. Сальникова [и др.] // Психологическая наука и образование. – 2023. – Т. 28, № 6. – С. 53–61.

2. Дарган А.А. Потребность лиц с инвалидностью, приобретенной во время участия в специальной военной операции, в получении профессионального образования и профессиональной переподготовке / А.А. Дарган, О.Д. Сальникова // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – 2024. – № 5(104). – С. 130-138.
3. Бобков В.Н. О социальных гарантиях участников специальной военной операции и членов их семей / В.Н. Бобков, Е.В. Одинцова, Т.В. Чашина // Социально-трудовые исследования. – 2024. – № 1 (54). – С. 138-146.
4. Козловская Г.Ю. Проблемный анализ дефиниций, обозначающих статус военнослужащих, получивших травмы в ходе боевых действий / Г.Ю. Козловская, Н.М. Борозинец // Человек. Наука. Социум. – 2023. – № 4(16). – С. 174-189.
5. Колесникова О.А. Комплексный подход к реабилитации участников специальной военной операции, получивших инвалидность / О.А. Колесникова // Вестник Воронежского института высоких технологий. – 2023. – № 2 (45). – С. 99-105.
6. Постановление Правительства РФ «О признании лица инвалидом» (от 05.04.2022 г. № 588, вступ. в силу с 01.07.2022 г.). [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202204080035> (дата обращения 15.04.2025).
7. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ «О классификациях и критериях, используемых при осуществлении медико-социальной экспертизы граждан федеральными государственными учреждениями медико-социальной экспертизы» № 585н от 27.08.2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201911190027?rangeSize=Все> (дата обращения 15.04.2025).
8. Сальникова О.Д. Проблемный анализ семей инвалидов боевых действий / О.Д. Сальникова, Н.М. Борозинец, А.А. Дарган // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2024. – № 12. – С. 141-146.
9. Сальникова О.Д. Роль социально-средового аспекта в профессионально-психологической реабилитации лиц с инвалидностью, приобретенной в ходе боевых действий / О.Д. Сальникова // Инклюзивные процессы в международном образовательном пространстве: Материалы VIII Международного Интернет-симпозиума, Ставрополь, 14 декабря 2023 года. – Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет, 2023. – С. 67-71.
10. Сальникова О.Д. Особенности вторичной профессиональной ориентации лиц с инвалидностью, приобретенной в ходе боевых действий / О.Д. Сальникова, Н.М. Борозинец // Инклюзивные процессы в международном образовательном пространстве. Проблемы профессионально-психологической реабилитации лиц с инвалидностью, приобретенной в ходе выполнения служебного долга и специальных военных операций: сборник материалов VIII Международного Интернет-симпозиума (15 декабря 2023 г.). – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2023. – 88 с.
11. Струкова О.Г. Роль психологической реабилитации в структуре комплексной реабилитации инвалидов вследствие военной травмы / О.Г. Струкова, Е.В. Морозова, Е.В. Жукова, А.Н. Барышова // Медико-социальные проблемы инвалидности. – 2022. – № 4. – С. 15-24.
12. Трофимов С.В. О некоторых аспектах социальной защиты участников специальной военной операции / С.В. Трофимов // Военно-юридический журнал. – 2024. – № 2. – С. 28-34.
13. Федеральный закон «О ветеранах» № 5-ФЗ от 12.01.1995 г. (ред. от 13.12.2024 г.г.; с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://alexandrov.social33.ru/upload/medialibrary/471/7ego7rjq3t81yyqh9mzi12jblf826v1p/5_fz_red13122024.pdf (дата обращения 15.04.2025).
14. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О ветеранах» № 148-ФЗ от 28.04.2023 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202304280050> (дата обращения 15.04.2025).
15. Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в РФ» № 181-ФЗ от 24.11.1995 г. (с изм. и доп. № 57 от 24.04.2020 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://gbusokirzhach.social33.ru/upload/medialibrary/75f/0xrrws7zwlqmetbjuu5vecm3r9of43fv/FZ-181_izm-s-20g.pdf (дата обращения 15.04.2025).

© Сальникова Олеся Дмитриевна (djanna@yandex.ru), Борозинец Наталья Михайловна (nataboroz@yandex.ru),
Кухлеева Анна Валерьевна (annakukhleeva@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ВУЗЕ КАК ОДИН ИЗ КОМПОНЕНТОВ ОБУЧЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

STUDENT RESEARCH ACTIVITY IN UNIVERSITY AS A COMPONENT OF EDUCATION: CHALLENGES AND PERSPECTIVES

**E. Simonova
E. Yurchenko**

Summary: The article examines the challenges of engaging and motivating students in humanities disciplines to participate in research activities at higher education institutions in the Russian Federation. Based on a survey of 114 students from one of the leading universities in the Far East of Russian Federation, key factors that reduce motivation to engage in research were identified, including lack of time, unclear understanding of the practical benefits of research, insufficient motivation from instructors, and a shortage of financial support. The authors propose a set of measures to increase students' interest in research, such as demonstrating the practical significance of studies, stimulating student engagement through participation in grants and competitions, mentorship from instructors, and the introduction of flexible research formats. The study's findings may be useful for developing strategies to integrate science into education in the humanities.

Keywords: research work, survey, students, research activity, motivation, interest, humanities disciplines, higher education.

Симонова Елена Петровна

Старший преподаватель, Тихоокеанский
государственный университет, (г. Хабаровск, Россия)
006068@togudv.ru

Юрченко Екатерина Дмитриевна

Преподаватель, Тихоокеанский государственный
университет, (г. Хабаровск, Россия)
011270@togudv.ru

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы привлечения и мотивации обучающихся гуманитарных специальностей в научно-исследовательскую деятельность (НИД) в высших учебных заведениях Российской Федерации. На основе проведенного опроса среди 114 обучающихся одного из ведущих ВУЗов Дальнего Востока выявлены ключевые факторы, снижающие мотивацию к участию в НИД, такие как нехватка времени, отсутствие четкого понимания практической пользы исследований, недостаток мотивации со стороны преподавателей и дефицит финансовой поддержки. Авторы предлагают ряд мер для повышения интереса обучающихся к научной работе, включая демонстрацию практической значимости исследований, стимулирование интереса обучающихся через участие в грантах и конкурсах, наставничество со стороны преподавателей, а также внедрение гибких форматов научной деятельности. Результаты исследования могут быть полезны для разработки стратегий интеграции науки в образование в гуманитарной сфере.

Ключевые слова: научно-исследовательская работа, опрос, обучающиеся, научная деятельность, мотивация, интерес, гуманитарные специальности, высшее образование.

Актуальность

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью повышения интереса у обучающихся в вузах Российской Федерации к научным исследованиям с целью выявления факторов, снижающих этот интерес. Несмотря на то, что научная деятельность считается обязательной частью учебного процесса, отмечается недостаточный интерес со стороны обучающихся к данному виду деятельности, что требует пристального внимания и анализа как со стороны руководства вузов, так и со стороны профессорско-преподавательского состава, который является основным «локомотивом» научных исследований в вузах. В этой связи возникает ряд вопросов: какие факторы способствуют повышению интереса среди обучающихся к исследовательской деятельности? Какие факторы влияют на снижение этого интереса? Какие мероприятия проводятся и какие могли бы способствовать привлечению широких групп, обучающихся в этот вид деятельности; насколько сами преподаватели за-

интересованы в совместной научно-исследовательской деятельности с обучающимися и прочее.

Указом Президента Российской Федерации период с 2022 по 2031 годы был объявлен «Десятилетием науки и технологий» с целью повышения значения науки и технологий в решении ключевых стратегически важных задач общества и государства. Приоритетной задачей этого Указа является «привлечение талантливой молодежи в сферу исследования и разработок» [1].

В системе высшего образования научно-исследовательская деятельность является обязательной составляющей любой образовательной программы, так как современный процесс подготовки высококвалифицированных кадров в высших учебных заведениях Российской Федерации подразумевает не только освоение обучающимися универсальных и профессиональных компетенций, но и интеллектуальное, культурное, нравственное развитие личности [2], [3], [4]. Благодаря

интеграции науки и образовательной деятельности в процессе получения высшего профессионального образования, обучающиеся могут реализовать свой творческий и научный потенциал в том числе в рамках участия в научно-исследовательской деятельности (НИД), которая может реализовываться в следующих формах:

- проведение научных исследований и экспериментальных разработок за счет грантов или иных источников финансового обеспечения;
- привлечение работников научных и научно-исследовательских организаций для участия в образовательной деятельности;
- реализация образовательными и научными организациями совместных проектов, научных исследований и экспериментальных разработок, а также иных совместных мероприятий;
- создание лабораторий для осуществления научно-технической деятельности на базе образовательных организаций;
- создание образовательными организациями специализированных кафедр и подразделений на базе организаций, осуществляющих научно-исследовательскую деятельность [5].

Помимо вышеперечисленных форм научной деятельности, указанных в федеральном законе «Об образовании», каждое высшее учебное заведение разрабатывает внутренние нормативные акты, регламентирующие этот вид деятельности обучающихся.

В связи с тем, что наше исследование было проведено на базе ФГБОУ ВО «Тихоокеанского государственного университета» (ТОГУ), мы опираемся на Положение «О научно-исследовательской работе студентов (НИРС)», разработанное в указанном учреждении. Настоящее Положение регламентирует, что научно-исследовательская деятельность студентов является неотъемлемой частью единого образовательного процесса и осуществляется по трём направлениям:

- научно-исследовательская работа обучающихся, включенная в учебный процесс;
- научно-исследовательская работа обучающихся, дополняющая учебный процесс;
- научно-исследовательская работа обучающихся вне учебного процесса.

Научно-исследовательская деятельность обучающихся непосредственно включена в учебный процесс и направлена на формирование базовых компетенций для выполнения научно-исследовательских работ: изучение научно-методических основ реализации НИД, освоение приёмов планирования и самоорганизации исследования, овладение техниками выступлений и презентаций полученных результатов исследования, осуществление практических шагов выполнения эмпирических исследований, овладение навыками работы в научном коллек-

тиве и в связке с научным руководителем, освоение требований, действующих стандартов и правил подготовки рукописей научных работ к опубликованию [6], [7]. Научно-исследовательская работа студентов, включённая в учебный процесс, осуществляется в рамках учебной и/или производственной практики, написания курсовых работ и курсовых проектов, а также в процессе написания выпускной квалификационной работы. Реализация данных форм НИД является обязательной для всех обучающихся в высшем учебном заведении и одним из условий успешного прохождения итоговой государственной аттестации. Включение научно-исследовательской работы в качестве обязательного компонента образовательного процесса позволяет подготавливать высококвалифицированные профессиональные кадры.

Научно-исследовательская деятельность, дополняющая учебный процесс и выполняемая вне аудиторных занятий не является обязательной, но при этом позволяет в полной мере реализовать исследовательский и творческий потенциал студента. Такой вид деятельности стимулирует самостоятельную работу за пределами непосредственной программы обучения. Результаты проведенных исследований могут быть представлены студентами на студенческих научных конференциях, семинарах и круглых столах, а также могут быть опубликованы в научных изданиях (как правило журналы, входящие в ядро РИНЦ, сборники материалов научно-практических конференций и т.д.). Кроме того, чтобы показать уровень своих компетенций, студенты могут участвовать на олимпиадах и конкурсах разных уровней [8].

Студенты, проявившие себя как наиболее инициативные, ответственные и самостоятельные исполнители, могут привлекаться к участию в различных научно-исследовательских и опытно-конструкторских проектах на условиях оплаты труда по договору о выполнении НИР [6].

Результаты исследования о вовлеченности студентов в НИД в высшем учебном заведении показывают, что 35% результатов НИРС приходится на специализации естественно-научной сферы и инженерных направлений, тогда как на социально-гуманитарную сферу приходится 25% [9].

Расхождение в 10% является достаточно весомым и заставляет нас поднять ряд вопросов о причинах сниженной вовлеченности студентов гуманитарных специальностей в научно-исследовательскую работу, а также о способах повышения мотивации обучающихся к участию в НИРС.

Для того чтобы определить, что конкретно студенты гуманитарных специальностей понимают под научной деятельностью, как относятся к ней, а также чтобы выявить факторы, мешающие и мотивирующие студентов заниматься научной работой был проведён опрос с вариантами ответов, а также с возможностью в свобод-

ной форме выразить свое мнение по указанной теме. В опросе приняли участие 114 студентов гуманитарных специальностей с первого по пятый курс (по направлениям бакалавриата 39.03.02 «Социальная работа», 41.03.01 «Зарубежное регионоведение»; по специальности 45.05.01 «Перевод и переводоведение»).

Результаты опроса показали следующее: для большинства студентов наука – «это интересно» (53%), однако при этом «очень сложно» (50%). Кроме того, большинство обучающихся отмечают, что наука – «это перспективно» (31%) и «престижно» (25%). Для небольшого количества студентов наука – это «скучно» (20%).

Для того, чтобы сформировать представление об отношении студентов к науке как к виду деятельности, мы попросили студентов ответить на вопрос «с чем, по вашему мнению связана наука?». Опрос показал, что наука связана «с большим количеством информации» (35%), «созданием чего-то нового» (34%), «саморазвитием» (33%), «постоянной занятостью» (7%), «необходимостью много читать» (5%).

Что касается чувств и эмоции, которые испытывают студенты, когда им говорят о необходимости заниматься научной деятельностью, то большинство испытывает «интерес» (44%) и «непонимание» (35%), менее половины испытывают «раздражение» (32%) и «воодушевление» (3%).

Несмотря на положительное отношение у студентов к науке, на вопрос «хотели бы вы заниматься научной деятельностью?» меньшинство из опрошиваемых (16 человек) ответили положительно, при этом 9 человек отметили, что уже занимаются наукой. Ряд студентов отве-

тили, что хотели бы заниматься наукой, но обозначили, что у них на это нет времени (31 человек) или не знают, как приступить к этому виду деятельности (24 человека). Большинство студентов (43 человека) указали, что не хотели бы заниматься научной деятельностью.

Сниженная вовлеченность и мотивация объясняется следующими негативными факторами, выявленными в результате опроса (см. рисунок 1).

Наибольшее число респондентов отметили, что от занятий научной деятельностью их отталкивает нехватка времени (35 человек). В связи с этим, мы можем сделать вывод, что большинство студентов воспринимают научную деятельность в отрыве от основного образовательного процесса, что может свидетельствовать о возможной неудачной интеграции научно-исследовательской деятельности в учебный процесс.

Это предположение подтверждается и ответами респондентов на вопрос «что из перечисленного, по вашему мнению, относится к научной деятельности?» (ответ включал в себя возможность множественного выбора). Большинство студентов к научной деятельности относят: написание научной статьи (104 человека) и участие в научных конференциях (102 человека). Чуть более половины из опрошенных отметили, что считают написание курсовых работ (62 человека) и чтение специализированной литературы (62 человека) частью научно-исследовательской деятельности. Стоит отметить, что написание курсовых работ как вид НИРС, как правило, входит в учебные планы основного образовательного процесса. Менее популярными ответами были: просмотр научных

Отталкивающие факторы

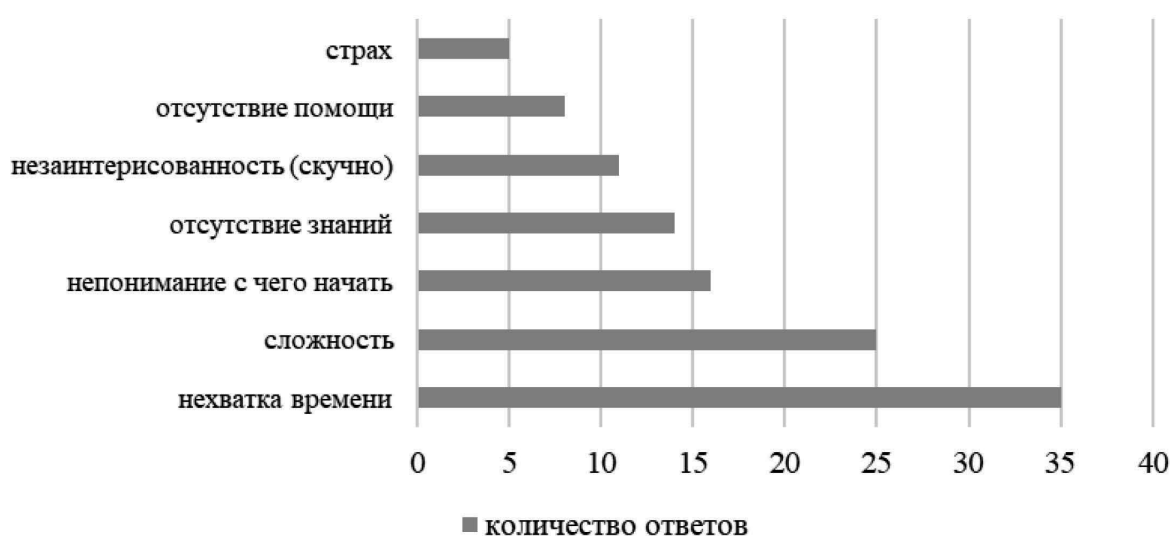

Рис. 1. Диаграмма, отражающая распределение негативных факторов согласно ответам респондентов
Источник: Составлено авторами на основании проведенного опроса

передач (38 человек), участие в форумах, интерактивах, мастер-классах (36 человек), посещение публичных лекций (33 человека). Общение с преподавателями как часть научной деятельности стало наименее популярным ответом (9 человек), что может свидетельствовать о том, что для большинства студентов преподаватель неразрывно связан с процессом обучения, но не интеграцией в науку.

Тем не менее, переходя к вопросам о заинтересованности студентов к науке и исследованиям, большинство опрошенных отметили, что у них есть идеи, темы и вопросы, которые, по их мнению, было бы интересно изучить/исследовать (86 человек из них: «возможно» ответили 45 человек, «да» – 41 человек), четверть опрошенных ответили, что у них нет научных идея для дальнейшего изучения и развития (28 человек).

Для выработки стратегий вовлечения студентов в научно-исследовательскую работу, необходимо рассмотреть факторы, мотивирующие обучающихся заниматься НИД (см. рисунок 2).

По результатам опроса, наиболее мотивирующим для занятий научной деятельностью, является возможность получения материального вознаграждения (79 человек). Второе место по полярности разделили сразу два фактора: возможность расширить профессиональные знания (55 человек) и возможность самосовершенствования (55 человек). Полученные ответы позволяют предположить, что для студентов гуманитарных специальностей

научная деятельность представляет собой один из способов саморазвития и самореализации. Материальное вознаграждение за научно-исследовательскую деятельность может быть получено студентами в рамках назначения повышенной государственной академической стипендии за особо-значимые достижения в учебной, научно-исследовательской, общественной, культурно-творческой и спортивной деятельности [10]. Кроме того, достижения в научно-исследовательской деятельности учитываются при проведении конкурсного отбора на назначение стипендий Президента и Правительства Российской Федерации, а также других именных стипендий.

В результате опроса было выявлено, что наиболее интересной формой реализации НИРС является участие в дискуссиях и проектах (36 человек). Проведение исследований (29 человек) и публичных выступлений (конференции) (26 человек) являются второй и третьей по заинтересованности формой научной деятельности. Последнее место в данном опросе занимает написание научных работ (23 человека).

В рамках нашего исследования обучающихся также просили в свободной форме и анонимно выразить свои пожелания или идеи, касающиеся повышения интереса к научной и исследовательской деятельности. Все изложенные предложения можно разделить на четыре группы:

- уменьшение учебной нагрузки у студентов, задействованных в научно-исследовательской деятельности;

Привлекающие факторы

Рис. 2. Диаграмма, отражающая распределение мотивирующих факторов согласно ответам респондентов
Источник: Составлено авторами на основании проведенного опроса¹

¹ Ответ включал в себя возможность множественного выбора

- практико-ориентированность научной деятельности, в том числе привлечение сторонних специалистов, занимающихся научно-исследовательскими работами;
- наличие научного руководителя как харизматичного лидера и высококвалифицированного наставника;
- популяризация научной деятельности в ВУЗе.

Проанализировав материалы и результаты исследования, мы смогли выделить следующие факторы, влияющие на снижение мотивации и заинтересованности в реализации научно-исследовательской деятельности среди студентов гуманитарных специальностей.

- Сложность совмещения основного образовательного процесса и научно-исследовательской деятельности. Ввиду недостаточности интеграции науки в образование многие студенты-гуманитарии воспринимают научную деятельность отдельно от учебного процесса, считая, что для занятий наукой требуются дополнительные временные ресурсы. Кроме того, отсутствие гибких форматов участия с использованием информационных компьютерных технологий затрудняет включение в научную деятельность [11].
- Отсутствие чёткого понимания практической пользы научной работы. Многие студенты гуманитарных специальностей считают, что их исследования не имеют реального применения в профессии. В отличие от технических и естественно-научных направлений, где результаты исследований часто внедряются в производство или технологии, гуманитарные работы воспринимаются как абстрактные и невостребованные [12].
- Недостаток мотивации со стороны преподавателей. Некоторые преподаватели не уделяют достаточного внимания вовлечению студентов в научную-исследовательскую работу, ограничиваясь формальной научной деятельностью, включённой в учебный процесс. Отсутствие индивидуального подхода и менторской поддержки снижает интерес к исследованиям.
- Дефицит финансовой поддержки. Гуманитарные науки традиционно финансируются менее активно, чем технические [13]. Студенты понимают, что возможности монетизации их исследований ограничены, а стипендиальная поддержка оказывается только тем студентам, кто обучается за счёт федеральных или региональных средств государства (на бюджетной основе). Невозможность получения дополнительного материального поощрения демотивирует студентов, которые обучаются на договорной основе.

Решение вышеперечисленных проблем и повышение мотивации студентов может быть достигнуто следующими способами:

- демонстрацией практической значимости науч-

ного исследования в гуманитарной области. Необходимо показывать студентам, как их научная работа может быть полезна в реальной жизни: публикация статей в научных и научно-популярных журналах, участие в прикладных проектах (проведение социологических исследований для некоммерческих организаций, осуществление переводческой деятельности по заданию стороннего заказчика, участие в проведении лингвистических экспертиз, организация исторических реконструкций для музеев). Кроме того, необходимо подчеркнуть связанность научно-исследовательской деятельности с будущей профессией;

- стимулированием обучающихся посредством привлечения их к участию в грантах, конкурсах и стажировках. Как правило, данный способ мотивации реализуется на государственном или региональном уровне, а также на уровне руководства высшего учебного заведения, однако преподаватели, кураторы и научные наставники могут информировать студентов о возможности участия в конкурсах с призовым фондом, а также о возможностях получения повышенных и именных стипендий. Кроме финансовой поддержки многим студентам интересны программы обмена и стажировки в научных центрах;
- вовлечением студентов в научную деятельность через наставничество. Преподаватели и кураторы могут играть ключевую роль в мотивации обучающихся, если сами заинтересованы в осуществлении научной деятельности и передачи студентам не только знаний в рамках изучаемых дисциплин, но и навыков исследовательской деятельности. Инициативный преподаватель может сам предложить актуальные темы исследования, связанные с современными проблемами, организовать научные кружки и дискуссионные клубы. Кроме того, преподаватель выполняет роль наставника и оказывает содействие и помощь студентам с публикациями и участием в конференциях, выступая в качестве научного руководителя;
- «гибкими» форматами научной работы. Помимо интеграции науки и образования для оптимизации временных ресурсов, студенты гуманитарных направлений могут внедрять в свои исследования ряд современных компьютерных технологий, например осуществлять дистанционные исследования (изучение оцифрованных архивных документов, проведение онлайн-опросов и т.д.), реализация краткосрочных научно-исследовательских проектов (анализ конкретного кейса за 1–2 месяца, с последующим расширением исследования в случае заинтересованности студента), организация коллективных исследований (работа в команде снижает нагрузку, позволяя распределять и делегировать выполнение задач членам исследовательской группы).

Подведем итоги

Повышение мотивации к научной деятельности у обучающихся требует комплексного подхода: от изменения восприятия значимости их исследований до создания практических стимулов. Важно показать, что гуманитарные науки не менее важны для общества, чем технические, а участие в НИД открывает новые карьерные и личностные возможности. Университетам, преподавателям и самим студентам необходимо активнее взаимодействовать, чтобы научная работа стала не обязанностью, а осозанным и интересным выбором.

Проведенное исследование позволило выявить ключевые проблемы, связанные с вовлеченностью студентов гуманитарных специальностей в научно-исследовательскую деятельность, а также предложить пути их решения. Основными барьерами, препятствующими активному участию студентов в научной работе, являются: сложность совмещения учебного процесса и НИД, недостаточное понимание практической значимости исследований, отсутствие мотивации со стороны преподавателей и дефицит финансовой поддержки.

Результаты опроса показали, что, несмотря на интерес студентов к науке, многие из них сталкиваются с нехваткой времени, непониманием того, как начать заниматься исследованиями. Обучающиеся не видят перспектив такого вида деятельности. В то же время, такие факторы, как материальное вознаграждение, возможность профессионального роста и самореализации, могут стать мощными стимулами для вовлечения студентов в научную деятельность.

Реализация мер, направленных на повышение мотивации и активности студентов гуманитарных специальностей к участию в научно-исследовательской деятельности, не только повысит вовлеченность студентов в научную работу, но и будет способствовать их профессиональному и личностному развитию, что соответствует целям «Десятилетия науки и технологий» в России. Интеграция науки в образование, а также создание благоприятных условий для исследовательской работы студентов гуманитарных специальностей, позволят раскрыть их потенциал и укрепить роль гуманитарных наук в решении актуальных задач общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47771> (дата обращения: 16.04.2025).
2. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. — URL: <https://base.garant.ru/70291362/> (дата обращения: 16.04.2025).
3. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки [Электронный ресурс]. — URL: https://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Spec/450501_C_3_18062021.pdf (дата обращения: 23.04.2025).
4. Чертовских О.О. Научно-исследовательская работа студентов вуза как важное звено подготовки конкурентоспособного специалиста / О.О. Чертовских // Человеческий капитал. — 2023. — № 12 (180), ч. 1. — С. 219–226.
5. Методические рекомендации по организации научно-исследовательской деятельности студентов [Электронный ресурс]. — URL: <https://ivo.garant.ru/#/document/70291362/paragraph/11056039:0> (дата обращения: 24.04.2025).
6. Положение о научно-исследовательской работе студентов [Электронный ресурс]. — URL: https://togudv.ru/togudb_storage/126/digital_materials/files/id_48/nir_stud_pr001_297_140716.pdf (дата обращения: 25.04.2025).
7. Цветкова И.В., Горбункова Д.Н. Эффективность научно-исследовательской деятельности студентов в контексте реформирования высшего образования / И.В. Цветкова, Д.Н. Горбункова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2016. — № 6 (июнь). — URL: <http://e-koncept.ru/2016/16117.htm> (дата обращения: 23.04.2025).
8. Минина Т.Б., Возмилов И.Д. Организация научно-исследовательской работы студентов: учебное пособие. / Т.Б. Минина, И.Д. Возмилов. — Екатеринбург: Изд-во УрГЭУ, 2018. — 93 с.
9. Рейтинг вузов России RAEX-100 [Электронный ресурс]. — URL: https://raex-rr.com/files/analytics/RAEX-100_2024_analytics.pdf (дата обращения: 25.04.2025).
10. Порядок участия студентов в научных конкурсах [Электронный ресурс]. — URL: https://togudv.ru/media/filer_public/33/fd/33fdc3af-2932-429a-8800-228a8a85060e/porydok-uchastiya-pfas-togu-02112024.pdf (дата обращения: 25.04.2025).
11. Головачёва В.Н., Баширов А.В., Накипова Г.Н., Ханов Т.А. Исследование факторов активизации научно-исследовательской работы студентов с использованием процесса итеративной экспертизы / Головачёва В.Н., Баширов А.В., Накипова Г.Н., Ханов Т.А. // Образование и наука. — 2024. — № 7. — С. 44–69.
12. Андреева С.Л. Практическая значимость гуманитарных исследований / С.Л. Андреева // Гуманитарно-педагогические исследования. — 2022. — Т. 6, № 3. — С. 65–75.
13. Рубвальтер Д.А., Либкинд А.Н., Шувалов С.С. Грантовое финансирование и развитие отечественной социогуманитарной науки: библиометрический анализ / Д.А. Рубвальтер, А.Н. Либкинд, С.С. Шувалов // Власть. — 2015. — № 8. — С. 5–13.

© Симонова Елена Петровна (006068@togudv.ru), Юрченко Екатерина Дмитриевна (011270@togudv.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАКТИЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ ЛОГИСТИЧЕСКИХ КАДРОВ ЧЕРЕЗ УНИВЕРСИТЕТСКО-ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО И ОЦЕНКА ЕЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ¹

Цао Илин

Преподаватель, Хэйхэский университет, (г. Хэйхэ, Китай)

351587399@qq.com

THE MODEL OF FORMATION OF PRACTICAL COMPETENCIES OF LOGISTICS PERSONNEL THROUGH UNIVERSITY-ENTREPRENEURIAL COOPERATION AND EVALUATION OF ITS EFFECTIVENESS

Cao Yilin

Summary: The article reveals a problem of forming the practical competencies of logistics personnel in the context of the transformation of logistics processes and the digitalization of the economy. The research suggests a model for the formation of practical competencies based on university-entrepreneurial cooperation, which provides for a three-level training system in the format of «courses – trainings – projects». The model describes the structure and content of each level. The results of the study confirm the effectiveness of the proposed model in the formation of demanded practical competencies of logistics personnel.

The purpose of the article is to develop a model for the formation of practical competencies of logistics personnel based on university-business cooperation, which provides for a three-level training system «courses – trainings – projects».

The research objectives are to develop a model for the formation of practical competencies of logistics personnel based on university-entrepreneurial cooperation, with an emphasis on the informed choice and application of methods aimed at improving student's practical skills and evaluating its effectiveness.

The research methodology is based on a systematic approach. The methods of the general scientific group were used in the work: analysis, synthesis, induction, deduction, as well as the formal-logical approach. Based on the results, the author concluded that the construction of a university-entrepreneurial cooperation is considered as an effective mechanism for improving the quality of training specialists capable of successfully working in an innovative economy.

Keywords: logistics personnel, practical competencies, university-entrepreneurial cooperation, three-level training system, assessment of the quality of training, professional competencies, efficiency assessment.

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы формирования практических компетенций логистических кадров в условиях трансформации логистических процессов и цифровизации экономики. В рамках исследования предлагается модель формирования практических компетенций на основе университетско-предпринимательского сотрудничества, предусматривающая трехуровневую систему обучения в формате «курсы – тренинги – проекты». В модели описывается структура и содержание каждого уровня. Результаты исследования подтверждают эффективность предложенной модели в формировании востребованных практических компетенций логистических кадров. Цель статьи заключается в том, чтобы разработать модель формирования практических компетенций логистических кадров на основе университетско-предпринимательского сотрудничества, предусматривающего трехуровневую систему обучения «курсы – тренинги – проекты». Задачи исследования состоят в разработке модели формирования практических компетенций логистических кадров на основе университетско-предпринимательского сотрудничества с акцентом с учетом обоснованного выбора и применении методов, направленных на повышение практических навыков студентов, и оценка ее эффективности.

Методология исследования основана на системном подходе. В работе применялись методы общенаучной группы: анализ, синтез, индукция, дедукция, а также формально-логический подход.

По итогу проведенного исследования автор статьи пришел к выводу о том, что университетско-предпринимательское сотрудничество рассматривается как эффективный механизм повышения качества подготовки специалистов, способных успешно работать в инновационной экономике.

Ключевые слова: логистические кадры, практические компетенции, университетско-предпринимательское сотрудничество, трехуровневая система обучения, оценка качества обучения, профессиональные компетенции, оценка эффективности.

¹ Проект специального фонда Хэйхэского университета по финансированию операционных расходов на фундаментальные научные исследования по основным предметам высшими учебными заведениями провинции Хэйлунцзян в 2023 году (номер проекта: 2023-KYYWF-1118).

Введение

Актуальность темы исследования состоит в том, что современная логистика характеризуется динамичным развитием, обусловленным глобализацией, технологическими инновациями и ростом требований к качеству и скорости обслуживания, и предъявляет высокие требования к профессиональным компетенциям кадров, занятых в управлении цепями поставок, транспортной логистике, складировании и других областях. Для эффективного функционирования логистических систем необходимы высококвалифицированные кадры, обладающие не только теоретическими знаниями, но и практическими компетенциями, позволяющими решать сложные задачи в условиях реального бизнеса.

Проблема исследования определяется тем, что в настоящее время существует разрыв между знаниями, полученными в университетах, и требованиями работодателей. Традиционные образовательные программы часто не успевают за изменениями в логистической отрасли, а выпускники не обладают достаточным опытом практической работы. В связи с этим, актуальной задачей является разработка и внедрение новых моделей формирования практических компетенций логистических кадров, ориентированных на потребности рынка труда [8, с. 175].

Решением данной проблемы является поиск новых подходов и моделей, ориентированных на потребности рынка труда. В последние годы все большее внимание уделяется университетско-предпринимательскому сотрудничеству как эффективному инструменту повышения конкурентоспособности образования и подготовки кадров для инновационной экономики. Университетско-предпринимательское сотрудничество позволяет университетам получать доступ к актуальным знаниям и практическому опыту бизнеса, а предприятиям – привлекать квалифицированных специалистов и решать реальные задачи с помощью научных исследований.

Методы и материалы

Материалами теоретической части исследования послужили тезисы, изложенные в работах таких авторов, как А.А. Абаев [4], В.Н. Акулинин [4], Б.А. Аникина [3], В.В. Волкова [4], А.Г. Голова [4], В.О. Евсеев [2], Ю.В. Зелепухин [13], Т.Н. Карпович [7], Н.А. Логинова [8], М.М. Манушкина [5], О.А. Остыловская [5], В.Н. Шестаков [5], В.И. Пантелеев [6], А.П. Панфилова [8], О.И. Пашкевич [7], А.В. Тебекин [10], А.Ю. Туркина [13], П.Э. Шендерей [13], Е.Э. Шендерей [13], Н.В. Черняк [11], О.Л. Чуланова [12], и др.

Некоторые положения и гипотезы были нами приняты из работ таких исследователей, как С.Б. Баязитов [1], Д.С. Василина [1], И.В. Глухова [9], Е.Д. Жукова [1], Н.А. На-

зарова [9], С.Д. Резник [9], А.Е. Черницын [9] и др.

Проведенное исследование базируется на системном подходе. В работе применялись методы общенаучной группы: анализ, синтез, индукция, дедукция, а также формально-логический подход. В исследовании были задействованы методы работы с информацией, а также анализ примерных рабочих программ практики по изучаемому направлению подготовки.

Результаты и обсуждения

Компетенция – это способность применять знания, умения и личные качества для успешного выполнения определенной деятельности. Практические компетенции логистических кадров включают в себя умение решать конкретные задачи в области управления цепями поставок, складирования, транспортировки, таможенного оформления и т.д.

Анализ качества профессиональной подготовки обучающихся целесообразно начать с концептуализации сущности самого понятия «профессиональная подготовка». Несмотря на распространенность термина в научной литературе и обиходной речи, его однозначная дефиниция остается проблематичной, что обусловлено разнообразием методологических подходов, применяемых исследователями при изучении и интерпретации профессиональной подготовки специалистов, ориентированных на логистическую отрасль.

В последнее время наблюдается значительный рост исследовательского интереса к проблематике профессиональной подготовки, что продиктовано глобальной тенденцией к повышению требований к качеству образовательного процесса. Данная тенденция касается как студентов в рамках базового обучения, так и практикующих специалистов, проходящих программы переподготовки непосредственно на предприятиях.

Ряд исследователей рассматривают профессиональную подготовку как опыт, обеспечивающий приобретение компетенций, необходимых для осуществления высококачественной профессиональной деятельности в сфере логистики. В контексте организационной эффективности, термин «компетенция» относится к ключевой сфере деятельности, где индивидуум должен продемонстрировать интегрированный набор знаний, навыков, поведенческих паттернов, когнитивной гибкости и профессионально значимых личностных атрибутов.

Содержательная специфика профессиональных компетенций является производной от основной образовательной программы (ООП), разрабатываемой высшим учебным заведением. Формулировка целей ООП ВО требует дифференциации на общесистемные аспекты (раз-

витие личностных качеств обучающихся, соответствие требованиям ФГОС ВО) и компоненты, отражающие уникальность программы (характеристики студенческого контингента, ориентация на запросы работодателей) [4, с. 32]. При реализации ООП в партнерстве с внешним предприятием, необходимо явное указание его юридического наименования. Для программ прикладного бакалавриата требуется обозначение возможных траекторий квалификационного роста по рабочей профессии или должности служащего.

Конкретные содержательные линии формируемых компетенций определяются в строгом соответствии с пунктом 4.3 ФГОС ВО, учитывая специфику выбранного профиля подготовки. ООП ВО должна ориентироваться либо на научно-исследовательскую и/или педагогическую деятельность (академический бакалавриат/магистратура), либо на практико-ориентированную/прикладную деятельность (прикладной бакалавриат/магистратура). Выбранные виды деятельности должны соответствовать типу программы (академическая/прикладная) в соответствии с пунктом 4.3 ФГОС ВО [4, с. 33]. На основе выбранных видов деятельности определяют конкретные задачи профессиональной деятельности.

Изучение каждой учебной дисциплины направлено на формирование целевых компетенций, идентифицируемых согласно ФГОС ВО. Компетенции, зафиксированные во ФГОС ВО, являются обязательными для включения в образовательную программу. Высшее учебное заведение вправе расширять перечень компетенций, учитывая профильную направленность своей ООП ВО. В структуре программы дисциплины/практики необходимо указывать перечень релевантных компетенций, соответствующих с данной дисциплиной в соответствии с матрицей формирования компетенций. Выбор компетенций осуществляется выпускающей кафедрой, согласованно с кафедрой-разработчиком [13, с. 89].

Важным элементом компетентного подхода является система оценки, позволяющая оценить степень сформированности компетенций, и включающая следующие критерии оценки:

- профессиональная компетентность отражает степень владения теоретическими знаниями и практическими навыками, необходимыми для решения профессиональных задач;
- коммуникативная компетентность отражает способность эффективно взаимодействовать с коллегами, клиентами и партнерами;
- информационная компетентность отражает умение искать, анализировать и использовать информацию для решения профессиональных задач;
- социально-личностная компетентность отражает ответственность, самостоятельность и способность к самообучению.

Формирование практических компетенций является ключевой задачей подготовки логистических кадров, поскольку именно они определяют способность выпускников успешно решать профессиональные задачи в условиях реальной бизнес-среды. Современная логистика требует от специалистов умения эффективно управлять цепями поставок, оптимизировать транспортные процессы, организовывать складскую деятельность и принимать решения в условиях неопределенности. В связи с этим, актуальной задачей является разработка и внедрение образовательных моделей, ориентированных на развитие практических навыков студентов.

Университетско-предпринимательское сотрудничество представляет собой эффективный механизм повышения качества подготовки специалистов, поскольку позволяет интегрировать в образовательный процесс реальные бизнес-задачи и привлекать практиков к обучению студентов. Однако для успешной реализации университетско-предпринимательского сотрудничества необходимо обосновать выбор и эффективно применять методы, направленные на повышение практических навыков студентов.

Предлагаемая модель формирования практических компетенций логистических кадров основана на трехуровневой системе обучения «курсы – тренинги – проекты» и предусматривает тесное взаимодействие между университетом и предприятиями логистической отрасли.

Уровень 1 охватывает систему обучения «курсы». Данный уровень включает в себя традиционные учебные курсы, охватывающие основные дисциплины логистики и управления цепями поставок. Целью данного уровня является формирование у студентов базовых теоретических знаний и понимания основных концепций. Важно, чтобы содержание курсов было актуализировано с учетом последних тенденций в логистической отрасли, а преподаватели имели опыт практической работы.

Уровень 2 охватывает систему обучения «тренинги». На данном уровне проводятся специализированные тренинги и мастер-классы, направленные на развитие конкретных практических навыков. Тренинги проводятся как преподавателями университета, так и приглашенными экспертами из логистических компаний. Примерами проводимых тренингов являются тренинг по использованию программного обеспечения для управления складом (WMS), тренинг по оптимизации маршрутов доставки, тренинг по управлению запасами, тренинг по таможенному оформлению.

Уровень 3 охватывает систему обучения «проекты». На данном уровне студенты участвуют в реальных проектах, выполняемых по заказу логистических компаний.

Проекты могут быть связаны с оптимизацией логистических процессов, разработкой новых логистических решений, анализом рынка и т.д. Студенты работают под руководством преподавателей университета и специалистов предприятий, а участие в проектах позволяет студентам применить полученные знания и навыки на практике, получить опыт работы в команде и решить реальные бизнес-задачи.

Для иллюстрации работы модели рассмотрим пример сотрудничества университета с ООО «XXX». На курсах студенты изучают дисциплины «Управление цепями поставок», «Складирование и грузопереработка», «Транспортная логистика». Содержание курсов актуализируется на основе кейсов и примеров из практики ООО «XXX». ООО «XXX» проводит тренинги по использованию WMS-системы, внедренной на складе компании. Эксперты компании делятся опытом оптимизации складских процессов и рассказывают о решении реальных проблем.

Далее студенты участвуют в проекте по оптимизации маршрутов доставки для ООО «XXX». Они анализируют данные о заказах, транспорте и дорожной сети, разрабатывают новые маршруты и оценивают их эффективность. Результаты проекта представляются руководству компании.

Система оценки качества обучения включает следующие показатели оценки: средний балл по профильным дисциплинам, результаты тестирования на знание теоретических основ логистики, оценка решения кейсов, отражающих реальные бизнес-ситуации, оценка выполнения проектов, направленных на решение конкретных задач предприятия, отзывы руководителей стажировок о практических навыках студентов, результаты участия в конкурсах профессионального мастерства, оценка портфолио, отражающего достижения студентов в учебной и внеучебной деятельности, результаты опроса работодателей об уровне подготовки выпускников. Предложенная система оценки качества обучения может быть использована в других университетах и образовательных программах для подготовки специалистов в области логистики и управления цепями поставок.

В педагогической практике существует широкий спектр методов, направленных на повышение практических навыков студентов. Обоснование выбора методов повышения практических навыков должно основываться на следующих критериях: соответствие целям и задачам образовательной программы, соответствие специфике логистической отрасли, активность студентов в образовательном процессе, возможность применения знаний и навыков на практике, наличие ресурсов для реализации методов.

Предлагаемая модель формирования практических компетенций логистических кадров в рамках универ-

ситетско-предпринимательского сотрудничества включает установление партнерских отношений с предприятиями логистической отрасли, заключение договоров о сотрудничестве, организация стажировок, привлечение практиков к проведению занятий и руководству проектами. Далее формируется определение перечня компетенций, необходимых для успешной работы в логистической сфере, и включение их в образовательные программы. При этом рекомендовано активное использование методов повышения практических навыков, применение кейс-стади, деловых игр, проектной работы, стажировок в образовательном процессе.

Рассмотрим возможности практической реализации методов повышения практических навыков.

В рамках курса «Управление цепями поставок» студенты анализируют кейсы, основанные на реальных ситуациях, возникающих в логистических компаниях. Например, кейс «Оптимизация складских процессов в компании X» требует от студентов разработать решения по повышению эффективности складской деятельности.

В рамках курса «Транспортная логистика» проводится деловая игра «Транспортная компания», в которой студенты управляют транспортной компанией, принимают решения о выборе маршрутов, закупке транспорта и управлении персоналом.

Студенты выполняют проекты по заказу предприятий логистической отрасли. Например, проект «Разработка системы управления запасами для компании Y» требует от студентов разработать систему управления запасами, позволяющую снизить затраты на хранение и обеспечить своевременное выполнение заказов.

Студенты проходят стажировки на предприятиях логистической отрасли, где выполняют реальные задачи под руководством опытных специалистов. Например, студент проходит стажировку в транспортной компании, где участвует в разработке маршрутов доставки и анализе транспортных затрат.

Предлагаемая концептуальная модель разработана, исходя из признания стратегической важности развития логистической деятельности. Ее созданию предшествовал комплексный анализ, включающий изучение текущего состояния деятельности логистических компаний, релевантной нормативно-правовой базы, стандартов обслуживания, а также профессиональных стандартов, регулирующих сферу подготовки логистических кадров. Результаты анализа выявили ряд проблемных зон, касающихся, в частности, корректного оформления транспортной документации и недостаточной практической подготовки логистических кадров. Центральным элементом модели является достижение конкретного

результата – формирование профессиональных компетенций, необходимых для эффективной работы в сфере логистики.

Целевой блок модели фокусируется на формировании профессиональных компетенций специалиста логистической деятельности и структурирует все остальные компоненты в контексте факультативного курса [9, с. 127]. В основу разработанной модели положены ключевые компетенции, идентифицированные в ходе опытно-экспериментальной работы. Планируется, что в результате успешного прохождения факультативного курса, ориентированного на подготовку к производственной (сервисной) практике, студенты, обучающиеся по направлению «логистика», продемонстрируют сформированность следующих компетенций: универсальная компетенция УК-1 (системное и критическое мышление), универсальная компетенция УК-3 (командная работа и лидерство), универсальная компетенция УК-6 (самоорганизация и саморазвитие), а также специализированных компетенций, относящихся к областям «качество» и «менеджмент».

По результатам анализа сформированности знаний, умений и навыков студентов в процессе освоения факультативного курса «Специалист логистической деятельности», был разработан результативно-оценочный блок модели, включающий следующие уровни:

Первый уровень (низкий) профессиональных компетенций характеризуется пассивностью в познавательной деятельности, декларативной самостоятельностью, неаккуратностью и поверхностным отношением к выполнению обязанностей. Профессиональные знания носят фрагментарный и несистематизированный характер. Отсутствует способность к эффективному взаимодействию с различными категориями людей и достижению коммуникативных целей. Недостаточно развиты компетенции и навыки, необходимые для решения поставленных задач.

Второй уровень (средний) профессиональных компетенций показывает, что студент демонстрирует знание основных методов и техник коммуникации с потребителями, основанных на понимании психологических особенностей их поведения, а также базовых принципов обеспечения безопасности на предприятии и структуры обслуживания с учетом влияния природных и социальных факторов. Способен применять полученные знания в практической деятельности, развивать навыки самоорганизации и самообразования, планировать эффективные коммуникации, ориентированные на индивидуальный подход к потребителям, описывать структуру и принципы функционирования предприятия, применять современные научные подходы и методы для исследования рынка логистических

услуг, осуществлять сбор, анализ и обработку данных. Владеет информацией о состоянии транспортной инфраструктуры в различных регионах Российской Федерации, обладает навыками грамотной письменной и устной речи, способностью к эффективной коммуникации в профессиональной сфере, демонстрирует культуру речи.

Третий уровень (высокий) профессиональных компетенций показывает, что студент демонстрирует глубокое понимание современных научных принципов и методов анализа рынка логистических услуг, а также различных источников информации, необходимых для осуществления проектной деятельности в сфере логистики. Уверенно применяет полученные знания в практической деятельности, способен эффективно взаимодействовать с различными категориями людей и достигать поставленных коммуникативных целей.

По итогам проведенного исследования было выявлено, что в рамках настоящего исследования, акцентируется значимость системного подхода к формированию профессиональных компетенций специалиста логистической деятельности. В предложенной концепции, данный подход подразумевает скоординированное взаимодействие между инструментами организационного стимулирования и последовательными усилиями преподавательского состава, осуществляемое в соответствии с четко сформулированной маркетинговой стратегией образовательного процесса.

Системный подход в контексте разработанной модели представляет собой поэтапный процесс развития профессиональных компетенций посредством факультативного курса, включающий в себя непрерывную модернизацию учебно-воспитательного процесса и расширение его содержательной базы. Генеральная цель заключается в обеспечении устойчивой мотивации студента к выбору данной профессиональной траектории и оптимизации его деятельности с целью повышения его конкурентоспособности на рынке труда. На основе организационно-содержательного блока, представленного в модели, были разработаны разнообразные формы и средства обучения, а также определены уровни развития профессиональных компетенций.

Выводы

В рамках проведенного исследования можно сформулировать следующие выводы: трехуровневая система обучения позволяет студентам получить не только теоретические знания, но и практические навыки, востребованные работодателями. Предложенная модель формирования практических компетенций логистических кадров на основе университетско-предпринимательского сотрудничества, предусматривающая трехуров-

невую систему обучения «курсы – тренинги – проекты», является эффективным инструментом повышения конкурентоспособности образования и подготовки кадров для логистической отрасли. Внедрение данной модели

позволит выпускникам получить востребованные практические компетенции, повысить свою конкурентоспособность на рынке труда и успешно строить карьеру в сфере логистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баязитов, С.Б., Василина, Д.С., Жукова, Е.Д. Формирование социально-гуманитарной компетенции в современной системе подготовки педагогических кадров: учебное пособие / под науч. ред. В.Л. Бенина. – 3-е изд., стер. – М.: Флинта, 2021. – 247 с.
2. Евсеев, В.О. Деловые игры по формированию экономических компетенций: учебное пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2025. — 288 с.
3. Логистика: учебник / под ред. Б.А. Аникина. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2025. – 320 с.
4. Образование 4.0: конкуренция, компетенции, коммуникации и креатив: сборник научных трудов по материалам VII Международной научно-практической конференции (Москва, 4 апреля 2023 г.) / ред. кол. А.А. Абаев, А.Г. Голова, В.В. Волкова, В.Н. Акулинин. – М.: РГГУ, 2023. – 189 с.
5. Остыловская, О.А., Манушкина, М.М., Шестаков, В.Н. Профессиональные компетенции: структура, состав, особенности формирования: учебное пособие. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2020. – 62 с.
6. Пантелеев, В.И. Конкурс рецензий как форма обучения логистике в условиях дистанционного обучения // Логистика: форсайт-исследования, профессия, практика. материалы I Национальной научно-образовательной конференции. – 2020. – № 1. – С. 334-338.
7. Пашкевич, О.И., Карпович, Т.Н. Формирование предпринимчивости как ключевой компетенции педагогических работников системы профессионального образования: учебно-методическое пособие. – Минск: РИПО, 2023. – 164 с.
8. Развитие предпринимательских компетенций при обучении менеджменту в социальной сфере: учебно-методическое пособие / под ред. проф. А.П. Панфиловой, доц. Н.А. Логиновой. – С-Пб: РГПУ им. Герцена, 2019. – 240 с.
9. Резник, С.Д., Глухова, И.В., Назарова, Н.А., Черников, А.Е. Основы предпринимательской деятельности: содержание деятельности, качества и компетенции, профессиональная карьера, личная организация предпринимателя: учебное пособие; под общ. ред. С.Д. Резника. – 4-е изд., стер. – М.: ИНФРА-М, 2019. – 224 с.
10. Тебекин, А.В. Логистика: учебник. – 4-е изд., стер. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2023. – 354 с.
11. Черняк, Н.В. Межкультурная компетенция: история исследования, определение, модели и методы контроля: монография. – 2-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2021. – 264 с.
12. Чуланова, О.Л. Методология исследования компетенций персонала организаций: монография. – М.: ИНФРА-М, 2022. – 121 с.
13. Шендерей, П.Э., Шендерей, Е.Э., Туркина, А.Ю., Зелепухин, Ю.В. Развитие профессиональных компетенций бакалавров психолого-педагогического образования: монография. – М.: Директ-Медиа, 2022. – 120 с.

© Цао Илин (351587399@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОНЦЕПТ «ГРЕХ» В ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ РУССКОГО И ДАРГИНСКОГО ЯЗЫКОВ

THE CONCEPT OF "SIN" IN PROVERBS AND SAYING OF THE RUSSIAN AND DARGINIAN LANGUAGES

S. Alieva
Z. Sultanakhmedova

Summary: The article is devoted to the study of the national and cultural specificity of the concept of "sin". Russian and Dargin proverbs representing the concept of «sin» are considered. It has been revealed that the concept of «sin» in Russian and Dargin paremiology is primarily associated with religious discourse. The Russian mentality reflects the close interaction of the Christian and folk world views. Dargin proverbs combine religious, ethical and ethno-linguistic discourses. The analysis of proverbs also showed that a comparative study of Russian and Dargin proverbs is of interest for the practice of intercultural communication.

Keywords: sin, concept, national and cultural specifics, proverbs, religious discourse.

Алиева Самая Азеровна

к.ф.н., доцент, Дагестанский государственный
университет (г. Махачкала)
samaya.alieva.00@mail.ru

Султанахмедова Загидат Азизовна

Дагестанский государственный университет
(г. Махачкала)
zagidatsultsnshmedova@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена исследованию национально-культурной специфики концепта «грех». Рассмотрены русские и даргинские паремии, репрезентирующие концепт «грех». Выявлено, что концепт «грех» в русской и даргинской паремиологии связан в первую очередь с религиозным дискурсом. Русская ментальность отражает тесное взаимодействие христианской и народной картин мира. Даргинские паремии сочетают в себе религиозный, этический и этнолингвистический дискурсы. Анализ пословиц также показал, что сравнительное изучение русских и даргинских паремий представляет интерес для практики межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: грех, концепт, национально-культурная специфика, паремии, религиозный дискурс.

Пословицы и поговорки представляют собой яркие и значимые элементы языковой картины мира, которые передают мудрость и традиции народа. Они накапливают в себе национальный образ мыслей, особенности менталитета, социальные стереотипы, общественные нормы и этические принципы. Будучи лаконичными по форме, паремии содержат в себе концентрированную мудрость народа, передавая через поколения знания о традициях, быте и духовных ценностях. Они не просто фиксируют типичные жизненные ситуации, но и формируют систему правил и установок, выработанных этносом на протяжении столетий.

Как универсальное явление пословицы и поговорки привлекают к себе внимание исследователей различных языков и культур. В этой связи можно отметить работы Адамовой С.А. [1], Гасановой М.А., Мазанаева Ш.А. [2], Селиверстовой Е.И. [3].

При изучении паремий эффективно использование методологического синтеза. Концепты вербально эксплицируются в паремиях, в том числе русских и даргинских. Однако следует отметить, что даргинская паремиология стала объектом изучения сравнительно недавно. Зачастую пословицы и поговорки в даргинском языке рассматривались вместе с фразеологизмами. Исследование даргинских паремий встречается в работах сопоставительного характера. К ним относятся исследования Р.А. Майтиевой [4]. Алиевой С.А.,

Абдулманаповой М.М. [5].

Цель данной статьи – выявление универсальных и этноспецифических способов воплощения концепта «грех» в паремиологическом фонде русского и даргинского языков.

Материалом для исследования послужили сборники русских [6], [7], [8], и даргинских [9] пословиц и поговорок. Даргинские примеры даются с русским авторским переводом.

Понятие «грех» имеет глубокий смысл и варьируется в зависимости от религиозной, философской и культурной традиции. В общем смысле, грех это нарушение нравственного, духовного или религиозного закона, поступок или состояние, противоположное добру, истине и Богу. В христианской традиции грех трактуется как любое отклонение от Божьих заповедей, которое может быть как сознательным и добровольным, так и не осознанным или вынужденным, будь то действие, слово или мысль.

Слово «грех» уходит корнями в глубокую древность и несёт в себе отпечаток как языческих, так и христианских представлений о морали и поступке. Оно восходит к праславянскому *grъxъ*, а ещё глубже – к общеславянскому *grěxъ*, которое, по мнению лингвистов, связано с идеей проступка, отклонения от должного [10].

Изначальное значение этого слова – не столько злонамеренное преступление, сколько «ошибка, промах, вина», то есть действие, нарушающее установленный порядок. С принятием христианства «грех» наполнился новым, религиозным смыслом: он стал восприниматься как нарушение Божьего закона, духовное падение.

Любопытно, что аналогичное значение встречается и в других языках. Например, древнегреческое «ἁμαρτία (hamartia)» буквально означает «промах мимо цели», а латинское «peccatum» также передаёт идею проступка. Таким образом, в разных культурах грех, прежде всего, рассматривался как «отклонение от истины», ошибка пути, а не изначально злое деяние.

Религиозная лексика русского языка представляет собой уникальный пласт духовного наследия, отражающий многовековую традицию православного христианства. В отличие от исламской традиции с ее акцентом на арабский оригинал, русская религиозная лексика прошла сложный путь адаптации и переосмысления византийского наследия.

К XIX веку значение слова «грех» значительно расширилось и стало включать не только религиозные нарушения, но и такие понятия, как вина, несчастья, пороки, обман, слабости и прочие негативные проявления. В XX веке традиционное христианское понимание греха как нарушения божественных заповедей уже рассматривалось как устаревшее.

Воровство в русском фольклоре – это не просто правонарушение, а нравственный поступок, разрушающий общественный уклад. Пословицы, как носители народной мудрости, передают устойчивое отношение к краже как к недопустимому деянию, которое влечет за собой не только юридическую, но и моральную расплату. Русский народ осуждает воровство, связывая его с другими грехами – ложью, лицемерием, предательством. «Кто украл – тот и соврал», «Чужое брать – свое терять». Но грехом считается и провоцирование кражи: «Плохо не клади — вора в грех не вводи». Некоторые пословицы оправдывают воровство: «Солдату не грех поживиться» или «Солдат не украл, а просто взял».

К порицаемым качествам причисляют: ложь – «Всякая неправда – грех», «Врать грешно», болтливость – «Меньше говори – меньше греха», «Кто много говорит, много грешит». «Делающему один грех, говорящему – все», «Делать – грех, а говорить об этом – стыд». Одним из грехов является и хвастовство – «Кто своими грехами хвастает, вдвойне грешен».

В русской культуре бедность часто считается грехом: «Нет греха хуже бедности». Также бедность рассматривают как причину совершения греха: «Бедность не грех, но

до греха доводит», «Бедность не порок», где слово «порок» равнозначно слову «грех».

Как бедность – грех, так и богатство: «Денег много — великий грех; денег мало – грешней того». В аналогичных пословицах выявляется связь между богатством и грехом, так как богатство достигают противозаконными способами.

В русской народной речи можно обнаружить пословицы, в которых понятие греха рассматривается через призму повседневных норм поведения и этикета, а не через строгое моральное осуждение. В подобных выражениях чаще поднимаются вопросы бытового характера – поступки, особенности характера или душевные проявления, которые могут восприниматься как неуместные, но квалифицируются как серьезные поступки с этической точки зрения. Так, например, распространены высказывания вроде: «Не зорно спросить – отказ не трагедия», «Кашель не вина, хоть век продолжай», «Небольшая усмешка – не преступление», «Молодость не укор, да и старость – не повод для насмешки».

Человека, который совершил грех, называют грешником или греховодником. Естественно, что человек стремится скрыть следы своих прегрешений: «Грех под лавку, а сам на лавку», «Большой грех – в большой мех, маленькие грехи – в маленькие мехи». Но спрятать грех невозможно: «Грех не уложить в мех». Пословицы утверждают, что грех рано или поздно раскроется: «Греха не смоешь», «Грех (неправда) выйдет наружу», «Согрешил – накрошил, и не выхлебать будет».

В христианской традиции грех связан с неминуемыми душевными страданиями: «Кто виноват, тот и кается», «Кто согрешил, тот и мается». Часто применяется метафора бремени: «Тяжело грех носить».

Зачастую в русском языке тема греха представлена не как исключительно религиозная или нравственная категория, а как универсальное и неизбежное проявление человеческой природы. Во многих народных изречениях подчеркивается, что склонность к ошибкам – это естественная часть бытия, а не отклонение от нормы. Через образы и метафоры отражается мысль о том, что человек не может полностью избежать ни нравственных проступков, ни жизненных испытаний.

В христианской и исламской традициях душа рассматривается как нематериальная и бессмертная сущность, созданная Богом и являющаяся основой человеческой личности. В обеих религиях грех тесно связан с душой: считается, что душа сама по себе не является источником греха, однако на неё могут ложиться последствия чужих прегрешений. Согласно некоторым богословским концепциям, человек с момента рождения обладает предрасположенностью к греховности, а в процессе жизни каждое действие

может содержать элемент морального нарушения.

Таким образом, человеческое существование воспринимается как постоянное взаимодействие с грехом, что отражено в народных выражениях, подчеркивающих идею непрерывного накопления греховного опыта на протяжении жизни: «Сваха чужие грехи на душу принимает», «Невинная душа греху не причастна», «Что ступили, то согрешили», а вся жизнь расценивается как постоянная череда грехов: «Больше жить – больше грешить».

Следует отметить, что при изучении паремий необходим системный подход, учитывающий менталитет, культуру, историю того или иного этноса. В даргинском языке концепт «грех» может быть выражен лексемами, пословицами, поговорками, фразеологизмами.

Некоторые даргинские пословицы актуальны по сей день: *Нуни держибти кьулгьу-алх1ямличи шурдухъаб*. «То, что я выпил, пусть превратится в молитвы». В республике алкоголь и положительное отношение к нему воспринимается как грех, поэтому данное изречение быстро прижилось среди населения: *Дила банагъ кьулгьу-г1ялх1мликис духъаб*. «Пусть любой мой грех превратится в молитву за меня». Эта поговорка не выйдет из активного запаса, потому что много тех, кто живёт праздно, не задумываясь о спросе в загробной жизни.

К греховным деяниям относятся и сплетни. В некоторых районах женщины после сплетен говорят: *Нуни дурибти кьулгьу-г1ялх1ямлики шурдухъаб!* «Пусть сказанное мною превратится в суры Корана», или *Нуни дурсибти балгни детааб!* «Пусть мои слова станут мольбой (дуа)». Пословица *Лампачкалис диаб нушани дарибти дукелц1и* «Пусть лампочке будет наш смех» или как вариант *Лампачкалис диаб нушани дурибти мез*. «Пусть лампочке будут наши сплетни» имеют похожий смысл. По нормам ислама бурное веселье и сплетни порицаются, и этой пословицей они снимают с себя ответственность за грех и передают ее лампочке.

В даргинском языке, как и в русском, грехом считается ложь: *Къяна бурадли х1ят банагъбиу*. «Всякая неправда – грех»; *Къяна хуласи банагъ саби*. «Вранье – большой грех». Есть пословица, которая оправдывает человеческие ошибки: *Ца Аллагъ сай ках1еркуси*. «Не ошибается один Всевышний».

Во всех диалектах даргинского языка можно найти пословицу: *Чебаалли – х1ярам, х1ебаалли – х1яла*. «Увидят – грех, не увидят – благо». В русской паремиологии эта пословица имеет иной смысл, так как в Дагестане нормы поведения продиктованы безусловным соблюдением религиозных правил и адатов.

В даргинской культуре, как и в русской, грехом явля-

ется и богатство, нажитое нечестным трудом: *Илдада арц бунагъла сади*. «Их деньги нажиты грехами». Но бедность выступает не как грех, грех – стыдиться этого: *Арцаг арлиуруц майрут*. «Не стесняйся бедности».

Аллагъличи къакъмабирхъидну, х1ела някъбачи къакъбяхъа «Не на Аллаха надейся, а на свои руки» – призывает к ответственности и трудолюбию.

Балгнани анкли дашахъалри, къадиниилди х1еделг1и «Если бы от молитвы пшеница росла, мулла ее не сеял бы» – подчеркивает недопустимость пренебрежения земными делами под предлогом веры.

Гъала-гъала х1ела эмх1е чебетаахъили бигъа, г1ур Аллагъличи аманат бара «Сначала осла привяжи, потом на Бога уповай» – учит разумной предусмотрительности.

Даргинские пословицы закрепляют этико-религиозные нормы, регулирующие поведение человека: *Вебк1ни гъалабсаби, адамла у убях1бикниличиб* «Лучше смерть, чем позор». Это выражение передает высокую ценность личной репутации в традиционном обществе.

Как показал проведенный анализ, концепт *грех* в русских и даргинских пословицах отражает глубокие представления о морали, религиозных убеждениях и общественных нормах каждой культуры.

В русских паремиях отражено христианское мировоззрение на прочную связь греха и искушения, спасения и справедливости Всевышнего. Русский менталитет характеризует плотное сплетение и частичное взаимовлияние христианской религиозной картины мира и народных представлений. Таким образом, понятие греха находится на стыке этих двух мировоззрений, что указывает и на их близость, и на различия.

Даргинский паремиологический корпус представляет собой уникальный сплав религиозного, этического и этнолингвистического дискурсов, сохраняющий актуальность в современном культурном пространстве.

Паремиологические фонды русского и даргинского языков, сохраняя общие черты как малых фольклорных форм, демонстрируют значительное своеобразие, отражающее специфику национальных картин мира. Их сравнительное изучение представляет значительный интерес не только для теоретической лингвистики, но и для практики межкультурной коммуникации.

Сопоставительное изучение пословичных фондов русского и даргинского языков выявляет как универсальные черты, свойственные малым фольклорным формам, так и уникальные особенности, отражающие специфику национального мировосприятия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адамова С.М. Пословицы и поговорки, отражающие межличностные отношения в языках различных культур: лакском и английском: автореф. дис. ... канд. филол. наук, Махачкала, 2015. – 29 с.
2. Гасанова М.А., Мазанаев Ш.А. Религиозный и магический коды культуры в табасаранской паремиологической картине мира // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2014. – № 3 (145). – С. 46–53.
3. Селиверстова, Е.И. Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость / науч. ред. В.М. Мокиенко. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. – 296 с.
4. Майтиева, Р.А. Структурно-семантическая характеристика пословиц и поговорок даргинского языка в сопоставлении с английским: дис. ... канд. филол. наук. 10.02.20 / Р.А. Майтиева. – 2011. – 167 с.
5. Алиева С.А., Абдулманапова М.М. Концепт «семья» как ключевой концепт русского и даргинского языков // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. №1. 2023. – С. 106-109.
6. Жигулев А. Русские народные пословицы и поговорки. – М.: Изд-во «Московский рабочий», 1969. – 448 с.
7. Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: Лингвострановедческий словарь. – М.: Изд-во «Русский язык», 1979. – 240 с.
8. Пословицы русского народа: Сборник В. Даля. В 2-х т. Т. I. / Вступ. слово М. Шолохова. – М.: Художественная литература, 1989. – 431 с.
9. Даргинские народные поговорки и пословицы / Сост. М.Х. Гамидов, И.М. Омаров. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1991. – 208 с.
10. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: 13560 слов. 3-е изд. Т.2. – Москва: Изд-во «Русский язык», 1999. – 560 с.

© Алиева Самая Азеровна (samaya.alieva.00@mail.ru), Султанамедова Загидат Азизовна (zagidatsultsnshmedova@gmail.com).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НОМИНАЦИЯ ТОРГОВЫХ НАЗВАНИЙ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ

NOMINATION OF TRADE NAMES OF MEDICINAL PRODUCTS

**L. Baboshkina
E. Dykusova**

Summary: This article is devoted to the problem of word formation of trade names of medicines. The authors made an attempt to analyze trade names from the point of view of their form and content. The material for the study was trade names widely presented in the pharmaceutical market. The article is addressed to students and teachers of educational institutions of medical profile.

Keywords: trade name, medicinal product, pharmaceutical terminology, word formation, semantics, etymology.

Бабошкина Любовь Валентиновна

старший преподаватель, Алтайский государственный
медицинский университет (г. Барнаул)
Lyubov.baboshkina@mail.ru

Дыкусова Елена Витальевна

старший преподаватель, Алтайский государственный
медицинский университет (г. Барнаул)
Dykusova1962@inbox.ru

Аннотация: Данная статья посвящена проблеме словообразования торговых наименований лекарственных средств. Авторами предпринята попытка анализа торговых названий с точки зрения их формы и содержания. Материалом для исследования послужили торговые названия, широко представленные на фармацевтическом рынке. Статья адресована студентам и преподавателям образовательных учреждений медицинского профиля.

Ключевые слова: торговое наименование, лекарственный препарат, фармацевтическая терминология, словообразование, семантика, этимология.

В современной терминологии, изучаемой в медицинских вузах, фармацевтическая терминология является одним из ведущих разделов. В данном разделе сосредоточены значимые языковые сведения о латинских фармацевтических терминах. Знания и умения, полученные при изучении раздела «Фармацевтическая терминология», необходимы студентам для безошибочного в орфографическом и грамматическом аспектах написания латинской части рецепта, для овладения дисциплиной «Фармакология», для практической деятельности врачей и фармацевтов, для чтения аннотаций к препаратам и рецептурных справочников. При освоении фармацевтической терминологии основное внимание уделяется изучению способов словообразования тривиальных наименований лекарственных средств, правилам получения латинских наименований лекарственных средств, правилам образования названий некоторых химических соединений (кислот, оксидов, солей, эфиров, гидратов). Кроме того, студенты приобретают умение извлекать необходимую информацию о тривиальных наименованиях путем изучения так называемых «общих основ» для международных непатентованных наименований (частотных отрезков). Обучаемые знакомятся также с понятием «торговые названия лекарственных препаратов» (готовых лекарственных средств). Эти торговые наименования будут активно использоваться в дальнейшей практической деятельности врачей и фармацевтов. В данной статье торговые наименования рассматриваются как термины фармацевтической терминологии, являющейся одной из подсистем медицинской терминологии, или, по мнению А.В. Суперанской, «подъязыком» [1, с.8].

Анализируя торговые названия лекарств как термины, авторы опирались на теорию общей терминологии, предложенную А.В. Суперанской, Н.В. Подольской и Н.В. Васильевой. В свете этой теории любое торговое название – это «термин из разряда специальной лексики» [1, с.7]. В терминологии у терминов «иная сочетаемость», нежели в общенародном языке, и «разнообразные словообразовательные возможности» [1, с.7]. А.В. Суперанская, Н.В. Подольская и Н.В. Васильева полагают: «Любые единицы специальной лексики обнаруживают много сближающих их черт не только потому, что они противопоставлены общей лексике вследствие иной, преднамеренно измененной связи с понятием и именуемым объектом, но и потому, что они существуют не в языке вообще, а внутри особых подъязыков. Понятие подъязык можно определить как систему искусственно культивируемых тематически организованных специализированных языковых средств, меньшую по объему, чем национальный язык, и занимающую в нем подчиненное положение» [1. С.8].

Как известно, торговое (коммерческое) название (англ. Trade Name) является названием препарата (готового лекарственного средства), предназначенного для торговли. Существуют определенные требования к номинации лекарственных средств. В «Методических рекомендациях по рациональному выбору названий лекарственных средств» изложены современные принципы выбора названий лекарственных препаратов, основанные на действующем законодательстве и учитывающие исторически сложившуюся и общепринятую международную практику. Данные рекомендации включают нижеперечисленные требования.

Названия лекарственных препаратов должны быть по возможности краткими, лаконичными, легко произносимыми. Поскольку названия лекарств являются частью медицинской терминологии, они призваны помогать специалистам (медицинским и фармацевтическим работникам) и потребителям ориентироваться в их составе и действии.

Согласно методическим рекомендациям, не следует использовать в торговых наименованиях международные непатентованные наименования или сходные с ними названия для лекарственного препарата другого химического состава или действия. Так, например, торговое название Орунгамицин содержит в своем составе итраконазол. Данное название может дезориентировать специалистов и потребителей относительно истинного состава препарата, так как частотный отрезок «мицин», согласно рекомендациям ВОЗ, используется для обозначения антибиотиков.

Не следует выносить в наименование лекарственных препаратов названия лекарственных форм и дозы лекарственного вещества (за исключением препаратов из растительного сырья), но зачастую некоторые производители лекарств игнорируют это требование: Назальный спрей Доктор Тайсс, Флюковаг.

Не допускается также использование названий, способных ввести специалистов и потребителей в заблуждение относительно истинного состава и действия лекарственного препарата. Например, глазные капли «Цинка сульфат» содержат кроме цинка сульфата борную кислоту, поэтому данное название не полностью отражает истинный состав препарата. Кроме того, наименование лекарственного препарата не должно представлять его как самое эффективное, безопасное и исключительное по отсутствию побочных эффектов. Например, в названии Флюколдекс Супер Форте указание «Супер» является неинформативным. Нежелательно полностью воспроизводить в наименованиях лекарственных препаратов названия болезней и симптомов заболеваний (Антизапой, Антимигрен), анатомические термины, имена собственные, географические названия, общепринятые символы и слова из бытовой лексики (Анжелик, Кристина, мазь Кузнецова). Однако имеются случаи использования имен собственных в номенклатуре лекарственных средств, которые представляют собой хорошо известные специалистам фамилии их создателей, выдающихся ученых-медиков (Бальзам Шостаковского, линимент бальзамический по Вишневскому, раствор Люголя, жидкость Букова, капли Зеленина).

Нежелательно включать в торговые наименования указания на объекты культурного всемирного наследия (бальзам «Петр Великий», бальзам «Медный всадник», настойка «Тайна Гиппократ»).

Предметом данного исследования послужили торговые наименования лекарственных средств и биологически активных добавок. Авторами статьи была предпринята попытка проанализировать торговые наименования с точки зрения их структуры, способов и основных принципов их образования. В работе используется сравнительный метод, а также элементы этимологического, семантического, грамматического и словообразовательного анализа отобранных для исследования наименований. Были проанализированы торговые названия, представленные в пособии для врачей «Лекарственные средства» под редакцией М.Д. Машковского (т.1,2.), в справочнике Видаль «Лекарственные препараты в России», приводятся также данные интернет-ресурсов.

Итак, с точки зрения структуры торговые названия могут состоять из одного слова, то есть быть однословными, или иметь в своей структуре несколько слов, то есть быть многословными.

Однословные термины были рассмотрены в аспекте их словообразования и языкового происхождения. В результате однословные торговые наименования были распределены по группам следующим образом.

В соответствии со способами словообразования было выделено пять групп торговых наименований. В первую группу вошли торговые наименования, образованные путем основосложения или словосложения. По количественному составу это одна из многочисленных групп. Например, Липостат (греч. *lipos*-жир + греч. *statos*-останавливать), Тромбофоб (греч. *thrombo* - сгусток + *phobos* - страх, боязнь), Санорин (лат. *sano*-здоровье + греч. *rhino*-нос).

Вторую группу составили наименования, образованные путем аббревиации. Примером может служить название Димексид, исходным химическим наименованием которого является Dimethylsulfoxidum. Торговое название Паркоцет образовано путем аббревиации международного непатентованного наименования Кодеин 8мг +ацетилсалициловая кислота +парацетамол + кофеин.

Третью группу составили наименования, полученные путем суффиксации. В торговых наименованиях, помимо суффикса -ин-, встречаются такие суффиксы, как -ал-, -ол-, -ел-, -ан-, -он-, -ил-, -акс-, -екс-, -икс-, -окс-. Например, Изадрин, Гуттон, Вольтарен, Буторфалол, Бронал, Дидетел, Бисакодил.

К четвертой группе относятся наименования, образованные путем префиксации, т.е. присоединения приставок латинско-греческого происхождения к производящей основе: анти, контра - против, а, ан - отрицание, де(з) - от, супер, супра - сверх, ультра - более, сверх, эу - хорошо.

Например, Декарис, Ультракаин и др.

Пятую группу составляют тривиальные наименования, образованные «комбинированным» (смешанным) способом. Например, Панангин (греч. *pas, pantos*-весь+ *angeion* - сосуд + *-in-*), Антитромбин (*anti-* против + греч. *thrombos*-сгусток + *-in-*) - антикоагулянт, противосвертывающее, Эуноктин (*eu* -хорошо + *noх, nocis f* -ночь +*-in-*).

С точки зрения языкового происхождения однословные и многословные термины имеют в своем составе морфемы и лексемы латинского, греческого, русского, английского, немецкого языков. Рассмотрим торговые названия содержащие морфемы и лексемы, заимствованные из латинского языка.

Название Аквамарин представлено латинскими существительными *aqua* (вода) и *mare* (море). Наименование Вита-Ферр происходит от латинских слов *vita* - жизнь и *Ferrum* - железо. Наименование лекарства растительного происхождения Пантаглюцид образовано от латинского слова *Plantago* - подорожник. Название Фемостон образовано от латинского существительного *femina* - женщина. В названии Флюковаг морфема *-ваг-* (от латинского прилагательного *vaginalis* -влагалищный) указывает на способ введения лекарственного средства.

Значительное количество торговых названий состоит из греческих словообразовательных элементов. Так, например, наименование Клималанин создано на основе слова греческого происхождения *climax* со значением «лестница». Торговое наименование Эстровэл содержит словесный отрезок *-эстр-(-oestr-)* греческого происхождения, указывающий на препарат женских половых гормонов.

В некоторых торговых наименованиях встречаются слова из немецкого языка. Название Доппельгерц содержит немецкое существительное *herz* - сердце. В названиях лекарственных средств можно увидеть и французскую лексику: наименование Виардо форте содержит в своем составе фр. *Viardot*.

Характерной особенностью торговых названий, представленных на отечественном рынке, является наличие лексем русского языка: **Овесол**, **Слабилен**, **Диетрин-яблоко**, **Янтарь** - кардио, **Велсон**, **Для нос. Бобровая струя**.

Нередко в одном и том же торговом наименовании можно заметить морфемы и лексемы различного языкового происхождения. Например, наименование Стоптуссин содержит морфему *-стоп-* (от англ. *stop* - останавливать) и морфему *-тусс-* (от лат. *tussis* - кашель). Наименование Найз плюс происходит от англ. *nice* - хороший и лат. *plus* - больше). В торговом названии лекар-

ства **Велсон** выделяется морфема *вел-* (от англ. *well* - хорошо) и морфема *сон* (от русского сущ. *сон*).

Таким образом, рассмотренные выше с точки зрения словообразования и языкового происхождения однословные термины в большинстве случаев имеют информативную доминанту. Однако среди них иногда встречаются неинформативные наименования, указывающие на случайный признак. Возможно, производитель таким образом демонстрирует оригинальность и уникальность лекарственных препаратов: Кристина, Анжелик.

Среди торговых наименований имеется большое количество многословных названий, состоящих из двух и более слов. Такие наименования могут содержать лексемы различных частей речи. Многословные торговые наименования представлены следующими моделями: 1) имя сущ. + имя прилаг., 2) имя сущ. + имя сущ., 3) имя сущ. + имя сущ. с предлогами, 4) глагол в повел. накл. + словосочетание.

Первая группа представлена торговыми наименованиями, в которых прилагательное выполняет функцию согласованного определения: Мамино здоровье, Мужская сила, Мужская формула, Женское здоровье, Агри детский. Во второй группе несогласованное определение выражено существительным в родительном падеже, например, Струя бобра. В третью группу входят торговые наименования, в которых существительные с предлогами репрезентируют дополнительную информацию: Лаверон таб для женщин, Лаверон For women, Лаверон таблетки для мужчин, Таблетки против кашля. Немногочисленная группа торговых наименований содержит глагольные формы: глагол в повелительном наклонении + словосочетание (**Будь здоров!** Витаминно-минеральный комплекс от А до Zп, **Дыши** пластырь-ингалятор медицинский). В этих моделях, как можно видеть, содержится указание на гендерный признак (мужской, женский) и на возраст (детский, юношеский).

В результате проведенного анализа торговых наименований лекарственных средств можно сделать следующие выводы. Прежде всего, следует отметить, что торговые названия лекарств могут быть как информативно насыщенными, так и недостаточно информативными. Незначительное количество наименований, образованных по случайному признаку, не содержит информации, необходимой для специалистов и потребителей. Большинство торговых наименований лекарственных средств соответствует требованиям, указанным в «Методических рекомендациях по рациональному выбору названий лекарственных средств». Однословные наименования являются краткими, легко произносимыми и не представляющими трудностей для запоминания. Такие торговые наименования помогают медицинским работникам, фармацевтам и потребителям ориентироваться в

составе и действии лекарства. Что касается формы слова торговых наименований, то многие из них имеют графически и фонетически различаемую словесную оболочку. Анализ отобранной в группах лексики показал, что использование общих основ (частотных отрезков) латинского и греческого происхождения является характерной особенностью номинаций торговых названий. Торговые наименования содержат в своем составе

морфемы и лексемы не только латинского и греческого языков, но и заимствования из других языков, в том числе и русского. Языковое многообразие открывает широкие возможности для словотворчества при образовании торговых наименований лекарственных средств, что, в свою очередь, является немаловажным в условиях стремительно развивающегося фармацевтического рынка и конкуренции между фирмами-производителями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Суперанская Александра Васильевна, Подольская Наталия Владимировна, Васильева Наталия Владимировна. Общая терминология: Терминологическая деятельность. Изд. 3-е. - М.: Издательство ЛКИ, 2008. - 228с.
2. Машковский М.Д. Лекарственные средства: В 2 т. Т.1. - 14-е изд., перераб., испр. и доп. - М.: ООО «Издательство Новая Волна»: Издатель С.Б. Дивов, 2004.-540с.
3. Машковский М.Д. Лекарственные средства: В 2 т. Т.2. -14-е изд., перераб., испр. и доп. - М.: ООО «Издательство Новая Волна»: Издатель С.Б. Дивов, 2004.-608 с.
4. Лекарственные средства: 5000 наименований лекарственных препаратов и их форм (Свойства, применение, взаимодействие, противопоказания): Справочник / Под редакцией М.А. Ключева. - М.: ИКЦ «Лада», при участии ООО «Поматур», 2008.- 637 с.
5. Справочник Видаль Лекарственные препараты в России: Справочник. М.: АстраФармСервис, 2004г. 1488с.

© Бабошкина Любовь Валентиновна (Lyubov.baboshkina@mail.ru), Дыкусова Елена Витальевна (Dykusova1962@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА КЛИШИРОВАННЫХ ВЫРАЖЕНИЙ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ В БИЗНЕС-ТЕМАТИКЕ

Винникова Оксана Александровна

Старший преподаватель, Финансовый университет
при Правительстве РФ
oavinnikova@fa.ru

DIFFICULTIES IN TRANSLATING CLICHED EXPRESSIONS FROM ENGLISH INTO RUSSIAN IN BUSINESS TOPICS

O. Vinnikova

Summary: The article covers the topic of difficulties in translating cliched expressions in the language pair «Russian and English». The most problematic groups of clichés are idiomatic expressions, phrasal verbs, and complex-derived neologisms. Such translation methods as adaptation, calculation, and the use of similar expressions will help convey the meaning of an expression that is not found in another language. The article also examines examples of unsuccessful translations that illustrate how cultural differences can distort the author's original intent. The author emphasizes the importance of a contextual approach and knowledge of the cultural realities of both language systems to achieve accuracy and naturalness in translation.

Keywords: cliches, idioms, phrasal verbs, neologisms.

Аннотация: Статья охватывает тему трудностей перевода клишированных выражений в языковой паре «русский и английский языки». Наиболее проблемными группами клишированных являются идиоматические выражения, фразовые глаголы, а также сложнопроизводные неологизмы. Такие способы перевода как адаптация, калькирование и использование аналогичных выражений, помогут передать смысл выражения, которого нет в другом языке. В статье также рассматриваются примеры неудачного перевода, которые иллюстрируют, как культурные различия могут исказить оригинальный замысел автора. Автор подчеркивает важность контекстуального подхода и знания культурных реалий обеих языковых систем для достижения точности и естественности в переводе.

Ключевые слова: клише, идиомы, фразовые глаголы, неологизмы.

Актуальность данной темы обусловлена развитием международного бизнеса и международных коммуникаций, в связи с чем бизнес-тематика становится важным аспектом межкультурного общения. Клишированные выражения являются неотъемлемой частью языка, однако перевод данных выражений с одного языка на другой сопряжен с трудностями. Некорректный перевод данных выражений может привести к искажению смысла и недопониманию. Исследование этих трудностей поможет повысить качество перевода, а также достичь желаемых коммуникативных намерений. Целью данного исследования является изучение трудных случаев перевода клишированных выражений с английского языка на русский, а также выбор наиболее оптимального варианта перевода при отсутствии прямого эквивалента.

Объектом исследования являются клишированные выражения в русском и английском языках, их варианты перевода и интерпретация. Задачи исследования включают выделение основных групп клишированных выражений в русском и английском языках, вызывающие наибольшие проблемы при переводе; изучение переводческих средств, используемых для преодоления трудностей перевода данных выражений; выбор наиболее оптимальных вариантов для передачи смысла в каждом случае.

Научная новизна исследования обусловлена постоянным пополнением языков, а также возникновением новых реалий, в ходе которых возникают новые кон-

цепты. Теоретическая значимость работы заключается в расширении знаний о клишированных выражениях и способах их перевода с одного языка на другой.

Практическая значимость исследования заключается в предложении различных переводческих методов для передачи значения трудных случаев перевода. В исследовании используются методы сравнительного и лексического анализа.

Проблемы при переводе клишированных выражений с одного языка на другой, как правило, возникают либо по причине недостаточного профессионализма переводчика, либо по его небрежности или невнимательности. Основываясь на сопоставительном анализе текстов оригинала и перевода, выделены два типа ошибок переводчика, которые не зависят от функционально-жанрового вида текста: ошибки лингвистической и социокультурной компетенции.

Л.В. Болдырева классифицирует ошибки и неточности перевода в соответствии с частотой их возникновения при переводе таких клишированных языковых средств с английского языка на русский, таких как: идиоматика, фразовые глаголы и сложнопроизводные неологизмы [1].

Рассматривая первый случай из данной выше рубрики, следует сказать, что зачастую состоящие из похожих лексем идиомы в разных языках на этапе вос-

приятия принимаются за свободные словосочетания и переводятся соответственно, что может повлечь за собой неточность или грубое нарушение смысла.

Одним из распространенных примеров неправильного перевода идиомы с английского на русский является фраза «to break the ice». Буквально переводится как «сломать лед», что может привести к недопониманию у русскоговорящих людей. На самом деле, данная идиома означает «начать общение» или «снять напряжение в разговоре». При дословном переводе можно потерять основной смысл, связанный с установлением дружеской атмосферы или преодолением неловкости в первой встрече. Вместо этого правильный перевод должен передавать смысл как «завести разговор» или «разрядить обстановку».

Следующей важной категорией лингвистических средств, которые часто приводят к ошибкам при переводе, являются фразовые глаголы из-за их неоднозначной семантической структуры с точки зрения русского языка, ввиду межъязыковой и внутриязыковой интерференции, а также из-за их непредсказуемости [2], грамматической структуры, недостаточного понимания контекста и различий в языковых структурах [3].

При переводе с английского на русский фразовый глагол часто заменяется несколькими словами, словосочетаниями, идиоматическими выражениями или метафорами.

В сфере экономики фразовый глагол «to cash in» является ярким примером, вызывающим трудности для переводчиков. Этот фразовый глагол означает «реализовать» или «превратить в деньги» активы, инвестиции или какие-либо преимущества. Например, в предложении «The investor decided to cash in on his stocks before the market dropped,» перевод может быть затруднителен. Дословный перевод «инвестор решил обналичить свои акции» может быть не совсем корректен. Более точный перевод звучал бы как «инвестор решил реализовать свои акции, прежде чем рынок упадет». Тем не менее, в неформальном русскоязычном контексте этот фразовый глагол иногда можно заменить более живым выражением, например, «инвестор решил забрать свои деньги, пока они еще есть». Такой подход не только поясняет смысл фразового глагола, но и придает фразе более естественное звучание в этом контексте, что подтверждает необходимость расширения и пояснения при переводе фразовых глаголов на русский язык.

Рассмотрим фразовый глагол «follow up», который часто встречается в бизнес-английском и может вызывать трудности при переводе. Предложение «I will follow up with the client next week» может быть переведено как «Я свяжусь с клиентом на следующей неделе

для уточнения.» Здесь используется более формальный и понятный глагол «связаться», чтобы передать смысл «follow up». Рассмотрим другой пример с тем же фразовым глаголом - «Don't forget to follow up on the project status». В данном контексте корректным переводом будет предложение «Не забудьте уточнить статус проекта», в этом случае фразовый глагол заменяется на «уточнить», что лучше передает желание получить дополнительную информацию.

При переводе фразовых глаголов при помощи вышеупомянутых средств чаще всего возникают ошибки стилистического характера. С другой стороны, при попытке подобрать точный эквивалент, выраженный одним словом, нередко происходит сужение смысла английского фразового глагола, а также нарушение лексико-фразеологической сочетаемости в принимающем тексте на русском языке.

Обратимся к фразовому глаголу «scale back», который часто используется в экономическом и бизнес-дискурсе. В качестве примера можно использовать следующее высказывание - «Due to budget cuts, we have to scale back our projects.» Если перевести «scale back» как «уменьшить» (что является более точным эквивалентом одного слова), это может привести к сужению смысла. В данном контексте «scale back» подразумевает не просто уменьшение в объеме, а также необходимость пересмотра стратегии, приоритизации задач и ограничения в определенных аспектах. Неправильный перевод с ошибкой стилистического характера был бы «Из-за сокращения бюджета мы должны уменьшить наши проекты.» Наименее корректным было бы перевести данное предложение как «Из-за сокращения бюджета мы должны пересмотреть и ограничить наши проекты», так как здесь перевод лучше передает всю полноту значения фразового глагола «scale back», включая аспекты планирования и управления проектами.

В третью группу по частотности ошибок в переводе с английского на русский язык входят сложнопроизводные неологизмы (которые также могут иметь признаки клишированности). При переводе неологизмов зачастую используются калькирование (the Great Resignation – «массовое увольнение»), транскрипция и транслитерация (Clexit – клэксит), описательный перевод (tasker – «кто-то, кто находит работу, используя онлайн-платформу, где люди перечисляют задачи, которые им нужно выполнить») [4].

Одним из распространенных приемов является адъективация словосочетаний, то есть, переход в прилагательные других частей речи.

Сложность перевода неологизмов, производных от сложных терминов, заключается в том, что переводчики

часто прибегают к описательному подходу, что может привести к длительному и иногда сложному переводу. Важно выбрать точную и подходящую альтернативу, будь то одно слово или фраза, которая точно передает значение исходного неологизма.

Хорошим примером сложнопроизводного неологизма в экономическом контексте является термин «financial technology» (fintech). Этот термин обозначает использование технологий в сфере финансов и банковского дела, зачастую подразумевая инновационные решения, такие как мобильные платежи, блокчейн и различные финансовые приложения. При переводе «financial technology» на русский язык термин можно перевести как «финансовые технологии». Однако, если переводчик будет придерживаться строгого следования исходному тексту, это может привести к обременительному описанию, например «технологии, связанные с финансовыми услугами». Лучший подход здесь — использование уже устоявшегося термина «финтех», который является сокращенным и более формальным вариантом. Этот перевод не только звучит более лаконично, но и передает тот же смысл, что и оригинал, обеспечивая понимание среди специалистов в данной области.

Рассмотрим термин «cloud-based solution», который является распространённым сложнопроизводным неологизмом в бизнес-английском контексте. Оригинальное значение данного выражения относится к программному обеспечению или услугам, которые размещаются на серверах в облаке и доступны пользователям через интернет, что позволяет использовать их без необходимости установки на локальные устройства. При строгом соблюдении исходного текста перевод может выглядеть как «решение на основе облака», однако такой перевод является крайне громоздким и неестественным для русского языка. Чтобы избежать усложнения и сделать перевод более естественным, можно использовать более простое и понятное сочетание, например, - «облачное решение». Этот вариант сохраняет основное значение и делает фразу более лаконичной и легкой для восприятия.

Обращаясь ко второй категории переводческих ошибок, которые возникают из-за социокультурной осведомленности переводчика, можно сказать, что эта категория охватывает как методологию перевода, так и лингвокультурологию, а также когнитивную лингвистику.

Из-за недостатка лингвистических знаний и несоответствия когнитивного уровня автора оригинала и переводчика в переводе могут быть допущены искажения содержания текста и пробелы. Ошибки, возникающие из-за социокультурной осведомленности переводчика, могут оказать существенное влияние на качество перевода текста, особенно в экономическом контексте.

Термин «subprime mortgage» обозначает ипотечный кредит для заемщиков с низким кредитным рейтингом. Если переводчик не будет осведомлен о специфике американского ипотечного рынка, он может перевести этот термин как «вторичные ипотeki», что не отражает фактического положения дел. Корректный перевод будет «ипотечный кредит субстандартного качества» с пояснением о рисках, связанных с таким типом кредитования.

Зачастую ввиду процесса детерминологизации термин может «потерять свою строгую концептуальность, системность, однозначность и приобрести прагматические свойства», т.е. «может возникнуть слово с новым терминологическим значением, требующее уже не дефиниции, а толкования» [5].

Примером термина, который может употребляться в переносном или метафорическом значении в экономическом английском, является слово «leverage». В классическом смысле «leverage» переводится как «рычаг» и относится к механическому устройству, обеспечивающему преимущество или повышение эффективности в каком-либо действии. В экономическом контексте «leverage» часто используется для обозначения использования долгосрочных обязательств или кредитного ресурса для увеличения потенциальной прибыли. Например, фраза «to leverage assets» может означать «использовать активы для получения дополнительного финансирования». Однако «leverage» также может употребляться в переносном смысле, например, в фразах типа «leverage your network» (используйте свои связи). В этом значении «leverage» теряет свою строгую финансовую значимость и переходит в сферу межличностных отношений и стратегического мышления, подразумевая, что связи и отношения могут быть использованы для достижения бизнес-целей. Таким образом, «leverage» иллюстрирует, как термин может утратить свою строгость и однозначность, приобретая новые прагматические значения. В таком контексте его уже не всегда возможно точно определить без дополнительного толкования, что влияет на понимание и использование слова в экономических дискуссиях.

То есть, при переводе терминов следует употреблять терминологию, эквивалентную терминам текста оригинала, либо создать термин на русском языке с той же соответствующей денотативной информацией, либо прибегнуть к транслитерации или описательному методу.

Рассмотрим термин «freemium model», который часто используется в деловом английском, особенно в контексте онлайн-сервисов и приложений. «Freemium model» обозначает бизнес-модель, при которой основная часть услуг предоставляется бесплатно, а дополнительные функции или премиум-контент доступны за плату. Можно создать новый термин, который бы передавал суть концепции. Например: - «модель бесплатного доступа

с платными функциями». В некоторых случаях может быть уместно использовать транслитерацию: - «фремиум-модель». Либо можно использовать более подробное описание, которое также может помочь объяснить концепцию: - «бизнес-модель, в которой базовые услуги предоставляются бесплатно, а за дополнительные функции нужно платить». Итак, в зависимости от целевой аудитории и контекста, переводчик может выбрать один из этих подходов, чтобы максимально точно передать смысл оригинала и сделать текст понятным для читателя.

Выводы

Причины проблем при переводе экономических клишированных единиц заключаются в недостаточности фоновых знаний (общей грамотности), в частности, незнании экономических реалий, а также в поспешности принятия решений и небрежности. Как прави-

ло, ошибки делятся на две категории: ошибки лингвистической и социокультурной компетенций. Чаще всего ошибки возникают при переводе с английского на русский в таких языковых областях, как идиоматика, фразовые глаголы, а также сложнопроизводные неологизмы. Говоря о конкретных ошибках, можно упомянуть идиоматические подмены, ведущие к искажению смысла; ошибки стилистического характера, типичные для перевода фразовых глаголов; «ложные друзья переводчика»; слишком объемные предложения на принимающем языке. При переводе терминологии в случае отсутствия термина в принимающем языке следует искать либо максимально близкий эквивалент, создать термин на русском языке с той же соответствующей денотативной информацией, либо прибегнуть к транслитерации или описательному методу, используя свободное или фразеологически связанное сочетание слов, соответствующее неологизмам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырева Л.В. Типология переводческих ошибок при переводе англоязычной проблемной статьи на русский язык // Вестник СамГУ. – 2014. – № 5 (116). – С. 124 – 129.
2. Гагарина М.А., Полунина Т.С. Трудности употребления и перевода фразовых глаголов в финансово-экономическом дискурсе // Гуманитарные науки. – 2014. – №1. – С. 64 – 67.
3. Перцева О.А. Трудности употребления и перевода английских фразовых глаголов // Вестник Университета Российского инновационного образования. – 2024. – №2. – С. 99 – 106.
4. Васьбиева Д.Г. Особенности перевода неологизмов в экономическом дискурсе английского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – Том 16. – Выпуск 4. – С. 1145 – 1149.
5. Общая терминология. Вопросы теории // А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, Н.В. Васильева. Москва, 2007. 248 с.

© Винникова Оксана Александровна (oavinnikova@fa.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ГРАММАТИКИ ВРЕМЕНИ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Го Тяньцзяо

Государственный университет просвещения

guotianjiao9@gmail.com

Ван Сюэди

Казанский (Приволжский) федеральный университет

yked2023@163.com

THE LINGUODIDACTIC ASPECT OF THE GRAMMAR OF TIME IN RUSSIAN AND CHINESE

Guo Tianjiao
Wang Xuedi

Summary: The author analyzes in detail the semantic-structural aspects and functional application of temporal forms in both language systems, highlighting their typological similarities and differences. It focuses on differences in the use of temporal, aspectual grammatical mechanisms, and also considers ways to represent time at various linguistic levels: morphological, syntactic and lexical. The study identifies specific problems that students face when learning Russian in China and Chinese in Russia in the context of the characteristics of the expression of time categories. The data obtained have significant practical value for the development of methodological approaches to teaching grammar, taking into account the linguistic and cultural characteristics of students. The study was carried out on the basis of an analysis of data obtained from the National Corps of the Russian Language and the Corps of Modern Chinese.

Keywords: grammar of time, temporality, aspect, Russian language, Chinese language, linguodidactics, comparative study, verb form, temporal constructions.

Аннотация: Авторы детально анализируют семантико-структурные аспекты и функциональное применение временных форм в обеих языковых системах, выделяя их типологические схожести и различия. Основное внимание уделяется различиям в использовании темпоральных, аспектуальных грамматических механизмов, а также рассматриваются способы репрезентации времени на различных лингвистических уровнях: морфологическом, синтаксическом и лексическом. Исследование выявляет специфические проблемы, с которыми сталкиваются студенты при изучении русского языка в Китае и китайского языка в России в контексте особенностей выражения временных категорий. Полученные данные имеют значительную практическую ценность для разработки методических подходов к обучению грамматике, с учетом лингвокультурных особенностей обучающихся. Исследование выполнено на основе анализа данных, полученных из Национального корпуса русского языка и Корпуса современного китайского языка.

Ключевые слова: грамматика времени, темпоральность, аспект, русский язык, китайский язык, лингводидактика, сопоставительное исследование, глагольный вид, временные конструкции.

Современная лингвистика, прилагая усилия в решении этой фасетированной тематики, ставит вопрос анализа времени как один из центральных и принципиально важных в своих академических исследованиях. Явление времени универсально для всех языковых систем мира, и оно становится неотъемлемой частью обучения при освоении иностранных языков. Во всех языках, включая русский и китайский, присутствует концепция времени, однако каждый язык имеет свои уникальные средства и механизмы для его выражения, что обуславливает специфику временной категоризации.

Актуальность исследования лингводидактических аспектов грамматики времени с точки зрения сравнения русского и китайского языков определяется комплексным сочетанием особенностей, которые имеют значительное влияние на процесс обучения. Отмечается кардинальное различие во взглядах на модель времени: если в русском языке принято видеть его движение от прошлого через настоящее к будущему, то в китайском существует представление движения времени в противоположном направлении. Эта особенность прямо проявляется в грамматических структурах каждого языка.

Кроме того, при изучении данных языков носителями других культур возникают определенные препятствия, порождаемые языковыми и межкультурными барьерами. Обе языковые системы характеризуются своими уникальными механизмами выражения времени, что создает затруднения в их взаимном освоении.

Отдельно стоит проблематика недостаточной изученности временной категории в языкознании. Заметен дефицит комплексных исследований, описывающих языковые средства выражения времени, особенно в контексте сопоставления двух столь разных языков.

Также немаловажна потребность в разработке национально-ориентированных грамматик, что поможет в оптимизации обучения, учитывая культурные и языковые особенности определенных этнических групп.

И наконец, результаты такого рода исследования обладают практической ценностью – их можно использовать для повышения эффективности преподавания русского языка как иностранного в китайских учебных заведениях, а также, возможно, и для обучения китайскому языку в русскоговорящей среде.

Исследование направлено на осмысление и определение семантики и функциональности, присущих выражению времени в русском и китайском языках. Задача заключается в глубоком и систематическом изучении инструментария, который каждый из этих языков предоставляет для описания временных отношений. В рамках нашей работы мы стремимся обнаружить, как эти средства отражают временную категорию, и как они сравнимы между языками. Инновационность данной работы обусловлена тем, что она становится первым исчерпывающим анализом, который не только исследует выражение временных категорий в русском и китайском языках на сопоставительной основе, но и выявляет как главные сходства, так и ключевые различия в использовании временных конструкций, что позволяет лучше понять уникальные и общие черты этих языков.

Исследование языковых средств выражения времени является важнейшей областью лингвистической науки, оставаясь актуальным и обширным предметом изучения на протяжении многих лет. Велик интерес, который представляет выражение временной категории как в русском, так и в китайском языке, обусловлен его многоуровневой природой. Этот комплексный феномен охватывает всю языковую систему, включая морфологию, лексику, фразеологию, синтаксис, контекстные связи и даже фонетические особенности, что подчеркивает его высокую степень сложности и многогранность.

Выдающийся ученый в области русской функциональной грамматики, Арутюнова Н.Д., определяет временную категорию как функционально-семантическое поле, охватывающее темпоральность, таксис, аспект и концепции, связанные с временной локализацией и последовательностью временных событий [1, с. 51-89]. С другой стороны, заслуженный китайский исследователь Чэнь Пин идентифицирует временные элементы в структуре китайского языка, классифицируя их в три категории: временные фазы, факторы времени и временные формы [10, с. 399-401]. Данные концептуальные рамки лежат в основе текущего исследования.

Признавая разнообразие терминологии, характеризующей временные категории в российской и китайской лингвистических традициях, мы также видим значимость дополнительных семантических временных единиц, которые используются в китайском языке, но не ограничиваются ими.

Темпоральность воспринимается как способность человека осознавать время ситуаций относительно момента речи или другой отправной точки [3, с. 4]. В русском языке темпоральность артикулируется через настоящее, прошедшее и будущее время, в то время как временной фактор указывает на относительное положение события по временной оси [10, с. 400-417]. Темпо-

ральность объединяет семантическое и грамматическое понимание времени, тогда как временной фактор преимущественно связан с грамматикой. Русский язык позволяет передавать темпоральность мультидисциплинарно, используя различные языковые уровни, однако главным инструментом являются временные глагольные формы. Примером может служить предложение: «где прошедшее время и аспект глаголов СВ четко определяют абсолютное время событий» [4].

Для того чтобы точнее определять временные рамки событий, в речи используют темпоральные конкретизаторы, которые помогают устанавливать временную точность и определенность. Эти конкретизаторы охватывают как неопределенные временные обещания, такие как «когда-нибудь будут наши имена на афишах», так и уточненные планы вроде «завтрашней встречи с тренером». Отличие китайского языка состоит в том, что в нем не используются средства грамматического выражения времен, как в европейских языках.

Определение времени достигается через дополнительные слова и косвенные временные указатели, как в примере похода в известный ресторан или в вопросе о текущих мыслях. В основе своеобразной темпоральности китайского языка лежат также нулевые (неизменяемые) формы глаголов, позволяющие создавать временные отсылки.

Аспектуальность в языкознании описывает процесс и пределы действия во временном контексте [2, с. 22]. В русском языке для выражения аспектуальности применяются разные виды глаголов, отражающие завершенность или незавершенность действия.

Так, глагол в совершенном виде указывает на действие с достигнутым результатом, как в примере: «представители закона... решили взять паузу» [4], где «решили» подразумевает полное завершение процесса знакомства с документами. В контрасте с этим, глагол в несовершенном виде, как «решал» в предложении «я решал более сложные задачи», демонстрирует продолжительное, незавершенное действие. Отражение аспектуальности может также осуществляться с помощью синтаксических структур, например, при помощи конструкции «по мере того как», которая требует использования несовершенного вида, характеризующего постепенное развитие событий без указания на их завершение, как в: «По мере того, как продолжается расследование, возникает все больше вопросов».

В китайском языке концепция временной фазы отвечает за передачу внутреннего времени действий в предложении, описывая их на длительность, стационарность, динамику или мгновенность в рамках временной оси [6, с. 1-4]. Лексические значения глаголов играют важную роль в обозначении различных аспектов временной фазы, придавая действиям характер длительности, как в

случае с глаголом 看 [кань], который означает длительное наблюдение. Специфическое временное состояние действия выражается через временные формы, для которых используются как грамматические, так и лексические инструменты, включая вспомогательные слова вроде 着 [чжэ] для указания на продолжение действия, 了 [лэ] и 过 [го], которые ассоциируются с прошедшим временем, 起来 [ци лай] для обозначения начала действия, а также 正在 [чжэн цзай], подчеркивающее процесс действия [10, с. 415-420]. Это подчеркивает, как например, служебное слово 起来 [ци лай] часто используется для выражения начала действия [8, с. 200-230].

Когда тема диалога коснулась того момента, оба участника разразились искренним и звучным смехом [7]. / [тань дао чжэ ли, лян жэнь доу шуан лан дэ да сяо ци лай] «Тема вызвала у них искренний и громкий смех».

В китайском языке видовые оттенки действия могут находить своё отражение не только в уникальной семантике глаголов, но и в синтаксических конструкциях. Так, образец 越...越... [юе...юе...] демонстрирует использование утроенного сравнения для обозначения постепенного нарастания или достижения признака до определённого предела, как показано в примере: «Количество высотных зданий непрерывно увеличивается» [Там же]. / [гао цэн цзянь чжу юе лай юе до].

Исследование лингводидактических аспектов грамматики времени в русском и китайском языках освещает важность понимания уникальных подходов к выражению временных категорий, что немаловажно для обучения говорящих на других языках. Русский язык выделяется наличием определенной системы времен, таких как прошедшее, настоящее и будущее, вдобавок к разграничению между совершенным и несовершенным видами глаголов.

Примером может служить использование несовершенного вида для обозначения незавершенных действий, как в выражении «Я писал письмо вчера», в отличие от использования совершенного вида для завершенных действий, как в «Я написал письмо вчера». Эта концепция может стать труднопреодолимым барьером для китайских студентов, ведь в китайском языке временная привязка часто осуществляется контекстуально или с использованием отдельных лексических временных маркеров, без изменения формы глагола.

В противоположность русскому языку, китайский не имеет специализированной грамматической формы для описания будущего времени; это обозначается контекстом и словами вроде «завтра». То есть фраза о планах на завтра может быть передана в китайском как «我明天去北京» без изменений в глагольной форме, а лишь с добавлением временного наречия. Это может стать источником затруднений для русскоговорящих студентов, при-

вычных к ясной грамматической маркировке времени.

Аспекты в китайском языке также не связаны напрямую с глагольными формами, а представлены через контекст и вспомогательные элементы, подобно употреблению слова «在» для демонстрации текущего действия. Русскоязычные студенты могут обнаружить, что в китайском языковой контекст и дополнительные частицы указывают на временную привязку действия, в отличие от русского Present Continuous, что вызывает необходимость адаптировать их понимание временных форм.

При обучении языков различие в репрезентации временных форм представляет собой существенную трудность. Где русский язык привлекает внимание к виду глагола для выражения завершенности действия, китайский опирается на контекст и специальные лексические маркеры. Осознание и признание этих различий становится ключевым для создания эффективных методов обучения, позволяющих студентам адекватно усваивать и использовать временные соотношения в изучаемом языке.

Стоит заметить, что в русском языке вид глагола не всегда коррелирует с временем его действия, как в примерах желания читать в настоящем и будущем времени, в отличие от китайского, где время и вид глагола всегда взаимосвязаны и вместе указывают на характер действия. В русском языковом контексте таксис несет функцию определения временных связей действий [2, с. 1-4]. Основные механизмы выражения токсических отношений включают использование конструкций с деепричастиями совершенного и несовершенного вида, структуру сложносочиненных предложений, последовательность предложений с согласованными глагольными формами, а также сложноподчиненные предложения с придаточными, указывающими на время. Отношения, выстраивающиеся между действиями в данных конструкциях, могут быть синхронными, асинхронными или неопределенными по времени, что находит отражение в разнообразии глагольных форм совершенного и несовершенного вида. Занимая место водителя, вы неизбежно замечаете, что вокруг вас просторно — места хватает для ног, плеч и над головой, обеспечивая комфорт и свободу [4] (процессы происходят одновременно).

Нападающий подошел к месту удара и затем выполненным ударом отправил мяч точно в правый угол ворот (действия развиваются разновременно). Он мог часами находиться на посту у образовательных учреждений, пристально разглядывая среди проходящих стройных блондинок с густыми прядями (отношения между действиями не дифференцированы по времени). Хотя в китайском языке отсутствует точное понятие «таксиса», имеются специфические конструкции для выражения аналогичных временных связей. Ключевые инструменты таксиса включают в себя предложения с рядом похожих

глаголов, временные предложные конструкции, структуры, обозначающие последовательность действий, предложения, выражающие параллельные действия, а также такие, в которых несколько глаголов передают последовательность событий.

Следует подчеркнуть, что конструкции, обозначающие равенство и симметрию, а также предложения с согласованными глагольными формами, передают идентичные смысловые оттенки в русском и китайском языках, иными словами, они находят точки соприкосновения в обоих языческих системах.

В русской языковой стройке выделение различий во времени часто достигается путем использования конструкций с деепричастными оборотами и предложений, включающих однородные сказуемые. В то время как в китайском арсенале представлены уникальные грамматические структуры, обеспечивающие последовательность действий. Различие моментов времени между действиями является значимым и выражается через множество коннективов, указывающих на временные разрывы. Важно осознавать, что когда речь заходит о выражении временной последовательности, китайские предложения с последовательно организованными действиями находят свой отклик в русскоязычных конструкциях с деепричастиями и предложениях, где функционируют однородные сказуемые. В русском языке время выражается через изменяемые формы глаголов, в то время как в китайском — с помощью вспомогательных слов для обозначения времени. Эта разница возникает из-за того, что русский язык является синтетическим, где слово изменяется с помощью морфологических средств, включая приставки, суффиксы и окончания. Китайский же язык относится к изолирующему типу, где слова не изменяются и отношение между ними не выражается через изменение формы слов. Выбор временной отметки

для обозначения времени также связан с когнитивным восприятием, когда точка отсчета либо фиксируется на моменте речи, либо рассматривается вне конкретного времени, считая время движущейся величиной [5, с. 230-241; 9, с. 52-59].

В контексте второго когнитивного подхода, точка отсчета времени не связана напрямую с моментом речи. В этом случае восприятие времени менее статично, оно подразумевает движение во времени вместе с его потоком, что делает точку отсчета гибкой [11, с. 95-99]. В русском языке принято отходить от момента речи, используя первый подход, в то время как китайский язык характеризуется вторым подходом. Именно эти различия в подходах к категории времени находят отражение в характерных для каждого языка средствах выражения времени.

В представленной статье проведен тщательный анализ систем времени в русском и китайском языках. Исследование включало детальное описание классификации единиц времени и механизмов их выражения в обеих языковых системах. Основываясь на анализе газетной речи, мы выявили ключевые особенности использования временных конструкций и определили точки соприкосновения и дивергенции в методах выражения временной категории между двумя языками, а также предложили объяснения этих различий.

По мере развития исследования, выявленные результаты могут обогатить образовательный процесс в высших учебных заведениях, особенно при обучении русскому языку как иностранному, а также в теоретических и практических аспектах перевода. Кроме того, полученные данные обещают способствовать укреплению и улучшению межкультурного общения между русскоязычными и китайскоязычными людьми, чему мы уделили особое внимание в нашей работе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Время: модели и метафоры // Логический анализ языка: язык и время / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. М.: Индрик, 1997. С. 51-61.
2. Белякова С.М. Моделирование времени в русских диалектах // Русский язык в школе. 2005а. № 1. С. 87-90.
3. Всеволодова М.В. Способы выражения временных отношений в современном русском языке. М.: Изд-во МГУ, 1975. Всеволодова М.В. Способы выражения временных отношений в современном русском языке. М.: Изд-во МГУ, 1975.
4. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 04.05.2025).
5. Реформатский А.А. Введение в языкознание. Изд-е 4-е, испр. и доп. М.: Просвещение, 1967. 464 с.
6. Gong Qianyan. The Aspect, Tense, and Time System of Chinese. Commercial Press. 1995, 114 p.
7. National Language Commission Modern Chinese Corpus, Lv Shuxiang. Lv Shuxiang Complete Works, Volume 1: An Outline of Chinese Grammar. Shenyang: Liaoning Education Publishing House. 2002, 481 p.
8. Fang Ji. A Cognitive Perspective on the Tense System in English and Chinese and Their Expression Differences. World Chinese Teaching. 2000, Issue 3, pp 57-63.
9. Chen Ping. On the Trinary Structure of the Modern Chinese Time System. Chinese Language and Literature. 1988, Issue 6, pp 401-422.
10. You Shunzhou. Essays on Visual Linguistics. Language Publishing House. 1994, 203 p.

© Го Тяньцзяо (guotianjiao9@gmail.com), Ван Сюэди (ykedi2023@163.com).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА «ЖЕНА СЫНА» В ПАРЕМИОЛОГИИ НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

COMPARATIVE ETHNOCULTURAL REPRESENTATION OF THE "WIFE OF THE SON" IMAGE IN PAREMIOLOGICAL UNITS OF GERMAN AND RUSSIAN

**A. Guseva
E. Shimko
N. Vapnik**

Summary: This article deals with a comparative ethnolinguistic analysis of the "son's wife" image in German and Russian phraseological scheme of things. The work addresses issues related to the use of language as a means of translating culture to reveal the ethnic nature of the linguistic picture of the world of comparable languages; an ethnolinguistic approach is actively used to determine the specific possibilities of the "son's wife" image, reflecting the semantic category of "family relations" and representing this category in the Russian phraseological worldview. This approach allows us to reveal national-value character traits and determine a system of stereotypes, images, standards, reoriented in the worldview and world perception of the representatives of German and Russian linguistic cultures.

The study is carried out on the basis of etymological, interpretative, colloquial, phraseological, cultural dictionaries of the Russian language.

Keywords: ethnolinguistics, paremiological units, "son's wife" image, phraseological picture of the world, national-value component, German and Russian languages, comparative aspect.

Гусева Алла Ефимовна

д-р филол. н., профессор, Государственный университет
просвещения (г. Москва)
angst51@rambler.ru

Шимко Елена Алексеевна

д-р филол. н., профессор, Мичуринский государственный
аграрный университет
Shimko_elena@inbox.ru

Вапник Наталья Александровна

канд. филол. наук, доцент, Государственный университет
просвещения (г. Москва)
gratasha@mail.ru

Аннотация: Настоящая статья посвящена сопоставительному этнолингвистическому анализу образа «жена сына» в немецкой и русской фразеологической картине мира (Далее – ФКМ). В работе решаются вопросы, связанные с использованием языка как средства трансляции культуры для раскрытия этнического характера языковой картины мира сопоставляемых языков; активно используется этнолингвистический подход для определения специфических возможностей образа «жена сына», отражающего семантическую категорию «семейные отношения» и представляющего данную категорию в русской и немецкой фразеологической картине мира. Данный подход позволяет раскрыть национально-ценностные черты характера и определить систему стереотипов, образов, эталонов, репрезентированную в мировидении и миропонимании представителей немецкой и русской лингвокультуры. Исследование проводится на основе данных этимологических, толковых, разговорных, фразеологических, культурологических словарей русского языка.

Ключевые слова: этнолингвистика, паремиологические единицы, образ «жена сына», фразеологическая картина мира, национально-ценностный компонент, немецкий язык, русский язык, сопоставительный аспект.

В изучении национального самосознания приоритетным направлением признается исследование фразеологической картины мира, так как она является компонентом мировидения народа, совокупностью общенациональных и индивидуальных знаний о мире [1; 2; 3; 6; 9; 11; 12; 21; 25; 26; 27; 28]. Во фразеологическом составе языка в знаковой форме фиксируются ментофакты материальной и духовной культуры нации, отражаются ценностные ориентации того или иного социума, система его моральных, этических и эстетических предпочтений, иллюстрирующая особенности менталитета конкретного этноса.

Как известно, паремиологические единицы как неотъемлемая часть ФКМ играют особую роль в создании языковой картины мира, так как они являются средством

освоения мира человеком, в них фиксируются, хранятся и воссоздаются его чувства – эмоции; ощущения, оценки, настроения [8, с. 45]. Отсюда формируется ФКМ – часть языковой картины мира, описанная средствами фразеологии, в которой «каждый оборот является элементом строгой системы и выполняет определенные функции в описании реалии окружающей действительности», подчеркивая этноспецифические черты данного народа (содержание человеческого бытия, внешние и внутренние качества человека) и отображая национальную специфику морально-нравственного аспекта (эстетические и этические ценности) [16, с. 224; 20, с. 13]. Р.Х. Хайруллина отмечает следующие признаки ФКМ: универсальность, антропоцентричность и экспрессивность [19].

Паремиологические единицы относятся к наиболее

сложной в семантическом плане группе языковых единиц, одной из характерных особенностей которых является то, что общий смысл этих образных выражений невозможно понять, исходя из простой суммы значений составляющих их компонентов. Именно поэтому паремии, представляя собой национально-специфические единицы языка, аккумулирующие культурный потенциал народа и отражающие то, что принято называть особенностями национального характера.

В соответствии с этим в работе рассматриваются следующие вопросы:

- изучение репрезентации этнокультурного компонента в паремиологических единицах, выражающих образ «жена сына» в немецком и русском языках;
- проведение сравнительного этносемантического анализа базовых лексем и слов-компонентов, выражающих образ «жена сына» в немецкой и русской ФКМ;
- интерпретация лексических единиц, отражающих образ «жена сына» в составе паремий как культурных знаков;
- установление ценностного содержания в паремиологических единицах, иллюстрирующих образ «жена сына»;
- разграничение универсальных и национально-культурных элементов в паремиях, содержащих образ «жена сына».

Целью исследования является выявление характера интегративных и национально-специфических черт паремиологических единиц, эксплицирующих образ «жена сына», двух дальнеродственных языков: немецкого и русского в отношении зависимости от степени их этнокультурной соотнесенности.

Основными методами лингвистического исследования этнокультурного компонента в паремиологических единицах, содержащих образ «жена сына» стали метод дефиниционного анализа, метод интроспекции, метод сопоставления, метод компонентного анализа, сравнительно-исторический метод, метод культурного контраста.

Проанализируем этнокультурную репрезентацию паремий, раскрывающих образ «жена сына» в концепции

сопоставительного подхода с целью определения национальной обусловленности в немецкой и русской ФКМ.

Обратимся к таблице (см. Табл. 1):

Отметим, что в русской фразеологической картине мира для обозначения «жены сына» используется дополнительная лексема «невестка». В немецком языке данное слово отсутствует.

Охарактеризуем образ «жена сына» на примере паремий *“Den Sack schlägt man, den Esel meint man”* и *«Кошку бьют, а невестке наветки дают»*.

Рассмотрим немецкие ключевые лексемы *“der Sack”* и *“der Esel”*. Выясним этимологию данных слов. Древнегерманское существительное *“der Sack”* употреблялось в средневерхненемецком, древневерхненемецком – *«sac»*, готском – *«sakkus»* со значениями ‘печаль’, ‘власяница из грубой материи’, было замечено в других германских языках: нидерландском – *«zak»*, древнеанглийском – *«sacc»*, английском – *«sack»*. Появилось в языке в период римско-германской торговли в качестве заимствованного слова из латинского *«saccus»* – ‘мешок’. Это латинское слово считалось заимствованием из греческого *«sákkos»* – ‘грубая материя из козьей шерсти’ (из такого материала изготавливали мешки), ‘грубый плащ’, ‘печаль’, ‘платье для покаяния’ и имеет семитское происхождение (сравните: древнееврейский *«šaq»* – ‘нить из волоса’, ‘мешок’) [23, S. 691].

В настоящее время данная лексема отражает семантику: ‘огромный, продолговатый футляр из грубой ткани, крепкой бумаги, синтетического материала, служащий для провоза или хранения груза’, ‘сумка’, ‘фамильярное: мужчина, человек’, ‘в форме множественного числа: мешковидные складки на коже под глазами’, ‘слезный мешок’, ‘анатомическое: мошонка’ [24, S. 1484].

Однако в семейной обрядности немцев существовал обычай, согласно которому женщину, нарушившую супружескую верность, связывали и помещали в мешок вместе с кошкой, а по мешку этому били палками. Обезумев от боли от ударов палки, кошка царапала и кусала пленниц, стараясь выбраться. Когда же эта человеческая «игра» заканчивалась, мешок бросали в очистительный огонь [15].

Таблица 1.

Эксплицитное представление образа «жена сына» в немецких и русских паремиях.

Немецкий язык	Русский язык
<i>Den Sack schlägt man, den Esel meint man</i> (буквальный перевод: «бьют по мешку, а имеют в виду осла»).	Кошку бьют, а невестке наветки дают.
	Пусть невестка и дура, только бы огонь пораньше дула.
	Все в семье спят, а невестке молоты велят.
	Смалчивай, невестка, - сарафан куплю (говорит сношник).

Лексема "der Esel", являясь древней по происхождению, называла 'животное' (сравните: средневерхненемецкий – «esel», древневерхненемецкий – «esil», готский – «asilus», нидерландский – «ezel», древнеанглийский – «eosol») и произошла от латинского заимствования «asinus» – 'осел', возникшего из малоазийского языка, распространенного на южной части Черного моря. В большинстве случаев служила для обозначения животного 'осел', а также употреблялась как бранное слово в значении 'простачок, дурак'. Из этого значения образовалось производное существительное Eselei – 'глупость' и вошло в состав слов: «Eselbrücke» – 'наводящие вопросы', 'пометка для памяти' (в XVIII в. вошло в язык преподавания в школе из заимствованного словосочетания среднелатинского «pons asinorum» – выражение схоластической философии, имеющее соответствие во французском языке «pont aux ânes fortwirkt»), «Eselohr» – 'загнутый угол на странице книги' (в XVII в. сравнивалось с опущенным ухом осла)–[23, S. 188].

В современном немецком языке слово "der Esel" имеет значения: 'животное семейства лошадиных, небольшого роста, со шкурой серо-коричневого цвета, с короткой гривой, длинными ушами и хвостом с кисточкой', 'фамильярное: дурак, увальень, глупец' и обладает дополнительными семами в разговорном языке – «bepackt [beladen] wie ein Esel» – 'нагружен как вьючное животное', «der Esel geht voran [nennt sich zuerst]» – 'с себя не начинают', «wenn's dem Esel zu wohl wird, geht er aufs Eis tanzen» – 'от счастья теряют голову; головокружение от успехов', «den hat der Esel im Galopp verloren» – 'фамильярное: его пыльным мешком из-за угла ударили', «wenn man den Esel nennt, kommt er schon gerent [gerannt]» – 'кто-либо легок на помине' [24, S. 549; 10, с. 200].

В культурной традиции символическое значение осла противоречиво. В Древнем Египте с ним связывалось убийство Сетом Осириса, и иероглиф, обозначающий осла, изображал нож, воткнутый в плечо. С помощью такого печального знака пытались магически предотвратить несчастье. В Греции бог Дионис изображался верхом на осле; римляне видели в осле намек на бога плодородия Приапа и считали его членом свиты богини Цереры.

В христианских сказаниях осел – символ кротости, смирения, терпения, а иногда бедности. Его часто изображали для того, чтобы подчеркнуть контраст с богатством. Библейское предание гласит, что прибытие израильтян в Иорданскую долину напугало царя моавитян Валака, который послал за Валаамом, чтобы тот явился проклясть их. Но ангел, не видимый Валааму, преградил путь, чтобы заставить ослицу, на которой тот ехал, повернуть обратно. Ослица, заговорившая человеческим голосом, открыла глаза Валааму, узревшему стоящего перед ним ангела с обнаженным мечом.

Осел увозит Марию в Вифлеем, он присутствует при Рождестве Христа и при последующем бегстве святого семейства в Египет. Христос избрал белую ослицу для своего триумфального въезда в Иерусалим, и в память о такой чести на ее спине остался черный крест. Шерсть с этого креста считалась обладающей целительной силой. Полагали, что если ее носить в мешочке на шее, то это предохранит от зубной боли и коклюша.

С другой стороны, осел является атрибутом глупости и упрямства и – вместе с мельничным жерновом – послушания.

Репутация осла, как животного глупого уходит корнями в фольклор Западной Европы. Колпак шута непременно снабжен ослиными ушами. В средневековой Европе неверные жены, проститутки, преступники и даже банкроты подвергались унижению и позору тем, что их возили верхом на осле.

Осел изображается у германцев как вьючное животное, вечно тащащее воз и символизирующее, таким образом, смирение, терпение, кротость. У евреев образ осла означает упрямство. Этот же символ был заимствован и немецкой культурой [5, с. 191; 7, с. 145].

Отсюда лексема "der Esel" выступает прототипической чертой, характеризующей жену сына как женщину, с одной стороны, кроткую, терпеливую, с другой – напористую нравом, граничащим с глупостью.

В основе паремии "Den Sack schlägt man, den Esel meint man" лежит аллегория, уподобляющая такие черты характера жены сына, как глупость, упрямство, смирение, терпение, кротость в образ осла. Однако проявление нрава, допущение ошибок строго наказывалось. Паремия в целом выражает стереотипное представление о характере жены сына.

Русское слово «кошка», имеющее значение 'самка кота', восходит к праславянской основе «*kotja», родственно украинскому – «кішка», белорусскому – «кошка», болгарскому – «котка», чешскому – «kočka», польскому – «kotka», верхнелужицкому – «kóčka», нижнелужицкому – «kocka», сербохорватскому – «мачка», словенскому, словацкому – «mačka» [22, т. 1, с. 438].

В современном русском языке лексема «кошка» имеет следующие значения: 'самка кота', 'разговорное: кошачий мех', 'зоологическое: род млекопитающих семейства кошачьих', 'небольшой якорь с тремя и более лапами', 'обувь с острыми шипами для лазания на столбы', 'в различного рода производствах – название особого вида крюков или скребков', 'ременная плетель с несколькими концами, употребляющаяся для телесного наказания' [17, т. 1, с. 1493].

В славянской мифологии кошка оценивается неоднозначно: и как чистое животное, и как нечистое. Поверья объясняют происхождение кошки как от дьявола, так и из рукавицы Божьей Матери. В легенде о всемирном потопе кошка спасает Ноев ковчег: затыкает хвостом дыру, которую прогрызла мышь, сотворенная дьяволом.

В облике черной кошки часто представляют нечистую силу. В то же время кошка, как полагают, способна видеть нечистую силу, невидимую для человека. В образе кошки может воплощаться черт, холера, «коровья смерть».

Кошке присущи черты домашнего покровителя. Присутствие ее в доме благоприятно сказывается на хозяйстве и скоте. Верят, что счастье в дом приносит краденая кошка, а в несчастливом доме кошки не водятся. При переезде в новый дом хозяева часто пускают в него сначала кошку, а потом вселяются сами. Входя вслед за ней, хозяин идет в угол, который должен облюбовать себе домовый. Принесенную в новый дом кошку сажают на печь рядом с дымоходом, то есть туда, где, по распространенным поверьям, обитает домовый.

Кошку используют в народной магии и медицине. Полагали, например, что у черной кошки или кота имеется чудодейственная кость. Если добыть ее, она сможет сделать человека невидимым или наделит его способностью все знать.

В некоторых русских губерниях для предотвращения начавшегося падежа скота считалось необходимым зарывать павшую скотину в хлев вместе с живой кошкой. Чтобы уберечься от холеры, проводили вокруг села борозду маленьким плугом, в который запрягали кошку, собаку, петуха, непременно черных. Опухшее вымя коровы лечили, царапая по нему когтями домашней кошки. Ребенка, больного чахоткой, купали в купели вместе с черной кошкой, чтобы болезнь перешла на кошку. От насморка следовало нюхать дым обжигаемого кошачьего хвоста. Белую кошачью шерсть использовали как средство от ожога [14, с. 255 – 256].

Итак, лексема «кошка» олицетворяет, с одной стороны, симпатию и приязнь к независимости (воля и свобода), поведению (опрятность, чистоплотность), характеру (живучесть, выносливость). С другой стороны, – подозрение, что за всем этим скрывается иное содержание: за свободолобием – своеволие (лень и эгоизм), за лаской – лживость и притворство с надменностью и высокомерием, за опрятностью – безразличие и брезгливость.

Специфичным является употребление в русском языке лексемы «наветки» от «вет». Древнерусское слово «вътъ» – ‘совет, договор’ сходно с рядом слов в славянских языках, родственно литовскому «vaitenù» – ‘сужу,

обсуждаю, полагаю’, древнепрусскому «waitiāmi» – ‘мы говорим’, «waitiāt» – ‘говорить’, авестийскому «uaēθ» – ‘установить судебным следствием’, «uaēθa» – ‘судебное заключение’, польскому – «witać», верхнелужицкому – «witać», нижнелужицкому «witaś» – ‘приветствовать’ [18, т. 1, с. 305].

В настоящее время слово «наветки» в русском языке носит архаический характер и выражает семы ‘клевета’, ‘ложное обвинение’ [17, т. 2, с. 312].

Следовательно, в основе образа паремии «Кошку бьют, а невестке наветки дают» лежит восходящая к архетипическим, то есть древнейшим коллективно-родовым представлениям оппозиция «свой – чужой».

Образ паремии соотносится с зооморфным кодом культуры, то есть с совокупностью имен животных и других живых существ, обозначающих их как целое или их части и специфичные для них качественные характеристики, которые несут в дополнение к их природным свойствам функционально значимые для культуры смыслы, придающие этим именам роль знаков «языка» культуры.

Паремия содержит метафору, в которой представление о расплате за проявление независимости невесткой уподобляется представлению о воздействии физической силы на кошку.

В духовно-нравственном коде культуры свобода, воля оценивается позитивно. Нарушение чужой свободы, подавление чужой воли и абсолютное подчинение предосудительны, поскольку не соответствуют, в частности, установке христианской культуры, согласно которой «на все воля Божия» и насилие – это всегда зло. Но если деятельность того, кто подвергается подобному наказанию, представляется говорящему предосудительной, то такое насилие воспринимается как необходимая мера, совершаемая «во благо», и оценивается как допустимое.

Паремия «Кошку бьют, а невестке наветки дают» содержит стереотипное представление о кротости, терпении, смирении невестки.

Таким образом, в лексическом плане пословицы «Den Sack schlägt man, den Esel meint man» и «Кошку бьют, а невестке наветки дают» не имеют родства. Однако в культурологическом аспекте общим сигнификативным значением данных паремий можно считать проявление «женой сына» таких качеств характера, как кротость, терпение, смирение, являющихся нравственно ценными в сопоставляемых картинах мира.

Русская ФКМ свидетельствует о тяжелой судьбе невестки. После свадьбы муж традиционно приводил жену в дом родителей. Вторые родители – свекровь и свекор

должны быть почитаемы: «Потом сказал дочери своей: почитай твоего свекра и свекровь, теперь они – родители твои; желаю слышать добрый слух о тебе. И поцеловал ее. И Една сказала Товии: возлюбленный брат, да восстановит тебя Господь Небесный и дарует мне видеть детей от Сарры дочери моей, дабы я возрадовалась пред Господом. И вот, отдаю тебе дочь мою на сохранение; не огорчай ее (Тов. 10:12)-[13].

Следовательно, ближней родней невестке становятся родители супруга. С женитьбой сына семья получала молодую работницу, на которую возлагались все домашние обязанности, что иллюстрируют следующие паремии: *«Пусть невестка и дура, только бы огонь пораньше дула»*, *«Все в семье спят, а невестке молоть велят»*.

В традиции русского села отразились случаи возникновения интимной близости между невесткой и отцом ее супруга. Замеченный в подобной непристойности селянин получал навек клеймо снохача или сношника, которое выражало общественное порицание и презрение к нарушению святости семейных уз: *«Смалчивай, невестка, – сарафан куплю (говорит сношник)»*. Отметим, что для патриархального уклада сельского быта половая близость между главой крестьянской семьи (большаком) и женой сына не была явлением исключительным.

Причину существования этой формы удовлетворения сексуальных потребностей следует видеть в особенностях крестьянского быта. Одна из причин – это ранние браки. В середине XIX в., по сведениям А.П. Звонкова, в селах Елатомского уезда Тамбовской губернии было принято женить 12-13-летних мальчиков на невестах 16-17 лет. Отцы, склонные к снохачеству, умышленно женили своих сыновей молодыми для того, чтобы пользоваться их неопытностью. Другая причина снохачества – отхожие промыслы крестьян. Мужья уходили на заработки, виделись с женами только два раза в год, свекор же оставался

дома и распоряжался снохой по своему усмотрению.

Механизм склонения невестки к сожительству со свекром был достаточно прост. Пользуясь отсутствием сына (отход, служба), а иногда и в его присутствии, свекор принуждал ее к половой близости, используя все средства: и уговоры, и подарки, и обещания легкой работы. В ином случае молодуха подвергалась непосильной работе, сопровождаемой придирками, ругательствами, побоями. Жизнь женщин, отказавших своим свекрам в удовлетворении их плотских желаний, становилась невыносимо мучительной.

Специалист по гражданскому праву дореволюционного периода Е.Т. Соловьев отмечал, что «когда невестка не желает быть сожительницей свекра, ей достаются от него жестокие побои, арест в подполье, погребу или в холодном амбаре. В тех случаях, когда преступная связь свекра с невесткой открывалась, виновной, как правило, признавалась женщина, которую ожидала жестокая расправа со стороны мужа [4, с. 55-57]. Отсюда пословица *«Смалчивай, невестка, – сарафан куплю (говорит сношник)»* семантизирует 'сексуальное насилие над невесткой со стороны свекра'.

Этнолингвистический анализ немецких и русских паремий, объективирующих ключевую лексику «жена сына – невестка», позволил выделить общие и национально доминирующие представления о жене сына. Данный вывод изложим в виде схемы (рис. 1).

Проведенный анализ позволил установить диапазон и спектр интегральных и ментальных особенностей паремиологических единиц, выражающих образ «жена сына», в немецком и русском языках, и таким образом доказать особую функцию паремий воплощать в себе и транслировать в речи символичные смыслы, эталонные и стереотипные представления языкового сообщества.

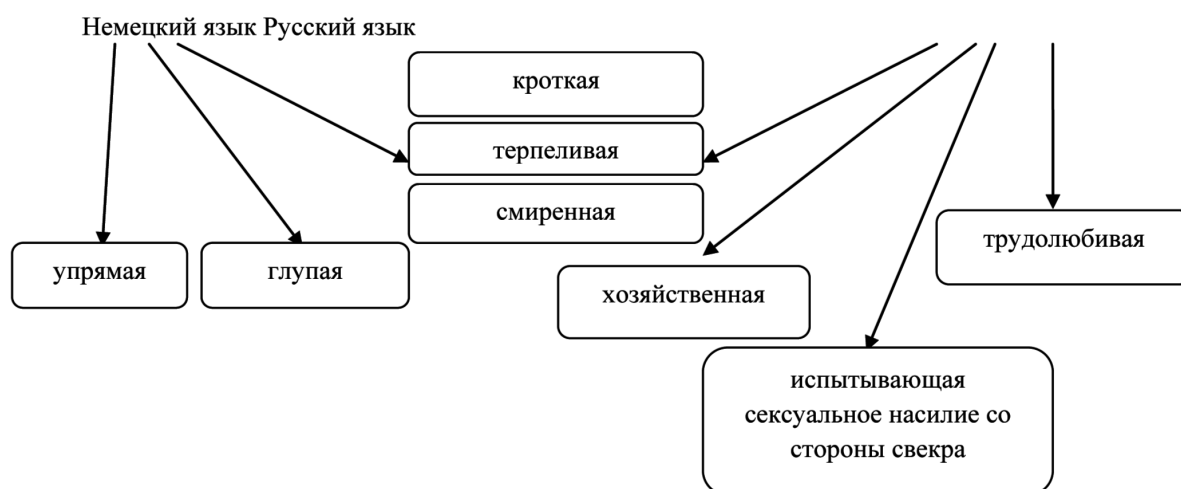

Рис. 1. Общие и специфические значения немецких и русских паремий, эксплицирующих образ «жена сына»

ЛИТЕРАТУРА

1. Аль-Дайбани, Ареф Али Фразеологические единицы, выражающие интеллектуальные способности человека в английском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук/ Ареф Али Аль-Дайбани. – Казань, 2003. – 199 с.
2. Ахметсагирова, Л.И. Языковая картина мира сквозь призму фразеологии военной сферы: на материале русского и немецкого языков: дис. ... канд. филол. наук/Л.И. Ахметсагирова. – Казань, 2010. – 197 с.
3. Батсүрэн, Рэнчин Отображение универсальных и этноспецифических черт языковой картины мира во фразеологических фондах английского, русского и монгольского языков: (на материале фразеологизмов-соматизмов и зоонимов): автореф. дис. ... канд. филол. наук/ Рэнчин Батсүрэн. – Саратов, 2010. – 26 с.
4. Безгин, В.Б. Крестьянская повседневность (Традиции конца XIX – начала XX века)/В.Б. Безгин. – М.: Тамбов, 2004. – 129 с.
5. Бидерманн, Г. Энциклопедия символов/Г. Бидерманн. – М.: Республика, 1996. – 335 с.
6. Бобрышева, Л.К. Фразеологизмы как национально-культурная экзистенциальная картина мира (на материале русского и адыгейского языков): дис. ... канд. филол. наук/Л.К. Бобрышева. – Майкоп, 2009. – 154 с.
7. Борхес, Х.Л. Бестиарий: Книга вымышленных существ/Х.Л. Борхес. – М.: ЭСКИМО-Пресс, 2000. – 368 с.
8. Буянова, Л.Ю., Коваленко, Е.Г. Русский фразеологизм как ментально-когнитивное средство языковой концептуализации сферы моральных качеств личности/Л.Ю. Буянова, Е.Г. Коваленко. – Краснодар: КубГУ, 2004. – 164 с.
9. Гатауллина, Л.Р. Роль цветообозначений в концептуализации мира: на материале фразеологизмов английского, немецкого, французского, русского и татарского языков: дис. ... канд. филол. наук/Л.Р. Гатауллина. – Уфа, 2005. – 259 с.
10. Девкин, В.Д. Немецко-русский словарь разговорной лексики DJVU/В.Д. Девкин. – М.: Русский язык, 1994. – 1785 с.
11. Дуйсекова, К.К. Фразеологические картины мира, французского и казахского языков (концептуально-лингвокультурологический; опыт исследования): дис. ... д-ра филол. наук/К.К. Дуйсекова. – Алмата, 2006. – 260 с.
12. Иванова, Е.В. Пословицная концептуализация мира: на материале английских и русских пословиц: дис. ... д-ра филол. наук/Е.В. Иванова. – СПб., 2003. – 415 с.
13. О семье [Электронный ресурс] – URL: <http://www.kistine1.narod.ru/Tolstine.htm> (Дата обращения: 24.01.2025).
14. Славянская мифология. Энциклопедический словарь / отв. ред. С. М. Толстая. – М.: Международные отношения, 2011. – 512 с.
15. Страна порядка, педантизма и ... кошек! Кошки в Германии [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.cats-exotic.ru> (Дата обращения: 22.01.2017).
16. Фаткуллина, Ф.Г. Категория деструктивности в современном русском языке: дис. ... д.ф.н./ Ф.Г. Фаткуллина. – Уфа, 2002. – 323 с.
17. Ушаков, Д.И. Толковый словарь русского языка/Д.И. Ушаков. В 4-х т. Т. 1. – М.: ТЕРРА, 1996. – 824 с., Т.2. – М.: ТЕРРА, 1996. – 520 с., Т.3. – М.: ТЕРРА, 1996. – 712 с., Т.4. – М.: ТЕРРА, 1996. – 752 с.
18. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка/М. Фасмер. В 4-х т. Т. 1. – М.: Астрель: АСТ, 2004. – 588 с.; Т. 2. М.: Астрель: АСТ, 2009. – 671 с.; Т.3. – М.: Астрель: АСТ, 2007. – 830 с.; Т.4. – М.: Астрель: АСТ, 2009. – 860 с.
19. Хайруллина, Р.Х. О типах межъязыковых фразеологических параллелей в русском и башкирском языках/Р.Х. Хайруллина// Функционирование языковых единиц и грамматических категорий в разных типах и стилях речи. - Уфа: Башкир. гос. пед. ин-т, 1997. – С. 54 – 160.
20. Хайруллина, Р.Х. Фразеологическая картина мира: от мировидения к миропониманию/Р.Х. Хайруллина. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2008. – 299 с.
21. Частикова, А.В. Английские и немецкие фразеологические единицы, вербализующие макроконцепт «природные явления» как отражение наивной картины мира: дис. ... канд. филол. наук/А.В. Частикова.- Воронеж, 2009. – 236 с.
22. Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка / П.Я. Черных. В 2-х т. Т. 1. – М.: Рус. яз., 1993. – 623 с.; Т. 2. – М.: Рус. яз., 1993. – 560с.
23. Duden, C. Etymologie: Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache / C. Duden. - Mannheim, Zurich, 2007. – 960 S.
24. Duden, C. Deutsche Universalwörterbuch / C. Duden. - Mannheim, Zurich, 2011. – 2112 S.
25. Guseva, A.E., Shimko, E.A., Shabanova, V.P., Polyakova, N.V., Vapnik, N.A. Phraseological picture of stepmother in the german and Russian languages/ A.E Guseva, E.A. Shimko, V.P. Shabanova, N.V. Polyakova, N.A. Vapnik // Applied Linguistics Research Journal. – 2021. – № 3. Т. 5. – P. 174 – 180.
26. Rudneva, N.I., Shimko, E.A., Korotkova, G.V. Explication of the national value parameter in paremiological units/ N.I. Rudneva, E.A. Shimko, G.V. Korotkova // Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering. – 2019. – № 9 (1). – P. 3852 – 3856.
27. Shimko, E., Korotkova, G., Rudneva, N., Yashina, E. Innovative technologies in Romano-Germanic philology research (the case of lexical-semantic explication of German and Russian nominations «husband», «spouse»)/ E. Shimko, G. Korotkova, N. Rudneva, E. Yashina// E3S Web of Conferences – 210,15001, 2020.
28. Shimko, E., Rudneva, N., Korotkova, G., Yashina E. Symbolizing The “Wind” Concept In “The Twelve” Poem By A. Blok/ E. Shimko, N. Rudneva, G. Korotkova, E. Yashina// EpSBS – Volume 118 International Conference on Language and Technology in the Interdisciplinary Paradigm (LATIP 2021) Doi 10.15405/epsbs.2021.12.103.

© Гусева Алла Ефимовна (angst51@rambler.ru), Шимко Елена Алексеевна (Shimko_elena@inbox.ru),
Вапник Наталья Александровна (gratasha@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ С НАУЧНЫМ ТЕКСТОМ НА ДОВУЗОВСКОМ ЭТАПЕ ПОДГОТОВКИ ИНОСТРАННЫХ СЛУШАТЕЛЕЙ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ

FEATURES OF WORKING WITH SCIENTIFIC TEXT AT THE PRE-UNIVERSITY STAGE OF TRAINING FOREIGN STUDENTS IN THE CONTEXT OF THE MODERN EDUCATIONAL ENVIRONMENT

*E. Igumnova
G. Agapova*

Summary: The article is devoted to topical issues of teaching methods of Russian as a foreign language at the pre-university stage of training in the context of modern educational realities. The article examines the features of working with scientific text as the main unit of study for international students in the context of digitalization of education. The article analyzes modern approaches to the formation of communicative competence through working with scientific texts, the peculiarities of adapting scientific materials for the pre-university stage, as well as the role of a virtual educational environment in the organization of the educational process.

Keywords: Russian as a foreign language, pre-university training, scientific text, communicative competence, digitalization of education, text adaptation, virtual educational environment.

Игумнова Елена Сергеевна

кандидат филологических наук, педагог дополнительного образования, «Российский университет дружбы народов» (г. Москва)

igumnova01@rambler.ru

Агапова Гаделия Хаснуловна

кандидат педагогических наук, «Российский университет дружбы народов» (г. Москва)

Аннотация: Статья посвящена актуальным вопросам методики преподавания русского языка как иностранного на довузовском этапе подготовки в условиях современных образовательных реалий. Рассматриваются особенности работы с научным текстом как основной единицей обучения иностранных слушателей в контексте цифровизации образования. Анализируются современные подходы к формированию коммуникативной компетенции через работу с научными текстами, особенности адаптации научных материалов для довузовского этапа, а также роль виртуальной образовательной среды в организации учебного процесса.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, довузовская подготовка, научный текст, коммуникативная компетенция, цифровизация образования, адаптация текстов, виртуальная образовательная среда.

Введение

Современный этап развития методики преподавания русского языка как иностранного характеризуется активным поиском новых подходов к организации довузовской подготовки иностранных слушателей. Научный текст остается центральным элементом в формировании профессиональной коммуникативной компетенции, однако его роль и функции существенно трансформируются под влиянием цифровых технологий и новых образовательных парадигм.

Анализ современных исследований демонстрирует интерес к проблемам методики преподавания РКИ: за период 1991–2023 годов количество защищенных диссертаций по данной тематике составляет 16,57% [2]. Это свидетельствует об актуальности вопросов эффективной языковой подготовки иностранных граждан на довузовском этапе.

Пандемия COVID-19 и связанные с ней ограничения

существенно изменили образовательный ландшафт, стимулировав развитие дистанционных форм обучения. В этих условиях особую значимость приобретает разработка новых методических подходов к работе с научным текстом в виртуальной образовательной среде. Современные исследования подчеркивают, что цифровизация образования открывает новые возможности для персонализации обучения и создания адаптивных образовательных сред [3].

Целью настоящего исследования является анализ современных тенденций в работе с научным текстом на довузовском этапе подготовки иностранных слушателей и выявление наиболее эффективных методических решений в условиях цифровизации образования.

Научный стиль речи в современной методике РКИ рассматривается как динамический феномен, подверженный влиянию глобальных изменений в сфере научной коммуникации. Исследования последних лет подчеркивают тенденцию к бурному росту терминологии

гической лексики во всех языках мира, что создает дополнительные вызовы для преподавателей русского языка как иностранного [8].

Современная методика работы с научным текстом строится на триаде «лексика — конструкция — текст», которая позволяет комплексно развивать языковые и речевые навыки студентов. Особое внимание уделяется лингводидактическому потенциалу научного текста, который реализуется через систему упражнений, направленных на формирование навыков работы с терминологией, синтаксическими конструкциями и текстовыми структурами.

Принципиально важным аспектом современного подхода является учет межкультурных различий в восприятии научной информации. Различные национальные традиции научного изложения могут создавать дополнительные трудности для иностранных студентов, что требует специальной методической работы по преодолению культурно-языковых барьеров.

Важной особенностью современного этапа является признание схожести научных описаний на различных языках, что позволяет использовать межъязыковые аналогии в обучении. Однако при этом необходимо учитывать специфику русского научного дискурса, его культурную и лингвистическую специфику. Сравнительный анализ научных текстов на разных языках показывает, что при общности логико-композиционной структуры существуют значительные различия в языковом оформлении научной мысли.

Профессионально ориентированное обучение научному стилю речи предполагает формирование у студентов способности понимать и продуцировать научные тексты по специальности, что является основой для дальнейшего успешного освоения профессиональных дисциплин. Как отмечает Е.А. Трушина, целью подготовки иностранных студентов на занятиях по русскому языку как иностранному является формирование коммуникативной компетенции, в первую очередь в профессиональной сфере общения [9, с. 46]. Текст при этом рассматривается как образец функционирования языка и исходная единица обучения.

Период 2020-2021 годов ознаменовался кардинальными изменениями в организации довузовской подготовки иностранных студентов. Введение цифрового формата обучения потребовало переосмысления традиционных методических подходов и разработки новых технологий работы с научным текстом.

Цифровой подготовительный факультет, запущенный в 2020 году на базе Российского университета дружбы народов, представляет собой инновационную модель довузовской подготовки, включающую специализиро-

ванные модули по научному стилю речи для каждого профиля обучения. Базовая программа состоит из 9 модулей, включая модуль по научному стилю речи по выбранной специальности, что обеспечивает профессиональную ориентацию обучения [4].

Современные цифровые технологии позволяют создавать интерактивные учебные материалы, включающие аудиозаписи, видео-лекции и интерактивные упражнения для отработки лексики и грамматических конструкций научного стиля речи. Такой подход обеспечивает мультимодальность обучения и учитывает различные стили восприятия информации обучающимися.

Особое значение в условиях цифровизации приобретает создание адаптивных образовательных платформ, способных подстраиваться под индивидуальные потребности и темп обучения каждого студента. Использование технологий искусственного интеллекта позволяет создавать персонализированные траектории обучения, учитывающие как языковой уровень студента, так и его профессиональные интересы.

Важным аспектом цифровизации является возможность создания виртуальных лабораторий и симуляторов, позволяющих студентам практиковаться в использовании научного языка в приближенных к реальности условиях. Такие технологии особенно эффективны при изучении технических и естественнонаучных дисциплин, где необходимо освоение специфической терминологии и способов изложения материала.

Использование виртуальной образовательной среды в обучении РКИ на довузовском этапе открывает новые возможности для организации самостоятельной работы студентов, создания интерактивных рабочих листов и проведения онлайн-тестирования. Особенно эффективными оказываются инструменты, позволяющие студентам работать с научными текстами в индивидуальном темпе [5].

Коммуникативная компетенция в современной методике РКИ рассматривается как многокомпонентное образование, включающее лингвистическую, прагматическую и социокультурную составляющие. Особое внимание уделяется формированию прагматической компетенции, которая обеспечивает успешное коммуникативное взаимодействие и является одним из ключевых компонентов фоновых знаний [6].

Прагматическая компетенция предполагает знание того, как использовать языковые средства для оказания соответствующего воздействия на партнера по коммуникации. Без нее коммуникативная компетенция оказывается неполной, что особенно важно при работе с научными текстами, где прагматический аспект играет значительную роль.

В процессе работы с научным текстом формируются навыки профессиональной коммуникации, необходимые для дальнейшего обучения в вузе. Систематическая работа с текстами по специальности способствует развитию навыков репродуцирования и продуцирования текстов, формирует коммуникативную компетенцию в профессиональной сфере [9].

Современная концепция коммуникативной компетенции включает в себя не только традиционные языковые и речевые навыки, но и цифровую грамотность, способность эффективно использовать информационные технологии для поиска, обработки и представления научной информации. Это особенно актуально в условиях перехода к цифровым форматам обучения.

Важным компонентом коммуникативной компетенции является межкультурная составляющая, которая позволяет студентам эффективно взаимодействовать в многонациональной образовательной среде. Формирование межкультурной компетенции происходит не только через изучение культурных особенностей страны изучаемого языка, но и через освоение универсальных норм академического общения.

Современные исследования показывают, что коммуникативная компетентность имеет институциональную природу и формируется под влиянием исторически обусловленных традиций, что необходимо учитывать при работе с иностранными студентами различных национальностей [10].

Понимание психолингвистических механизмов восприятия научного текста иностранными учащимися является ключевым для разработки эффективных методических подходов. Исследования показывают, что процесс понимания научного текста на иностранном языке существенно отличается от аналогичного процесса на родном языке и требует специальной методической поддержки.

Одной из основных трудностей является когнитивная перегрузка, возникающая при одновременной обработке языковой формы и содержания научного текста. Иностранные студенты вынуждены распределять внимание между декодированием языковых единиц и пониманием научных концепций, что замедляет процесс восприятия и может приводить к неполному или искаженному пониманию материала.

Особую роль в процессе понимания научного текста играют фоновые знания студентов, которые включают как предметные знания в области изучаемой дисциплины, так и знания о структуре и особенностях научного дискурса в русском языке. Недостаток таких знаний может существенно затруднять понимание даже относительно простых научных текстов.

Важным фактором является также различие в стратегиях чтения, принятых в различных культурах. Слушатели из некоторых стран привыкли к более линейному и детальному чтению, в то время как эффективная работа с научным текстом на русском языке часто требует использования стратегий сканирования и селективного чтения.

Современные нейролингвистические исследования показывают, что обработка научного текста на иностранном языке активирует дополнительные области мозга, связанные с контролем внимания и рабочей памятью. Это объясняет повышенную утомляемость студентов при работе с научными текстами и необходимость специальной организации учебного процесса.

Проблема адаптации научных текстов для довузовского этапа обучения приобрела особую актуальность в связи с необходимостью создания эффективных учебных материалов для разнообразного контингента иностранных студентов. Адаптация понимается как трансформация текста с целью приспособления его для восприятия читателем-инофоном.

Современные подходы к адаптации научных текстов предполагают использование различных видов трансформации: лексических, грамматических, структурных и содержательных. Особое внимание уделяется автоматизации процесса адаптации с использованием компьютерных технологий, что позволяет создавать персонализированные учебные материалы.

Критериями отбора текстов для адаптации служат: соответствие уровню языковой подготовки слушателей, профессиональная ориентированность, культурная адекватность и методическая целесообразность. Процесс адаптации включает несколько этапов: предварительный анализ текста, определение целей адаптации, выбор методов трансформации, создание системы упражнений.

Лексическая адаптация предполагает замену сложных терминов более простыми аналогами или добавление пояснений к специальным терминам. При этом важно сохранить точность научного изложения и не допустить упрощения, которое могло бы исказить смысл научной информации.

Грамматическая адаптация включает упрощение синтаксических конструкций, характерных для научного стиля, замену сложных предложений более простыми, сокращение причастных и деепричастных оборотов. Однако такие изменения должны производиться осторожно, чтобы не нарушить логику научного изложения.

Важным направлением становится визуально-инструментальная адаптация текстов, которая предпола-

гает использование графических элементов, схем, диаграмм для облегчения понимания научной информации. Такой подход особенно эффективен при работе с текстами технического и естественнонаучного профиля.

Работа с научным текстом на довузовском этапе требует учета культурно-языковых особенностей различных контингентов иностранных студентов. Опыт показывает, что студенты из разных стран имеют различные традиции работы с научной литературой, что необходимо учитывать при организации учебного процесса.

Студенты из стран Восточной Азии, в частности из Китая, часто демонстрируют высокую мотивацию к изучению научного стиля речи, однако испытывают значительные трудности в освоении русской терминологии из-за различий в языковых системах. Для данного контингента особенно эффективными оказываются методы контрастного анализа и использование визуальных опор.

Студенты из арабских стран сталкиваются с трудностями, связанными с различиями в структуре научного текста и способах аргументации. Арабская традиция научного изложения предполагает более широкое использование метафор и образных выражений, что может создавать проблемы при адаптации к более строгому стилю русского научного дискурса.

Студенты из стран Африки часто демонстрируют хорошее владение устной речью, но испытывают трудности в освоении письменных форм научного стиля. Для этого контингента особенно важна работа по развитию навыков академического письма и использованию специфических письменных конструкций научного стиля.

Самостоятельная работа студентов рассматривается как важный резерв оптимизации учебного процесса на довузовском этапе обучения. Современные исследования показывают необходимость разработки новых форм и методов организации самостоятельной работы с использованием цифровых технологий [1].

Особую остроту проблема самостоятельной работы приобретает при обучении студентов из Юго-Восточной Азии, в частности из Китая, которым необходимо овладеть русским языком в объеме первого сертификационного уровня в сжатые сроки. Эффективная организация самостоятельной работы позволяет компенсировать недостаток аудиторного времени и обеспечить необходимый уровень языковой подготовки.

Использование мультимедийных средств обучения в организации самостоятельной работы способствует повышению мотивации студентов и эффективности усвоения материала. Особенно важным является создание интерактивных заданий, позволяющих студентам

получать немедленную обратную связь о результатах выполнения заданий.

Современные технологии позволяют создавать системы автоматизированного контроля самостоятельной работы, которые не только проверяют правильность выполнения заданий, но и анализируют типичные ошибки, предоставляя студентам персонализированные рекомендации по дальнейшему изучению материала.

Важным направлением является разработка мобильных приложений для изучения научного стиля речи, которые позволяют студентам заниматься в любое удобное время и в любом месте. Такие приложения могут включать в себя словари научных терминов, тренажеры для отработки грамматических конструкций, базы научных текстов для чтения.

Лингвосоциокультурная адаптация иностранных студентов тесно связана с организацией их самостоятельной работы. Правильно организованная самостоятельная работа не только способствует повышению языковой компетенции, но и помогает студентам адаптироваться к новой образовательной и социокультурной среде.

Современное состояние методики работы с научным текстом на довузовском этапе характеризуется рядом проблем и противоречий. С одной стороны, наблюдается активное внедрение цифровых технологий и новых методических подходов, с другой стороны, остается нерешенным вопрос о стандартизации требований к уровню владения научным стилем речи.

Значительной проблемой остается недостаточная координация между преподавателями русского языка и специальных дисциплин, что приводит к разрыву между языковой и профессиональной подготовкой студентов. Необходимо развитие интегративных подходов, обеспечивающих взаимосвязь языкового и профессионального обучения.

Серьезным вызовом является необходимость подготовки преподавательских кадров к работе в условиях цифровизации образования. Многие преподаватели испытывают трудности в освоении новых технологий и методических подходов, что замедляет процесс модернизации образовательного процесса.

Актуальной проблемой остается создание качественных учебных материалов, соответствующих современным требованиям и учитывающих специфику различных профилей подготовки. Существующие учебники и пособия часто не отвечают потребностям современных студентов и требуют кардинального обновления.

Перспективным направлением развития является

создание интеллектуальных систем адаптации текстов, способных автоматически подбирать и модифицировать учебные материалы в соответствии с индивидуальными потребностями студентов. Такие системы могут существенно повысить эффективность обучения и снизить нагрузку на преподавателей.

Важной задачей остается разработка эффективных систем оценивания уровня сформированности навыков работы с научным текстом, которые учитывали бы специфику различных профилей подготовки и индивидуальные особенности студентов.

Анализ современного состояния работы с научным текстом на довузовском этапе подготовки иностранных слушателей показывает, что данная область находится в процессе активной трансформации под влиянием цифровизации образования и новых методических подходов. Традиционные методы работы с научным текстом дополняются и обогащаются за счет использования современных технологий и инновационных педагогических решений.

Ключевыми тенденциями развития являются персонализация обучения, активное использование виртуальной образовательной среды, автоматизация процессов адаптации текстов и интеграция различных видов компетенций. Особое значение приобретает формирование прагматической компетенции как основы успешного профессионального общения.

Цифровизация довузовского этапа подготовки открывает новые возможности для создания эффективных учебных материалов и организации учебного процесса, однако требует переосмысления традиционных методических подходов и подготовки преподавательских кадров к работе в новых условиях.

Важным направлением дальнейших исследований является изучение психолингвистических механизмов восприятия научного текста иностранными учащимися, что позволит разработать более эффективные методические стратегии. Необходимо также продолжить работу по созданию культурно-адаптированных методик обучения для различных контингентов студентов.

Перспективы дальнейшего развития связаны с созданием интеллектуальных систем обучения, развитием корпусных технологий и усилением междисциплинарной координации в подготовке иностранных студентов. Особое внимание должно быть уделено подготовке преподавательских кадров и созданию качественных учебно-методических материалов нового поколения.

Результаты исследования могут быть использованы при разработке новых учебно-методических комплексов для довузовской подготовки иностранных слушателей, создании цифровых образовательных ресурсов и совершенствовании методики преподавания русского языка как иностранного в условиях цифровизации образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гусева И.С., Румянцева Н.М., Юрова Ю.В. Организация самостоятельной работы учащихся по РКИ как резерв оптимизации учебного процесса (дovuзовский этап обучения) // CyberLeninka. 2021. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-samostoyatelnoy-raboty-uchaschichsya-po-rki-kak-rezerv-optimizatsii-uchebnogo-protsesta-dovuzovskiy-etap-obucheniya> (дата обращения: 23.05.2025).
2. Григорьева М.Ю. Методика преподавания РКИ: наукометрический анализ // НА-Журнал. 2024. № 3. С. 15-28.
3. Зенков А.Р. Цифровизация образования: направления, возможности, риски. М.: ИМЭМО РАН, 2021. 124 с.
4. Зенков А.Р. Цифровой подготовительный факультет // РУДН. 2020. URL: <https://www.rudn.ru/media/news/admission/cifrovoy-podgotovitelnyy-fakultet> (дата обращения: 23.05.2025).
5. Нефёдов И.В. Виртуальная образовательная среда в обучении РКИ: реальность и перспективы // Науки об образовании. 2021. № 2. С. 45-58.
6. Овчинникова М.В., Колотова Н.И. Формирование прагматической компетенции иностранных студентов на уроках РКИ как условие успешного коммуникативного взаимодействия // CyberLeninka. 2021. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-pragmaticheskoy-kompetentsii-inostrannyh-studentov-na-urokah-rki-kak-uslovie-uspeshnogo-kommunikativnogo> (дата обращения: 23.05.2025).
7. Петрова Н.Е. Изучение научного стиля речи на занятиях по русскому языку как иностранному // CyberLeninka. 2020. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-nauchnogo-stilya-rechi-na-zanyatiyah-po-russkomu-yazyku-kak-inostrannomu> (дата обращения: 23.05.2025).
8. Прокофьева Л.П., Новикова Н.С., Михайлова О.Е. Научный стиль речи на занятиях по РКИ: общее и специфическое // Мир русского слова. 2024. № 2. С. 87-97.
9. Трушина Е.А. Работа с текстами по специальности на занятиях по русскому языку как иностранному в военном вузе // Современные проблемы науки и образования. 2020. № 1. С. 45-52.
10. Чанкова Е.В., Сорокин О.В. Коммуникативная компетентность россиян // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 2. С. 10-25.

© Игумнова Елена Сергеевна (igumnova01@rambler.ru), Агапова Гаделия Хаснуловна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК СФЕРА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОНЦЕПТА «LOVE/ЛЮБОВЬ»

LITERARY TEXT AS A SPHERE OF FUNCTIONING OF THE CONCEPT "LOVE/ЛЮБОВЬ"

**A. Kachula
M. Tsaturyan**

Summary: This article is devoted to the study of the literary text as a sphere of functioning of the concept of «Love/Любовь». The relevance of the research is due to the growing interest in cognitive linguistics and the study of concepts as key units of thought and culture. Studying the representation of the concept of «Love/Любовь» in a literary text allows for a deeper understanding of the features of the author's worldview, cultural and social values reflected in the literary work.

Keywords: literary text, functioning of the concept «Love/Любовь», the linguistic realization of a conceptual metaphor, metaphor in a literary text.

Качула Анастасия Алексеевна

Кубанский государственный университет, (г. Краснодар)

anst.kch@gmail.com

Цатурян Марина Мартиросовна

доктор филологических наук, Кубанский государственный

университет, (г. Краснодар)

tsaturyan.mm@mail.ru

Аннотация: Данная статья посвящена исследованию художественного текста как сферы функционирования концепта «Love/Любовь». Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом к когнитивной лингвистике и исследованию концептов как ключевых единиц мышления и культуры. Изучение репрезентации концепта «Love/Любовь» в художественном тексте позволяет глубже понять особенности авторского мировидения, культурные и социальные ценности, отраженные в литературном произведении.

Ключевые слова: художественный текст, функционирование концепта «Love/Любовь», языковую реализацию концептуальной метафоры, «любовная» метафора в художественном тексте.

Современная лингвистика широко затрагивает проблему взаимодействия культуры, языка и сознания. Специалисты А. Вежицкая [1], М.М. Цатурян и М.А. Саркисян [9] проводят многочисленные исследования языковых картин мира у говорящих на разных языках, а также создают ассоциативные словари с богатым материалом для изучения особенностей восприятия реальности в разных культурах. Именно из-за тесной связи между языком и концептуальной картиной мира язык становится основным инструментом, позволяющим людям обмениваться информацией и коммуницировать друг с другом. Согласно А. Вежицкой, «слово представляет собой один из элементов создания представления о мире. В данном контексте языковая картина мира означает все познания об окружающем мире, отраженные в конкретной языковой форме и выражающие специфическое «языковое восприятие мира», присущее каждому народу» [1, с.230].

А.Р. Лурия утверждает: «Для художественного текста особенно характерен конфликт между открытым текстом и внутренним смыслом, поскольку подчас за внешними событиями, обозначенными в тексте, скрывается внутренний смысл, который создается не столько самими событиями, фактами, сколько теми мотивами, которые стоят за этими событиями, мотивами, которые побудили автора обратиться к этим событиям. А поскольку мотивы скорее угадываются, чем «прочитываются» в тексте, то они могут оказаться разными для разных читателей. Ведь и читатель имеет свой взгляд на вещи. И он не обязательно совпадает с авторской трактовкой. И поэтому

вероятность появления одного определенного смысла (для автора и читателя) крайне низка. Чтобы разобраться в таком тексте, требуется активный анализ, сличение элементов текста друг с другом. Значит, мало понять непосредственное значение сообщения в тексте, необходимым процесс перехода от текста к выделению того, в чем состоит внутренний смысл сообщения» [6, с.230].

Изучение слов, передающих область чувств и эмоций, позволяет лучше понять духовную культуру народа, а также национально-культурную специфику языкового сознания. Формальные дефиниции в словаре слов, таких как «Love/Любовь», нацелены на описание предмета, который слово описывает. Однако, они отражают не столько факты, сколько представления «обыденного сознания», то есть способ концептуализации в языке. Для практического изучения концептов необходимо проведение дефиниционного анализа слов, чтобы выделить семы, составляющие концепт. Чувство может быть вызвано как внутренними причинами, связанными с индивидуальными особенностями личности, так и социальными причинами. Оно проявляется с разной силой и может иметь множество аспектов. В целом, чувство отличается комплексностью и может состоять из нескольких элементов. Чувство любви зависит как от внутренних, врожденных свойств человека, так и от социальных факторов. Оно характеризуется как сильное и многогранное.

Анализ различных направлений философской мысли о понятии любви, вслед за Д.О. Добровольским, позволил выделить различные идеологические направления в по-

нимании любви и определить следующие параллели:

- Любовь рассматривается как Божественное благо, связанное с духовностью человека и представленное как святыня.
- Любовь играет важную роль в семейных отношениях, способствует развитию личности и считается главной духовной и социальной ценностью.
- Любовь представляется как интимная связь и влечение, не подчиненное разуму и рассудку.
- Любовь рассматривается как свобода, индивидуальность и основа творчества, противопоставляясь обществу, браку и семье.
- Любовь связывается с смертью как своего рода таинство. [2, с.78]

Существует и другая классификация любви, автором которой стал Дж. А. Ли [3], канадский социолог, опубликовавший свою типологию в книге «Цвета любви», изданной в 1973 году. С ней обычно знакомятся студенты классических английских университетов на парах психологии. Дж. А. Ли разделил «любь» на шесть типов: Эрос (романтическая любовь, поиск красоты и посвящение себя любви), Лудус (отношения без обязательств), Сторгэ (дружба), Прагма (любовь, основанная на выгоде), Мания (ревность и собственничество) и Агапэ (любовь к ближнему, любовь бога к людям) [3, с. 300].

Метафора считается одним из самых эффективных способов описания концепта «Love/Любовь», описания реальности, понимания и обобщения нашего окружения. Она дает возможность воплотить в язык нашу концепцию окружающего мира и связать различные идеи и концепты вместе. Согласно Р.И. Павиленису, «метафора играет важную роль в создании вторичных наименований в языке и формировании языковой картины мира. Она влияет на то, как люди воспринимают мир в соответствии с национально-культурными традициями и способностью языка выражать невидимые концепты» [8, с.67]. Таким образом, метафора воплощает определенные представления о мире, которые затем влияют на наше мышление и поведение. Метафорические образы помогают нам лучше понимать и воспринимать окружающий мир, представлять себе различные явления и явления. Они формируют сознание, отображают многовековой опыт народа, его бытие и творческие потребности. Русская национальная культура богата образностью и метафорическим мышлением, что было обусловлено сложной историей и влиянием разных культур. Английский язык также обладает развитой метафорической системой, но она отличается от русской, что связано с историческими, географическими и культурными особенностями англоязычного мира. Это означает, что различия в метафорах могут повлиять на то, как люди из разных культур воспринимают и оценивают друг друга и мир вокруг. Изучение метафор в различных языках и куль-

турах может помочь нам лучше понимать и оценивать ментальные процессы и мировоззрение разных народов, а также помочь при переводе текстов и коммуникации между культурами.

В когнитивной теории можно выделить концептуальные метафоры, в роли понимания концептуальной области в терминах другой, а также их метафорическое языковое выражение, или языковая реализация. Именно исследование и анализ языкового материала способствует пониманию того, как наше сознание воспринимает, проводит анализ и структурирует окружающую реальность. В результате отбора было выделено несколько метафорических выражений, в которых была обнаружена определенная закономерность, позволяющая разделить рассматриваемые единицы по группам и выделить устойчивые частотные модели. Нами было выявлено 3 концептуальных метафоры:

- любовь-товар
- любовь-ёмкость
- любовь-пламя.

1) Любовь – товар. Товары, как известно, имеют ценность благодаря тому факту, что они доступны не всем. Владение ими подразумевает возможность отдавать, терять, делиться и обмениваться. Товары можно копить, и желательно иметь большое количество или объем товара. Нередко в подобных метафорах присутствует понятие собственности, которое находит языковую реализацию при помощи притяжательных местоимений. К данной группе можно отнести метафору:

– to buy love: данное выражение использовано в романе «The Love of a King» англоязычного писателя П. Дейнти:

“In the middle of our conversation he said: “I think, Sir, that the best things in life are free.” I have never forgotten those words. And now, many years later, I understand what they mean. You can not buy happiness. And you can not buy love” [7, с. 65].

«Во время нашей беседы он сказал: “Я думаю, сэр, что лучшие вещи в жизни бесплатны”. Я никогда не забывал этих слов. И теперь, много лет спустя, я понимаю, что они означают. Вы не можете купить счастье. И вы не можете купить любовь». В русском языке существует аналогичная метафора, дословно соответствующая рассматриваемой англоязычной – «купить любовь».

2) Любовь – ёмкость или сосуд. Например, метафора: – to fall in love: как известно, ёмкости и сосуды представляют собой закрытое пространство и отделяют свое содержимое от остального мира. Дж. Лакофф и М. Джонсон подчеркивали, что эмоции и чувства, в том числе и любовь, способны концептуализироваться как емкости [5, с. 200]. Языковые реализации эмоций были также тщательно исследованы венгерским лингвистом

3. Кевексесом [4]. Он предполагает, что идея помещения в какую-либо емкость является ключевой для всех эмоций, которые могут быть концептуализированы либо как своеобразные «вместилища», либо, напротив, как объекты, содержащиеся в теле [4, С. 146]. Фрагмент вышеупомянутого романа «A Private Arrangement» представляет собой пример того, как любовь воспринимается не как чувство, а как своеобразный «контейнер», в который люди, испытывающие любовь, входят, остаются внутри и, возможно, однажды покидают его:

"He's falling in love with her," Belinda whispered to the empty kitchen. The realisation, which came to her and the unmistakable clarity of truth, was quite a shock" [11, с. 32].

«Он влюбляется в нее», – прошептала Белинда пустой кухне. Осознание, пришедшее к ней, и безошибочная ясность истины стали для нее настоящим шоком».

Как видно из вышеприведенных отрывков, перевод этой метафоры идиоматичный – смысл сохранен, но идея о концептуализации любви как «вместилища» в русском варианте данной метафоры отсутствует.

3) Любовь – пламя. Например, метафора:

– burning love: любовь представлена как источник тепла и света, способный защитить человека от холода и темноты. Поскольку близкие отношения двух людей нередко сопровождаются физическим ощущением тепла, то возникает метафорическая связь между чувством любви и огнем. Рассмотрим фрагмент из эссе о романе Ч. Диккенса «Great Expectations»:

"This book follows Pip's intensely painful and burning love for Estella who does not return his love but merely plays with his feelings under the guidance of her guardian Miss Havisham" [10, с. 21].

«Эта книга рассказывает о чрезвычайно болезненной и жгучей любви Пипа к Эстелле, которая не отвечает ему взаимностью, а просто играет со его чувствами под руководством своей опекуни мисс Хэвишем».

Данное выражение имеет множество вариантов перевода на русский язык: жгучая любовь, пламенная любовь, пылающая любовь, испепеляющая любовь, пылкая любовь, жаркая любовь.

Перевод и анализ метафоры с семантическим компонентом «Love/Любовь» в художественном тексте позволил рассмотреть языковую реализацию концептуальной метафоры в произведениях англоязычных авторов, что говорит об анализе метафоры с семантическим компонентом «Love/Любовь» базируются на нескольких подходах в познании. Говоря о понятии любви, необходимо отметить, что данный концепт является эмоциональным, лингвокультурным, любовь является сложным феноменом как психической, так и эмоциональной жизни индивида.

Таким образом, рассмотрев языковую реализацию концептуальной «любовной» метафоры в художественных текстах, можно отметить, что попытки анализа метафоры с семантическим концептом «Love/Любовь» базируются на нескольких подходах в познании. Феномен любви привлекал внимание многих исследователей различных областей знаний. Тема любви является одной из главных в искусстве. В различные периоды понятие любовь понималось по-разному. Говоря о понятии любви, необходимо отметить, что данный концепт является эмоциональным, лингвокультурным, то есть, любовь является сложным феноменом как психической, так и эмоциональной жизни индивида.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков. / А. Вежицкая. – М.: Языки русской культуры, 2018. – 776 с.
2. Добровольский Д.О. Образная составляющая в семантике идиом / Д.О. Добровольский // Вопросы языкознания. 2020. № 1. – С. 71-93.
3. Дж. А. Ли. «Цвета любви: Исследование способов любить» / Ли Дж. А. – Онтарио, 1973. – с. 346. – ISBN 978-5-699-68031-3.
4. Кевексес З. Метафора и эмоции: язык, культура и тело в человеческих чувствах / З. Кевексес. — Кембридж: Издательство Кембриджского университета, 2000. — 223 с.
5. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. / Дж. Лакофф, М. Джонсон – М.: Едиториал
6. Лурия А.Р. Язык и сознание. / А.Р. Лурия – М.: Наука, 1998. – С. 230.
7. П. Дейти "The Love of a King" / Дейти П. – Oxford University Press 2008. – с. 70. – ISBN 978-0-19-479086-4.
8. Павилёнис, Р.И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка / Р.И. Павилёнис. – М., 1983. – 286 с.
9. Цатурян М.М., Саркисян М.А. Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований. / М.М. Цатурян, М.А. Саркисян. // Сборник научных трудов. Краснодар, 2024. С. 169-175.
10. Ч. Диккенс "High Expectations" / Диккенс Ч. – АСТ 2024. – с. 528. – ISBN 978-5-17-160803-3.
11. L. Darcy "A Private Arrangement" / Darcy L. – Harlequin Mills & Boon Ltd 2093. – с. 192. – ISBN 0263779815.

© Качула Анастасия Алексеевна (anst.kch@gmail.com), Цатурян Марина Мартиросовна (tsaturyan.mm@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КАТЕГОРИЯ КИТАЙСКОГО ПОВСЕДНЕВНОГО МЕЖДОМЕТИЯ КАК ОТДЕЛЬНОГО ИЕРОГЛИФА НА ОСНОВЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ ЦЕЛИ

Ли Вэй

аспирант, Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
904375790@qq.com

THE CATEGORY OF CHINESE DAILY INTERJECTION AS A SEPARATE HIEROGLYPH BASED ON EMOTIONAL COMMUNICATIVE PURPOSE

Li Wei

Summary: This paper examines the category of Chinese daily interjections of single hieroglyph that show emotional actions in sentences. These interjections usually do not have specific meanings, but they serve an important function in communication. Interjections are an important compound and additive in grammar in different languages, which show modal connotation in sentences and in texts.

Keywords: interjection, single hieroglyph, emotion, purpose, category, modal connotation.

Аннотация: В данной статье рассматривается категория китайского повседневного междометия отдельного иероглифа, которое показывает эмоциональные действия в предложениях. Эти междометия обычно не имеют конкретные значения, но они служат важной функцией в коммуникации. Междометие является важным составом и добавкой в грамматике в разных языках, которое показывает модальный оттенок в предложениях и в текстах.

Ключевые слова: междометие, отдельный иероглиф, эмоция, цель, категория, модальный оттенок.

В настоящее время китайский язык становится популярнее в России, количество изучающих китайского языка (включаются студенты и бизнесмены) становится более и более. В китайском языке используются многие междометия, в том числе, междометие отдельных иероглифов, междометие двойных иероглифов, а также междометие предложений. В великом научном произведении «Русской грамматике», которое публиковали в 1980 г., указывается понятие междометия – «это класс неизменяемых слов, служащих для нерасчлененного выражения чувств, ощущений, душевных состояний и других (часто произвольных) эмоциональных и эмоционально волевых реакций на окружающую действительность» [8, с. 731],

В китайском языке существуют группы междометия, которые занимаются показанием модального оттенка предложений. Стоит отметить, что в любом языке междометие формирует «особый пласт средств выражения в языке для обозначения внутренних (ментальных и эмоциональных) состояний и процессов» [6, с. 41]. Междометия «имеют широкое бытование как во времени, так и в пространстве» [7, с. 100]. Важным моментом считается существование категории междометий по эмоциональной действительности.

Го Жуй в своей книге «Исследование классов слов в современном китайском языке» утверждает, что междометие – это слова, используемые самостоятельно, ис-

ключительно для выражения восклицаний и эха. Слова междометия выражающие эмоции, выражают эмоции или отношение говорящего, включая восхищение, удивление, осознание, сомнение, боль, презрение, недовольство и другие эмоции или отношение. Междометия, выражающие эмоции, указывают на эмоции или отношение говорящего, включая восхищение, удивление, осознание, сомнение, боль, презрение и неудовлетворенность. Например: 啊 (а), 哎 (ай), 哎呀 (ай-яй), 哎哟 (ай-ой), 哟 (ой), 咳 (эй), 哦 (о), 噢 (аи), 哼 (э), 呸 (тьфу) и так далее [3, с. 278].

Немецкий учёный И. Кант написал, что «мы не можем мыслить ни одного предмета иначе как с помощью категорий, а также познать ни одного мыслимого предмета иначе как с помощью соответствующих категориям» [5, с. 117]. Категория играет важную роль в жизни человека и в разных областях человеческих дел. По мнению Н.Н. Болдырева, что «категория – это концептуальное объединение объектов, или объединение объектов на основе общего концепта» [1, с. 6]. В китайском языке могут использовать междометия или в начале, или в конце предложений. Чаще всего, их отдельно используют в начале предложений, т.е. после этих междометий идёт знак препинания. Среди рядов междометий они служат указателем человеческой эмоции. Самые популярные междометия отдельных иероглифов в китайском языке включают: 啊 (а), 吧 (ба), 吗 (ма), 呢 (нэ), 哦 (о), 嗯 (энь) и т.д. По эмоцией могут

их разделить на несколько категорий.

1. По эмоции "изумления": 啊 (а), 哦 (о), 呢 (нэ).

1) 这里的景色真美啊!

Здесь так красиво!

2) 他的成果好多哦!

У него так много результатов!

3) 以后的好日子还多着呢!

В будущем еще много хороших дней!

2. По эмоции "соглашения": 吧 (ба), 嗯 (энь).

1) 就按你说的办吧!

Давайте сделаем так, как ты сказал!

2) 嗯, 这个计划听起来不错。

Ну, кажется, что этот план неплохой.

3. По эмоции "понимания": 啊 (а), 哦 (о)

1) 原来是你啊!

Так это ты!

2) 这样哦!

О, точно!

4. По эмоции "вопроса": 啊 (а), 吗 (ма), 呢 (нэ)

1) 你晚上想吃什么啊?

Что ты хочешь съесть сегодня вечером?

2) 你喜欢看电影吗?

Какие фильмы ты любишь смотреть?

3) 你想什么呢?

Что ты думаешь?

5. По эмоции "просьбы": 吗 (ма), 吧 (ба)

1) 可以帮我把那本书带来吗?

Можешь принести мне эту книгу?

2) 救救我吧!

Спасите меня!

Из вышеуказанных примеров можно понять, что эти междометия в предложениях показывают многие эмоции для разных целей, и они часто повторяются в разных других эмоциональных действиях. Эти междометия отдельного иероглифа, как "啊 (а), 吧 (ба), 吗 (ма), 呢 (нэ), 哦 (о), 嗯 (энь)", представляют собой самые распространенные междометия в китайском языке. Категория этих междометий поставлена в следующей таблице.

Из таблицы и примеров очевидно показано, что междометие "啊" более чаще используют по эмоциональной

цели, а "吗" и "呢" чаще употребляют в вопросах (обычно просьба существует в форме «вопроса»). "嗯" чаще возникает в начале предложения, и одновременно, после этого междометия обычно идет запятая. "吧" чаще отвечает на приложения как соглашение. "哦" не только возникает в случае соглашения, но и понимания. Надо отметить, что "哦" может ответить отдельно, т.е. только одним иероглифом как предложением.

Как видно, когда их используют в конце предложения, обычно переводчики не найдут эквиваленты в русском языке (иногда найдут), честно говоря, что эти образцы «прагматически превышали не только уровень отдельных слов, но и уровень предложений и выводили из мира отдельных эквивалентов» [4, с. 114]. Для тех, которые изучают китайский язык, может возникнуть проблему понять эти междометия, а перевод для них важный, потому что переводчик похож на «коммуникативного медиатора», который «порождает информацию и передает её в новое коммуникативное пространство, он способный разрешать конфликты взаимного непонимания, возникающие в ходе межъязыковой коммуникации» [2, с. 17]. Но эти междометия действительно широко присутствуют в китайских устных и письменных текстах, и показывают эмоцию говорящих или адресантов.

Таким образом, разделение китайского повседневного междометия отдельного иероглифа по эмоциональным целям на примерах "啊 (а), 吧 (ба), 吗 (ма), 呢 (нэ), 哦 (о), 嗯 (энь)" на 5 категорий, как изумление, соглашение, понимание, вопрос и просьба. Каждое междометие действует не только в одной категории, но и в нескольких, "啊" имеет широкое употребление, в данном тексте в 4 категориях из 5, но у "吧" и "嗯" уже, только в категории "соглашение". Употребление китайских междометий является огромной темой в лингвистике и в китайской грамматике, кроме междометия отдельного иероглифа, существуют другие виды междометия, например, междометие двойного иероглифа и междометие предложения, они тоже показывают эмоцию в китайских разговорах и работах, поэтому китайский язык считается богатым языком. Знания этих междометий для изучения китайского языка имеют важное значение, чтобы поняли китайскую культуру и китайского народа.

Таблица 1.

Категории китайских междометий отдельного иероглифа.

Эмоция/Цель	Китайские междометия					
	啊 (а)	吧 (ба)	吗 (ма)	呢 (нэ)	哦 (о)	嗯 (энь)
изумление	√			√	√	
соглашение		√				√
понимание	√				√	
вопрос	√		√	√		
просьба	√		√	√		

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания. // Вопросы когнитивной лингвистики, 2006. № 2. с. 5-22.
2. Гарбовский Н.К., Костикова О.И. Общая теория перевода. // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. М.: 2018. № 1. С. 17-41.
3. Го Жуй. Исследование классов слов в современном китайском языке. М.: Коммерческая пресса, Пекин, 2018 (郭锐, 现代汉语词类研究 [M]. 北京: 商务印书馆, 2018).
4. Есакова М.Н., Кольцова Ю.Н., Костикова О.И. Н.К. Гарбовский. «О переводе». // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. М.: 2016. № 6. С. 113-118.
5. Кант И. Критика чистого разума. М.: Языки славянской культуры, 2004.
6. Клобуков П.Е. Метафора как концептуальная модель формирования языка эмоций. // Язык, сознание, коммуникация: сб. Статей. М.: Филология, 1997. Вып. 2. С. 41-47.
7. Костикова О.И. Истинностные и ценностные аспекты перевода сказки. // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. М.: 2015. № 2. С. 100-113.
8. Русская грамматика Т1 Фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология. / Академия наук СССР Институт русского языка. М.: НАУКА, 1980.

© Ли Вэй (904375790@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ДИСКУРСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ МАНИПУЛЯЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕБАТАХ

DISCURSIVE STRATEGIES OF MANIPULATION IN POLITICAL DEBATES

L. Son
Yu. Shekhovskaya
O. Strizhkova
S. Suprunov
S. Usov

Summary: The article examines discursive strategies of manipulation used in political debates as a specific genre of institutional discourse. Based on the analysis of a corpus of English- and Russian-language debates from 2016 to 2021, the study identifies three main groups of strategies: self-presentation, oppositional, and affective. Each group includes characteristic rhetorical tactics aimed at persuasion, discrediting opponents, and influencing the audience emotionally. The methodological framework of the research includes critical discourse analysis, pragmalinguistics, cognitive linguistics, and argumentation theory. The results show that manipulative strategies are realized both verbally and paralinguistically, and their choice is determined by genre-specific and sociocultural factors. This study contributes to a deeper understanding of linguistic mechanisms of influence in political communication and may be useful in the study of political discourse pragmatics and rhetoric.

Keywords: political discourse, manipulation, discursive strategies, political debates, pragmalinguistics, critical discourse analysis, argumentation, self-presentation, emotional appeal, rhetorical tactics.

Введение

В условиях современного информационного общества политический дискурс становится не только средством выражения идей и убеждений, но и мощным инструментом воздействия на массовое сознание.

Сон Людмила Петровна

Доктор филологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет МЭИ (г. Москва)
luciason@mail.ru

Шеховская Юлия Андреевна

Кандидат филологических наук, доцент, Тюменское высшее военно-инженерное командное ордена Кутузова училище имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова
Y.a.shekhovskaya@gmail.com

Стрижкова Ольга Валерьевна

Кандидат филологических наук, доцент, Оренбургский государственный университет
yanusic79@mail.ru

Супрунов Семен Евгеньевич

Старший преподаватель, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (г. Москва);
Российский новый университет (г. Москва)
Suprunov.SE@rea.ru

Усов Сергей Сергеевич

Старший преподаватель, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Москва)
usov-ss@ranepa.ru

Аннотация: В статье рассматриваются дискурсивные стратегии манипуляции, используемые в политических дебатах как специфическом жанре институционального дискурса. На основе анализа корпуса англоязычных и русскоязычных дебатов 2016–2021 гг. выявлены основные группы стратегий: самопрезентационные, оппозиционные и аффективные. В рамках каждой группы описаны характерные речевые тактики, направленные на убеждение, дискредитацию оппонента и эмоциональное воздействие на аудиторию. Методологической основой исследования стали критический дискурс-анализ, прагмалингвистика, когнитивный и аргументативный подходы. Полученные результаты демонстрируют, что манипулятивные стратегии реализуются как на вербальном, так и на паралингвистическом уровнях, а их выбор определяется как жанровыми, так и социокультурными факторами. Статья способствует более глубокому пониманию механизмов языкового воздействия в политической коммуникации и может быть полезна при изучении прагматики и риторики политического дискурса.

Ключевые слова: политический дискурс, манипуляция, дискурсивные стратегии, политические дебаты, прагмалингвистика, критический дискурс-анализ, аргументация, самопрезентация, эмоциональное воздействие, речевые тактики.

Одним из наиболее ярких и насыщенных форматов политического общения выступают предвыборные дебаты, в которых коммуникативные цели участников зачастую выходят за пределы простого обмена мнениями. Здесь особое значение приобретают дискурсивные стратегии манипуляции, направленные на скрытое влияние на

адресата, формирование определённого образа кандидата, дискредитацию оппонента и управление общественным восприятием.

Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом к политической коммуникации как к объекту лингвистического анализа, а также необходимостью выявления и описания речевых механизмов, с помощью которых осуществляется манипулятивное воздействие в политическом дискурсе. В условиях политической конкуренции дискурсивная манипуляция становится неотъемлемой частью стратегического поведения участников дебатов.

Цель настоящего исследования — выявить и классифицировать основные дискурсивные стратегии манипуляции, используемые в политических дебатах, а также проанализировать лингвистические средства, обеспечивающие реализацию этих стратегий.

Методологическую основу работы составляют современные подходы к анализу дискурса, в том числе теория речевых актов, прагмалингвистика, теория аргументации и критический дискурс-анализ. Эмпирической базой исследования служит корпус стенограмм и видеозаписей предвыборных политических дебатов, проведённых в англоязычном и русскоязычном политическом контексте.

Научная новизна работы заключается в комплексном лингвистическом анализе дискурсивных стратегий манипуляции в рамках политических дебатов как особого жанра институционального дискурса, а также в выявлении специфических языковых средств, обеспечивающих манипулятивное воздействие в условиях публичной политической коммуникации.

Обзор литературы

Проблематика манипуляции в политическом дискурсе на протяжении последних десятилетий находится в фокусе внимания как отечественных, так и зарубежных исследователей. Вопросы речевого воздействия, скрытого убеждения и формирования общественного мнения в рамках политической коммуникации рассматриваются на пересечении лингвистики, риторики, когнитивистики и политологии.

Среди классических трудов, заложивших теоретические основы изучения речевого воздействия, следует отметить работы А.А. Леонтьева, В.И. Карасика и Т.А. ван Дейка. В частности, Т.А. ван Дейк в своих исследованиях подчеркивает важность когнитивных структур и идеологических рамок, в рамках которых формируются и воспринимаются манипулятивные высказывания. Он вводит понятие дискурсивной стратегии как систематического способа организации текста, направленного на достиже-

ние определённых коммуникативных целей [1; 2].

В отечественной лингвистике значительный вклад в изучение политического дискурса внесли В.Е. Чернявская, Е.И. Шейгал и И.П. Сусов. Так, Е.И. Шейгал рассматривает политический дискурс как институциональный и характеризует его высокую степень прагматической направленности, в том числе на манипуляцию и убеждение адресата [17; 18].

В рамках когнитивной лингвистики исследователи, такие как Дж. Лакофф и М. Джонсон, подчеркивают роль метафоры как инструмента концептуальной репрезентации политической реальности. Лакофф акцентирует внимание на том, как через языковые метафоры формируется определённое мировоззрение и политическая картина мира, что открывает широкие возможности для манипуляции общественным сознанием [10].

С точки зрения аргументации и риторики интерес представляют исследования Х. Перельмана и С. Тюльмина, в которых подробно рассматриваются способы убеждения через структурирование аргументов, апелляцию к авторитету и использованию аналогий. Эти подходы находят применение при анализе политических дебатов как жанра, насыщенного аргументативными стратегиями с потенциально манипулятивным потенциалом [12].

Особое внимание в современных исследованиях уделяется формированию коммуникативной компетенции в условиях публичного речевого взаимодействия. Так, в работах Н.В. Ялаевой и ее коллег акцентируется значимость развития навыков публичных выступлений в процессе обучения иностранному языку. Авторы подчеркивают, что эффективное овладение стратегиями речевого воздействия требует как лингвистической подготовки, так и формирования риторических и психологических умений, обеспечивающих уверенное поведение в публичных дискуссиях [20, с. 57; 22, с. 322].

Важный вклад в исследование дискурсивной эмоциональности внесла И.Н. Крутова, анализируя механизмы выражения авторской позиции в современных публицистических жанрах. В статье, посвящённой блогам В. Шендеровича, автор выявляет широкий спектр лингвистических средств, обеспечивающих выражение авторской эмоциональности, таких как метафора, оценочная лексика, синтаксические инверсии и стилистические фигуры. Данный анализ демонстрирует, как эмоционально окрашенная риторика становится инструментом воздействия на аудиторию, формируя оценочные смыслы и провоцируя интерпретацию, выгодную говорящему [8, с. 32; 9, с. 52].

Одним из ключевых ресурсов манипуляции в политическом дискурсе выступает метафора, обладающая высоким потенциалом концептуального и эмоционального воздействия. В исследовании Ю.А. Шеховской рас-

сма­три­ва­ют­ся осо­бен­но­сти мета­фориза­ции в со­вре­мен­ном ан­гло­языч­ном по­ли­ти­че­ском дис­кур­се, вклю­чая ус­той­чи­вые мета­фориче­ские мо­де­ли (по­ли­ти­ка как борь­ба, на­ция как ор­га­низм, го­су­дар­ство как ко­рабль и др.), ак­тив­но ис­поль­зуе­мые для фор­ми­ро­ва­ния об­ра­зов, мо­би­ли­за­ции ауди­то­рии и легити­ма­ции опре­де­лён­ной иде­о­ло­гии. Ав­тор под­чёр­ки­ва­ет, что мета­фора в по­ли­ти­че­ском кон­тек­сте вы­пол­ня­ет не толь­ко вы­разительную, но и ко­гни­тив­но-ре­гу­ля­тив­ную функ­цию, на­прав­ля­я ин­тер­пре­та­цию ре­аль­но­сти в вы­год­ном для го­во­ря­ще­го ключе [19, с. 103].

Ак­ту­аль­ные ас­пек­ты ма­ни­пу­ля­тив­но­го воз­дей­ствия в по­ли­ти­че­ском дис­кур­се по­дроб­но ос­ве­ща­ют­ся в ра­бо­те Н.Л. Хар­чен­ко и его кол­лег, где ана­ли­зи­ру­ют­ся ре­че­вые спо­со­бы скры­то­го вли­я­ния, на­прав­лен­ные на из­ме­не­ние вос­при­я­тия и по­ве­де­ния ад­ре­са­та. Ав­то­ры клас­си­фи­ци­ру­ют при­ё­мы ре­че­вой ма­ни­пу­ля­ции по раз­лич­ным па­ра­мет­рам: ло­гиче­ским, праг­ма­ти­че­ским, ри­то­ри­че­ским и пси­хо­ло­гиче­ским. Осо­бое вни­ма­ние уде­ля­ет­ся та­ким так­ти­кам, как апел­ля­ция к ав­то­ри­те­ту, за­ме­ще­ние по­ня­тий, кон­тек­сту­аль­ные ис­ка­же­ния и ис­поль­зо­ва­ние пре­ди­ка­тов оцен­ки. Ра­бо­та под­чёр­ки­ва­ет, что ус­пеш­ное ма­ни­пу­ля­тив­ное воз­дей­ствие дос­ти­га­ет­ся не толь­ко за счёт со­дер­жа­ния, но и за счёт стра­те­гиче­ски ор­га­ни­зо­ван­ной фор­мы выс­ка­зы­ва­ния [15, с. 201].

Со­глас­но на­шим пре­ды­ду­щим ис­сле­до­ва­ни­ям, со­средо­точив­ших вни­ма­ние на ка­те­го­рии ин­фор­ма­тив­но­сти как од­ной из цен­траль­ных в по­ли­ти­че­ской ре­чи, ин­фор­ма­тив­ность рас­сма­три­ва­ет­ся как ин­те­граль­ная ха­рак­те­ри­сти­ка по­ли­ти­че­ско­го тек­ста, вклю­чаю­щая как соб­ствен­но со­дер­жа­тель­ный, так и праг­ма­ти­че­ский ком­по­нен­ты. Под­чер­ки­ва­ет­ся, что по­ли­ти­че­ская ре­чь ори­ен­ти­ро­ва­на не столь­ко на пе­ре­да­чу объ­ек­тив­ной ин­фор­ма­ции, сколь­ко на её ин­тер­пре­та­цию и стра­те­гиче­скую по­да­чу, в ра­мках ко­то­рой фор­ми­ру­ют­ся оцен­оч­ные и вну­шаю­щие смы­слы [7, с. 152]. В то же вре­мя, праг­ма­ти­че­ски на­гру­жен­ные эле­мен­ты — им­пли­ка­ту­ры, пре­суп­по­зи­ции, скры­тые апел­ля­ции — как сред­ства воз­дей­ствия, вы­пол­ня­ют функ­цию убе­жде­ния в по­ли­ти­че­ском дис­кур­се, не тре­бую­щую яв­ной кон­фрон­та­ции или пря­мой кри­ти­ки. В част­но­сти, мы, в сво­их ис­сле­до­ва­ни­ях, под­чер­ки­ва­ем роль лек­си­ко-се­ман­ти­че­ских мар­ке­ров, струк­ту­ры выс­ка­зы­ва­ния и ин­то­на­ци­он­ных средств как ин­стру­мен­тов, фор­ми­ру­ю­щих нуж­ную ин­тер­пре­та­цию со­об­ще­ния у ад­ре­са­та [5, с. 248; 16, с. 210].

Ма­те­ри­а­лы и ме­то­ды ис­сле­до­ва­ния

Эм­пи­ри­че­скую ба­зу ис­сле­до­ва­ния со­ставил ко­рпус тек­стов и ви­де­о­за­пи­сей пред­вы­бор­ных по­ли­ти­че­ских де­ба­тов, про­ведённых в пе­ри­од с 2016 по 2021 год в рус­ско­языч­ном и ан­гло­языч­ном по­ли­ти­че­ском про­стран­стве. В вы­бор­ку во­шли: фраг­мен­ты теле­ви­зи­он­ных де­ба­тов ме­жду кан­ди­да­та­ми в пре­зи­ден­ты США (2016, 2020),

де­ба­ты ме­жду кан­ди­да­та­ми в Го­су­дар­ствен­ную ду­му Рос­сий­ской Фе­де­ра­ции (2021), а так­же от­рыв­ки из дис­кус­сий в ра­мках пар­тий­ных теле­пе­ре­дач на фе­де­раль­ных ка­на­лах РФ.

Всего было про­ана­ли­зи­ро­ва­но 20 тек­стов об­щим объ­ёмом око­ло 75 000 слов. При от­бо­ре ма­те­ри­а­лов учи­ты­ва­лись фак­то­ры жан­ро­вой ре­пре­зен­та­тив­но­сти, при­сут­ствие эле­мен­тов пря­мой по­ле­ми­ки, а так­же раз­но­об­разие стра­те­гий ре­че­во­го вза­им­о­дей­ствия ме­жду оп­по­нен­та­ми.

Ме­то­до­ло­гиче­ской ос­но­вой ис­сле­до­ва­ния вы­сту­пи­ли:

- *кри­ти­че­ский дис­кур­с-ана­лиз* (Т.А. ван Дейк, Н. Фэр­клоу), при­ме­няе­мый для вы­яв­ле­ния иде­о­ло­гиче­ских ус­та­но­вок, ри­то­ри­че­ских при­ё­мов и скры­тых форм вла­сти и кон­тро­ля, ре­а­ли­зуе­мых че­рез язык [1; 2];
- *праг­ма­линг­ви­сти­че­ский ана­лиз*, по­зво­ляю­щий ин­тер­пре­ти­ро­вать ре­че­вые ак­ты, праг­ма­ти­че­ские пре­суп­по­зи­ции, им­пли­ка­ту­ры и ре­че­вые стра­те­гии, на­прав­лен­ные на ма­ни­пу­ля­цию [6];
- *ко­гни­тив­но-дис­кур­сив­ный под­ход*, в част­но­сти, те­о­рия кон­цеп­ту­аль­ной мета­форы (Дж. Ла­коф­ф, М. Джон­сон), ис­поль­зуе­мый для вы­яв­ле­ния спо­со­бов кон­цеп­ту­а­ли­за­ции по­ли­ти­че­ских ре­а­лий [10];
- *ар­гу­мен­та­тив­ный ана­лиз*, ос­но­ван­ный на мо­де­ли С. Тюль­ми­на, с це­лью си­сте­ма­ти­за­ции ар­гу­мен­тов и вы­яв­ле­ния их ма­ни­пу­ля­тив­но­го по­тен­ци­ала [12].

Ме­то­ды ис­сле­до­ва­ния вклю­ча­ли как ка­че­ствен­ный ана­лиз (вы­яв­ле­ние и клас­си­фи­ка­ция дис­кур­сив­ных стра­те­гий, се­ман­ти­ко-праг­ма­ти­че­ская ин­тер­пре­та­ция), так и эле­мен­ты ко­личе­ствен­но­го ана­лиза (под­счёт частоты ис­поль­зо­ва­ния кон­крет­ных стра­те­гий и при­ё­мов). Со­по­став­ле­ние рус­ско­языч­ных и ан­гло­языч­ных ма­те­ри­а­лов по­зво­лило про­сле­дить как уни­вер­саль­ные, так и куль­тур­но-спе­ци­фиче­ские чер­ты ма­ни­пу­ля­тив­но­го дис­кур­са в по­ли­ти­че­ских де­ба­тах.

Ре­зуль­та­ты

В хо­де ана­ли­за ко­рпуса по­ли­ти­че­ских де­ба­тов бы­ли вы­яв­ле­ны и клас­си­фи­ци­ро­ва­ны ос­нов­ные дис­кур­сив­ные стра­те­гии ма­ни­пу­ля­ции, ис­поль­зуе­мые учас­тни­ка­ми для дос­ти­же­ния ком­му­ни­ка­тив­ных це­лей, свя­зан­ных с убе­жде­нием, дис­кре­ди­та­цией оп­по­нен­та и фор­ми­ро­ва­нием по­зи­тив­но­го имид­жа. Все вы­яв­лен­ные стра­те­гии ус­лов­но раз­де­ле­ны на три груп­пы: *са­мо­пре­зен­та­ци­он­ные, оп­по­зи­ци­он­ные и аф­фек­тив­ные*.

1. Са­мо­пре­зен­та­ци­он­ные стра­те­гии

Эти стра­те­гии на­прав­ле­ны на соз­да­ние бла­го­при­ят­но­го об­ра­за го­во­ря­ще­го и вклю­ча­ют:

- Стра­те­гию по­зи­тив­ной иден­ти­фи­ка­ции, ре­а­ли­зу­

емую через такие приёмы, как апелляция к опыту, использование местоимения мы (включение аудитории в «команду» политика), демонстрация личной вовлечённости и ответственности: *«Мы проделали огромную работу, и страна движется в правильном направлении»* [14].

- Стратегию экспертности, выражающуюся в демонстрации знаний, владении статистическими данными, ссылках на авторитетные источники: *«Согласно данным Минэкономразвития, инфляция за год снизилась вдвое»* [13].

2. Оппозиционные стратегии

Направлены на подрыв доверия к оппоненту и его позиции. К числу наиболее часто встречающихся относятся:

- Стратегия дискредитации, реализуемая через иронию, сарказм, негативные эпитеты, а также тактики навешивания ярлыков: *«Вы опять предлагаете старые рецепты, которые давно не работают»* [21].
- Стратегия подмены акцентов, когда политик умышленно уводит дискуссию в сторону, переформулирует высказывание оппонента или апеллирует к нерелевантным аргументам: *«Если вы считаете, что надо просто раздать деньги всем, это путь к хаосу»* [3].

3. Аффективные стратегии

Нацелены на эмоциональное воздействие на аудиторию. Наиболее продуктивными оказались:

- Апелляция к страху, использующая риторические конструкции с гипотетическими негативными сценариями: *«Если вы выберете их, нас ждут 90-е годы снова»* [4].
- Апелляция к патриотизму и традиционным ценностям, эксплуатирующая устойчивые культурные образы и идеологемы: *«Мы — великая страна с тысячелетней историей. Мы не должны прогибаться под внешнее давление»* [11].

Кроме того, были зафиксированы случаи *манипулятивного использования пауз, интонации и невербальных средств* (особенно в англоязычных дебатах), что подтверждает мультимодальный характер политической манипуляции. Визуальный анализ показал, что жестикация, мимика и зрительный контакт также используются для усиления речевого воздействия и подкрепления заявленных стратегий.

Количественный подсчёт показал, что наиболее частотными являются оппозиционные стратегии, особенно в напряжённых дебатах с высоким уровнем конфликта. Однако самопрезентационные стратегии преобладают в финальных речах или при обращении к избирателям напрямую.

Выводы и обсуждение

Проведённый анализ продемонстрировал, что политические дебаты представляют собой высококонфликтный жанр институционального дискурса, в котором манипуляция осуществляется посредством тщательно отобранных дискурсивных стратегий. Речевые действия участников направлены не столько на обмен мнениями, сколько на убеждение, дискредитацию оппонента и формирование выгодного образа себя перед широкой аудиторией.

Полученные результаты подтверждают, что дискурсивная манипуляция в дебатах реализуется через комплекс самопрезентационных, оппозиционных и аффективных стратегий, каждая из которых активизирует специфический набор языковых средств. Самопрезентационные стратегии опираются на риторические конструкции, подчеркивающие компетентность, солидарность с избирателем и моральное превосходство говорящего. Оппозиционные стратегии строятся на критике, иронии, логических ловушках и подмене понятий. Аффективные стратегии же направлены на эмоциональную мобилизацию аудитории через апелляцию к страху, патриотизму или традиционным ценностям.

Особый интерес представляют стратегии подмены акцентов и иронической дискредитации, которые часто функционируют на грани допустимого, маскируя манипуляцию под логически обоснованную аргументацию, что подтверждает выводы Т.А. ван Дейка о том, что эффективность манипуляции в политическом дискурсе во многом зависит от её скрытого характера и способности внедряться в привычные формы общения [1].

Сравнение русскоязычного и англоязычного материала показало как универсальные, так и культурно-специфические черты речевой манипуляции. Например, в англоязычных дебатах преобладает рационально-аргументативная форма воздействия, в то время как в российском контексте чаще используются эмоционально окрашенные, идеологически нагруженные приёмы, что свидетельствует о влиянии социокультурной среды на выбор манипулятивных стратегий и их лингвистическую реализацию.

Таким образом, полученные данные не только конкретизируют существующие теоретические положения в области прагмалингвистики и критического дискурс-анализа, но и позволяют более глубоко понять механизмы политического влияния через язык. Перспективным направлением дальнейших исследований представляется изучение динамики стратегий в зависимости от этапа избирательной кампании, степени оппозиционности участников, а также реакции аудитории на определённые речевые тактики в реальном времени (например, через анализ комментариев и обратной связи в социальных медиа).

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван Дейк Т.А. Идеология: междисциплинарный подход. – М.: ЛКИ, 2006.
2. Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 2000.
3. Дебаты между представителями ЛДПР и КПРФ. Россия 1, 10.09.2021. – URL: https://www.russia.tv/video/show/brand_id/60621/ (дата обращения: 10.03.2025).
4. Жириновский В.В. Предвыборные дебаты. НТВ, 05.09.2016. – URL: <https://www.ntv.ru/video/1398232> (дата обращения: 01.02.2025).
5. Инструмент реализации категории информативности в политическом дискурсе / К.Л. Уланова, Е.А. Морозов, Е.В. Дмитриева [и др.] // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2024. – № 5-2. – С. 248-251. – DOI 10.37882/2223-2982.2024.5-2.42. – EDN SWLXBG.
6. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002.
7. Категория информативности политической речи / С.С. Усов, О.В. Стрижкова, А.С. Калинина [и др.] // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2024. – № 1-1. – С. 152-155. – DOI 10.37882/2223-2982.2024.01.29. – EDN TEJCZL.
8. Крутова, И.Н. Заголовок публицистического текста как формирующий регулянт эмотивно-дискурсивного пространства / И.Н. Крутова // Гуманитарные исследования. – 2018. – № 4(68). – С. 32-36. – EDN YQEZET.
9. Крутова, И.Н. Средства выражения авторской эмотивности в публицистических блогах В. Шендеровича / И.Н. Крутова // Гуманитарные исследования. – 2018. – № 1(65). – С. 52-57. – EDN XSMUUN.
10. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал УРСС, 2004.
11. Медведев Д.А. Дебаты кандидатов. Первый канал, 12.03.2018. – URL: https://www.1tv.ru/news/2018-03-12/debaty_kandidatov (дата обращения: 01.02.2025).
12. Перельман Х., Ольбрехтс-Тюльмин Л. Новая риторика: трактат о доводах. – М.: Прогресс, 1970.
13. Политические дебаты: С. Собянин и Н. Зюганов. Россия 24, 18.09.2021. – URL: <https://www.vesti.ru/video/2145876> (дата обращения: 20.01.2025).
14. Путин В.В. Предвыборные дебаты. Первый канал, 15.03.2018. – URL: https://www.1tv.ru/news/2018-03-15/putin_debaty (дата обращения: 01.03.2025).
15. Речевые способы манипулятивного воздействия в политическом дискурсе / Н.Л. Харченко, И.Ю. Багдасарова, Н.С. Луценко [и др.] // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2022. – № 12. – С. 201-205. – DOI 10.37882/2223-2982.2022.12.35. – EDN ULQDMX.
16. Содержательно-подтекстовый слой информативности политического текста / С.Б. Цолоева, М.В. Брискер, Н.С. Варфоломеева [и др.] // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2024. – № 6-2. – С. 210-213. – DOI 10.37882/2223-2982.2024.6-2.39. – EDN XFYGGG.
17. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса. – М.: ЛКИ, 2006.
18. Шейгал Е.И. Семантика политического дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004.
19. Шеховская, Ю.А. Метафора в политическом дискурсе современного английского языка / Ю.А. Шеховская // Вестник филологических наук. – 2025. – Т. 5, № 1. – С. 103-109. – EDN TQPLWP.
20. Ялаева, Н.В. Формирование навыков публичных выступлений на занятиях по английскому языку / Н.В. Ялаева, Н.В. Садыкова, М.С. Аникина // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2022. – № 3. – С. 57-63. – DOI 10.34076/22196838_2022_3_57. – EDN QZKPAS.
21. CNN Presidential Debate Transcript: Biden vs. Trump. CNN, 29.09.2020. – URL: <https://www.cnn.com/2020/09/29/politics/debate-transcript> (дата обращения: 01.02.2025).
22. Fedotova, A.V. Teaching legal discourse as a basis for the formation of intercultural communicative competence / A.V. Fedotova, N.V. Yalaeva // Problems of Modernization of Modern Higher Education: Linguistic Aspects. Linguo-methodological problems and trends in teaching foreign languages in a non-linguistic university: материалы VIII Международной научно-методической конференции, Омск, 20 мая 2022 года. – Омск: Омский автобронетанковый инженерный институт, 2022. – Р. 322-326. – EDN IXSPVR.

© Сон Людмила Петровна (luciason@mail.ru), Шеховская Юлия Андреевна (Y.a.shekhovskaya@gmail.com),
Стрижкова Ольга Валерьевна (yanusic79@mail.ru), Супрунов Семен Евгеньевич (Suprunov.SE@rea.ru),
Усов Сергей Сергеевич (usov-ss@ranepa.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕМПОРАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ)

SEMANTIC FEATURES OF THE TEMPORAL PICTURE OF THE WORLD (BASED ON THE MATERIAL OF THE RUSSIAN AND FRENCH LANGUAGES)

F. Tugusheva
A. Khamurzova
E. Loova

Summary: Comparison of interlingual facts in the synchronic aspect reveals various structures of human consciousness and reflects the relationship between thought processes and the ways of their verbalization. Such a comparison is the basis for further comparison both at the category level (for example, time) and at the level of national pictures of the world with the allocation of similarities based on the universality of knowledge of the world, as well as differences due to the idioethnic environment. The time code is one of the main ones, playing a fundamental role in the construction of the linguistic picture of the world, in the process of comparison it shows its socio-cultural and expressive-emotional specificity.

Lexicon and phraseology nominating various aspects of temporality in the compared languages represent well-structured groups. The analysis of lexemes and phraseological units with a temporal component allows us to discover their semantic features. Comparative studies on the material of phraseological units reveal common features in the systems of temporal metaphors. Elements of the temporal picture of the world are a consequence of the verbalization of associative links existing in various linguacultures, underlying the evaluative measurement of temporal relations fixed in the compared language units.

The aim of the study is to identify points of contact and discrepancy between the semantic structures of interlingual correspondences of Russian and French phraseological units with the meaning of temporality. To achieve this goal, the following tasks are solved in the study: - definition of the lexical-semantic group of words covering the sphere of temporality in the Russian and French languages; - analysis of the formal and substantive structures of temporal concepts in the Russian and French languages.

Keywords: temporality, semantics, comparison, category, metaphor, metonymy.

Тугушева Фатимат Аммаевна

к.ф.н., доцент, Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х.М. Бербекова,
fatima-tugusheva@rambler.ru

Хамурзова Аминат Газалиевна

к.п.н., доцент, Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х.М. Бербекова
amina.khamurzova@mail.ru

Лоова Эмира Сафаровна

к.ф.н., доцент, Кабардино-Балкарский государственный
аграрный университет им. В.М. Кокова,
esmiraloova@mail.ru

Аннотация: Сопоставление межъязыковых фактов в синхронном аспекте вскрывает разнообразные структуры человеческого сознания и отражает взаимосвязь между мыслительными процессами и способами их вербализации. Подобное сопоставление является базой для дальнейшего сравнения как на уровне категории (например, временной), так и на уровне национальных картин мира с выделением сходств, основанных на универсальности познания мира, а также различий, обусловленных идиоэтнической средой. Временной код – один из основных, играющих фундаментальную роль в построении языковой картины мира, в процессе сопоставления проявляющий свою социально-культурную и экспрессивно-эмоциональную специфику.

Лексика и фразеология, номинирующие различные аспекты темпоральности в сопоставляемых языках, представляют хорошо структурируемые группы. Анализ лексем и фразеологизмов с темпоральным компонентом позволяет обнаружить их семантические особенности. Сопоставительные исследования на материале фразеологических единиц выявляют общие черты в системах темпоральных метафор. Элементы темпоральной картины мира являются следствием вербализации ассоциативных связей, существующих в различных лингвокультурах, лежащих в основе оценочного измерения временных отношений, закрепленных в сопоставляемых языковых единицах. Целью исследования является выявление точек соприкосновения и несовпадения семантических структур межъязыковых соответствий русских и французских фразеологизмов со значением темпоральности. Для достижения этой цели в исследовании решаются следующие задачи: - определение лексико-семантической группы слов, покрывающих сферу темпоральности в русском и французском языках; - анализ формальной и содержательной структуры темпоральных понятий в русском и французском языках.

Ключевые слова: темпоральность, семантика, сопоставление, категория, метафора, метонимия.

Введение

Связанные с темпоральной понятийной областью лексические единицы и выражения на содержательном уровне отражают существующие социальные практики, а ее языковые реализации формируют

сложную временную картину мира, отличающуюся национальным своеобразием. Категория времени, как и ориентация в пространстве являются важнейшими в познавательной деятельности человека. Время предстает как онтологическая категория, одна из форм существования материи. Национальная специфика «проявляется в раз-

ных способах вербализации, а также в степени подробности или обобщенности его репрезентаций» [3, с.298].

Языковая характеристика категории времени вызывает определенные трудности, так как «при описании показателей времени нужно учитывать многочисленные семантические нюансы, обусловленные не только сложностью значений отдельных слов, но и сложностью, аспектностью самой категории времени» [7, с.52]. В статье рассматриваются потенции развития понятия времени, которые получили реализацию в языке вследствие метафорических переносов. Одним из источников появления в языке лексических и семантических инноваций является так называемая «метафорическая экспансия». Как пишет Д. Болинджер «любая семантическая теория должна не только называть показатели для всех значений и определить их место, но и объяснить, каким образом эти показатели прибавляются и отнимаются, чтобы изменить значение слова» [2, с. 221]. Приведенное суждение обосновано эвристичностью языка, способностью обозначать новые понятия и семантические сдвиги на основе известных фактов языка. Коммуникативная практика выходит за пределы словарных толкований языковых единиц, с одной стороны, а с другой, познание основывается на способности находить сходные черты в окружающей действительности, что является базой для сравнения и метафоры [11, с.70]. Слова с темпоральным значением отражают обыденные представления, полученные из повседневной практики. Но эти представления препарируют научные знания, связанные с категорией времени, такие как линейность времени, цикличность времени и т.д.

Лингвистический анализ времени и временных отношений подразумевает выявление способов их языкового выражения.

Материалы и методы исследования

В статье использованы семантический и сопоставительный методы. Сопоставительный метод помогает выявить сходные черты языкового выражения исходных понятий, а также дифференциальные признаки, характерные для языковых единиц, отражающие особенности этноменталитета. Метод семантического описания лексических и фразеологических единиц способствует пониманию метафорического осмысления фрагмента реальной действительности, обозначаемой словами, относящимися к определенному кругу понятий. Экспериментальный материал представлен лексическими и фразеологическими единицами, взятыми из лексикографических изданий.

Результаты и обсуждения

Русская и французская лексемы (время и temps),

обозначающие время, вызывают определенные затруднения в плане лексикографического толкования. Поэтому анализ метафорических переосмыслений дает возможности семантической категоризации понятия. Метафора является инструментом познания категории времени, которую она называет, языковой прием переосмысления, при котором наблюдается пересечение двух концептуальных систем в целях применения к основному субъекту метафоры свойств и ассоциативных импликаций, связываемых с ее вспомогательным субъектом [1, с.297, 357].

Для выявления особенностей преобразования семантической структуры лексем, содержащих понятие времени, и являющихся также компонентами фразеологических единиц, релевантным является понятие уровня метафорического переосмысления семантики анализируемых единиц. Термины первичный и вторичный метафорические сдвиги адекватно отражают характер переосмысления лексем при вхождении в состав фразеологических единств. Анализ шагов метафорического переосмысления необходим для выявления новых нюансов семантики лексем, которые образуются не «напрямую» от первоначального значения, а опосредованно, от уже переосмысленного, семантически трансформированного первоначального значения [6, с.157].

Семантический потенциал лексических единиц является при максимальном учете их сочетаемости с другими словами, их семантической валентности. При таком подходе выясняются изменения в семантической структуре лексической единицы при сочетании с другими лексическими единицами, образующими фразеологические словосочетания. Анализ механизмов переосмысления позволяет понять каким образом лексема вписывается в новое сочетание.

В нашем исследовании применяется подход, предложенный В.А. Плунгяном, состоящий в анализе пяти метафорических блоков, в которых на материале русского языка время предстает как:

- путник (*время идет; время приближается; не отставать от времени*). Им соответствуют следующие французские выражения: *-N'avoir que le temps de/едва успеть; prendre le temps/не спешить* (в переносном смысле молчать); *il n'y a pas de temps à perdre/время не терпит; sans perdre temps/не теряя времени; il sera toujours temps/успеется; Le temps passé ne revient pas/прожитое не воротишь; par le temps qui court/ в наше время (имеется в виду текущее);*
- агрессор (*почерневший от времени забор*);
- субстанция (*времена меняются; осталось мало времени; время истекает; время ускользает; не иметь времени; с течением времени; всему свое место и время; все в свое время; faire son temps/*

отслужить в армии; отжить свое время; *la plupart de temps*/чаще всего, большей частью; *tout d'un temps*/разом; *il y a toujours temps et lieu*/всему свое время и место;

- контейнер (*во время работы*);
- имущество (*терять время, время - деньги*) [8, с. 158-169].

Д.А. Катунин пишет следующее: «Выступая в качестве объекта воздействия, время метафорически уподобляется количеству чего-либо ценного для человека: деньгам или каким-либо другим материальным ценностям. Во всех случаях наличие большого “количества” времени воспринимается положительно, а малого - отрицательно. Также чаще всего негативно оценивается и убывание времени, его растрата» [5, с. 22]. При помощи времени можно выиграть - *сэкономить время*. Об опасности бесполезно упущенного времени говорит поговорка *делу время - потехе час*. Ср. *pousser le temps avec l'épaule*/сидеть у моря и ждать погоды.

К этому можно добавить инструментальное прочтение слова *время*, например, *время работает на...; свободное время; убить время; время терпит; время покажет, время - лучший лекарь*. Для сравнения французские словосочетания: *tuer le temps*/убивать время; *le temps est un grand maître*/время - великий целитель. Семантика иллюзорной власти человека над временем выражается в устойчивом словосочетании *наверстать упущенное время*. [7, с.52].

Время движется с различной скоростью: оно может идти, бежать, мчаться, лететь, торопиться, что заставляет человека отстать (*отстать от времени*), но позволяет себя догнать (*наверстать упущенное время*). [12, с.192]

Соответствие времени находит выражение в устойчивых словосочетаниях: *в свое время; в то время как; на время; время от времени; до сего времени; идти в ногу со временем; настали не те времена; родиться не в свое время*. Ср. французское выражение *être de son temps*/идти в ногу со временем; *prendre le temps comme il vient*/применяться к обстоятельствам. Время, как указано выше, в русском мировоззрении, - это агрессор, но в тоже время его можно использовать с пользой для себя (*время работает на нас*).

«Идея времени», как и ее языковые реализации, относится к явлениям динамического характера. Но встречается и его статическое прочтение в выражениях *время остановилось, время застыло, остаться во времени* и т.д. [4, с.4006] *Конец времен* обозначает вообще угрозу небытия, понимаемого как полное отсутствие движения.

Понятие времени может формировать и в метонимические блоки. *В одно прекрасное время, счастли-*

вые/несчастные времена метонимически обозначают период хорошей, счастливой жизни. Так, темпоральное определение *молодой* метонимически обозначает проблемы, связанные с молодостью: «Молодой вопрос-вопрос, который (обычно, как правило, и т.п.) задают молодые люди; вопрос, задаваемый (обычно, как правило, и т.п.) молодыми людьми (в молодом возрасте, в молодые годы и т.п.)» [10, с.539]. Высокая степень абстрактности семантики, возникающей при первичном и вторичном метафорическом и метонимическом сдвигах, делает их непродуктивными для дальнейшей метафоризации [6, с.157,159]

Таким образом, русское и французское время объединяет как конкретные, так и весьма абстрактные понятия, что отражается на языке. Время в референтном плане представлено в структурах институционального времени, «представляющего собой концептуализированную и социально закрепленную совокупность артефактов. Примером в этом плане могут служить системы измерения времени...» [9, с.265], к которым можно отнести *год, времена года, месяцы, день/ночь, сутки, час*. [13, с. 445]

В русском языке слова с темпоральным значением, такие, как *год, час*, характеризуются диффузностью, обозначая, как строго определенные отрезки времени, так и общие понятия. В метафорическом плане они могут обозначать различные состояния, эмоции, как положительные, так и отрицательные: *тяжелый год, счастливый час, смертный час, грозный час, в добрый час, настанет час расплаты, час от часу не легче, счастливые часов не наблюдают* и т.д.

Во французском языке находим выражения: *je m'en soucie comme de l'an quarante*/мне на это до лампочки; *heure à point*/бог знает когда; *il n'y a pas d'heure pour les braves*/время всегда есть; *je ne vous demande pas l'heure qu'il est*/не лезьте не в свое дело; *deux grandes heures*/битых два часа; *heures du berger*/часы любовного свидания; *avancer/retarder l'heure*/приблизить, отсрочить час; *de bonne heure*/спозаранку, с ранних лет; *à la bonne heure*/отлично, пусть так; *les amis de la première heure*/друзья детства. Эти понятия имеют также терминологический характер, обозначая обусловленные природой, социально закрепленные практики человеческой деятельности.

Выводы

Сопоставительный анализ фразеологических единиц показал сходство языковых форм для выражения мыслей, эмоций и состояний, полученных в результате метафоризации исходного темпорального компонента во французском и русском языках. Идентичность мышления, обусловленная универсальностью процесса познания, подтверждается наличием материально и структурно совпадающих фразеологических единиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. - 896с.
2. Болинджер Д. Атомизация значения //Новое в зарубежной лингвистике. Вып. №10. М: Прогресс1981.
3. Дударева З.М. О национальном своеобразии темпоральной картины мира // Технологии совершенствования подготовки педагогических кадров. Вып.5,2005. С.297-299.
4. Залипаева Ж.П., Селифонова Е.Д., Слепцова Л.А. Фразеологизмы с компонентами «время»/«time»/«temps» как отражение особенностей концептуализации действительности средствами языка//Philology. Theory & Practice. 2022. Т. 15. № 12. С. 4005-4010.
5. Катунин Д.А. Время в зеркале русской языковой метафоры: автореф. диссер. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук. Томск, 2005. -32 с.
6. Колижук Л.В. Цветообозначения «blue», «red» и «green» в составе ФЕ в современном английском языке//Язык, культура, коммуникация. Сб. статей, посвященный юбилею профессора Гуриева Тамерлана Александровича. Владикавказ: Из-во СОГУ, 2007. С.155-163.
7. Кронгауз М.А. Структура времени и значение слов//Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста. Вып.3. М.,1990.
8. Плунгян В.А. Время и времена: К вопросу о категории числа//Логический анализ языка. Язык и время. М.,1997. С.158-169.
9. Потаенко Н.А. Концептуализация возраста в юриспруденции// Исследования в области французского языка и французской культуры: языковая картина мира и межкультурная коммуникация. М-лы III международной конференции, посвященной 70-летию ПГЛУ, 2009. С.265-270.
10. Раевская О.В. «Здесь прошелся загадки таинственный ноготь...», или к вопросу о нетривиальных метонимических смещениях и заменах//Горизонты современной лингвистики. Традиции и новаторство. Сб. в честь Е.С. Кубряковой. М.: Языки славянских культур, 2009. С.538-543.
11. Хараева Л.Х. Категория пространства и метафора как языковой механизм вариативной интерпретации действительности.//Язык, культура, коммуникация. Сб. статей, посвященный юбилею профессора Гуриева Тамерлана Александровича. Владикавказ: Из-во СОГУ, 2007. С.66-78.
12. Цзюй Х. Модель фразеосемантического поля темпоральности в русской фразеологии // Политическая лингвистика. 2019. № 2. С. 188-194.
13. Шерстяных И.В. Фразеосемантическое поле «темпоральность» в современном русском языке//Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15 (Вып.2). С. 443-448.
14. Le Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française par Paul Robert. Rédaction dirigée par A.Rey et J.Rey-Debove. Société du Nouveau Littre. Paris, 1979. P.2172.

© Тугушева Фатимат Аммаевна (fatima-tugusheva@rambler.ru), Хамурзова Аминат Газалиевна (amina.khamurzova@mail.ru),
 Лоова Эсмira Сафаровна (esmiraloova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ДИНАМИКА УПОТРЕБЛЕНИЯ МИФОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В ТЕКСТАХ СМИ И «НОВЫХ МЕДИА» В ПЕРИОД С 2020 ПО 2024 ГГ.

Харлович Карина Михайловна

Аспирант, Рязанский государственный университет
имени С.А. Есенина
k.m.kharlovich@mail.ru

DYNAMICS OF THE USING OF MYTHOLOGICAL VOCABULARY IN MEDIA AND NEW MEDIA TEXTS IN THE PERIOD FROM 2020 TO 2024

K. Kharlovich

Summary: This article examines the specifics of the use of mythologemes denoting a particular element of a certain mythology, and mythologemes as lexical units implementing mythologemes in the text in the discourse of the media and new media. The study is conducted within the framework of the analysis of the correlation between the events of reality and changes in the lexical composition of publications in the media and new media. The dynamics of the use of mythologemes related to various mythologies is studied. The dependence of the manifestation of the dynamics of the use of a mythologeme on the mythology to which it belongs is revealed. Some mythologemes are presented, the use of which has increased or changed meaning over time.

Keywords: mythological layer, lexis, mythologeme, mytholexeme, linguistic worldview, discourse, concept, media and new media.

Аннотация: В данной статье рассматривается специфика употребления в дискурсе СМИ и «новых медиа» мифологем, обозначающих тот или иной элемент определенной мифологии, и мифолексем как лексических единиц, реализующих мифологемы в тексте. Исследование проводится в рамках анализа корреляции между событиями действительности и изменениями лексического состава публикаций в СМИ и «новых медиа». Изучена динамика употребления мифолексем, относящихся к различным мифологиям. Выявлена зависимость проявления динамики употребления мифолексемы от того, к какой именно мифологии она принадлежит. Представлены некоторые мифолексемы, использование которых усилилось или значение которых с течением времени изменилось.

Ключевые слова: мифологический пласт, лексика, мифологема, мифолексема, языковая картина мира, дискурс, концепт, СМИ и «новые медиа».

Актуальность данного исследования обусловлена зависимостью изменений, происходящих в языке, от событий внешнего мира. Происходящие события служат основой как для возникновения новых мифов, так и актуализации уже существующих, — трансформация окружающей действительности предполагает изменения в различных типах дискурса, в том числе мифологическом. Динамика употребления тех или иных мифолексем в текстах СМИ позволяет определить не только уровень включенности мифологического пласта в язык СМИ, но и в коллективную картину мира носителей языка на определенном временном отрезке. В результате происходит изменение ценностных ориентиров общества, трансформируется структура концептуальных доминант. Для анализа указанных процессов исследуется использование мифологической лексики в СМИ и «новых медиа» в диахроническом аспекте. Основой служит анализ мифолексем, под которыми понимаются лексические единицы, «актуализирующие в тексте определенную мифологему» [Шевченко, Кучмистый, Цыбуля, с. 167]. Мифолексемы не только номинируют какой-либо мифологический элемент (персону или ее атрибут, событие, предмет, понятие и т.д.), но и имеют свою семантику [Там же, с. 167]. Мифолексема также является конкретным знаком-мар-

кером актуализации мифологического пласта в тексте. На основе анализа мифолексем происходит актуализация мифологем, рассматриваются их контекстуальные характеристики и выявляется частотность употребления (представлен период с 2020 года по 2024 год). Эмпирической базой служат тексты публикаций в СМИ и «новых медиа» (издания «Ведомости», «Коммерсантъ», «Парламентская газета», «Российская газета», «Эксперт», интернет-порталы ТАСС и РИА НОВОСТИ). Комплексный анализ текстового материала предполагает его осуществление в несколько этапов: 1) выборка мифолексем и определение их принадлежности к той или иной мифологии; 2) выявление частотности употребления мифолексем в текстах СМИ и «новых медиа»; 3) определение реализуемой мифолексемой мифологемы.

В настоящем исследовании используются следующие методы: стратификация, позволяющая изучить мифолексемы как единицы лексического пласта русского языка; описательный метод, предполагающий выделение мифолексем и описание их функционала; метод компонентного анализа, дающий возможность изучить структуру значений мифолексем, характеризующих ту или иную мифологему.

Научная новизна статьи заключается в дополнении имеющихся в языкознании взглядов на проблему использования мифолексем и функционирования мифологем (сквозь призму употребления мифологических языковых единиц) в текстах СМИ и «новых медиа». В работе приводятся мифолексемы, которые упоминаются в публикациях разных лет. Прослеживается соответствие изначальному смыслу, трансформация этого значения, приобретение новых коннотаций.

Мифолексемы рассматриваются на примере текстов публикаций в СМИ и «новых медиа», поскольку дискурс СМИ представляет собой наиболее подверженный изменениям языковой пласт, в котором события общественной жизни отражаются чаще и быстрее. В текстах СМИ мифолексемы выполняют задачу, направленную не только на информирование, как многие языковые средства, функционирующие в этом дискурсе, но и на воздействие на реципиента, так как обращаются «напрямую к эмоциям и бессознательному» [Стрельник, с. 83]. Это означает, что СМИ и «новые медиа» формируют «фоновое знание, из которого можно исходить в любой коммуникации» [Там же, с. 84]. СМИ и «новые медиа» способны создавать определенную систему концептов, определяющих (вследствие обладания манипулятивными возможностями) коллективное сознание, выражающееся в языке. Событие конструируется в журналистском тексте при помощи мифолексем, реализующих определенные мифологемы, которые создают в сознании реципиента определенный образ события или персоны. При этом формируются ассоциативные связи, которые соединяют уже существующий образ (мифологический) с создаваемым.

Дискурс СМИ и «новых медиа» рассматривается как пространство взаимодействия журналиста и целевой аудитории, как языковая площадка, в которой «пересекаются, взаимодействуют фрагменты национальной картины мира, отраженные языковым сознанием автора и адресата» [Чернышова, с. 21]. При этом в дискурсе все описываемые объекты становятся частью «национального потока сознания современного человека» [Там же, с. 21] со всеми его представлениями о мире, в том числе мифологическими.

Главным мировым событием 2020 года стала пандемия, вызванная вирусом COVID-19. Поскольку неизвестное ранее заболевание впервые было выявлено в Китае, в прессе для описания событий пандемии стали использоваться мифологемы восточной, в частности, китайской мифологии. Так, стала встречаться мифолексема **дракон**; в китайской мифологии дракон символизирует «плодородие, жизнь, свет, силу, мудрость» [Филипповский] (мы наблюдаем, что языковая единица содержит в себе положительные коннотации). В статье «Дракон против демона» упоминается: «Вирус это **демон**, а **демону** мы не можем позволить скрыться» (Эксперт, 03.02.2020)

[Лобыкин, Мамедьяров, Обухова, с. 13]. **Демон**, как отмечается в мифологических словарях, — часть уже другой мифологии: «в греческой мифологии обобщенное представление о некоей неопределенной и неоформленной божественной силе, злой или (реже) благотворительной, часто определяющей жизненную судьбу человека» [Мелетинский]. **Дракон** в заглавии статьи («Дракон против демона») обозначает Китай и его борьбу с вирусом (злым демоном). Здесь мы наблюдаем актуализацию концептов «Борьба» (между добром и злом), «Мощь» (сила, приносящая победу в борьбе). Зачастую Китай метафорически номинируется посредством мифолексемы **дракон** в любых публикациях, прямо или косвенно связанных с пандемией; при этом употребляются и другие лексемы из тематической группы «Пандемия COVID-19»: «**Прививка** против кризиса. Китай имеет все шансы выйти из пандемии новым мировым лидером» (Ведомости, 09.06.2020) [Блохин]; «Вопрос в том, насколько проснулся **дракон** и ослабли от «**коронакризиса**» богатыри (Коммерсантъ, 30.12.2021) [Дементьева]. Как следует из данных высказываний, контекст указывает на актуализацию концепта «Мощь» и характеризует Китай как сильное государство.

После пандемии мифолексема **дракон** стала употребляться шире для обозначения Китая не только в контексте пандемии, но и при упоминании о других событиях («А если за монгольским волком встанет китайский **дракон**, нашему медведю придется туго» (Ведомости, 13.12.2021) [Трифонов] – исследование вопроса строительства ГЭС на Селенге.

Позднее, с изменением общественной ситуации, мифолексема **дракон** стала обозначать другие объекты действительности, которые можно отнести к военному дискурсу: «После этого командирами с позывными **Дракон** и Сайгон был разработан очень дерзкий, но самое главное – профессиональный план» (Российская газета, 08.12.2024) [Петров]; «Ранее сообщалось, что неизвестные установили на трассе из Курска в Суджу бетонные заграждения «зубы **дракона**» (Российская газета, 15.10.2024) [Рыбин]. В данном случае осуществляется метафорический перенос, основанный на установлении ассоциативных связей, следующих из сем «устрашение», «сила» в значении лексемы «дракон», но в этом случае происходит отсылка к образу существа, относящегося не к китайской мифологии, а к славянской (дракон – «сказочное чудовище, пожирающее людей и животных, в виде крылатого огнедышащего змея с когтями льва, крыльями, похожими на крылья летучей мыши, раздвоенными языком и хвостом» [Большой толковый словарь русского языка, с. 305]). Однако общим в применении мифолексемы **дракон** с разными значениями является актуализация концепта «Мощь».

Любопытно, что ранее **дракон** чаще употреблялся в контексте символики Китая. Для сравнения приведем

пример: в 2019 году и ранее мифолексема **дракон** использовалась для обозначения в основном спортивных событий и персон («Но американец явно подготовился к схватке с **Драконом**» (Lenta.ru, 10.11.2019) [Костюков]). Спустя время рассматриваемая языковая единица приобрела концепт «Мощь».

Отметим, что в некоторых примерах помимо мифолексемы **дракон** присутствуют мифологические языковые единицы, берущие начало из других мифологий (**богатыри, медведь** – мифолемы славянской мифологии; **волк** – мифолема монгольской мифологии).

Для обозначения коронавируса также используются библейские (христианские) мифолемы, например, мифолексема **апокалипсис**: «Спустя несколько месяцев после **апокалипсиса** об остроте переживаний закономерно вспоминают только коллеги-банкротчики, разгребаящие остатки рухнувших бизнесов» (Ведомости, 02.06.2020) [Константинов]; «Период «коронавирусного **апокалипсиса**» хорош хотя бы тем, что можно вспомнить позабытые популярные темы» (Ведомости, 27.04.2020) [Гололобов].

Вместе с этим мифолема **апокалипсис** описывает различные события и явления, имеющие негативные последствия. Отступая от первоначального библейского значения 'откровение', 'пророчество', лексема **апокалипсис** в современном использовании сохранила в себе отрицательные коннотации: описывает катастрофические события и является синонимом слов «катастрофа», «бедствие». В этом значении мифолема **апокалипсис** функционирует в дискурсе СМИ и «новых медиа», обозначая разнообразные негативные и при этом масштабные события: «пчелиный апокалипсис», «апокалипсис насекомых», «личный апокалипсис», «коронавирусный апокалипсис». Безусловно, в 2020 году при описании последствий пандемии стала использоваться именно мифолексема **апокалипсис**: «Новый вирус оказался настолько коварным и опасным, что Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш назвал пандемию «**пятым всадником апокалипсиса**», а борьбу с ним – переломным моментом для человечества <...>» (Парламентская газета, 10.11.2020) [Третьякова].

Кроме того, при анализе встретились единичные упоминания мифолемы **благая весть**, выраженной одноименной мифолексемой («Через некоторое время информагентства разнесли **благую весть**: на встрече с Александром Бегловым Владимир Путин поддержал его в намерении снова баллотироваться на пост губернатора Петербурга» (Коммерсантъ, 27.04.2024) [Колесников]), и мифолемы **царь Давид** («Главы государств не берутся из ниоткуда. Библейский **царь Давид** сперва был пастухом, но потом стал героем и успешным военачальником <...>» (Эксперт, 03.02.2020) [Рогожников, с.

54]. Библейские мифолемы используются без привязки к определенному событию или явлению: они встречаются в текстах как 2020 года, так и 2024 года. Доминирующим критерием при выборе автором публикации того или иного библеизма является положительная или отрицательная коннотация. Поскольку журналистской интенцией выступает стремление рассказать об острых, злободневных событиях, которые часто освещаются в негативном ключе, зачастую лексика направлена на реализацию именно этого содержательного и эмоционального направления. Следовательно, используемые мифолемы передаются мифолексемами, в значении которых на первый план выходят негативные коннотации, создающие подобные ассоциации.

При этом практически многие мифолемы-библеизмы объединены свойством реализовывать такие концепты, как «Зло», «Борьба». Эта реализация происходит в контексте сценария борьбы добра со злом, что указывает на имплицитную актуализацию концепта «Добро». Например, в высказывании: «На Западе сегодня другое. Либерализм дошел до разврата. Можно сказать без преувеличения, что **Содом и Гоморра** – его сегодняшний идеологический фетиш, вполне даже официальный» (Российская газета, 22.03.2023) [Кублановский], – концепт «Зло» реализован в мифолексеме **Содом и Гоморра**, которая метафорически номинирует Запад как геополитическое образование. Концепт «Добро» представлен имплицитно (то, что противостоит Западу).

Характер динамики употребления мифологем, относящихся к древнегреческой мифологии, повторяет характер динамики использования мифологем-библеизмов, т.е. не зависит от периода. Это объясняется тем, что образы древнегреческой мифологии хорошо знакомы целевой аудитории, универсальные, способные описать практически любое событие или явление. Данные мифолексемы занимают устойчивое положение в языковой картине мира, они входят в состав различных фразеологизмов и применяются наиболее часто (примеры: **ахиллесова пята, сизифов труд, дамоклов меч** и др).

При этом мифолексемы, не образовавшие устойчивого ассоциативного ряда в коллективном языковом сознании носителей русского языка, крайне редко встречаются в текстах: например, **Кассандра, Гермес** (такая мифолексема достаточно часто применяется в обозначении коммерческих организаций и не используется для метафорического переноса в описании какого-либо объекта). В дискурсе СМИ были отмечены элементы древнегреческих мифов, которые используются чаще всего: **титан, Геракл, Олимп** и др. В отношении характеристик геополитических событий или событий экономической сферы часто применяется мифолема **титан** (в древнегреческой мифологии – 'тот, кто вступил в борьбу с богами' [Мелетинский]). **Титан** может

обозначать любой объект, имеющий силу, влияние и т.п. Нужно отметить, что мифолексемы с подобным значением, имеющим в своем составе семы «Мощь», «Могущество», встречаются в текстах публикаций достаточно часто. К их ряду относятся и отмеченные выше мифолексемы **дракон**, **медведь** (как часть славянской мифологии); сюда же можно отнести и мифолексему **левиафан** («Мрачная картина российского быта. Российский **Левиафан** во всей его красе» (Коммерсантъ, 29.08.2023) [Колесников]). Использование мифологем, реализующих концепт «Мощь», является устойчивым в количественном отношении признаком применения мифологем в дискурсе СМИ.

Менее часто реализуются мифологемы из древнегреческой мифологии, которые имеют стойкие ассоциации и конкретные, яркие образы, и поэтому круг объектов, которые могли бы быть описаны с помощью мифолексем, их реализующих, достаточно узок. К ним относятся, например, **лернейская гидра**, **Орфей** и др. Так, **лернейская гидра** обозначает зло, с которым практически невозможно бороться: «Но коррупция ведет себя как **лернейская гидра** из «Подвигов Геракла»: сколько ни отрубай головы, вырастают новые» (Коммерсантъ, 24.06.2022) [Антонов]. Эта мифолексема реализует мифологему с концептом «Борьба».

Отдельно нужно отметить, что элементы славянской мифологии, выполняющие роль мифологем, применяются в этой функции реже, чем древнегреческой или библейской, например, мифологема **жар-птица**, актуализированная при помощи соответствующей мифолексемы: «Камерный театр был экзотической **жар-птицей** на общем суровом фоне советского искусства» (Коммерсантъ, 16.12.2024) [Шимадина] и др.

В дискурсе СМИ и «новых медиа» также употребляются мифолексемы, отсылающие к советской мифологии. Наиболее часто встречающиеся – **Ленин**, **Сталин**, **красный** (реализуемый мифолексемами **красное знамя**, **Красная армия** и т.п.), **перестройка** и др. Например, мифологема **красный** уточнена и реализована в следующем контексте: «Он ведь с нашим знаменем цвета одного» (Эксперт, 26.01.2024) [Троепольский]; мифолексема

здесь представлена имплицитно – с нашим знаменем цвета одного (т.е. красного, как знамя); при этом речь идет об автомобиле китайского производства, т.е. в данном контексте происходит сближение концептов «Россия» и «Китай». Встречаются мифологемы **Ленин**, **Сталин**, реализуемые соответствующими мифолексемами в высказываниях: «**Ленин** ездил на Rolls-Royce, **Сталин** – на Packard, а вот Никита Хрущев пересел на ЗИС-110 <...>» (Эксперт, 26.01.2024) [Троепольский]. Однако подобные мифологемы повторяют в контексте современности известные мифы и лишь в редких случаях создают новые смыслы.

В ходе исследования мы отмечаем динамику использования в текстах публикаций, указанных выше СМИ и «новых медиа» проанализированных мифолексем, реализующих мифологемы из рассмотренных нами мифологий. См. табл. 1.

Динамика употребления тех или иных мифолексем зависит также от специфики тематического года в России. Так, поскольку 2020 год был посвящен празднованию 75-летия в Великой Отечественной войне, в СМИ актуализировался соответствующий мифолексический пласт (исследователи отмечают динамичный процесс мифологизации темы Великой Отечественной войны в современных публикациях). Реконструкция реальности происходит с опорой на этот миф, в первую очередь, на образ мифологического героя – солдата, совершившего подвиг; кроме того, значимой является мифологема **Великой Победы**. Акцент в высказываниях, содержащих мифолексемы **воин**, **павший**, сделан на славном подвиге героя и его бессмертии, т.е. увековечивании этого подвига: «Новосибирские власти почтили память **воинов**-сибиряков на Монументе славы» (Коммерсантъ, 09.05.2020) [Минин]; «Миллионы **павших** героев похоронены в братских могилах как «неизвестные». <...>Это [признать солдат погибшими] было важно сделать в год юбилея Победы – выполнить долг памяти перед павшими» (Коммерсантъ, 30.11.2020) [Трушин]. Часто мифология ВОВ взаимодействует с библейской (православной) мифологией: «Над процессией святых **воинов** изображены **ангелы**, которые несут им мученические венцы» (Коммерсантъ, 19.11.2020) [Шляхтин] – образуя мифоло-

Таблица 1.

Количественный анализ динамики употребления мифолексем в СМИ и новых медиа.

	Древнегреческая	Библейская (христианская)	Восточная	Советская	Славянская	Итого
2020	55	30	37	20	8	150
2021	48	34	27	7	4	120
2022	48	37	16	12	7	120
2023	51	40	18	11	10	130
2024	52	45	25	10	8	140

гему **воина-мученика**, выраженную одноименной мифолексемой.

Употребление данных мифолексем со временем не только не уменьшается, но увеличивается (в данном случае мы говорим о том, что 2025 год объявлен Годом защитника Отечества, а также в текущем году Россия будет отмечать 80-летие со Дня Великой Победы). И если в 2020 году происходит обращение к прошлому, то в публикациях текущего года отражены актуальные события. При этом в центре высказывания находится мифологема **воин**, выраженная мифолексемами **воин, герой**: «Увековечивать память **воинов-героев** специальной военной операции можно по-разному. Главное, чтобы на века» (Российская газета, 06.03.2025) [Латухина]; «Президент РФ Владимир Путин встретился в Кремле с вдовой погибшего в августе в Курской области комбата Сергея Чебнева Ольгой. Глава государства вручил ей «Золотую звезду» **Героя** Российской Федерации, которую **воин** получил посмертно» (Российская газета, 06.03.2025) [Латухина]. Кроме того, актуализирована мифологема **Великой Победы**, которая выражена при помощи соответствующей мифолексемы: «Путин: цель работы МВД и у бойцов на фронте одна – **победа** России» (Российская газета, 05.03.2025) [Герейханова].

В 2023 году в России отмечался Год педагога и наставника. В текстах публикаций данного периода актуализируется мифологема **учителя**, которая несет в себе характеристики, подобные мифологеме **воина**, т.е. значение мифолексемы **учитель** содержит основной компонент «герой», при этом в качестве синонимичных мифолексем могут быть использованы как имена знаменитых отечественных педагогов («Как **Василий Сухомлинский** определил и опередил советскую педагогику» (РИА НОВОСТИ, 30.09.2023) [Ячменникова]; «Как **Антон Макаренко** помогал труду создавать человека» (РИА НОВОСТИ, 15.07.2023) [Башмакова]; «Жизнь **Макаренко** и жизнь его идей – это жесточайшая борьба» (Коммерсантъ, 15.07.2023) [Башмакова]), так и лексема **учитель**, которая в данном контексте выступает мифолексемой («И на этом фронте противостоять может **учитель** – профессиональный, ответственный, чуткий, настоящий патриот своей страны» (Коммерсантъ / Волга / Партнерский материал, 15.12.2023)). В значении каждой из данных мифолексем присутствуют семы «герой», «первооткрыватель», «подвиг», «идеал».

В 2024 году проводимые в России мероприятия были приурочены к Году семьи; в связи с этим в текстах публикаций этого периода увеличивается количество упоминаний в текстах мифолексем, связанных с образом семьи. Так, используется мифологические языковые единицы из христианской (православной) мифологии **Петр и Феврония**: «В дворянстве выделялись Голицыны, Воронцовы, Долгорукие. <...> Нельзя обойти внима-

нием святых **Петра и Февронью**» (Парламентская газета, 04.10.2024) [Шишкина]; «В жизни **Петра и Февронии** воплощаются черты, которые традиционные религии России всегда связывали с идеалом супружества: благочестие, взаимная любовь и верность, милосердие» (Парламентская газета, 08.07.2021) [Шульга]. Здесь употребляется мифолексема **Петр и Феврония** со значением, включающим в себя семы «идеал», «любовь», «благочестие». Кроме данной мифологемы, в текстах реализована мифологема, которую также можно отнести к советской мифологии – мать-героиня: «В Ярославской области на домах **матерей-героинь** повесили таблички» (Коммерсантъ, 25.11.2024) [Чижова].

Тексты СМИ и «новых медиа» анализируемого периода наполнены мифологемами, реализованными в публикациях при помощи мифолексем; их совокупность составляет мифологический лексический пласт, выполняющий особую роль в журналистском дискурсе. В первую очередь, мифологемы создают определенные образы, соотносимые с вновь появившимися предметами или явлениями, новыми событиями. На ассоциативной основе, истоком которой являются коннотации в значениях мифолексем, создаются коннотации значений лексических единиц, описывающих в СМИ те или иные объекты. Рассматривая этот процесс в дискурсивном аспекте, можно отметить, что мифологемы реализуют определенные концепты, составляющие концептосферу СМИ и «новых медиа». Концепты часто выражают значимость тех или иных общественно-политических событий; было отмечено, что выявленные мифологемы актуализируют концепты «Мощь», «Сила», «Борьба», «Зло» (в дихотомии «Зло/Добро»), «Герой», составляющие ядро современного журналистского языка.

Частотность употребления мифологем коррелирует с актуальными событиями. Так, пандемия 2020 года стала причиной роста частотности использования мифолексемы **дракон**, относящейся к китайской мифологии. В 2023–2024 годах данная мифологическая языковая единица продолжила употребляться для обозначения Китая как мощной державы (при этом мифолексемой **дракон** маркировались многие элементы китайской культуры, политического устройства, экономики и т.д.), а на более позднем этапе фокус сместился: вместо китайского **дракона** на первый план вышел **дракон** как элемент славянской мифологии (со значением «устрашение»), и эта мифологема стала обозначать военные события. Наблюдается переход мифологемы из дискурса медицинско-го и социального в политический, а затем – в военный дискурс. Так происходит с единичными мифологемами. Динамика употребления многих мифолексем не изменилась. Так, наиболее часто реализуются элементы древнегреческой и библейской мифологий; менее значимыми для дискурса СМИ и «новых медиа» являются мифолексемы славянской мифологии. Что касается мифолексем

советской мифологии, то наиболее часто они употреблялись в Год памяти и славы для составления образа героя войны.

Тематические годы в России обусловили использование в текстах публикаций мифолексемы, которые можно объединить мифологемой героя (герой войны / воин / павший; учитель-герой; мать-героиня / героическая (идеализированная) семья).

Рассмотренная проблема требует дальнейшего, более подробного изучения для продолжения анализа функционирования мифологем в дискурсе СМИ и «новых медиа». На данном этапе исследования полученные результаты могут быть применены для определения алгоритма анализа мифологем и мифолексем в том или ином дискурсе, а также служить основой продолжения изучения мифологического пласта лексики русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонов К. Коррупция приросла в охвате // Коммерсантъ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/5424641> (дата обращения: 01.02.2025).
2. Башмакова М. Макаренко выступал против фетишизации труда в воспитании // Коммерсантъ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/6097175> (дата обращения: 01.03.2025).
3. Башмакова М. Жизнь Макаренко и жизнь его идей – это жесточайшая борьба // Коммерсантъ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/6097099> (дата обращения: 01.03.2025).
4. Блохин А. Прививка против кризиса // Ведомости. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/06/09/832274-privivka-krizisa> (дата обращения: 01.02.2025).
5. Герейханова А. Путин: Цель работы МВД и у бойцов на фронте одна – победа России // Российская газета. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2025/03/05/putin-cel-raboty-mvd-i-u-bojcov-na-fronte-odna-pobeda-rossii.html> (дата обращения: 05.03.2025).
6. Гололобов Д. Почему Британия до сих пор не отняла активы у российских олигархов // Ведомости. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/04/27/829123-britaniya-oligarhov> (дата обращения: 01.02.2025).
7. Дементьева К. Сдачный сезон // Коммерсантъ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4625371> (дата обращения: 01.02.2025).
8. Колесников А. Вашевысокоплодородие // Коммерсантъ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/6677890>
9. Колесников А. Приставление начинается // Коммерсантъ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/6185593> (дата обращения: 01.02.2025).
10. Константинов Д. Банкротство после коронавируса: чего стоит ждать // Ведомости. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/06/02/831746-bankrotstvo-koronavirusa> (дата обращения: 01.02.2025).
11. Костюков Н. Непобедимый дракон // lenta.ru. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://lenta.ru/articles/2019/11/10/ufc_moscow/ (дата обращения: 01.02.2025).
12. Кублановский Ю. Опасно, когда нелюбовь к государству перерастает в предательство Родины // Российская газета. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2023/03/17/opasno-kogda-neliubov-k-gosudarstvu-pererastaet-v-predatelstvo-rodiny.html> (дата обращения: 01.02.2025).
13. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. – Авторская редакция, 2000. – 1536 с.
14. Лабыкин А., Мамедьяров З., Обухова Е. Дракон против демона // Эксперт. 2020. № 6. С. 13-19.
15. Латухина К. Путин вручил звезду Героя РФ вдове комбата Чебнева // Российская газета. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2025/03/06/putin-vrchil-zvezdu-geroia-rf-vdove-kombata-chebneva.html> (дата обращения: 06.03.2025).
16. Латухина К. Путин призвал называть улицы именами героев СВО // Российская газета. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2025/03/06/putin-prizval-nazyvat-ulicy-imenami-geroev-svo.html> (дата обращения: 06.03.2025).
17. Мелетинский Е.М. Мифологический словарь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.phantastike.com/dic/mifologicheskij_slovar_meletinskiy/djvu/view/ (дата обращения 01.02.2025).
18. Минин Н. Новосибирские власти почтили память воинов-сибиряков на Монументе славы // Коммерсантъ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.kommersant.ru/doc/4341165 (дата обращения: 01.03.2025).
19. Педагогическая гавань // Коммерсантъ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/6409514> (дата обращения: 01.03.2025).
20. Петров И. Морпехи совершили дерзкий штурм в Курской области с помощью багги // Российская газета. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2024/12/08/morpehi-sovershili-derzkij-shturm-v-kurskoj-oblasti-s-pomoshchiu-baggi.html> (дата обращения: 01.02.2025).
21. Рыбин А. В Курской области задержали самозванца, выдававшего себя за военного // Российская газета. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2024/10/15/v-kurskoj-oblasti-zaderzhali-samozvanca-vydavavshego-sebia-za-voennogo.html> (дата обращения: 01.02.2025).
22. Рогожников М. Откуда ждать следующего президента // Эксперт. 2020. № 6. С. 54.
23. Стрельник О.Н. Миф и мифотворчество как элементы коммуникативного пространства современной культуры // Вопросы философии. 2018. № 7. С. 81-85.
24. Третьякова М., Яланская А., Мельник Г., Шульга О. Год с COVID-19 // Парламентская газета. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.pnp.ru/social/god-s-covid-19.html> (дата обращения: 01.02.2025).
25. Трифонов Е. Байкальский раздор // Ведомости. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2021/12/14/900467-baikalskii-razdor> (дата обращения: 01.02.2025).

26. Троепольский М. В девяточку // Эксперт. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://expert.ru/avto/v-devyatochku/> (дата обращения: 01.02.2025).
27. Трушин А. Нет неизвестных солдат // Коммерсантъ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4583729> (дата обращения: 01.03.2025).
28. Филипповский В.С., Бирюков Н.Г. Символическое значение образа дракона в китайской мифологии // StudNet. 2020. №2. С. 28-33.
29. Чернышова Т.В. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России: автореф. дис. ... док. филол. наук. — Барнаул: 2005. — 38 с.
30. Чижова А.В. Ярославской области на домах матерей-героинь повесили таблички // Коммерсантъ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.kommersant.ru/doc/7326895 (дата обращения: 01.03.2025).
31. Шевченко Е.М., Кучмистый В.А., Цыбуля Н.С. Мифолексемы английского языка в диахроническом аспекте. Вопросы журналистики, педагогики и языкознания. 2022. № 41 (1). С. 166–174. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-1-166-174.
32. Шимадина М. Истраченные иллюзии // Коммерсантъ. 16.12.2024. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/7380775> (дата обращения: 01.02.2025).
33. Шишкина Т. Секрет семейного счастья сенатора Митина // Парламентская газета. 04.10.2024. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.pnp.ru/social/sekret-semeynogo-schastyia-senatora-mitina.html> (дата обращения: 01.03.2025).
34. Шульга О. Володин: семейные ценности делают каждого человека сильнее // Парламентская газета. [Электронный ресурс]. Режим доступа: 08.07.2021 <https://www.pnp.ru/politics/volodin-semeynye-cennosti-delayut-kazhdogo-cheloveka-silnee.html> (дата обращения: 01.03.2025).
35. Шляхтин Р. Храм будущей войны // Коммерсантъ. 19.11.2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4566204> (дата обращения: 01.03.2025).
36. Ячменникова П. «Если учат добру, в результате будет добро»: как Василий Сухомлинский определил и опередил советскую педагогику // Коммерсантъ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/6239871> (дата обращения: 01.03.2025).

© Харлович Карина Михайловна (k.m.kharlovich@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НЕЙРОСЕТИ И ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО МЕДИАПРОСТРАНСТВА

Ширяева-Бакшевникова Вера Николаевна

Кандидат исторических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения
veraveranik@ya.ru

NEURAL NETWORKS AND THE TRANSFORMATION OF MODERN MEDIA SPACE

V. Shiryayeva-Bakshevnikova

Summary: The article examines the impact of neural network technologies on the transformation of the media space in the Russian Federation, including key aspects of their application in content production, marketing and journalism. The author explores how neural networks are becoming an important tool for automating the creation of media materials, personalizing content and improving user experience in digital media platforms. Particular attention is paid to the ethical and legal challenges associated with the use of artificial intelligence in the media, including the risks of spreading fake news and manipulating public opinion.

In addition, examples of the successful implementation of neural networks in Russian media companies are considered, such as the use of algorithms to analyze audience needs, generate news and improve the effectiveness of advertising campaigns.

Keywords: neural networks, artificial intelligence, media space, journalism, content personalization, automation of media production, fake news.

Аннотация: В статье рассматривается влияние нейросетевых технологий на трансформацию медиапространства в Российской Федерации, включая ключевые аспекты их применения в производстве контента, маркетинге и журналистике. Автор исследует, как нейросети становятся важным инструментом для автоматизации создания медиа-материалов, персонализации контента и улучшения пользовательского опыта в цифровых медиаплатформах. Особое внимание уделяется этическим и правовым вызовам, связанным с использованием искусственного интеллекта в СМИ, включая риски распространения фейковых новостей и манипуляций общественным мнением.

Кроме того, рассматриваются примеры успешного внедрения нейросетей в российские медиакомпании, такие как использование алгоритмов для анализа потребностей аудитории, генерации новостей и повышения эффективности рекламных кампаний.

Ключевые слова: нейросети, искусственный интеллект, медиапространство, журналистика, персонализация контента, автоматизация медиапроизводства, фейковые новости.

В условиях стремительного развития цифровых технологий и повсеместной интеграции искусственного интеллекта нейросетевые модели начинают играть ключевую роль в трансформации медиапространства Российской Федерации. Современное медиа переживает масштабные изменения, связанные с автоматизацией процессов создания, распространения и персонализации контента. Нейросети способны не только ускорить производственные циклы в журналистике, маркетинге, рекламе и развлекательной индустрии, но и радикально изменить саму природу медиавзаимодействия между субъектами информационной среды. В российских реалиях данный процесс сопровождается особыми факторами: правовым регулированием, спецификой потребительских ожиданий, культурно-коммуникационными традициями и глобальными вызовами цифровой безопасности. Важность исследования обусловлена необходимостью глубокого осмысления влияния нейросетевых технологий на структуру медиарынка, динамику общественного мнения и механизмы формирования доверия в обществе, а также выработки адекватных стратегий адаптации и регулирования. Актуальность темы также определяется ограниченностью комплексных отечественных исследований, охватывающих как технологи-

ческие, так и социально-гуманитарные аспекты влияния нейросетей на медиаэкосистему России.

Целью данного исследования является всесторонний анализ влияния нейросетевых технологий на процессы трансформации современного медиапространства в Российской Федерации с учётом технологических, социально-экономических, правовых и культурных факторов.

Научная новизна исследования заключается в комплексной интерпретации процессов внедрения нейросетей в медиaprактики современной России сквозь призму междисциплинарного подхода, сочетающего технологический анализ, социологическое осмысление и правовую экспертизу.

В начале XXI века медиапространство Российской Федерации вступило в фазу стремительной трансформации, обусловленной распространением технологий искусственного интеллекта, в частности нейросетевых моделей. Эти процессы сопровождаются радикальными изменениями форматов медиапроизводства, способов распространения информации и моделей потребления контента. Применение нейросетей в медиаиндустрии

привело к автоматизации рутинных задач – от генерации новостных заметок до создания персонализированных медийных предложений. Согласно исследованию Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», около 38% российских медиакомпаний активно внедряют решения на основе нейросетей в редакционные процессы, а в сегменте цифрового маркетинга данный показатель превышает 55%.

Особый интерес представляет анализ законодательной базы, регулирующей применение нейросетевых технологий в медиапространстве. На сегодняшний день в России отсутствует специальный федеральный закон, прямо регулирующий деятельность ИИ в сфере медиа, что порождает правовые неопределенности. Важные нормы можно найти в Федеральном законе № 152-ФЗ «О персональных данных», который определяет ответственность за обработку персонализированной информации с использованием автоматизированных алгоритмов, а также в Федеральном законе № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», устанавливающем общие рамки информационной безопасности. В 2023 году в Государственную Думу был внесен проект закона «Об экспериментальных правовых режимах в сфере искусственного интеллекта», который, однако, в своей основной части охватывает преимущественно экономические аспекты применения ИИ и не решает вопросов, касающихся регулирования медиапрактик.

Научная литература по теме демонстрирует возрастающий интерес к проблематике нейросетевой трансформации медиа.

Конкретные примеры применения нейросетей в российском медиапространстве подтверждают сложность происходящих процессов. Так, медиахолдинг «Россия Сегодня» активно применяет генеративные модели для подготовки черновых текстов новостей, с последующей редакционной доработкой человеком. Платформа «Яндекс.Новости» использует нейросетевые алгоритмы для автоматического агрегирования и ранжирования новостного контента, учитывая поведенческие предпочтения пользователей. Между тем практика показывает, что такие алгоритмы могут невольно усиливать предвзятость подачи информации, формируя поляризацию мнений, что подтверждено данными опроса Левада-Центра в 2024 г.: 62% респондентов отметили, что получают информацию, соответствующую их взглядам, при этом практически не сталкиваясь с альтернативными позициями.

Статистические данные свидетельствуют о масштабах влияния нейросетей на медиапотребление в России. По данным агентства Mediascope, около 68% пользователей интернета сталкиваются с контентом, созданным или адаптированным нейросетями, чаще всего не осознавая этого факта. Это обстоятельство под-

нимает проблему прозрачности алгоритмов и необходимости маркировки сгенерированного ИИ-контента, что пока не закреплено в российском законодательстве [1].

Проблемы, связанные с трансформацией медиапространства посредством нейросетей, носят многогранный характер. К числу наиболее существенных относятся: дефицит нормативной регламентации использования ИИ в СМИ; угрозы распространения фейковой информации и манипуляции общественным мнением; снижение доверия аудитории к медиаконтенту вследствие невозможности различить авторский материал и продукт автоматической генерации; разрушение традиционных моделей журналистской этики в условиях автоматизированного производства новостей.

Пути решения обозначенных проблем предполагают разработку комплексных мер. Во-первых, необходимо принятие отдельного закона, регулирующего использование искусственного интеллекта в медиа, включая требования к обязательной маркировке сгенерированного контента и обеспечению алгоритмической прозрачности. Во-вторых, требуется создание независимых экспертных организаций для аудита медиаплатформ на предмет соблюдения стандартов информационной этики при применении нейросетей. В-третьих, важна разработка программ цифровой грамотности, направленных на обучение пользователей навыкам критического восприятия медиаконтента, в особенности среди молодежи. Кроме того, следует стимулировать развитие отечественных технологий Explainable AI (объяснимого искусственного интеллекта), позволяющих интерпретировать логику работы нейросетевых алгоритмов и минимизировать риски скрытой манипуляции.

В заключение следует отметить, что нейросети выступают одновременно драйвером модернизации российского медиапространства и источником новых вызовов. Эффективное управление этими процессами требует синергии усилий государства, медиасообщества, научных институтов и технологических компаний. Только при условии осознанного и ответственного подхода возможно построение справедливого, открытого и устойчивого медиасреды в цифровую эпоху.

Одним из наиболее значимых направлений трансформации медиапространства в Российской Федерации под влиянием нейросетевых технологий становится переосмысление концепции медиапроизводства в сторону так называемого «контента по требованию» (on-demand content generation). На сегодняшний день нейросетевые модели нового поколения, такие как GPT-4 и аналогичные отечественные разработки («СберИндекс», «GigaChat»), позволяют в реальном времени генерировать медиаматериалы, ориентированные на индивидуальные интересы пользователя. Это приводит

к формированию динамичных медиаэкосистем, где традиционные редакционные фильтры заменяются алгоритмическими моделями адаптивной доставки информации [2, с. 24].

Одновременно возрастает значение технологий глубокого обучения в анализе больших массивов данных (Big Data), которые становятся основой для прогнозирования медиапотребительских трендов. Так, в проекте «Медиаметрия-2025», реализуемом совместно Роскомнадзором и Российской академией наук, применяется нейросетевой анализ паттернов потребления новостного контента с целью выявления закономерностей изменения общественного мнения. Результаты промежуточных этапов проекта указывают на рост числа так называемых «виртуальных медиаинцидентов» – ситуаций, когда сгенерированный ИИ-контент вызывает реальные общественно-политические последствия, в том числе провоцирует дискуссии на уровне государственных институтов.

Наряду с этим, в научной литературе наметилась тенденция к разработке новых теоретических моделей анализа медиасреды в эпоху ИИ. Подобная концептуализация поднимает проблему эрозии традиционных институтов журналистики и превращения медиа в гибридные системы, балансирующие между человеческим и машинным управлением.

Дополнительное внимание в современных исследованиях уделяется этическим вопросам применения нейросетей в медиа. В частности, подчёркивается необходимость внедрения принципов «этического программирования» в процесс разработки медиагенерирующих нейросетей. Ключевыми направлениями такого программирования определяются: обеспечение недопустимости дискриминации в алгоритмах контентной фильтрации; обязательное предупреждение пользователей о характере происхождения контента; защита интеллектуальных прав авторов оригинальных материалов, используемых при обучении нейросетей.

Кроме того, важнейшим трендом становится использование нейросетей в процессах медиафоре́нзики – технологиях автоматического выявления фейковых изображений, видео- и аудиоматериалов. Российские IT-компании, такие как «VisionLabs» и «NtechLab», совместно с медиаорганизациями и университетами, разрабатывают инструменты, основанные на глубоком обучении, способные распознавать признаки синтетического контента («дипфейки») с точностью свыше 92%. Эти технологии критически важны для поддержания информационной безопасности в условиях стремительно роста генеративного контента.

Существенной особенностью российского медиа-

пространства становится также активное развитие технологий локализации и культурной адаптации нейросетевых моделей. В отличие от англоязычных рынков, где доминируют универсальные ИИ-решения, в России наблюдается тренд на создание нейросетей, учитывающих национальные культурные коды, язык и ценностные установки. Примером такого подхода служит платформа «РуКонтент», использующая обученные на отечественных источниках нейросети для генерации адаптированного текстового и визуального контента.

Перспективы дальнейшей эволюции нейросетей в медиасфере предполагают выход за рамки текстового и визуального контента. Уже сегодня активно исследуются возможности синтеза иммерсивных медиаформатов с участием нейросетей – виртуальной (VR) и дополненной реальности (AR). Так, в рамках проекта «Медиасфера будущего», реализуемого Институтом развития интернета (ИРИ) совместно с ведущими университетами, ведутся работы по созданию нейросетевых сценариев для персонализированных VR-новостей, адаптирующих сюжетную линию в зависимости от реакции пользователя.

Однако при всей привлекательности этих технологий необходимо осознавать и потенциальные угрозы. Одной из них является возможность формирования так называемых «информационных пузырей второго порядка» – ситуаций, когда нейросети, обучаясь на данных о предпочтениях пользователей, начинают воспроизводить не просто устойчивые паттерны, а усиливать их за счёт глубокой персонализации контента. Это может привести к ещё большей фрагментации медиаполя и снижению уровня общественной дискуссии [3, с. 5].

В качестве путей решения обозначенных рисков целесообразно рассматривать разработку моделей «ответственного ИИ» (Responsible AI), предполагающих введение механизмов самоконтроля в архитектуру нейросетей, способных в реальном времени анализировать последствия генерируемого контента. Также важным направлением является разработка «этических кодексов нейросетевого медиапроизводства» на уровне отраслевых профессиональных ассоциаций и интеграция их в редакционные политики ведущих медиаструктур.

Таким образом, нейросети оказывают многоуровневое влияние на медиaprостранство Российской Федерации, трансформируя его технологическую инфраструктуру, культурные практики и социальные взаимодействия. Только сбалансированный подход, сочетающий инновационное развитие и нормативно-этическую регуляцию, способен обеспечить устойчивое развитие медиасреды в эпоху алгоритмической коммуникации.

В контексте дальнейшей трансформации медиaprостранства Российской Федерации под влиянием нейро-

сетевых технологий актуализируется проблема перехода от классических моделей массовой коммуникации к так называемым системам гиперперсонализированного медиавзаимодействия. Эти системы основаны на использовании нейросетевых архитектур глубокого обучения (Deep Learning) для многомерной обработки данных о поведении пользователей, включая не только их явные действия (клики, просмотры, лайки), но и скрытые паттерны, выявляемые через анализ микроданных – времени реакции, особенностей прокрутки, частоты возврата к конкретным сюжетам.

Такой уровень персонализации приводит к формированию «адаптивного медиапотока» (adaptive media flow), при котором один и тот же информационный продукт может иметь десятки, а иногда и сотни вариаций, подбираемых в зависимости от профиля пользователя. По прогнозу Института искусственного интеллекта и цифровой политики, к 2027 году до 80% цифрового медиаконтента в России будет создаваться или адаптироваться с применением нейросетевых механизмов гиперперсонализации.

Отдельного внимания заслуживает влияние нейросетей на трансформацию риторики медиатекстов. Последние исследования кафедры медиалингвистики МГУ имени М.В. Ломоносова показали, что нейросетевые модели, обученные на больших корпусах текстов, не просто воспроизводят существующие стилистические особенности, но начинают продуцировать новые формы дискурсивных практик, ориентированных на эмоциональное вовлечение и сокращение когнитивной нагрузки на пользователя. В результате изменяется сама структура медиасообщений: растёт доля коротких нарративов, мемов, меметичных форматов, визуальных метафор, а также увеличивается использование эмпатических стратегий в подаче информации.

Важным аспектом становится также интеграция нейросетей в процесс модерации и фильтрации контента. Ведущие российские цифровые платформы, такие как VK, Rutube и Яндекс.Дзен, активно внедряют алгоритмы автоматической оценки токсичности и достоверности публикаций. Согласно отчёту Роскомнадзора «Обеспечение информационной безопасности в цифровой среде», нейросетевые фильтры уже сегодня обрабатывают более 70% пользовательского контента на крупных площадках, однако эффективность их работы остаётся предметом научных дискуссий: выявлены случаи, когда алгоритмы ошибочно классифицируют легитимный дискуссионный контент как вредоносный, что поднимает вопросы о нарушении принципов свободы выражения мнений [4, с. 23].

Отдельную проблему представляет собой феномен «теневого регулирования» (shadow governance) медиа-

потоков с помощью нейросетей – ситуации, при которых автоматические алгоритмы, действуя без явного вмешательства человека, начинают формировать повестку дня, продвигая одни темы и маргинализируя другие. Данное явление уже зафиксировано в эмпирических исследованиях, проведённых Лабораторией анализа цифровых рисков НИУ ВШЭ, где отмечено, что до 25% трендовых тем в соцмедиа становятся популярными не в результате естественного пользовательского интереса, а вследствие особенностей работы алгоритмических рекомендаций.

Стремительное развитие мультимодальных нейросетей открывает новые горизонты в области синтеза комплексных медиаформатов, сочетающих текст, звук, изображение и видео в едином когерентном пространстве восприятия. В 2024 году были представлены отечественные прототипы мультимодальных генеративных моделей, например, проект «Речь-Свет» (инициатива совместной работы МФТИ и Сколковского института науки и технологий), ориентированный на создание иммерсивных новостных сюжетов с элементами дополненной реальности. Подобные разработки могут радикально изменить способы потребления новостей и культурного контента, сделав их глубоко интерактивными и персонализированными.

Существенным вызовом становится также проблема правового статуса продуктов, созданных нейросетями в медиасфере. Российская судебная практика по вопросам авторских прав на ИИ-сгенерированные материалы пока ограничена (известны лишь единичные прецеденты в 2023–2024 гг.), однако необходимость законодательного урегулирования этого вопроса становится всё более очевидной. В частности, в рамках обсуждения поправок в Гражданский кодекс РФ (часть четвёртая) в 2025 году рассматривается возможность введения особого режима правовой защиты «результатов интеллектуальной деятельности, созданных с применением технологий искусственного интеллекта», что может затронуть медиасферу в первую очередь [5, с. 38].

На фоне этих процессов важным направлением исследований становится изучение влияния нейросетей на медиаграмотность населения. По данным мониторинга Института развития интернета (2025), уровень способности различать ИИ-сгенерированный и традиционный контент у российских пользователей остаётся невысоким: около 57% респондентов не могут уверенно определить источник создания медиаматериала. Это ставит перед государством и образовательными структурами задачу внедрения системных программ по формированию критического мышления и навыков работы с цифровым контентом.

На перспективу можно прогнозировать дальнейшее усиление роли нейросетей не только как инструментов медиапроизводства, но и как субъектов медиакон-

муникации, способных самостоятельно вести диалог с аудиторией. Первые прототипы «медийных аватаров», способных в реальном времени отвечать на вопросы пользователей, адаптируя стиль и содержание общения, уже разрабатываются в рамках исследовательских программ «ИИ-коммуникации» при МГУ и СПбГУ.

Одним из ярких примеров таких изменений является проект «Цифровой маркетинг 2025» от компании Яндекс, в рамках которого были разработаны алгоритмы, способные предсказывать реакцию пользователя на тот или иной рекламный контент с точностью до 85%. Это стало возможным благодаря использованию технологий машинного обучения, которые анализируют историю потребления контента, поведенческие паттерны и предпочтения пользователей. В свою очередь, использование таких методов существенно повысило эффективность рекламных кампаний на 25-30% по сравнению с традиционными инструментами.

Особенность использования нейросетей в медиа-брендинге заключается в способности генерировать визуальные и текстовые элементы, которые не только соответствуют запросам целевой аудитории, но и соответствуют определённому эмоциональному контексту. Например, нейросети, обученные на анализе пользовательских реакций, могут создавать видео и рекламные баннеры, которые настроены на эмоциональные триггеры, такие как страх, радость или удивление, что значительно увеличивает вовлеченность аудитории.

Важным аспектом дальнейшего внедрения нейросетей в медиаиндустрию является этическая составляющая. Процесс автоматической генерации контента, включая новости, фильмы, рекламу и музыкальные произведения, вызывает множество вопросов относительно авторских прав, подлинности и достоверности представленной информации. Например, нейросети, такие как GPT и DALL-E, способны создавать новости или изображения, которые сложно отличить от материалов, созданных людьми. Это несёт в себе риски, связанные с распространением фейковых новостей, а также с нарушением авторских прав, поскольку алгоритмы могут использовать чужие работы без должной лицензии или указания авторства.

Для решения этих проблем в России на базе Московского государственного университета разработан проект по созданию «этической нейросети», которая будет проверять сгенерированный контент на соответствие этическим стандартам. Эта нейросеть будет способна в реальном времени анализировать сгенерированные материалы, проверять их на наличие фальшивок, а также оценивать соответствие морали и законам.

В рамках законодательства уже существует ряд инициатив, направленных на защиту прав авторов и борьбу с фейковыми новостями. Так, в 2023 году был принят закон,

регулирующий использование нейросетевых технологий в производстве контента, который обязывает операторы платформ (например, социальной сети или новостного агрегатора) использовать механизмы по маркировке и верификации сгенерированных ИИ материалов.

С внедрением нейросетевых технологий меняется и сама структура журналистики. В последние годы в России наблюдается увеличение числа медиа-стартапов, использующих ИИ для создания новостей в реальном времени, а также для организации и проведения исследований. Проект «Лента.ру» внедрил нейросети для генерации новостных материалов, анализируя их, по ключевым словам, и фразам в течение нескольких минут после крупных событий.

Однако, несмотря на очевидные преимущества, автоматизация журналистской работы также порождает важные вопросы. Во-первых, существует риск утраты человеческого фактора в журналистике – аналитики, творческого подхода и интерпретации фактов, что в свою очередь может снижать качество контента. Во-вторых, возникает проблема «необъективности» ИИ, который может непреднамеренно закрепить существующие стереотипы и предвзятости в медиа. В случае с Russia Today, например, были зафиксированы случаи, когда нейросетевые алгоритмы, обученные на российских источниках, высказывались предвзято в отношении событий, происходящих в Западной Европе, что повлекло за собой критику со стороны международных организаций.

В ответ на эти вызовы некоторые ведущие российские СМИ начали внедрять так называемую «гибридную журналистику», где наравне с ИИ участвуют и опытные журналисты. Такая модель сочетает высокую скорость генерации контента нейросетями с глубокой проверкой и аналитическим подходом человека [6, с. 124].

Таким образом, внедрение нейросетевых технологий в медиaprостранство привело к значительным изменениям в процессах создания, распространения и потребления контента. Нейросети позволяют эффективно автоматизировать рутинные процессы – от генерации новостей и создания визуальных материалов до персонализации контента. Это сокращает временные и финансовые затраты медиакомпаний, что способствует более быстрой реакции на запросы аудитории.

Использование нейросетей в маркетинге открыло новые возможности для создания персонализированных рекламных материалов и точной сегментации аудитории. Алгоритмы на основе глубокого обучения позволяют отслеживать поведение пользователей и адаптировать контент в реальном времени, что значительно повышает эффективность рекламных кампаний, в частности, в цифровых медиа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гипитов, А.В. 12 способов использования нейросетей для обзора российской научной литературы в 2025 году / А.В. Гипитов // Neurobox Daily Home. – 2025. – 1 марта. – URL: <https://blog.neurobox.ru/nejroseti-dlya-teksta/12-sposobov-ispolzovat-nejroseti-dlya-obzora-rossijskoj-nauchnoj-literatury-v-2025-godu/>
2. Жаворонков, А.А. Искусственный интеллект и нейросети в биомедицинских исследованиях / А.А. Жаворонков // Вестник Челябинского государственного университета. – 2023. – № 7 (477). – С. 21–26.
3. Луговая, Е.Д. Использование нейронных сетей в журналистике для генерации дата-контента / Е.Д. Луговая // Молодой ученый. – 2025. – № 11 (562). – С. 4–6.
4. Саяпин, В.О. Интеллектуальные нейросети – будущий потенциал цивилизационного развития цифрового мира / В.О. Саяпин // Вестник Челябинского государственного университета. – 2023. – № 7 (477). – С. 21–26.
5. Саяпин, В.О. Нейросети нового поколения в контексте технологий искусственного интеллекта, философии и социально-политических наук / В.О. Саяпин, В.С. Авдонин, В.Л. Силаева // Вестник Челябинского государственного университета. – 2023. – № 7 (477). – С. 32–44.
6. Храмов, А.Е. Использование нейросетей в медицинской диагностике и создании систем поддержки принятия врачебных решений / А.Е. Храмов // Вестник Челябинского государственного университета. – 2023. – № 7 (477). – С. 121–134.

© Ширяева-Бакшевникова Вера Николаевна (veraveranik@ya.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

Agapova G. – Candidate of Pedagogical Sciences, "Peoples' Friendship University of Russia" (Moscow)

Alieva S. – Cand. of Sciences (Philology), senior lecturer, Dagestan State University (Makhachkala)

Baboshkina L. – Senior Lecturer, Altai State Medical University (Barnaul)

Baturina R. – Associate Professor, Almet'yevsk Branch of the Kazan National Research Technical University named after A. N. Tupolev-KAI

Bobrinev K. – Applicant, Voronezh State Pedagogical University

Bochkareva T. – Ph.D., Associate Professor, Orenburg State University

Borozinets N. – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, NCFU, Stavropol

Cao Yilin – Lecturer, Heihe University, Heihe, China

Danelyan G. – Krasnodar Higher Military Aviation School of Pilots

Davydova N. – Candidate of Medical Sciences, Associate Professor, Northern State Medical University (Arkhangelsk)

Dong Yang – Postgraduate student, Belarusian State University (Minsk)

Dykusova E. – Senior Lecturer, Altai State Medical University (Barnaul)

Gelyastanova E. – Candidate of Philological Sciences, FSBEI HE Kabardino-Balkarian State Agrarian University named after V.M. Kokov», Nalchik

Gerasimova O. – Associate Professor, Naberezhnye Chelny State Pedagogical University

Goncharova O. – Candidate of Science (Biology), Associate Professor, Armavir State Pedagogical University

Guo Tianjiao – National University of Education

Guseva A. – Doctor of Philology, Professor, State University of Education (Moscow)

Igumnova E. – Candidate of Philological Sciences, Teacher of Additional Education "Peoples' Friendship University of Russia" (Moscow)

Ivanova M. – Senior Lecturer, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)

Kachula A. – Kuban State University, Krasnodar

Kairova R. – Candidate of Philological Sciences, FSBEI HE Kabardino-Balkarian State Agrarian University named after V.M. Kokov», Nalchik

Karelina I. – Candidate of Pedagogical Sciences, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky

Our authors

Karimova K. – Senior Lecturer, Kemerovo State Medical University North-West Institute of Management - Branch of RANEPA

Kazakov N. – Postgraduate student, Moscow International Academy; Deputy Head of the Department of Information Collection and Analytics for the operation of facilities of the Moscow Healthcare Department Directorate for Development of Healthcare Facilities

Keneshbekova Sh. – Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (Moscow)

Khamurzova A. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov

Kharkova O. – PhD in Psychology, Associate Professor, Northern State Medical University (Arkhangelsk)

Kharlovich K. – postgraduate student, Ryazan State University named for S.A. Yesenin, Ryazan, Russia

Kopreva L. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor Krasnodar Higher Military Aviation School of Pilots

Kukhleeva A. – Postgraduate student, NCFU, Stavropol

Kumakhova D. – Candidate of Philological Sciences, FSBEI HE Kabardino-Balkarian State Agrarian University named after V.M. Kokov, Nalchik

Lazareva A. – Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Lecturer, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian State Social University", Moscow

Lebedev V. – postgraduate student, State Autonomous Educational Institution of Higher Education of Moscow City "Moscow City University"

Levitskaya A. – Northern State Medical University (Arkhangelsk)

Levitsky S. – Candidate of Biological Sciences, Associate Professor, Northern State Medical University (Arkhangelsk)

Li Wei – postgraduate, Lomonosov Moscow State University

Liu Yan – Postgraduate student, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Loova E. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Kabardino-Balkarian State Agrarian University named after V.M. Kokov

Magdeeva A. – associate professor, Moscow Metropolitan Governance Yury Luzhkov University

Mamedova E. – Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia

Merkuryeva N. – associate professor, Moscow State Institute of International Relations (university of) Ministry of Foreign Affairs of Russia

Mikhailova O. – Associate Professor, Almet'yevsk Branch of the Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev-KAI

Morozov E. – Candidate of Philology, Associate Professor, Nosov Magnitogorsk State Technical University

Musafirov M. – Candidate of Pedagogical Sciences, Lecturer, Orsk Institute of Humanities and Technology (branch) «Orenburg State University»

Nersisian K. – Assistant, Saint Petersburg State University

Ordokova F. – Candidate of Philological Sciences, FSBEI HE Kabardino-Balkarian State Agrarian University named after V.M. Kokov, Nalchik

Pavlenko E. – Candidate of Geographical Sciences, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the Chelyabinsk State University

Perebeynos A. – Candidate of Historical Sciences, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education South Ural State Humanitarian and Pedagogical University

Perebeynos Z. – Financial University under the Government of the Russian Federation

Phunthasane Phra Paron (Jayānando Bhikkhu) – Postgraduate student (PhD), Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia

Pleshchev I. – Cand. Sci. (Med.), Associate Professor, Yaroslavl State Medical University

Ptashko T. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education South Ural State Humanitarian and Pedagogical University

Rasulov A. – Associate Professor, Dagestan State Pedagogical University.

Sabirzyanova G. – Postgraduate student, Kazan National Research Technological University

Salnikova O. – Candidate of pedagogical sciences, NCFU, Stavropol

Savgachev V. – Candidate of Medical Sciences, Associate Professor, Yaroslavl State Medical University

Shebalin I. – Candidate of Historical Sciences, docent, Orsk Institute of Humanities and Technology (branch) "Orenburg State University"

Shekhovskaya Yu. – Associate Professor, Tyumen Higher Military Engineer Command School named after marshal of engineering troops A.I. Proshlyakov

Shimaraeva T. – Candidate of Science (Biology), Associate Professor, Saint Petersburg State Pediatric Medical University

Shimko E. – Doctor of Philology, Professor, Michurinsk State Agrarian University

Shiryaeva-Bakshchevnikova V. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

Simonova E. – senior lecturer, Pacific National University, Khabarovsk, Russia

Solomatina G. – Doctor of pedagogical sciences, associate professor, Kuban State University

Son L. – Professor, National Research University MPEI (Moscow)

Strizhkova O. – Associate Professor, Orenburg State University

Sultanakhmedova Z. – Dagestan State University (Makhachkala)

Suprunov S. – Senior Lecturer, Plekhanov Russian University of Economics (Moscow); Russian New University (Moscow)

Trofimova N. – Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education, South Ural State Humanitarian and Pedagogical University

Tsaturyan M. – Doctor of Philology, Kuban State University, Krasnodar

Tugusheva F. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov

Usov S. – Senior Lecturer, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow)

Vapnik N. – Candidate of Philology, Associate Professor, State University of Education (Moscow)

Vinnikova O. – Senior Lecturer, Financial University under the Government of the Russian Federation

Vorkina K. – PhD of Culturology, Associate Professor, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (Moscow)

Vovk I. – Candidate of Historical Sciences, Orsk Institute of Humanities and Technology (branch) «Orenburg State University»

Wang Xuedi – Kazan (Volga River) Federal University

Yurchenko E. – Lecturer, postgraduate, Pacific National University, Khabarovsk, Russia

Zhibort E. – Candidate of Biological Sciences, Associate Professor, Northern State Medical University (Arkhangelsk)

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением ".doc", или ".rtf", шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).